Томасъ Гоббсъ.

ИГ25
Г 564

Философскія основанія ученія

о

ГРАЖДАНИНѢ

(Elementa philosophica de cive).

Переводъ съ латинскаго **В. Погосскаго.**
Съ предислов. проф. **С. А. Котляревскаго.**

МОСКВА.
Изданіе Г. А. ЛЕМАНА и Б. Д. ПЛЕТНЕВА.
1914 г.

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ИГ25
Г564 Р

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. Р. К. П. (б.)
5224

МОСКВА.—1914.
Тип. и цинк. Т. Д. „МЫСЛЬ“ Н. П. Меснянкинъ и Ко. Петровка, 1.

На книгу DE CIVE.

Смертныхъ природа родитъ, даетъ государство согражданъ;
Смертную жизнь прожить каждому въ мірѣ дано.
Если хочешь ты прожить живою здѣсь жизнью,
Жизни гражданской учись по наставленьямъ Ѳомы.
Будешь не лишнимъ ты, не празднымъ жителемъ міра
И соберешь плодовъ полное зрѣлыхъ число.
Слѣдуя если за мной похвалишь людей поименно,
Сравнивать долженъ ты ихъ по заслугамъ, уму.
Если безмѣрность заслугъ могло вмѣстить бы пространство,
Славой своей облетѣвъ солнца восходъ и закатъ,
Гоббсъ бы навѣрное былъ отрѣшеннымъ отъ міра Британцемъ
И гражданиномъ равно въ мірѣ любой страны.

ГЕНРИХЪ БРУНО.

Гаага, 31 августа, 1646 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ РУССКОМУ ПЕРЕВОДУ.

Томасъ Гоббсъ обладалъ чрезвычайно яркой умственной индивидуальностью, которая такъ объединяетъ всѣ его произведенія. У нихъ есть свой стиль—не только стиль языка, но и своеобразнаго духовнаго уклада, и это обстоятельство отводитъ Гоббсу совсѣмъ особое мѣсто въ исторіи англійской философской и политической мысли. Сложилось представленіе, что сила этой мысли лежитъ главнымъ образомъ въ ея готовности обращаться къ опыту, внимательно брать его матеріалъ и обработывать его при помощи послѣдовательной, критически провѣряемой индукціи—словомъ представленіе, что именно на англійской почвѣ сѣмена, брошенныя Бэкономъ Веруламскимъ, дали наилучшіе всходы. Отсюда дѣлались выводы даже о типическихъ умственныхъ качествахъ, присущихъ англичанамъ въ противоположность другимъ народамъ Европы. Извѣстно, что Бокль въ этой склонности къ индуктивному мышленію видѣлъ характерное отличіе англичанъ даже отъ столь близкихъ къ нимъ по своей культурной исторіи шотландцевъ.

Все это совсѣмъ не приложимо къ Гоббсу. Его главная сила лежитъ въ безпощадно-послѣдовательной дедукціи изъ принятыхъ положеній. Исходныя точки—обычныя, которыя мы встрѣчаемъ въ англійской философіи, но разработка совершенно своеобразная. Стоя между Бэкономъ и Локкомъ онъ въ этомъ отношеніи гораздо ближе къ Спинозѣ, чѣмъ къ нимъ обоимъ. Отсюда, несмотря на радикальныя разногласія Гоббса съ картезіанцами, его пристрастіе къ геометрической методѣ. То же самое можно сказать и относительно его политическихъ взглядовъ. Гоббсъ, вѣроятно, можетъ быть признанъ самымъ крупнымъ защитникомъ монархическаго абсолютизма въ Англіи. Какими робкими передъ нимъ кажутся апологеты королевскихъ притязаній въ эпоху Тюдоровъ. Чуждый всякому

историзму Гоббсъ лишенъ какого бы то ни было піетета и къ Великой Хартіи Вольности и къ прецедентамъ парламентскаго права. И все таки какъ далекъ онъ отъ Іакова I и отъ Фильмера, и какъ близокъ по ходу своей мысли къ представителямъ разрушительной критики, обращенной противъ религіозныхъ санкцій абсолютизма. Не даромъ это чувство глубокаго недовѣрія и антипатіи, которое испытывалось къ нему въ обществѣ, окружавшемъ Карла II — испытывалось людьми, видѣвшими въ себѣ хранителей истинной монархической традиціи.

Правда, особенно неблагопріятное въ этомъ смыслѣ впечатлѣніе произвелъ «Левіаѳанъ», который идетъ дальше De cive, въ особенности поскольку дѣло касается столкновеній между политическими и религіозными обязанностями гражданъ. Но въ общемъ эти различія не такъ существенны и въ трактатѣ «о гражданинѣ» мы видимъ уже мысль Гоббса совершенно развитой. Великія потрясенія, которыя пережила Англія въ періодъ между 1642 годомъ (когда появился De cive) и 1651 г. (когда вышелъ въ свѣтъ Левіаѳанъ) во многомъ укрѣпили мысли Гоббса, но не измѣнили ихъ.

Самъ Гоббсъ не считалъ, что его политическія воззрѣнія неразрывно связаны съ общефилософскими основаніями— по его словамъ, они могутъ изучаться отдѣльно (De corpore VI, 7). И однако «Левіаѳанъ», который долженъ трактовать о «матеріи, формѣ и власти государства» (matter, form and power of a commonwealth) начинается съ установленія нѣкоторыхъ основъ психологіи и антропологіи. Чувствуется, что здѣсь Гоббсомъ руководилъ правильный инстинктъ. Есть внутреннее единство не только его философской системы, но и всего его міровоззрѣнія. Все оно проникнуто характернымъ тяготѣньемъ къ монизму. Этимъ, конечно, обозначается только форма воззрѣній, а не ихъ содержаніе. Въ чемъ сущность послѣдняго?

Мы знаемъ, что величайшая трудность для всякаго монизма лежитъ въ двойственности сущаго и должнаго. Человѣческій духъ ищетъ здѣсь какого-то гармоническаго синтеза, одинаково далекаго и отъ абсолютнаго раздвоенія между «чистымъ» и «практическимъ» разумомъ, выражаясь въ терминахъ Канта, и отъ ихъ полнаго смѣшенія. Но люди съ монистическимъ настроеніемъ ума и съ своеобразной окраской чувствъ часто готовы разрѣшить болѣе легкимъ путемъ эту задачу двойственности сущаго и должнаго, принося одно въ жертву другому. Одни, иногда возвышаясь до подлиннаго этическаго паѳоса, иногда впадая въ вульгарное морализированіе, интересуются лишь тѣмъ, что должно быть: ихъ взоръ устремленъ не къ космосу, а къ необходимому, въ ихъ глазахъ, нравственному порядку. Другіе наоборотъ, отучаются понимать самую проблему должнаго—должно то, что существуетъ; образуется чистое фактопоклонство.

Къ этой второй категоріи принадлежалъ и Гоббсъ: естественная и нравственная необходимость у него сливались, и онъ гораздо послѣдовательнѣе проводилъ подобное сліяніе, чѣмъ Спиноза. Такое фактопоклонство вовсе не исключаетъ совершенно произвольнаго истолкованія и даже утвержденія самыхъ фактовъ. Космосъ здѣсь создается по образу и подобію мыслителя. Неудивительно, что притязаніе на строгую объективность и чистый реализмъ такъ часто соединяется съ весьма произвольнымъ субъективизмомъ—совмѣщеніе, которому, конечно, не чуждъ былъ и Гоббсъ. Его картина міра изображаетъ послѣдній въ томъ видѣ, какой бы онъ имѣлъ, если бы въ немъ дѣйствовало нѣсколько основныхъ положеній матеріалистической и сенсуалистической философіи. Отсюда постоянная готовность Гоббса итти путемъ послѣдовательной дедукціи, прямолинейной и не колеблющейся подъ опасеніемъ, что ея выводы не будутъ соотвѣтствовать дѣйствительности. Впрочемъ, по его также чрезвычайно характерному признанію, главнымъ источникомъ человѣческихъ хотя бы теоретическихъ разногласій являются интересы. Если бы они сталкивались вокругъ геометрическихъ аксіомъ, то и послѣднія оспаривались бы.

Другая черта міровоззрѣнія Гоббса, часто совмѣщающаяся съ исключительнымъ признаніемъ факта—это глубоко пессимистическая оцѣнка человѣческой природы. Правда, въ этомъ пессимизмѣ нѣтъ печали, нѣтъ того чувства, которое проникаетъ страницы Экклезіаста и которое такъ сильно выражено у Леопарди и Шопенгауэра. Если человѣкъ человѣку волкъ, то это просто фактъ природы, который надо принять

къ свѣдѣнію, но который безполезно оплакивать. Нѣтъ здѣсь и мистическаго пессимизма, на утвержденіи котораго Местръ создастъ философію реакціи. Дѣло гораздо проще и объясняется общеизвѣстными примѣрами; люди въ пустынныхъ мѣстностяхъ носятъ оружіе, держатъ свои сундуки запертыми, а отдѣльныя государства даже во время мира постоянно готовы къ войнѣ. Нечего удивляться и на эту охоту обижать другихъ—voluntas laedendi, которая по Гоббсу есть одна изъ глубокихъ основъ человѣческой природы. Она можетъ быть ограничена лишь въ томъ случаѣ, если она сталкивается съ другой еще болѣе глубокой основой—чувствомъ самосохраненія. Смыслъ естественнаго права и лежитъ въ томъ, чтобы ограничить разумомъ эти наклонности человѣка. Но это ограниченіе само по себѣ недостаточно, если нѣтъ организаціи, охраняющей общій миръ средствами принужденія. Такой организаціей и является государство. У Аристотеля оно органически вырастаетъ изъ общительной человѣческой природы; у Гоббса оно механически создается какъ разъ въ силу отсутствія этой общительности. Въ этомъ смыслѣ можно было бы даже говорить объ извѣстномъ сродствѣ такого пониманія и пониманія его у Августина, гдѣ на государствѣ лежитъ печать Каина. Но у Августина отверженіе — хотя и совмѣщающееся съ относительнымъ признаніемъ—града земного дѣлается во имя града небеснаго; у Гоббса вовсе нѣтъ отверженія, а есть напротивъ полное принятіе. Государство стоитъ для него не ниже, а выше человѣческой природы, и безъ государства человѣческая жизнь въ еще неизмѣримо большей степени являло бы картину полнаго и разнузданнаго насилія.

Понятно, что это государство всемогуще и абсолютно, что оно воплощается въ образъ «Левіаѳана». Нѣтъ мыслей болѣе чуждыхъ Гоббсу, чѣмъ столь привычныя для насъ мысли о верховенствѣ права надъ государствомъ, о субъективныхъ публичныхъ правахъ, о самоуправляющихся союзахъ, территоріальныхъ и личныхъ. Правда, такому всемогуществу соотвѣтствуютъ въ сущности весьма ограниченныя задачи, сводящіяся къ поддержанію внѣшней и внутренней безопасности. Гоббсъ совсѣмъ не сторонникъ тѣхъ широкихъ программъ и реформъ, которыя такъ соотвѣтствовали склонностямъ просвѣщеннаго

абсолютизма. Но поддержаніе безопасности именно въ виду насильническихъ инстинктовъ человѣка само по себѣ требуетъ такого напряженіе, что оно возможно лишь при безспорной неограниченности государственной власти. Государство у Гоббса есть какъ-бы постоянная диктатура.

Диктатурѣ наиболѣе соотвѣтствуетъ единовластіе—и мы не удивимся увидѣть въ Гоббсѣ защитника монархическаго абсолютизма. Впрочемъ онъ при этомъ доказываетъ, что монархія способна вмѣстить и больше свободы гражданъ, чѣмъ другія формы правленія, особенно демократія съ ея многоголовой тиранніей. Но главное преимущество монархіи—въ наилучшемъ обезпеченіи безопасности и мира. Эта санкція настолько существенна, что нѣтъ никакой необходимости обращаться къ «божественному праву» монарховъ.

Извѣстно, что именно это стремленіе оправдать монархію соображеніями простой цѣлесообразности вызвали противъ Гоббса наибольшія нареканія со стороны его политическихъ единомышленниковъ. Въ дѣйствительности не онъ первый шелъ по этому пути. Вспомнимъ хотя бы о средневѣковой гибеллинской теоріи, которая ярко запечатлѣлась въ такъ называемомъ мельфійскомъ законодательствѣ Фридриха II. Здѣсь эта санкція занимаетъ вполнѣ самостоятельное мѣсто. Но несомнѣнно защищать такъ королевское полновластіе послѣ Іакова, который совсѣмъ не склоненъ былъ отдѣлять теологію и политику, защищать его въ средѣ, въ глазахъ коей «no bishop no king»—было дѣломъ неожиданнымъ и рискованнымъ. Впрочемъ такъ ли несправедливы были нареканія? Монархическій абсолютизмъ Гоббса безъ особеннаго труда могъ быть обращенъ въ абсолютизмъ демократическій. Если въ его глазахъ въ монархіи монархъ есть народъ (De Cive XII, 8), носитель всей власти, принадлежащей въ естественномъ состояніи гражданамъ, то подобное царское достоинство можетъ быть опять возвращено народу и образъ Левіаѳана замѣнится болѣе отвлеченнымъ представленіемъ общей воли, съ которой мы встрѣчаемся у Руссо.

Этотъ абсолютизмъ охватываетъ и область, которая съ такимъ жаромъ отстаивалась среди бурь англійской революціи, какъ область религіозной свободы. Для Гоббса религіозной свободы

не существуетъ совершенно. Истинная религія есть та, которую устанавливаетъ суверенъ. Въ De cive гражданину, которому власть предписываетъ нарушить законъ христіанской вѣры еще разрѣшается отказъ отъ повиновенія, принятіе мученическаго вѣнца (XVIII, 13). Въ Левіаѳанѣ за нимъ не остается и этого права: внутреннее его убѣжденіе недосягаемо для правителя, но внѣшнее исповѣданіе должно быть согласнымъ съ велѣньями законной власти, и религіозная отвѣтственность за такое внѣшнее вынужденное исповѣданіе не падаетъ на гражданина (III, 42). Это самое крайнее развитіе того принципа, на которомъ былъ заключенъ первоначальный миръ между нѣмецкими протестантами и католиками: cuius regio eius religio — кому принадлежитъ государственное правленье, тотъ долженъ опредѣлять и вѣру своихъ подданныхъ. Онъ совершенно соотвѣтствуетъ общему взгляду Гоббса на религію. Если нѣтъ непосредственнаго откровенія, то и нѣтъ никакихъ основаній въ пользу одной религіи и противъ другой; всѣ онѣ въ одинаковой степени стоятъ за предѣлами разума. При такой одинаковой необоснованности должны дѣйствовать интересы безопасности и мира, а вовсе не свободный выборъ человѣка. Такими мотивами руководится и властитель, устанавливая въ данной странѣ опредѣленное исповѣданье. Понятно, что Гоббсъ такъ отрицательно относился къ католицизму, который никогда бы не согласился на такія отношенія со свѣтской властью. И нѣтъ болѣе нелѣпаго въ глазахъ Гоббса предразсудка, чѣмъ мысль, будто католическая церковь можетъ быть естественной союзницей монархіи. Мы видимъ характерный образчикъ крайней нетерпимости, основанной на крайнемъ скептицизмѣ—какъ подобная нетерпимость часто обосновывалась и на органическомъ утвержденіи истинности и спасительности какой-либо одной вѣроисповѣдной формы. Этотъ скептицизмъ и отличаетъ Гоббса отъ религіозно-политическихъ идей византійскаго цезаропапизма.

Такимъ образомъ мы имѣемъ у этого мыслителя замѣчательную систему политическаго матеріализма, построенную на основаніи матеріализма философскаго. Получается полное поглощеніе личности государствомъ—поглощеніе, вытекающее изъ

самосохраненія самой личности. Но какъ-же быть, если мотивы самосохраненія нарушаются требованіями государства? Гоббсъ принужденъ здѣсь отказаться отъ своихъ требованій неумолимаго и безпрекословнаго повиновенія. Онъ слишкомъ номиналистъ, слишкомъ проникнутъ сознаніемъ реальнаго бытія исключительно отдѣльныхъ вещей, чтобы вмѣстѣ съ Руссо повѣрить въ общую волю, повинуясь которой гражданинъ повинуется самъ себѣ. Впрочемъ, и эта общая воля оказывается недостаточной. и Руссо заканчиваетъ Contrat social исповѣданіемъ гражданской религіи, безъ которой нельзя обезпечить крѣпость общественнаго договора. Люди, не признающіе бытія Божія, безсмертія души, загробнаго воздаянія и религіозной обязательности этого договора являются существами необщественными. Это—исповѣданіе савойскаго викарія, который оставилъ такое неизгладимое впечатлѣніе на Эмиля, сдѣланное государственной религіей. Гоббсъ былъ безконечно далекъ отъ религіозныхъ исканій Руссо и въ его глазахъ не было никакой необходимости осложнять политическій механизмъ этими чуждыми ему подробностями. Государственная религія нужна, потому что иначе получится много религій и сектъ, т. е. создастся опаснѣйшій источникъ безпорядковъ и раздоровъ. А въ самоотверженіи гражданъ государство не нуждается: ему достаточно поддержки менѣе высокихъ, но болѣе обычныхъ качествъ человѣческой природы. Тѣмъ болѣе, что Гоббсъ даже отказываетъ подданнымъ въ правѣ самостоятельно судить о добрѣ и злѣ (De cive XII, 1) Гоббсъ могъ построить подобную систему съ большимъ единствомъ стиля, чѣмъ Спиноза, проникнутый пантеистическимъ паѳосомъ, превращающимся въ своеобразный мистицизмъ.

Это единство покупается, конечно, цѣной извѣстнаго однообразія и скудости, но оно даетъ возможность необыкновенно яркаго выраженія извѣстныхъ мотивовъ—философскихъ и политическихъ, даетъ оно возможность проявиться и тому качеству Гоббса, которое для насъ не обезцѣнивается всѣми дѣйствительно отталкивающими сторонами его міровоззрѣнія—безстрашію мысли.

С. Котляревскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Первое изданіе De cive вышло въ Амстердамѣ въ 1642 г. въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ безъ имени автора и было разослано Гоббсомъ своимъ друзьямъ для замѣчаній и возраженій (см. стр. 16, 17 настоящаго перевода). Предлагаемый переводъ сдѣланъ со второго, амстердамскаго же, изданія 1647 г., въ которомъ Гоббсомъ (поставившимъ на немъ свое имя) сдѣланы въ главахъ I, II, III, VI, VII, X, XIV, XV, XVI и XVIII примѣчанія, вызванныя, въ большинствѣ случаевъ, сдѣланными ему по поводу перваго изданія замѣчаніями, написано посвященіе герцогу Девонширскому и предисловіе къ читателямъ; переводъ провѣренъ по третьему, тоже амстердамскому, изданію 1657 г. и тексту, помѣщенному въ посмертномъ изданіи opera philosophica 1668 г. Текстъ этихъ изданій не даетъ никакихъ разночтеній; въ изданіи 1657 г. прибавлены не переведенныя мною письма Петра Гассенди и Мар. Мерсенна, адресованныя Самуилу Сорберію и написанныя ими по поводу De cive (эти письма повторены и въ изданіи opera philosophica 1668 г.). Заглавіе трактата переведено съ современныхъ Гоббсу изданій (въ opera philosophica стоитъ: elementorum philosophiae sectio tertia de cive). Нумерація книгъ Библіи (Псалмы, книги Царствъ) взята по русскому переводу Библіи, а не по Вульгатѣ, на которую ссылается Гоббсъ; кромѣ того по тому же переводу Библіи провѣрены и исправлены зачастую невѣрныя у Гоббса ссылки на отдѣльныя мѣста Священнаго Писанія.

Пунктуація въ изданіяхъ Гоббса настолько хаотична, что переводчику во многихъ случаяхъ приходится на свой страхъ производить дѣленіе на періоды; не могу, конечно,

судить насколько удачно проведена она у меня; изданія 1657 и 1668 гг. не оказываютъ и здѣсь никакой помощи.

Заглавія отдѣльныхъ раздѣловъ во всѣхъ изданіяхъ одинаковы.

Надпись Генриха Бруно къ книгѣ De cive взята изъ изданія 1647 г., гдѣ имѣются еще двѣ, не представляющія интереса, надписи къ портрету Гоббса.

Примѣчанія самого Гоббса отмѣчены арабскими цифрами; немногія примѣчанія, которыя счелъ себя вынужденнымъ сдѣлать переводчикъ, обозначены звѣздочкой. De cive было переведено на русскій языкъ въ 1776 г. Веницѣевымъ; этотъ переводъ озаглавленъ: «Ѳомы Гобезія начальныя основанія философическія о гражданинѣ».

В. Погосскій.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

На книгу De cive III
Предисловіе къ русскому переводу V
Предисловіе переводчика XIII
Посвященіе 1
Предисловіе къ читателямъ 8

СВОБОДА.

Глава I.

О состояніи людей внѣ гражданскаго общества 18
I. Введеніе. II. Гражданское общество возникло изъ общаго страха. III. По природѣ люди равны между собой. IV. Откуда возникаетъ взаимное желаніе вредить другъ другу. V. Несогласія изъ-за различія способностей. VI. Изъ-за стремленія многихъ къ одному и тому же. VII. Опредѣленіе права. VIII. Право на цѣль даетъ право на средства, необходимыя для достиженія этой цѣли. IX. По естественному праву каждый является судьей того, что ведетъ къ самосохраненію. X. По естественному праву все принадлежитъ всѣмъ. XI. Право всѣхъ на все безполезно. XII. Состояніе людей внѣ общества—война. Опредѣленіе войны и мира. XIII. Война противорѣчитъ самосохраненію людей. XIV. По естественному праву каждому позволено принуждать другого, находящагося въ его власти, предоставить обезпеченіе будущаго повиновенія. XV. Природа приказываетъ искать мира.

Глава II.

О естественномъ законѣ относительно договоровъ 29
I. Естественный законъ—не людское соглашеніе, но велѣніе разума. II. Основной естественный законъ: нужно искать мира, если его можно достичь; если же его достичь нельзя, нужно искать защиту. III. Первый особенный естественный законъ: право на все не должно быть удержано. IV. Что такое отказъ и переносъ права. V. Для переноса права необходима воля принимающаго. VI. Слова переносятъ право только въ настоящемъ. VII. Слова о будущемъ, если къ нимъ присоединяются иные знаки выраженія воли, переносятъ право. VII. При дареніи право не переносится словами о будущемъ. IX. Опредѣленіе договора и соглашенія. X. При соглашеніи право переходитъ посредствомъ словъ о будущемъ. XI. Соглашенія, основанныя на взаимномъ довѣріи, въ естественномъ состояніи напрасны и не имѣютъ значенія; не то въ государствѣ. XII. Никто не

Стр.

можетъ вступить въ соглашеніе со звѣрями; также и съ Богомъ, за исключеніемъ случаевъ откровенія. XIII. Въ естественномъ состояніи никто не можетъ приносить обѣта Богу. XIV. Соглашенія не обязываютъ дальше того, что выполнимо съ наибольшими усиліями. XV. Какими способами мы освобождаемся отъ связанности соглашеніями. XVI. Обѣщанія, исторгнутыя страхомъ смерти, дѣйствительны въ естественномъ состояніи. XVII. Позднѣйшее соглашеніе, противорѣчащее болѣе раннему, недѣйствительно. XVIII. Соглашеніе не противиться тѣлеснымъ поврежденіямъ недѣйствительно. XIX. Соглашеніе обвинять самого себя недѣйствительно. XX. Опредѣленіе клятвы. XXI. Клятва должна быть дана въ той формѣ, къ которой прибѣгаетъ приносящій ее. XXII. Клятва ничего не прибавляетъ къ обязательству, вытекающему изъ соглашенія. XXIII. Присяга должна требоваться только тамъ, гдѣ нарушеніе соглашеній или можетъ имѣть мѣсто, или можетъ найти наказаніе только со стороны Бога.

Глава III.

Объ остальныхъ естественныхъ законахъ 42

I. Второй естественный законъ: соглашеній нужно придерживаться. II. Вѣрность нужно соблюдать по отношенію ко всѣмъ безъ исключенія. III. Что такое нарушеніе права. IV. Нарушеніе права возможно только по отношенію къ тому, съ кѣмъ мы заключили договоръ. V. Дѣленіе справедливости на справедливость людей и поступковъ. VI. Изслѣдованіе дѣленія справедливости на взаимную и распредѣлительную. VII. Нѣтъ нарушенія права того, кто желаетъ этого нарушенія. VIII. Третій естественный законъ о неблагодарности. IX. Четвертый естественный законъ, чтобы каждый представлялъ собою выгоду. X. Пятый естественный законъ о милосердіи. XI. Шестой естественный законъ о томъ, что наказаніе предусматриваетъ только будущее. XII. Седьмой естественный законъ противъ нанесенія оскорбленій. XIII. Восьмой естественный законъ противъ гордости. XIV. Девятый естественный законъ о скромности. XV. Десятый естественный законъ о справедливости, иначе противъ лицепріятія. XVI. Одиннадцатый естественный законъ объ общемъ владѣніи. XVII. Двѣнадцатый естественный законъ о дѣленіи по жребію. XVIII. Тринадцатый естественный законъ о первородствѣ и первомъ завладѣніи. XIX. Четырнадцатый естественный законъ о неприкосновенности посредниковъ мира. XX. Пятнадцатый естественный законъ объ установленіи посредника для разрѣшенія спора. XXI. Шестнадцатый естественный законъ: никто не можетъ быть посредникомъ въ собственномъ дѣлѣ. XXII. Семнадцатый естественный законъ: посредникъ не долженъ надѣяться на вознагражденіе со стороны тѣхъ, чьи дѣла онъ разбираетъ. XXIII. Восемнадцатый естественный законъ о свидѣтеляхъ. XXIV. Девятнадцатый естественный законъ: съ посредникомъ нельзя заключать никакого соглашенія. XXV. Двадцатый естественный законъ противъ пьянства и всего препятствующаго разумному мышленію. XXVI. Правило, съ помощью котораго сразу можно узнать, противорѣчитъ ли естественнымъ законамъ то, что мы собираемся дѣлать или нѣтъ. XXVII. Естественные законы обязываютъ только передъ судомъ совѣсти. XXVIII. Естественные законы иногда нарушаются поступками, согласными съ законами. XXIX. Естественные законы

Стр.

неизмѣнны. XXX. Пытающійся исполнять естественные законы правъ. XXXI. Естественный законъ—то же самое, что и нравственный. XXXII. Почему сказанное о естественномъ законѣ не совпадаетъ съ утвержденіями философовъ о добродѣтеляхъ. XXXIII. Естественный законъ, собственно говоря, законъ только тогда, когда онъ передается въ Священномъ Писаніи.

Глава IV.

О томъ, что естественные законы суть законы божественные . . . 60

I. Естественный и нравственный законъ—законъ божественный. II. Что вообще подтверждается Писаніемъ. III. Особенно основной естественный законъ объ исканіи мира. IV. То же относительно перваго естественнаго закона объ уничтоженіи общей собственности. V. То же относительно второго естественнаго закона о сохраненіи вѣрности. VI. То же относительно третьяго естественнаго закона о благодарности. VII. То же относительно четвертаго естественнаго закона о представленіи собою выгоды. VIII. То же относительно пятаго естественнаго закона о милосердіи. IX. То же относительно шестого естественнаго закона, что наказанія предусматриваютъ только будущее. X. То же относительно седьмого естественнаго закона противъ нанесенія оскорбленій. XI. То же относительно восьмого естественнаго закона противъ гордости. XII. То же относительно девятаго естественнаго закона о скромности. XIII. То же относительно десятаго естественнаго закона о лицепріятіи. XIV. То же относительно одиннадцатаго естественнаго закона объ общемъ владѣніи тѣмъ, что не подлежитъ раздѣлу. XV. То же относительно двѣнадцатаго естественнаго закона о дѣленіи по жребію. XVI. То же относительно пятнадцатаго естественнаго закона объ установленіи посредника. XVII. То же относительно семнадцатаго естественнаго закона, что посредники не должны получать вознагражденія за свое рѣшеніе. XVIII. То же относительно восемнадцатаго естественнаго закона о свидѣтеляхъ. XIX. То же относительно девятнадцатаго естественнаго закона противъ пьянства. XX. То же относительно сдѣланнаго утвержденія, что естественный законъ вѣченъ. XXI. То же относительно того, что естественные законы обращаются къ совѣсти. XXII. То же относительно легкости соблюденія естественныхъ законовъ. XXIII. То же относительно правила, съ помощью котораго можно тотчасъ узнать, противорѣчитъ что-либо естественному закону или нѣтъ. XXIV. Законъ Христа—естественный законъ.

ВЛАСТЬ.

Глава V.

О причинахъ возникновенія государства 69

I. Для сохраненія мира недостаточно естественныхъ законовъ. II. Естественные законы молчатъ въ естественномъ состояніи. III. Безопасность жизни, согласованной съ естественными законами, состоитъ въ согласіи многихъ. IV. Согласіе многихъ не обладаетъ достаточнымъ постоянствомъ для обезпеченія продолжительнаго мира. V. Почему иногда управленіе животными основывается на одномъ общемъ согласіи, а у людей иначе.

Стр.

VI. Для мира среди людей требуется не только согласіе, но и единеніе, XII. Что такое единеніе. XIII. Въ единеніи право всѣхъ переносится на одного. IX. Что такое государство. X. Что такое гражданское лицо. XI. Что такое обладатель верховной власти и что такое подданный. XII. Два рода государствъ: естественное и установленное.

Глава VI.

О правахъ того совѣта или одного человѣка, который облеченъ верховной властью въ государствѣ 76

I. Толпѣ, дѣйствующей внѣ государства, нельзя приписывать никакого права и никакого дѣйствія, кромѣ того, на которое было дано поголовное согласіе. II. Основаніемъ государства является право большаго числа соглашающихся. III. За каждымъ остается право защищаться по собственному усмотрѣнію, какъ только не будетъ обезпечена его безопасность. IV. Для достиженія безопасности необходима принудительная власть. V. Что такое мечъ правосудія. VI. Мечъ правосудія принадлежитъ верховному властителю. VII. Ему же принадлежитъ мечъ войны. VIII. Ему же принадлежитъ власть творить судъ. IX. Ему же принадлежитъ законодательство. X. Ему же принадлежитъ назначеніе должностныхъ лицъ и слугъ государства. XI. Ему же принадлежитъ разборъ ученій. XII. Онъ безнаказанъ за все, совершенное имъ. XIII. Граждане уступили ему абсолютную власть; какое повиновеніе должно ему оказывать. XIV. Онъ не связанъ законами государства. XV. Ни у кого нѣтъ собственности, не доступной верховному властителю. XVI. Изъ гражданскихъ законовъ узнается, что такое кража, убійство, прелюбодѣяніе и нарушеніе права. XVII. Мнѣніе тѣхъ, кто желаетъ устроить государство, въ которомъ никому бы не принадлежала верховная власть. XVIII. Признаки верховной власти. XIX. Если сравнить государство съ человѣкомъ, верховный властитель такъ же относится къ государству, какъ человѣческая душа къ самому человѣку. XX. Верховная власть не можетъ быть правомѣрно уничтожена по рѣшенію тѣхъ, чьимъ согласіемъ она была установлена. . . . . .

Глава VII.

О трехъ видахъ государствъ: демократіи, аристократіи и монархіи. 94

I. Существуетъ только три вида государствъ: демократія, аристократія и монархія. II. Олигархія не есть состояніе государства, отличное отъ аристократіи, а анархія вовсе не есть состояніе государства. III. Тираннія не есть состояніе государства, отличное отъ законной монархіи. IV. Не существуетъ состоянія государства, смѣшаннаго изъ названныхъ состояній. V. Демократія распадается, если только не будутъ установлены извѣстные сроки и мѣста для собраній. VI. Въ демократіи промежутки между собраніями должны быть краткими, или отправленіе власти въ этихъ промежуткахъ должно быть поручено комунибудь одному. VII. Въ демократіи отдѣльныя лица соглашаются между собою повиноваться народу, самъ же народъ не обязанъ ни передъ кѣмъ. VIII. Какъ устанавливается аристократія. IX. Въ аристократіи оптиматы не вступаютъ ни въ какія

Стр.

соглашенія; они не обязываются ни передъ какимъ-нибудь гражданиномъ, ни передъ народомъ. X. Для оптиматовъ необходимо условиться относительно собраній. XI. Какъ учреждается монархія. XII. Монархъ никому не обязанъ соглашеніемъ о принятіи власти. XIII. Монархъ всегда способенъ отправлять все, что требуется для осуществленія верховной власти. XIV. Какимъ будетъ родомъ грѣха и на кого онъ падаетъ, если государство не исполнитъ своихъ обязанностей передъ гражданами и граждане передъ государствомъ. XV. Монархъ, избранный безъ ограниченія времени, можетъ избрать себѣ наслѣдника. XVI. О временныхъ монархахъ. XVII. Монархъ не можетъ считаться перенесшимъ право на средства, необходимыя для осуществленія верховной власти, если только онъ ее удерживаетъ. XVIII. Какимъ способомъ граждане освобождаются отъ подчиненія . . .

Глава VIII.

О правахъ господъ по отношенію къ рабамъ 107

I. Что такое господинъ и рабъ. II. Раздѣленіе рабовъ на тѣхъ, кто, пользуясь довѣріемъ, располагаетъ естественной свободой и тюремныхъ, иначе тѣхъ, кто служитъ въ темницѣ или въ цѣпяхъ. III. Обязательство раба возникаетъ изъ предоставленной ему господиномъ тѣлесной свободы. IV. Скованные рабы не обязаны передъ господиномъ по соглашенію. V. У рабовъ нѣтъ собственности на принадлежащія имъ вещи, недоступной для господина. VI. Господинъ можетъ продавать рабовъ или отчуждать ихъ по завѣщанію. VII. Господинъ не можетъ быть неправымъ по отношенію къ рабу. VIII. Господинъ господина есть и господинъ рабовъ. IX. Какимъ способомъ рабы освобождаются. X. Господство надъ звѣрями основано на естественномъ правѣ.

Глава IX.

О правахъ родителей по отношенію къ дѣтямъ и объ унаслѣдованномъ царствѣ 112

I. Господство отца основано не на рожденіи. II. Господство надъ дѣтьми принадлежитъ тому, кто первый распространитъ на нихъ свою власть. III. Господство надъ дѣтьми сначала принадлежитъ матери. IV. Изгнанный ребенокъ принадлежитъ тому, кто позаботился о его сохраненіи. V. Рожденный подданной отъ верховнаго властителя принадлежитъ послѣднему. VI. Въ сожительствѣ мужчины и женщины, при которомъ ни одинъ изъ нихъ не повелѣваетъ надъ другимъ, дѣти принадлежатъ матери, если соглашеніе или гражданскій законъ не постановитъ иначе. VII. Дѣти подчиняются родителямъ не меньше, чѣмъ рабы господамъ или граждане государству. VIII. О почитаніи родителей и господъ. IX. Въ чемъ состоитъ свобода и отличіе свободныхъ отъ рабовъ. X. Въ патріархальномъ государствѣ право надъ гражданами не отличается отъ такого же права въ государствѣ установленномъ. XI. Вопросъ о правѣ наслѣдованія имѣетъ мѣсто въ одной только монархіи. XII. Монархъ можетъ распоряжаться верховной властью въ государствѣ по завѣщанію. XIII. Или подарить, или продать. XIV. Монархъ, не оставившій завѣщанія, всегда предполагается пожелавшимъ имѣть монарха преемникомъ. XV. И кого-нибудь изъ своихъ дѣтей. XVI. Сына скорѣй чѣмъ дочь.

Стр.

XVII. Старшаго изъ сыновей скорѣе чѣмъ младшаго. XVIII. Или брата, если у него самого нѣтъ дѣтей, скорѣе чѣмъ кого-либо изъ остальныхъ родственниковъ. XIX. Право наслѣдованія передается такимъ же образомъ какъ и власть. . . . . .

Глава X.

Сравненіе трехъ видовъ государствъ въ отношеніи неудобствъ каждаго изъ нихъ 121

I. Сравненіе естественнаго состоянія съ гражданскимъ. II. Выгоды и невыгоды повелителя и гражданъ совпадаютъ. III. Предпочтительность монархіи. IV. Правленіе одного несправедливо не потому, что одному дается больше чѣмъ остальнымъ. V. Опроверженіе мнѣнія тѣхъ, кто считаетъ, что господинъ и его рабы не могутъ образовать государства. VI. Несправедливые поборы тяжелѣе при господствѣ народа, чѣмъ при господствѣ монарха. VII. Опасность наказанія невинныхъ гражданъ въ монархіи меньше, чѣмъ при господствѣ народа. VIII. Свобода отдѣльныхъ лицъ при монархѣ не меньше чѣмъ при народѣ. IX. Не является неудобствомъ для гражданъ то обстоятельство, что они не всѣ допускаются къ разсужденію по общественнымъ дѣламъ. X. Разсужденія на государственныя темы плохо протекаютъ въ многолюдныхъ собраніяхъ благодаря неподготовленности большинства. XI. Благодаря краснорѣчію. XII. Благодаря партіямъ. XIII. Благодаря неустойчивости законовъ. XIV. Благодаря отсутствію тайны. XV. Въ демократіи присоединяется еще то неудобство, что люди по природѣ находятъ усладу въ оцѣниваніи другими ихъ ума. XVI. Неудобства для государства, обусловленныя малолѣтствомъ государя. XVII. Власть военноначальниковъ какъ монархическое предводительствованіе. XVIII. Лучшій видъ государства тотъ, гдѣ граждане составляютъ наслѣдство повелителя. XIX. Аристократія тѣмъ лучше, чѣмъ ближе она къ монархіи и тѣмъ хуже, чѣмъ больше она отъ нея удалена.

Глава XI.

Мѣста и примѣры Священнаго Писанія относительно права царствовать, повидимому подтверждающіе вышесказанное 135

I. Установленное государство беретъ начало въ народномъ соглашеніи. II. Судъ и война зависятъ отъ усмотрѣнія верховнаго властителя. III. Нельзя по праву наказывать носителей верховной власти. IV. Безъ верховной власти нѣтъ государства, а есть анархія. V. Рабы и дѣти обязаны неограниченнымъ повиновеніемъ господамъ и родителямъ. VI. Абсолютность верховной власти подтверждается очевиднѣйшими мѣстами какъ Ветхаго, такъ и Новаго Завѣта.

Глава XII.

О внутреннихъ причинахъ разрушенія государства 140

I. Мятежно мнѣніе, что сужденіе о добрѣ и злѣ принадлежитъ отдѣльнымъ гражданамъ. II. Мятежно мнѣніе, что подданные могутъ грѣшить, повинуясь своимъ государямъ. III. Мятежно мнѣніе, что тиранноубійство дозволено. IV. Мятежно мнѣніе, что гражданскимъ законамъ подчинены и носители верховной власти.

Стр.

V. Мятежно мнѣніе, что верховную власть можно раздѣлить. VI. Мятежно мнѣніе, что право на вѣрность и священность пріобрѣтается не познаніемъ и разумомъ, но всегда изливается и нисходитъ сверхъестественнымъ образомъ. VII. Мятежно мнѣніе, что отдѣльнымъ гражданамъ принадлежитъ право собственности или абсолютнаго господства надъ ихъ вещами. VIII. Къ мятежу предрасполагаетъ незнаніе различія между народомъ и толпой. IX. Къ мятежу предрасполагаетъ чрезмѣрное требованіе денегъ, хотя бы оно было справедливо и необходимо. X. Къ мятежу предрасполагаетъ честолюбіе. XI. Къ мятежу предрасполагаетъ надежда на успѣхъ. XII. Силой, необходимой для возбужденія мятежей, является одно краснорѣчіе, не соединенное съ мудростью. XIII. Какимъ образомъ тупость черни и краснорѣчіе честолюбцевъ способствуютъ разрушенію государства.

Глава XIII.

Объ обязанностяхъ отправляющихъ верховную власть 152

I. Отличіе права на верховную власть отъ ея отправленія. II. Благо народа—верховный законъ. III. Обязанность властителей заботиться объ общемъ благѣ большинства, а не о личномъ благѣ того или иного гражданина. IV. Подъ благосостояніемъ подразумѣвается общая выгода. V. Спрашивается, является ли обязанностью царей заботиться о спасеніи души своихъ гражданъ, хотя бы имъ самимъ казалось наилучшимъ слѣдовать велѣніямъ своей совѣсти. VI. Въ чемъ состоитъ благо народа. VII. Лазутчики необходимы для защиты народа. VIII. Имѣть въ мирное время наготовѣ солдатъ, оружіе, укрѣпленія и деньги также необходимо для народной защиты. IX. Правильное наставленіе гражданъ въ гражданскомъ ученіи необходимо для сохраненія мира. X. Равное распредѣленіе общественныхъ повинностей ведетъ къ сохраненію мира. XI. Естественной справедливости соотвѣтствуетъ, чтобы деньги взыскивались въ соотвѣтствіи съ потребленіемъ каждаго, а не съ его собственностью. XII. Къ сохраненію мира ведетъ уменьшеніе числа честолюбцевъ. XIII. И уничтоженіе партій. XIV. Къ обогащенію гражданъ ведутъ законы, поощряющіе обогащающія занятія и принуждающіе къ бережливости. XV. Выгоды гражданъ и государства не должны опредѣляться большимъ количествомъ законовъ. XVI. Не нужно налагать наказаній большихъ, чѣмъ это указано въ законѣ. XVII. Гражданамъ возвращается право бороться съ подкупными судьями.

Глава XIV.

О законахъ и прегрѣшеніяхъ 165

I. Чѣмъ законъ отличается отъ совѣта. II. Чѣмъ онъ отличается отъ соглашенія. III. Чѣмъ онъ отличается отъ права. IV. Дѣленіе законовъ на Божескіе и человѣческіе; Божескихъ—на естественные и положительные; естественныхъ—на законы для отдѣльныхъ людей и общенародные. V. Дѣленіе человѣческихъ, т. е. гражданскихъ законовъ на священные и свѣтскіе. VI. На распредѣлительные и требующіе. VII. Распредѣлительный и требующій, это не виды закона, а части его. VIII. Предполагается, что за каждымъ закономъ стоитъ наказаніе. IX. Велѣнія десяти

Стр.

заповѣдей о почитаніи родителей, объ убійствѣ, прелюбодѣяніи, кражѣ и лжесвидѣтельствѣ являются гражданскими законами. X. Невозможно установить гражданскимъ закономъ что-либо противное естественному закону. XI. Для закона существенно необходима извѣстность какъ его самого, такъ и законодателя. XII. Какъ узнаютъ законодателя. XIII. Для познанія закона необходимо его обнародованіе и истолкованіе. XIV. Дѣленіе гражданскаго закона на писанный и неписанный. XV. Естественные законы—законы неписанные; отвѣты юристовъ и обычаи являются законами не по себѣ, а въ силу согласія верховной власти. XVI. Что обозначаетъ широко распространенное понятіе прегрѣшенія. XVII. Опредѣленія прегрѣшенія. XVIII. Разница между прегрѣшеніемъ по слабости и злоумышленіемъ. XIX. Къ какому роду прегрѣшеній относится безбожіе. XX. Что такое преступленіе оскорбленія величества. XXI. Преступленіе оскорбленія величества нарушаетъ не гражданскіе, но естественные законы. XXII. И потому оно наказывается не по праву власти, а по праву войны. XXIII. Неправильность дѣленія повиновенія на активное и пассивное.

РЕЛИГІЯ.

Глава XV.

О естественномъ Царствѣ Божіемъ 182

I. Предложеніе послѣдующаго. II. Надъ кѣмъ, какъ говорится, Господь царствуетъ. III. Три рода гласа Божія: разумъ, откровеніе, пророчество. IV. Двоякое Царство Божіе: естественное и пророческое. V. Право, на основаніи котораго Господь правитъ, основывается на Его всемогуществѣ. VI. То же слѣдуетъ и изъ Священнаго Писанія. VII. Обязательство повиноваться Богу проистекаетъ изъ человѣческой легковѣсности. VIII. Законы Бога въ Его естественномъ Царствѣ—тѣ же, что были указаны выше, въ главахъ II и III. IX. Что такое почетъ и почитаніе. X. Почитаніе состоитъ или въ аттрибутахъ, или въ дѣйствіяхъ. XI. И либо естественно, либо произвольно. XII. Первое предуказано, а второе добровольно. XIII. Въ чемъ цѣль или назначеніе почитанія. XIV. Какіе существуютъ естественные законы о свойствахъ Божіихъ. XV. Какими дѣйствіями выказывается естественное почитаніе. XVI. Въ естественномъ Царствѣ Божіемъ государство можетъ по собственному усмотрѣнію устанавливать порядокъ Богопочитанія. XVII. Тамъ, гдѣ Господь правитъ только по природѣ, истолкователемъ всѣхъ законовъ является государство, т. е. тотъ человѣкъ или собраніе, которое обладаетъ верховной властью, ограниченной только Богомъ. XVIII. Устраненіе нѣкоторыхъ сомнѣній. XIX. Что является грѣхомъ и преступленіемъ оскорбленія Божественнаго величія въ естественномъ Его Царствѣ.

Глава XVI.

О ветхозавѣтномъ Царствѣ Божіемъ 200

I. Истинную религію (въ то время какъ остальные народы были охвачены суевѣріями) Господь установилъ черезъ Авраама. II. Соглашеніемъ Господа съ Авраамомъ запрещено спорить о приказаніяхъ высшихъ. III. Формула соглашенія Господа съ Авраамомъ. IV. Въ этомъ соглашеніи содержится признаніе не просто Бога, но Того, Который явился Аврааму. V. Законы, которымъ Авраамъ обязался повиноваться, были только естественные законы и законъ объ обрѣзаніи. VI. Авраамъ передъ своими являлся истолкователемъ слова Божія и всѣхъ законовъ. VII. Подданные Авраама не могли согрѣшить повинуясь ему. VIII. Соглашеніе Господа съ еврейскимъ народомъ у горы Синай. IX. Откуда правленіе Господа приняло имя Царства. X. Какіе законы были даны Господомъ іудеямъ. XI. Что такое слово Божіе и какимъ образомъ его можно узнать. XII. Какое писанное слово Божіе существовало у іудеевъ. XIII. Власть истолковывать слово Божіе и верховная гражданская власть были соединены въ Моисеѣ во все время его жизни. XIV.При жизни Іисуса Навина онѣ были соединены въ первосвященникѣ. XV. Онѣ были соединены въ первосвященникѣ до временъ царя Саула. XVI. Онѣ были соединены въ царяхъ вплоть до плѣненія. XVII. Онѣ были соединены послѣ плѣненія въ первосвященникѣ. XVIII. У іудеевъ единственнымъ видомъ преступленія оскорбленія Божественнаго величія было отрицаніе божественнаго провидѣнія и идолопоклонство; во всемъ остальномъ они должны были повиноваться своимъ государямъ.

Глава XVII.

Стр.

О новозавѣтномъ Царствѣ Божіемъ 218

I. Пророчества о достоинствѣ Христа. II. Пророчества о смиреніи Христа и Его страстяхъ. III. Іисусъ есть обѣщанный Спаситель. IV. Царство Божіе на основаніи Новаго Завѣта не есть Царство Христа какъ Такового, но какъ Бога. V. Царство Божіе на основаніи Новаго Завѣта—царство небесное и начнется со дня суда. VI. Правленіе Христа въ этомъ мирѣ было не властвованіемъ, но совѣтомъ, или правленіемъ путемъ ученія и убѣжденія. VII. Въ чемъ состояли оба условія соглашенія Новаго завѣта. VIII. Христосъ не прибавилъ никакихъ новыхъ законовъ кромѣ установленія таинствъ. IX. Покайтесь, креститесь, исполняйте велѣнія и подобныя изреченія—не законы. X. Гражданской власти принадлежитъ опредѣленіе того, что является прегрѣшеніемъ противъ справедливости. XI. Гражданской власти принадлежитъ опредѣленіе того, что ведетъ къ миру и защитѣ государства. XII. Гражданской власти принадлежитъ (когда это нужно) рѣшеніе вопроса, какія разсужденія и утвержденія правильны. XIII. Христосъ училъ праведности, но не какъ теремамъ, а какъ законамъ; отпущеніе грѣховъ; ученіе о всемъ томъ, что не является знаніемъ въ собственномъ смыслѣ. XIV. Отличіе духовныхъ дѣлъ отъ свѣтскихъ. XV. Какимъ образомъ нужно понимать слово Божіе. XVI. Не все, что содержится въ Священномъ Писаніи, относится къ канону христіанской вѣры.. XVII. Слово законнаго истолкователя Священнаго Писанія есть слово Божіе. XVIII. Власть истолковывать Писаніе есть то же, что власть разрѣшать споры о вѣрѣ. XIX. Различныя значенія слова Церковь. XX. Что такое та Церковь, которой приписываютъ права, дѣйствія и подобныя личныя свойства. XXI. Христіанское государство есть то же, что и христіанская церковь. XXII. Нѣсколько государствъ не составляютъ одной церкви. XXIII. Кто такіе клирики. XXIV. Избраніе клириковъ принадлежитъ церкви, посвященіе ихъ—пастырямъ. XXV. Власть отпускать

Стр.

грѣхи раскаявшимся и удерживать ихъ на нераскаявшихся принадлежитъ пастырямъ, но сужденіе о раскаяніи принадлежитъ Церкви. XXVI. Что такое отлученіе и на кого оно не можетъ падать. XXVII. Истолкованіе Писанія зависитъ отъ гражданской власти. XXVIII. Христіанское государство должно истолковывать Писаніе черезъ христіанскихъ пастырей.

Глава XVIII.

О томъ, что необходимо для доступа въ Царство Божіе 253

I. Возникшее было затрудненіе по поводу противорѣчія повиновенія Богу и людямъ должно быть уничтожено благодаря различенію между необходимымъ и не необходимымъ для спасенія. II. Все необходимое для спасенія состоитъ въ вѣрѣ и въ повиновеніи. III. Какое требуется повиновеніе. IV. Что такое вѣра и чѣмъ она отличается отъ исповѣданія, знанія и убѣжденія. V. Что значитъ вѣрить въ Христа. VI. Для спасенія необходимо только одно утвержденіе, что Іисусъ есть Спаситель; это доказывается всѣми евангелистами. VII. Апостольской проповѣдью. VIII. Легкостью христіанской религіи. IX. Тѣмъ, что оно—основаніе вѣры. X. Подлинными словами Христа и апостоловъ. XI. Въ этомъ исповѣданіи содержится вѣра въ Ветхій Завѣтъ. XII. Какимъ образомъ вѣра и повиновеніе ведутъ ко спасенію. XIII. Въ христіанскомъ государствѣ нѣтъ никакого противорѣчія между велѣніями Бога и государства. § XIV. Ученія, которыя теперь возражаютъ противъ религіи, относятся, по большей части, къ праву властвованія.

Превосходительнѣйшему мужу

Вильяму

графу

Девонширскому,

высокопочтеннѣйшему

моему господину.

Превосходительнѣйшій Господинъ! Несправедливые римляне, помнившіе о Тарквиніяхъ и государствѣ, управляемомъ царями, устами цензора Марка Катона произнесли, что всѣ цари происходятъ изъ рода хищныхъ животныхъ. Но какимъ звѣремъ былъ самъ римскій народъ, разграбившій почти весь міръ съ помощью Африканскихъ, Азіатскихъ, Македонскихъ-Ахейскихъ и иныхъ, названныхъ по имени ограбленныхъ народовъ полководцевъ? Поэтому слова Понтія Телуія столь же умны, какъ и слова Катона. Во время сраженія съ Суллой у Порта Коллина, обходя ряды своего войска и призывая разрушить и уничтожить самый Римъ, Телуій прибавилъ, что волки, грабители Италіи, никогда не исчезнутъ, пока не будетъ вырубленъ лѣсъ, въ которомъ они обычно укрываются. Оба изрѣченія: человѣкъ человѣку Богъ и человѣкъ человѣку волкъ правильны. Первое изрѣченіе правильно, если мы будемъ сравнивать отношенія согражданъ между собой, второе—если мы будемъ сравнивать отношенія государствъ. Здѣсь люди приближаются къ подобію Бога справедливостью, милостью, мирными добродѣтелями, тамъ, благодаря испорченности злыхъ, даже добрымъ, если они хотятъ защитить себя, приходится обращаться къ воинскимъ доблестямъ, насилію и обману, т. е. къ звѣриной хищности. Въ спорѣ люди упрекаютъ другъ друга, въ силу прирожденной привычки, въ собственныхъ своихъ поступкахъ, считая, какъ въ зеркалѣ, лѣвое правымъ и правое лѣвымъ; эта ошибка однако еще не доказываетъ, что естественное право возникаетъ изъ необходимости самосохраненія. Другіе можетъ быть станутъ удивляться, какъ это на Катона, мужа въ высшей степени прославленнаго мудростью, ненависть могла дѣйствовать вмѣсто справедливости, чувство вмѣсто разума въ такой степени, что онъ считалъ справедливымъ въ своемъ народѣ то, что не было справедливымъ въ царяхъ; я же уже очень давно придерживаюсь того мнѣнія, что ника-

кое рѣшеніе не бываетъ изысканнымъ, разъ оно нравится народу, что простой черни не дано знать очень большую мудрость, потому что чернь или ея не понимаетъ, или, понявъ, дѣлаетъ ее равной для всѣхъ. Знаменитыя слова и дѣянія грековъ и римлянъ сдѣлалъ безсмертными не разумъ, но величіе и часто величіе тѣхъ самыхъ волковъ, за которыхъ исторію упрекаютъ, что она вмѣстѣ съ общественными дѣяніями проводитъ черезъ теченіе вѣковъ и ихъ виновниковъ. Истинная мудрость есть ничто иное какъ знаніе мудрости во всякомъ дѣлѣ. Эта истина является произведеніемъ не слѣпого и внезапнаго полета ума, но произведеніемъ праваго разума т. е. философіи, когда она происходитъ отъ воспоминанія о предметахъ, вызваннаго точными и опредѣленными названіями. Черезъ нее открывается путь отъ созерцанія отдѣльныхъ предметовъ къ общимъ утвержденіямъ. Сколько родовъ предметовъ, въ которыхъ пребываетъ человѣческій разумъ, на столько же вѣтвей раздѣляется философія, называемая однако различно въ зависимости отъ различія подчиненныхъ ей началъ. Ибо часть ея, трактующая о фигурахъ, называется геометріей, о движеніи—физикой, о естественномъ правѣ—моралью, но все это взятое вмѣстѣ—философія, точно такъ же какъ море, которое въ зависимости отъ отдѣльныхъ береговъ называется здѣсь Британскимъ, тамъ Атлантическимъ, въ другомъ мѣстѣ Индійскимъ, но все вмѣстѣ однако образуетъ океанъ. И геометры по праву управляютъ своею областью, потому что благодѣяніемъ геометріи является почти все, что помогаетъ человѣческой жизни благодаря наблюденію звѣздъ, описанію земли, знанію временъ года, далекимъ плаваніямъ, что является красивымъ въ зданіяхъ, сильнымъ въ укрѣпленіяхъ, удивительнымъ въ машинахъ, наконецъ то, что отличаетъ наше время отъ древняго варварства, ибо тѣмъ, чѣмъ мы обязаны физикѣ, сама физика обязана геометріи. Если бы нравственные философы въ своихъ изысканіяхъ пользовались бы равной удачей, я не вижу, что еще могла бы прибавить человѣческая изобрѣтательность къ ихъ счастью въ этой жизни, потому что когда основанія человѣческихъ поступковъ будутъ извѣстны съ той же достовѣрностью, съ какой познается основаніе величины въ фигурахъ, честолюбіе и жадность, лживая власть которыхъ

дѣйствуетъ на мнѣніе о правѣ и безправіи, были бы безсильны и человѣческій родъ наслаждался бы такимъ постояннымъ миромъ, что никогда не оказалось бы необходимымъ вступать въ сраженія (развѣ изъ за мѣста, потому что люди размножаются). Теперь же то обстоятельство, что почти непрерывно ведется война мечами или перьями, что знанія естественнаго права не больше чѣмъ въ прошломъ, что обѣ враждующія стороны защищаютъ свое право изрѣченіями философовъ, что одно и то же дѣйствіе одни хвалятъ, а другіе порицаютъ, что одинъ и тотъ же человѣкъ одобряетъ теперь то, что онъ нѣкогда осуждалъ, и что онъ иначе оцѣниваетъ въ другомъ свои собственные поступки—является очевиднѣйшимъ признакомъ того, что все написанное до сихъ поръ моральными философами ничѣмъ не способствовало познанію истины и что имъ нравилось не просвѣщать умы, но подтверждать пріятной и угождающей чувствамъ рѣчью неосновательно принятыя мнѣнія. Съ этой частью философіи случилось то же, что и съ общественными дорогами, по которымъ всѣ ходятъ взадъ и впередъ, причемъ одни прогуливаются ради собственнаго удовольствія, другіе ссорятся въ пути, но гдѣ ничего не произрастаетъ. Единственной причиной такого положенія является то обстоятельство, что никто изъ разсуждавшихъ объ этомъ предметѣ не обратился къ удобному основанію для изложенія своихъ мыслей, потому что въ знаніи нельзя, какъ въ кругѣ, брать за начало любую точку по нашему усмотрѣнію. Въ самыхъ потемкахъ сомнѣнія начинается нѣкая нить разумѣнія, слѣдуя за которой выбираются къ яснѣйшему свѣту; здѣсь и находится та точка отправленія, отъ которой, для разрѣшенія сомнѣнія, нужно пронести свѣтъ обратно по сдѣланному уже пути. Слѣдовательно каждый разъ, когда писатель или теряетъ, по незнанію, эту нить или когда онъ сознательно обрываетъ ее, онъ описываетъ не пути познанія, но пути своихъ заблужденій. Поэтому, когда я направилъ свои разсужденія къ отысканію естественной справедливости, самымъ понятіемъ справедливости, обозначающимъ постоянное стремленіе воздавать каждому его право, я былъ вынужденъ разыскать сначала, почему каждый называетъ нѣкоторую вещь скорѣе своей чѣмъ чужой; а такъ какъ было ясно, что это происходитъ не

отъ природы, но отъ людского соглашенія (потому что люди уже впослѣдствіи распредѣляютъ между собой то, что природа бросила среди всѣхъ), то я пришелъ оттуда къ другому вопросу, а именно, ради чего и вслѣдствіе какой надобности люди захотѣли чтобы у каждаго была его собственность, когда все принадлежало сначала всѣмъ. Я увидѣлъ что за общностью вещей съ необходимостью слѣдуетъ война, а за нею всѣ виды несчастій для людей, борющихся силой за обладаніе этими вещами, а несчастій всѣ по природѣ избѣгаютъ. Слѣдовательно я нашелъ два самыхъ вѣрныхъ требованія человѣческой природы; одно—прирожденное желаніе, согласно которому каждый требуетъ для собственнаго употребленія принадлежащія всѣмъ вещи, а другое—естественный разумъ, согласно которому каждый старается избѣжать насильственной смерти, какъ величайшаго естественнаго зла. Исходя изъ этихъ основаній, я доказалъ въ этомъ небольшомъ трудѣ, какъ мнѣ кажется, въ самой необходимой связи необходимость соглашеній и сохраненія вѣрности, а оттуда вывелъ основанія практической добродѣтели и обязанностей гражданъ. Добавленіе о царствѣ Божіемъ сдѣлано съ тѣмъ намѣреніемъ, дабы не показалось, что между естественными велѣніями Бога и Его законами, переданными въ Писаніи, существуетъ противорѣчіе. На протяженіи всего этого разсужденія я тщательно старался не говорить ничего о гражданскихъ законахъ какой нибудь страны, т. е. не приближаться къ берегамъ, угрожающимъ ужасомъ бушующихъ теперь бурь. Я знаю сколько труда и прилежанія было приложено мною къ отысканію истины. Не знаю, чего я достигъ, потому что благодаря пристрастію мы не совсѣмъ правильно оцѣниваемъ всѣ сдѣланныя нами открытія. Поэтому я предлагаю эту книжечку твоему разсмотрѣнію раньше чѣмъ твоей благосклонности, потому что мнѣнія того, чьими вѣрнѣйшими наблюденіями я воспользовался, бываютъ благосклонными не въ зависимости отъ знаменитости автора, ни отъ ихъ новизны, ни отъ красоты рѣчи, но въ зависимости отъ прочности ихъ основаній. Если она тебѣ понравится, т. е. покажется нервной, полезной, необычной, только тогда я ее даю и униженно посвящаю тебѣ, превосходительнѣйшій господинъ, моя защита и украшеніе; если же я заблуждался, ты тѣмъ не менѣе имѣешь свидѣтельство моей благодарности, потому что я хотѣлъ использовать данный мнѣ, какъ твоя милость, досугъ для того, чтобы заслужить твою милость. Пусть Всемогущій покровительствуетъ тебѣ, лучшему изъ гражданъ, въ этомъ смертномъ убѣжищѣ и когда, послѣ долгаго пребыванія въ немъ, оно будетъ оставлено, пусть увѣнчаетъ тебя славой небеснаго царства.

Парижъ. Ноября 1
1646 г.

Твоего превосходства
нижайшій рабъ
Томасъ Гоббсъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ КЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Я обѣщаю вамъ, читатели, и до нѣкоторой степени выставляю здѣсь для разсмотрѣнія все то, что можетъ наилучшимъ способомъ облегчить внимательное чтеніе обѣщаннаго, значительность и пользу разсматриваемаго предмета, правильный методъ разсужденія, честную цѣль и намѣреніе, наконецъ скромность пишущаго. Въ этой книгѣ описываются обязанности людей сначала какъ людей, далѣе—какъ гражданъ, наконецъ—какъ христіанъ, такъ какъ въ этихъ обязанностяхъ содержится сущность какъ основаній права естественнаго и общенароднаго и происхожденіе и сила правосудія, такъ и сущность христіанской религіи, посколько позволяетъ способъ этого установленія.

Этотъ родъ науки (исключая то, что относится къ христіанской религіи) древнѣйшіе изъ мудрецовъ считали нужнымъ передавать потомкамъ не иначе, какъ украшеннымъ пѣснями или затѣненнымъ аллегоріями, какъ нѣкую прекрасную и священную тайну власти, дабы она оставалась не запятнанной спорами частныхъ лицъ. Между тѣмъ, въ то время какъ одни философы наблюдали съ пользой для человѣческаго рода облики и движенія вещей, другіе, не принося тѣмъ вреда, созерцали ихъ природу и причины. Говорятъ, что въ позднѣйшія времена Сократъ первый полюбилъ эту гражданскую науку, еще не вполнѣ совершенную, но до нѣкоторой степени просвѣчивавшую, какъ бы сквозь облака, въ управленіи государствомъ, и такъ отдался ей, что не смотря и отложивъ въ сторону остальныя части философіи, считалъ ее одну достойной своего изученія. Послѣ него Платонъ, Аристотель, Цицеронъ и остальные греческіе и римскіе философы и наконецъ не только философы всѣхъ народовъ, но просто досужіе люди захватили ее и продолжаютъ захватывать какъ науку будто бы легкую,

не требующую никакого изученія и предоставленную и отданную первому попавшемуся естественному уму. Особенно содѣйствуетъ значенію этой науки то обстоятельство, что тѣ, кто считаетъ себя обладающимъ этимъ знаніемъ или тѣ, кто занимаетъ такое мѣсто, что онъ долженъ имъ обладать, настолько превозносятъ себя благодаря этому роду знанія, что они спокойно считаютъ и называютъ ученыхъ другихъ наукъ мудрыми, учеными, почитаемыми, но только не мудрецами, ибо считаютъ, что это названіе должно принадлежать только имъ однимъ, вслѣдствіе ихъ превосходства въ государственной опытности. Итакъ, будемъ ли мы оцѣнивать значеніе наукъ по значенію тѣхъ, кто ими занимается, или по числу пишущихъ о нихъ, или по рѣшенію мудрѣйшихъ, конечно самая достойная изъ наукъ та, которой занимаются государи и правители человѣческаго рода, даже ложными выводами которой услаждаются почти всѣ люди и на которую больше всего направлено вниманіе наилучшихъ философовъ. Пользу этой науки, если только она передается правильно, т. е. выводится съ очевидной необходимостью изъ истинныхъ основаній, мы замѣтимъ лучше всего, разсмотрѣвъ, какія несчастія для человѣческаго рода слѣдуютъ изъ ея ложности и многословности. Потому что если въ тѣ разсужденія, въ которыхъ мы упражняемся ради изощренія ума, и вкрадется какое-нибудь заблужденіе, оно безвредно, и падаемъ мы лишь ненадолго. Въ тѣхъ же вопросахъ, которые каждый долженъ обдумать ради сохраненія жизни, не только заблужденіе, но даже незнаніе необходимо влечетъ за собой оскорбленія, насмѣшки, смерть. Слѣдовательно польза отъ хорошо изложеннаго ученія объ обязанностяхъ такъ же велика, какъ и эти опасности. Сколькихъ царей, людей безспорно хорошихъ, обрекло на смерть заблужденіе, что тираническій царь по праву можетъ быть убитъ своими подданными. Сколькихъ людей обрекло на изгнаніе заблужденіе, что по извѣстнымъ причинамъ верховный властитель можетъ быть лишенъ извѣстными людьми царства. Сколько людей погубило то ложное ученіе, что цари не стоятъ выше толпы, но что они ея слуги. Наконецъ причиной сколькихъ возстаній было ученіе, гласящее, что частнымъ лицамъ надлежитъ устанавливать, согласны ли съ правомъ велѣнія царей

и что они не только по праву могутъ, но даже должны спорить объ этомъ соотвѣтствіи. Кромѣ этихъ въ общепринятой моральной философіи есть еще много не менѣе опасныхъ ученій, о которыхъ не стоитъ разсказывать. Я думаю, что именно это предвидѣли тѣ древніе мудрецы, которые предпочли видѣть науку о справедливости скорѣе защищенной баснями, чѣмъ предоставленной спорамъ, ибо до возникновенія вопросовъ этого рода государи не требовали, но отправляли верховную власть и защищали ее не доводами, но карая преступниковъ и охраняя честныхъ. Далѣе граждане измѣряли правосудіе не проповѣдью частныхъ лицъ, но законами государства и пребывали въ мирѣ не благодаря спорамъ, но благодаря силѣ власти и верховную власть, пребывала ли она въ одномъ человѣкѣ или въ одномъ совѣтѣ, они чтили даже какъ велѣніе божества. Поэтому они меньше чѣмъ теперь присоединялись къ честолюбивымъ и потеряннымъ людямъ, чтобы измѣнить правленіе государствомъ, потому что эти люди не могли внести въ ихъ душу желанія уничтожить охранявшее ихъ государство. Слѣдовательно простота тѣхъ временъ не плѣнялась столь ученой глупостью и потому царилъ миръ и стоялъ золотой вѣкъ, окончившійся не раньше чѣмъ, съ изгнаніемъ Сатурна, стали учить, что можно поднимать оружіе противъ царей. Я утверждаю, что древніе не только это предвидѣли, но, какъ кажется, даже запечатлѣли самымъ прекраснымъ образомъ въ одной изъ своихъ басенъ, потому что они разсказывали, что Иксіонъ, приглашенный Юпитеромъ на пиръ, полюбилъ и пожелалъ самое Юнону. Ему, вмѣсто богини, было предоставлено облако, бывшее ея подобіемъ. Отсюда родились кентавры, бывшіе отчасти человѣческой, отчасти лошадиной породы, народъ драчливый и неспокойный. Это, измѣнивъ понятія,—то же, какъ если бы древніе разсказали, что частныя лица, призванныя на совѣщаніе о высшихъ государственныхъ дѣлахъ, пожелали подчинить своему собственному познанію правосудіе, сестру и супругу верховной власти, но однако, обнимая, какъ облако, ея ложное и пустое подобіе, породили причину всѣхъ ссоръ и убійствъ, эти двойственные догматы нравственныхъ философовъ, отчасти правильные и красивые, отчасти грубые и звѣриные. Но такъ какъ эти убѣжденія высказываются ежедневно, то

если бы кто-нибудь разсмотрѣлъ эти облака и доказалъ строжайшими разсужденіями, что кромѣ законовъ, установленныхъ въ каждомъ государствѣ, нѣтъ никакихъ подлинныхъ ученій о справедливомъ и несправедливомъ, о добрѣ и злѣ и что никто, за исключеніемъ тѣхъ, кому данное государство поручило толкованіе своихъ законовъ, не можетъ разрѣшить, будетъ ли какое-нибудь дѣйствіе справедливымъ или несправедливымъ, добрымъ или злымъ, онъ указалъ бы не только великолѣпную дорогу къ миру, но также и затѣненныя тропинки, ведущія къ мятежу, а полезнѣй этого ничего пожелать нельзя.

Что касается метода, то я полагалъ, что одного порядка въ разсужденіи, какъ бы онъ ни былъ важенъ, недостаточно, но что слѣдовало начать съ выясненія сущности государства и далѣе перейти къ его происхожденію и формамъ, а также къ первому происхожденію правосудія, ибо всякій предметъ лучше всего познается изъ изученія того, что его составляетъ, подобно тому какъ въ двигающихся по себѣ часахъ или въ иной, немного менѣе сложной машинѣ нельзя узнать назначенія каждой части и каждаго колеса, если не разложить эту машину и не разсмотрѣть отдѣльно матеріалъ, видъ и движеніе ея частей; точно также и при отысканіи права государства и обязанностей гражданъ нужно, правда, не разложить государство, но разсматривать его какъ разложившееся, для того чтобы правильно понять, какова людская природа, чѣмъ она пригодна или непригодна для сплоченія въ государство и какимъ образомъ должны соединяться между собой люди, желающіе жить вмѣстѣ. Слѣдуя этому методу, я выставляю на первомъ мѣстѣ, какъ начало извѣстное всѣмъ изъ опыта, потому что нѣтъ никого, кто бы съ нимъ не согласился, положеніе, что умы людей отъ природы таковы, что не понуждайся они страхомъ передъ какой-нибудь общей властью, случилось бы, что люди не довѣряли взаимно другъ другу, взаимно боялись другъ друга и съ необходимостью стремились къ тому, чтобы каждый могъ бы по праву заботиться о себѣ собственными силами. Быть можетъ я отрицаю этимъ нѣкоторыя противоположныя утвержденія, но многіе отрицаютъ ихъ вмѣстѣ со мной. Развѣ изъ того, что я утверждаю и отрицаю одно и то же, слѣдуетъ, что я борюсь съ самимъ собой? Однако, я дѣлаю это въ меньшей

степени, чѣмъ тѣ, кто, утверждая что-нибудь дѣйствіями, отрицаютъ это же самое на словахъ. Мы видимъ, что всѣ государства, даже пребывая въ мирѣ съ сосѣдями, охраняютъ свои границы сторожевыми отрядами, а города—стѣнами, воротами, стражей; зачѣмъ дѣлать это, если бы они не боялись ничего со стороны сосѣдей? Мы видимъ также, что внутри государствъ, гдѣ существуютъ законы и наказанія, направленные противъ злодѣевъ, отдѣльные граждане не путешествуютъ безъ оружія и ложатся спать не только закрывъ двери отъ согражданъ, но даже комнаты отъ слугъ. Развѣ могутъ люди показывать откровеннѣй, что всѣ они взаимно не довѣряютъ другъ другу? Такъ какъ подобнымъ образомъ поступаютъ всѣ государства и отдѣльные граждане, то этимъ они признаются въ своемъ страхѣ и взаимномъ недовѣріи. Въ спорахъ же это отрицается, т. е. такимъ образомъ желающіе опровергнуть другихъ опровергаютъ самихъ себя. Далѣе нѣкоторые возражаютъ, что, допустивъ это вначалѣ, придется далѣе признать, что всѣ люди не только злы (что хотя и является тягостнымъ, но должно быть признано, потому что это ясно сказано въ Священномъ Писаніи), но также (чего нельзя признать, не нарушая благочестія), что они злы по природѣ. Изъ приведеннаго вначалѣ положенія не слѣдуетъ, что люди злы по природѣ, ибо если бы даже злыхъ было меньше, чѣмъ добрыхъ, то, въ виду нашей неспособности отличить добрыхъ отъ злыхъ и необходимости не довѣрять, беречься, предупреждать, подчинять, защищаться всякими способами, необходимости, постоянно возникающей даже для добрыхъ и скромныхъ, менѣе всего слѣдуетъ, что злые созданы такими отъ природы, потому что хотя отъ природы, т. е. отъ рожденія, уже отъ того, что они родились, они обладаютъ животными чертами, хотя они тотчасъ хотятъ все, что имъ ни понравится и стараются, посколько это въ ихъ силахъ, въ страхѣ избѣжать всего угрожающаго имъ зломъ или съ гнѣвомъ отстранить его отъ себя, не нужно считать ихъ по этой причинѣ злыми, потому что злы не самыя душевныя движенія, вытекающія изъ животной природы, но бываютъ иногда злыми происходящія отъ нихъ дѣйствія, а именно когда они и вредятъ другимъ и противорѣчатъ лежащимъ на этихъ людяхъ обязанностямъ. Дѣти, если имъ не дать всего, что они

хотятъ, плачутъ и сердятся и даже бьютъ своихъ родителей, а они созданы природой такъ, что поступаютъ такимъ образомъ; но они свободны отъ вины и не злы, во первыхъ, потому, что не могутъ вредить и, далѣе, потому, что будучи лишены способности разсуждать, они свободны отъ всякихъ обязанностей. Но если они, достигнувъ зрѣлаго возраста и пріобрѣтя силы, способныя причинить вредъ, продолжаютъ поступать такимъ же образомъ, тогда они начинаютъ и быть и называться злыми. Такимъ образомъ злой мужъ есть почти то же, что сильный ребенокъ или мужъ съ ребячьей душой и злость есть то же, что недостатокъ разсудка въ томъ возрастѣ, въ которомъ онъ обычно появляется у людей въ силу ихъ природы, направляемой познаннымъ и испытаннымъ ими вредомъ; слѣдовательно если мы не скажемъ, что люди потому созданы отъ природы злыми, что ихъ умъ не обученъ и не обладаетъ опытомъ, мы должны согласиться, что люди могутъ обладать отъ природы жадностью, страхомъ, гнѣвомъ и остальными животными желаніями и не быть однако злыми отъ природы созданіями. Слѣдовательно, такъ какъ положенное мною основаніе сохранено незыблемымъ, я показываю, во первыхъ, что состояніе людей внѣ гражданскаго общества (это состояніе слѣдуетъ называть естественнымъ) есть ничто иное какъ война всѣхъ противъ всѣхъ и что въ этой войнѣ всѣмъ принадлежитъ право на все. Потомъ я показываю, что всѣ люди, въ силу необходимости заложенной въ ихъ природѣ, хотятъ выйти изъ этого несчастнаго и ненавистнаго состоянія, какъ только они поймутъ это несчастіе. Это, однако, не можетъ случиться иначе какъ послѣ того, какъ, вступивъ въ соглашеніе, они откажутся отъ своего права на все. Далѣе я показываю, въ чемъ состоитъ природа соглашеній, какимъ образомъ нужно переносить права съ однихъ людей на другихъ, чтобы соглашенія были дѣйствительны; также какія права должны быть необходимо уступлены ради установленія мира, и кому т. е. объясняю и подтверждаю тѣ велѣнія разума, которыя могутъ быть собственно названы естественными законами. Все это содержится въ части, озаглавленной «свобода».

Установивъ это, я показываю, что́ такое есть, какихъ видовъ бываетъ и какимъ способомъ образуется государство и

верховная власть въ государствѣ, какія права должны быть необходимо перенесены отдѣльными людьми, намѣревающимися установить государство, на верховнаго повелителя, будь это одинъ человѣкъ или одно собраніе людей, безъ переноса которыхъ не создастся никакого государства и останется право всѣхъ на все, т. е. право войны. Далѣе я устанавливаю различіе между разными видами государствъ: монархіей, аристократіей и демократіей, властвованіемъ отеческимъ и деспотическимъ, учу какимъ образомъ они устанавливаются и сравниваю между собой выгоды и невыгоды этихъ отдѣльныхъ видовъ государства. Далѣе я излагаю причины разрушенія государствъ и обязанности отправляющаго верховную власть. Наконецъ, я объясняю природу закона и прегрѣшенія, устанавливаю отличіе закона отъ совѣта, отъ соглашенія, отъ права; все это содержится подъ заглавіемъ «власть».

Чтобы не показалось, что то право, которымъ (какъ я передъ этимъ утверждалъ) верховные властители располагаютъ по отношенію къ гражданамъ, опровергается Священнымъ Писаніемъ, я показываю въ послѣдней части, озаглавленной «религія», во первыхъ, что оно не отвергаетъ божественнаго права, такъ какъ черезъ природу, т. е. черезъ велѣнія естественнаго разума, Господь повелѣваетъ повелителямъ. Во-вторыхъ, что оно не опровергаетъ божественнаго права, такъ какъ въ силу соглашенія объ обрѣзаніи Господь имѣлъ надъ іудеями особенную власть. Въ третьихъ, что оно не опровергаетъ божественнаго права, такъ какъ Господь повелѣваетъ надъ христіанами въ силу соглашенія, заключаемаго во время крещенія, и потому данное право верховныхъ властителей, иначе право государства, совсѣмъ не противорѣчитъ религіи. Наконецъ я показываю какія условія необходимо требуются для допущенія въ небесное царствіе и изъ этого самымъ очевиднымъ образомъ доказываю и заключаю, на основаніи свидѣтельствъ Священнаго Писанія, согласно принятыхъ всѣми толкованіями, что повиновеніе, которое согласно моему утвержденію отдѣльные христіанскіе граждане обязаны оказывать своему повелителю, не можетъ противорѣчить христіанской религіи. Вы видѣли методъ, теперь узнайте причину и намѣреніе книги. Я взялся за трудъ по философіи духа и собралъ ея первичные элементы

всѣхъ родовъ и понемногу записалъ собранное въ трехъ частяхъ такъ, чтобы въ первой части шло дѣло о тѣлѣ и его общихъ свойствахъ, во второй—о человѣкѣ и его способностяхъ и чувствахъ въ особенности; въ третьей—о государствѣ и объ обязанностяхъ гражданъ. Поэтому первая часть содержитъ начальную философію и нѣкоторыя основанія физики; въ ней разсматриваются основанія времени, мѣста, причины, возможности, отношенія, соотношенія, количества, формы, движенія. Вторая часть занимается воображеніемъ, памятью, пониманіемъ, разсужденіемъ, стремленіемъ, волей, благомъ, аломъ, честнымъ, постыднымъ и другими вопросами этого рода. О чемъ идетъ дѣло въ третьей части, сказано уже раньше. Между тѣмъ, пока я это собиралъ, приводилъ въ порядокъ, медленно и упорно писалъ (потому что я не только разрушаю, но и создаю) случилось, что моя страна, въ которой нѣсколько лѣтъ тому назадъ пылала гражданская война, страстно занята вопросами о правѣ власти и объ обязанности гражданъ повиноваться вожакамъ недавней войны. Это было причиной поспѣшнаго окончанія этой третьей части, въ то время какъ остальныя были оставлены мною въ сторонѣ. Поэтому и произошло, что послѣдняя по порядку часть является первой по времени написанія; впрочемъ, такъ какъ я основалъ ее на независимыхъ началахъ, познанныхъ изъ опыта, я не вижу, почему бы она нуждалась въ предыдущихъ.

Я сдѣлалъ это не ради похвалы (хотя, если бы я поступилъ такимъ образомъ, я могъ бы воспользоваться тѣмъ извиненіемъ, что немногіе поступаютъ похвально, не любя похвалы), но ради васъ, читатели, потому что я надѣялся, что вы, узнавъ и разсмотрѣвъ предлагаемое мной ученіе, скорѣй предпочтете переносить нѣкоторыя неудобства въ частной жизни, такъ какъ человѣческая жизнь не можетъ протекать безъ неудобствъ, чѣмъ приводить въ разстройство состояніе государства, чтобы, измѣряя правильность того, что вы собираетесь совершить, не словами или совѣтами частныхъ лицъ, а законами государства, вы не позволили честолюбивымъ людямъ далѣе проливать вашу кровь ради своей власти, чтобы научить васъ самихъ скорѣе наслаждаться настоящимъ, хотя бы и не наилучшимъ состояніемъ, чѣмъ допустить, чтобы другіе, послѣ

войны, послѣ того какъ вы будете убиты или лишены состоянія, въ иномъ вѣкѣ обладали передѣланнымъ къ лучшему устройствомъ; кромѣ того, чтобы вы считали не гражданами, а врагами и лазутчиками тѣхъ, кто не хочетъ быть подчиненнымъ гражданскимъ властямъ и хочетъ быть свободнымъ отъ всякихъ общественныхъ обязанностей, но тѣмъ не менѣе хочетъ оставаться въ государствѣ и требуетъ, чтобы оно защищало его отъ нападенія и обидъ и чтобы вы не принимали довѣрчиво все то, что они явно или тайно выдаютъ вамъ за слово Божіе. Скажу проще: если какой-нибудь заговорщикъ, или проповѣдникъ, или ученый будетъ утверждать, что со словомъ Божіимъ согласуется ученіе, согласно которому гражданинъ можетъ по праву убить верховнаго властителя или даже какого-нибудь человѣка, не получивъ на то приказанія отъ верховнаго властителя, или согласно которому какой угодно гражданинъ можетъ по праву принимать участіе въ возстаніи, заговорѣ или соглашеніи противъ государства, не вѣрьте ему, но дайте знать о его имени. Кто одобряетъ сказанное, тотъ также сочтетъ, что мое намѣреніе при писаніи было честнымъ.

Наконецъ, въ предѣлахъ всего моего разсужденія я рѣшилъ соблюдать слѣдующій способъ изложенія: во-первыхъ, не говорить ничего о справедливости отдѣльныхъ дѣйствій, но оставить опредѣленіе ея законамъ. Далѣе не разсуждать о законахъ какого-нибудь государства въ отдѣльности, т. е. говорить не о томъ, какіе есть, но что́ есть законы. Въ третьихъ, мнѣ казалось, что граждане должны повиноваться аристократическому или демократическому государству не меньше, чѣмъ это полагается въ монархіи. Хотя я пытался въ десятой главѣ убѣдить нѣкоторыми соображеніями, что монархія удобнѣе остальныхъ видовъ государства (сознаюсь, что въ этой книгѣ это единственное положеніе не доказанное, но установленное предположительно), однако, я постоянно и ясно говорю, что всякому виду государства нужно приписывать верховную и одинаковую власть. Въ четвертыхъ, я ни въ одной части совершенно не разсуждаю объ ученіяхъ теологовъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя запрещаютъ повиноваться государству и угрожаютъ его существованію. Наконецъ, чтобы не выпустить по неблагоразумію въ свѣтъ того, что не слѣдовало бы выпускать,

Библиотека Института Ленина при Ц. К. В. К. П. (б.) 5224

я не хотѣлъ чтобы написанное мною тотчасъ подверглось бы публичному обсужденію; поэтому я позаботился разослать друзьямъ немногіе экземпляры, напечатанные для частнаго употребленія, чтобы, воспользовавшись замѣчаніями другихъ, я могъ бы исправить, смягчить или объяснить, если бы что нибудь оказалось ошибочнымъ, рѣзкимъ или темнымъ.

Я встрѣтилъ то рѣшительное возраженіе, что я сдѣлалъ гражданскую власть неумѣренной, но оно исходило отъ духовныхъ; что я уничтожилъ свободу совѣсти, но оно исходило отъ приверженцевъ различныхъ сектъ; что я освободилъ верховныхъ властителей отъ повиновенія гражданскимъ законамъ, но оно исходило отъ легистовъ. Поэтому ихъ замѣчанія не очень меня тронули, развѣ только заставили сильнѣе затянуть завязанные узлы, потому что каждый изъ возражавшихъ защищалъ собственное дѣло. Впрочемъ, въ виду возраженій, направленныхъ на основныя положенія, а именно на природу людей, естественное право, природу соглашеній и образованіе государствъ, такъ какъ сдѣлавшіе ихъ, возражая, слѣдовали не чувству, а своему природному уму, я прибавилъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ примѣчанія, которыя, какъ я рѣшилъ, могутъ удовлетворить несоглашающихся со мной. Далѣе я вездѣ тщательно прилагалъ старанія не оскорблять никого, кромѣ враждебныхъ подобнымъ начинаніямъ и тѣхъ, кто имѣетъ обычай оскорбляться всякимъ расхожденіемъ во мнѣніяхъ.

Поэтому, такъ какъ я забочусь не объ интересахъ партій, но о мирѣ и сказанное потому является словами того, кому будетъ справедливымъ кое-что простить въ виду его законной печали о настоящемъ несчастіи государства, я прошу и требую, читатели, чтобы, если вы и найдете что-нибудь сказаннымъ не такъ ясно или рѣзче, чѣмъ это было нужно, все же соблаговолили бы спокойно принять написанное.

СВОБОДА.

ГЛАВА I.

О состояніи людей внѣ гражданскаго общества.

I. Природныя человѣческія способности могутъ быть сведены къ четыремъ родамъ: тѣлесной силѣ, опытности, разсудку, чувствамъ. Начиная отсюда послѣдующее ученіе, мы разскажемъ, во-первыхъ, какъ относятся люди, надѣленные этими способностями другъ къ другу; дѣйствительно ли и въ какой степени они рождаются склонными къ обществу и защитѣ себя отъ насилія другихъ; подвигаясь далѣе, мы покажемъ сколько благоразумія по необходимости нужно соблюдать въ этомъ дѣлѣ и каковы условія общества, иначе—мира между людьми, т. е., измѣнивъ только слово, каковы основные естественные законы.

II. Большая часть писавшихъ что-либо о государствѣ или полагаютъ, или утверждаютъ, или предполагаютъ, что человѣкъ есть животное отъ рожденія, склонное [1]) къ жизни въ

[1]) Послѣ того, какъ общество среди людей уже установлено на дѣлѣ, когда никто не живетъ внѣ государства, когда мы видимъ, что всѣ стремятся на общія собранія съ ихъ разсужденіями, можетъ показаться какой-то удивительной глупостью предлагать читателямъ въ предѣлахъ самаго ученія объ обществѣ возраженіе такого рода: человѣкъ не рожденъ склоннымъ къ обществу, поэтому нужно объяснить это точнѣе. Однако истинно, что человѣку по природѣ или поскольку онъ является человѣкомъ, т. е. тотчасъ послѣ рожденія, постоянное одиночество тягостно; ибо дѣти нуждаются въ трудахъ другихъ, чтобы жить, взрослые—чтобы жить хорошо. Поэтому я и не отрицаю, что люди побуждаются природой стремиться къ сближенію другъ съ другомъ. Но гражданскія общества не только подлинныя сближенія, но союзы, для созданія которыхъ необходимы довѣріе и соглашенія. Дѣти и неученые не знаютъ, однако, ихъ значенія, а неумѣющіе, благодаря отсутствію общества, оцѣнить неудобство этого отсутствія, не знаютъ ихъ пользы, откуда слѣдуетъ, что одни не

обществѣ, zoon politicon, какъ говорили греки, и на этомъ основаніи они такъ создаютъ ученіе объ обществѣ, какъ-будто бы для сохраненія міра и управленія всѣмъ человѣческимъ родомъ не нужно ничего кромѣ того, чтобы люди согласились относительно извѣстныхъ договоровъ и условій, которые уже сами эти писатели тогда называютъ законами. Эта аксіома, несмотря на то, что она принимается большинствомъ, ложна, и ошибка произошла изъ-за слишкомъ поверхностнаго наблюденія надъ человѣческой природой, потому что причины, по которымъ люди соединяются вмѣстѣ и бываютъ рады обществу другъ друга, какъ это легко установить при болѣе внимательномъ наблюденіи, лежатъ вовсе не въ томъ, что люди по своей природѣ не могутъ дѣйствовать иначе, но коренятся въ случайныхъ обстоятельствахъ. Дѣйствительно, если бы человѣкъ любилъ человѣка по естественному побужденію, т. е. какъ человѣка, то никакое разумное объясненіе не могло бы быть приведено въ оправданіе того обстоятельства, что каждый любитъ всѣхъ людей не одинаково, какъ одинаковыхъ людей, или почему человѣкъ чаще встрѣчается съ тѣми, въ чьемъ обществѣ онъ находитъ больше почтенія или выгоды, чѣмъ другіе. Итакъ отъ природы мы ищемъ не друзей, а почета и выгоды, которые мы можемъ отъ нихъ получить; этого мы желаемъ прежде всего, людей—уже потомъ. Съ какимъ намѣреніемъ люди собираются, можно узнать изъ того, что ихъ собрало, потому что, если люди собрались для торговли, то ка-

могутъ вступить въ общество потому, что они не понимаютъ, что это такое, а другіе не стремятся къ этому, не зная, какую выгоду оно принесетъ Слѣдовательно очевидно, что всѣ люди (такъ какъ всѣ рождаются дѣтьми) рождаются неспособными къ обществу; многіе же (быть можетъ большинство) въ силу болѣзней ума или недостатка ученія остаются неспособными всю жизнь. Однако же эти, какъ дѣти, такъ и взрослые, обладаютъ человѣческой природой. Слѣдовательно человѣкъ становится склоннымъ къ обществу не по природѣ, но вслѣдствіе ученія. Далѣе, даже если бы человѣкъ рождался способнымъ вступить въ общество, не слѣдуетъ, чтобы онъ рождался такимъ, что онъ стремился бы къ обществу, не слѣдуетъ, чтобы онъ рождался способнымъ вступить въ общество; одно стремиться, другое быть способнымъ, потому что стремятся и тѣ, кто, однако, не соблаговолилъ бы изъ гордости принять равныя съ другими условія, безъ чего государство не можетъ существовать.

ждый заботится не о другомъ, а о своей выгодѣ; если—для общественной дѣятельности, то рождается нѣкая площадная (forensis) дружба, основанная больше на взаимномъ страхѣ, чѣмъ на любви; изъ нея рождается иногда партія, но никогда благорасположеніе; если люди собрались ради хорошаго настроенія и веселья, то каждый старается доставить себѣ удовольствіе тѣмъ, что возбуждаетъ смѣхъ, такъ какъ по сравненію съ подлостью и униженіемъ другого онъ самъ можетъ (смотря по тому, что лежитъ въ основаніи насмѣшки) оказаться заслуживающимъ расположенія. Хотя иногда эти забавы невинны и никого не оскорбляютъ, однако очевидно, что участвующіе услаждаются прежде всего не окружающимъ ихъ обществомъ, но собственной славой. Впрочемъ больше всего на подобныхъ собраніяхъ смѣются надъ отсутствующими; вся ихъ жизнь, слова, поступки вспоминаются, обсуждаются, осуждаются и предаются посмѣянію; не щадятъ и самихъ разговаривающихъ, которые терпятъ то же самое, какъ только они уходятъ съ собранія, и это въ такой степени, что кажется не глупымъ поведеніе того, кто имѣлъ привычку уходить изъ собранія послѣднимъ. Но истинное наслажденіе обществомъ, къ которому по природѣ мы всѣ стремимся въ силу порывовъ присущихъ каждому живущему, пока они не дѣлаются докучными или наставительными (а по отношенію ко многимъ они никогда не дѣлаются такими), состоитъ въ томъ, чтобы желанія живущихъ вставали въ памяти будущихъ поколѣній, безъ чего для большинства наиболѣе красиво говорящихъ рѣчь является охлаждающей и не утоляющей голода. Если случится, что собравшіеся вмѣстѣ разсказываютъ исторіи, то одинъ изъ нихъ разсказываетъ какую-нибудь про себя и каждый изъ остальныхъ съ наибольшимъ наслажденіемъ говоритъ тоже о себѣ; если одинъ разскажетъ что-нибудь удивительное, остальные, если знаютъ, разсказываютъ чудеса, а если не знаютъ — выдумываютъ ихъ. Поэтому, такъ какъ я говорю о предполагающихъ, что они знаютъ больше другихъ, разъ они собрались говорить о философіи, поучающихъ бываетъ столько же, сколько всѣхъ людей и, конечно, столько же хотятъ оказаться признанными учителями; въ противномъ случаѣ они не только не любятъ взаимно союзниковъ, но пылаютъ къ нимъ ненавистью. Изъ

наблюденій людей, болѣе внимательно присматривавшихся къ человѣческимъ отношеніямъ, совершенно ясно, что всякое добровольное соединеніе вызывается либо общей бѣдностью, либо желаніемъ добиться славы; поэтому собравшіеся стараются, добиться либо какой-нибудь выгоды, либо нѣкого udokimein, уваженія и почестей со стороны товарищей. Впрочемъ, то же самое выводитъ разумъ изъ самыхъ понятій воли, добра, почести, полезнаго. Дѣйствительно, такъ какъ общество основывается добровольно, то въ каждомъ обществѣ нужно искать объектъ желаній, т. е. то, что кажется благомъ для каждаго изъ входящихъ въ него. Что бы ни казалось благомъ, оно является пріятнымъ и касается либо тѣла, либо души. Всякое же стремленіе души есть или слава (т. е. желаніе, чтобы о человѣкѣ были хорошаго мнѣнія), или, въ концѣ концовъ, сводится къ славѣ; остальныя стремленія—чувственны или ведутъ къ чувственному наслажденію и могутъ быть объяты именемъ удобствъ. Итакъ, всякое общество основывается или ради удобствъ или ради славы, т. е. изъ-за любви къ себѣ, а не къ другимъ. Однако, при наличности желанія славы никакое общество не можетъ быть образовано ни изъ многихъ людей, ни на долгое время, потому что прославленіе, точно также, какъ и почетъ, не воздается никому, если оно воздается всѣмъ, ибо оно основано на сравненіи и превознесеніи одного надъ другимъ, и кто не обладаетъ никакими заслугами для воздаянія ему славы, тотъ не получаетъ ничего отъ общества остальныхъ, такъ какъ онъ остается такимъ, какимъ онъ можетъ быть самъ безъ помощи другихъ. Хотя, однако, удобства этой жизни могутъ быть увеличины взаимными услугами, но такъ какъ это въ гораздо большей степени достигается благодаря господству, чѣмъ благодаря обществу другихъ, то никто не сомнѣвается, что́ онъ долженъ дѣлать, такъ какъ люди по своей природѣ больше стремятся къ господству, чѣмъ къ обществу, если только имъ не мѣшаетъ страхъ. Итакъ нужно установить, что происхожденіе большихъ и продолжительныхъ людскихъ союзовъ зависитъ не отъ взаимнаго расположенія людей, а отъ взаимнаго страха [1]).

[1]) Замѣчено, что не наблюдается, чтобы люди соединялись въ гражданское общество изъ за страха, что если они и боятся другъ друга, то не такъ, чтобы они не могли переносить даже вида другъ друга. Я

III. Причина взаимнаго страха лежитъ отчасти въ природномъ равенствѣ людей, отчасти въ ихъ желаніи вредить другъ другу. Откуда слѣдуетъ, что мы не можемъ ни ожидать безопасности отъ другихъ, ни обезпечить ее для себя самихъ, потому что если мы посмотримъ даже на зрѣлыхъ людей, если мы обратимъ вниманіе на то, какъ хрупки соединенія человѣческаго тѣла (съ исчезновеніемъ единства котораго исчезаетъ вся его сила, красота и умъ), какъ легко слабѣйшему убить каждаго сильнѣйшаго его, мы не найдемъ никого, кто, полагаясь на свои силы, считалъ бы себя отъ природы созданнымъ сильнѣе другихъ. Равны тѣ, кто могутъ быть равными въ борьбѣ другъ противъ друга. А кто можетъ причинить наибольшее зло—убить, тотъ можетъ быть равнымъ въ борьбѣ. Итакъ всѣ люди отъ природы равны между собою. Наблюдающееся же нынѣ неравенство введено гражданскими законами.

IV. Желаніе вредить другъ другу присуще въ естественномъ состояніи всѣмъ, но не по однимъ и тѣмъ же причинамъ и не въ равной мѣрѣ можетъ вмѣняться въ вину, потому что одни, слѣдуя природному равенству, позволяютъ всѣмъ остальнымъ то же, что и себѣ (что свойственно человѣку скромному, правильно оцѣнивающему свои силы), другой, считая себя выше остальныхъ, хочетъ позволить все только себѣ одному и требуетъ себѣ почестей не въ примѣръ прочимъ (что свой-

---

полагаю, что люди чувствуютъ, что не нужно бояться ничего, кромѣ опасности быть запуганнымъ. Подъ этимъ словомъ я понимаю какое угодно ожиданіе будущаго зла. Я считаю, что боящимся свойственно не одно только бѣгство, но также недовѣріе, подозрѣніе, опасеніе, забота о томъ, чтобы не бояться. Идущіе спать запираютъ двери, путешествующій держится за оружіе потому, что они боятся разбойниковъ. Государства обычно защищаютъ свои границы войсками, города—стѣнами изъ страха передъ сосѣдними государствами. Даже располагающіе наиболѣе многочисленными войсками и готовые къ войнѣ ведутъ, однако, переговоры о мирѣ, боясь силы противника и возможнаго пораженія. Благодаря страху бываетъ, что люди иногда спасаются бѣгствомъ и въ трущобахъ, если не думаютъ, что можно спастись иначе; очень часто бываетъ, что по оружію и приспособленіямъ для защиты, придающимъ людямъ смѣлость, одинъ можетъ узнать намѣренія другого. Такимъ образомъ государство возникаетъ обычно или изъ побѣды, если люди сражаются, или изъ соглашенія, если они вступаютъ въ него.

ственно необузданнымъ душамъ). Итакъ послѣдній видъ желанія вредить происходитъ изъ пустого тщеславія и ложной оцѣнки своихъ силъ, первый — отъ необходимости защищать отъ тщеславнаго свое имущество и свободу.

V. Кромѣ того, такъ какъ борьба стремленій очень обострена, величайшія несогласія возникаютъ по необходимости изъ этого столкновенія. Даже не противорѣчіе, а простое несогласіе является ненавистнымъ, такъ какъ несоглашаться съ кѣмъ-нибудь по какому бы то ни было поводу значитъ молчаливо обвинять его въ ошибкѣ, точно такъ же какъ и противорѣчить кому-нибудь во многомъ значитъ то же самое, а именно, что его считаютъ за глупца; это можетъ стать яснымъ изъ того, что нигдѣ борьба не ведется такъ ожесточенно, какъ между сектами одной и той же религіи и между партіями въ одномъ и томъ же государствѣ, гдѣ споръ идетъ или объ ученіи или о политической мудрости. А такъ какъ всѣ стремленія души и ея бодрость состоятъ въ томъ, чѣмъ каждый обладаетъ и считаясь съ чѣмъ онъ можетъ быть прекраснаго мнѣнія о самомъ себѣ, то невозможно, чтобы люди не показали когда-нибудь взаимную ненависть или презрѣніе смѣхомъ, или словами, или жестомъ, или какимъ-либо инымъ знакомъ, выражающимъ въ высшей степени, какъ велика ихъ душевная досада, изъ которой легче всего можетъ возникнуть стремленіе вредить.

VI. Наиболѣе частая причина, въ силу которой люди желаютъ вреда другъ другу, состоитъ въ томъ, что многіе желаютъ одновременно одну и ту же вещь, которой, однако, чаще всего они не могутъ ни пользоваться сообща, ни подѣлить между собой, откуда слѣдуетъ, что ее нужно отдать сильнѣйшему; кто же является сильнѣйшимъ рѣшается борьбой.

VII. Поэтому среди столькихъ опасностей, выпадающихъ ежедневно на долю каждаго изъ людей въ силу его естественной жадности, не слѣдуетъ относиться съ осужденіемъ къ тому, что мы заботимся только о себѣ, потому что мы не можемъ сдѣлать ничего, чтобы имѣть другія желанія, ибо каждый стремится пріобрѣсти то, что онъ считаетъ для себя благомъ и избѣжать того, что онъ считаетъ для себя зломъ, въ особенности величайшаго изъ естественныхъ золъ—смерти, и это не съ меньшей естественной необходимостью, чѣмъ та,

съ которой брошенный кверху камень стремится обратно. Поэтому не будетъ ни глупымъ, ни заслуживающимъ упрека, ни противорѣчащимъ правому разуму, если кто-либо прилагаетъ всѣ старанія, чтобы спасти отъ смерти и страданій собственное тѣло и его члены; то же, что совершается не вопреки правому разуму, всѣ считаютъ правильнымъ и совершеннымъ по праву, потому что именемъ права обозначается ничто иное, какъ свобода для каждаго располагать его естественными способностями въ соотвѣтствіи съ требованіями праваго разума. Поэтому первое основаніе естественнаго права состоитъ въ томъ, что каждый защищаетъ свою жизнь и свое тѣло какъ онъ только можетъ.

VIII. Такъ какъ, однако, было бы напраснымъ давать право на цѣль тому, за кѣмъ отрицается право на необходимыя средства, то слѣдуетъ, что, такъ какъ каждый имѣетъ право на самосохраненіе, то каждый имѣетъ также и право пользоваться всѣми средствами и прибѣгать ко всякимъ дѣйствіямъ, безъ которыхъ онъ не можетъ сохранить за собой неприкосновенность.

IX. По естественному праву каждый самъ является судьей, дѣйствительно ли средства, которыми онъ намѣренъ пользоваться и дѣйствія, къ которымъ онъ намѣренъ прибѣгнуть, являются необходимыми для сохраненія его жизни или тѣла. Потому что если правому разуму противорѣчитъ, что я стану самъ судить объ угрожающей мнѣ опасности, то пускай судитъ другой. Но такъ какъ мы по природѣ равны, другой судитъ о касающихся меня обстоятельствахъ съ такимъ же точно основаніемъ, съ какимъ я буду судить объ обстоятельствахъ, касающихся его. Поэтому соотвѣтствуетъ правому разуму, т. е. естественному праву, чтобы я судилъ о его рѣшеніи, т. е. ведетъ ли оно къ моему сохраненію или нѣтъ.

X. Природа дала каждому право на все. (Это значитъ, что въ подлинномъ естественномъ состояніи, иначе — раньше, чѣмъ люди обязались другъ передъ другомъ какими бы то ни было соглашеніями, каждому было позволено дѣлать все, что ему было угодно и по отношенію къ кому бы то ни было, и владѣть, пользоваться, извлекать плоды изъ всего, что онъ хотѣлъ и гдѣ могъ). [1]) Потому что, что́ кто бы ни захотѣлъ, это показалось бы ему благомъ для него уже потому, что онъ этого хочетъ и потому, что можетъ или привести къ его спасенію или, по крайней мѣрѣ, показаться ведущимъ къ нему (судьей же того, дѣйствительно ли это ведетъ къ его спасенію или нѣтъ, мы уже установили въ предыдущемъ раздѣлѣ его самого и такимъ образомъ, что должно считаться необходимымъ то, что онъ самъ признаетъ за таковое) и въ силу раздѣла VII онъ это дѣлаетъ по естественному праву и въ силу его же располагаетъ всѣмъ, что съ необходимостью ведетъ къ охраненію собственной жизни и своего тѣла, откуда слѣдуетъ, что въ естественномъ состояніи всѣмъ позволено обладать всѣмъ и дѣлать все. А это и есть то, о чемъ обыкновенно говорятъ: природа дала все всѣмъ. Откуда вытекаетъ, что въ естественномъ состояніи мѣриломъ права является польза.

XI. Однако для людей въ высшей степени неудобно, чтобы они обладали подобнаго рода общимъ правомъ на все, ибо дѣйствіе этого права точно такое же, какъ если бы совсѣмъ не существовало никакого права. Потому что хотя каждый и могъ бы сказать о всякой вещи: это мое, онъ, однако, не могъ бы пользоваться ею изъ за сосѣда, который, располагая равнымъ правомъ и равной силой, утверждалъ бы, что та же вещь принадлежитъ ему.

XII. Если къ природной склонности людей вступать въ борьбу другъ съ другомъ, которую выводятъ отчасти изъ стра-

[1]) Это нужно понимать такъ, что что́ бы кто ни сдѣлалъ въ подлинномъ естественномъ состояніи, это, однако, не будетъ по отношенію къ кому бы то ни было несправедливостью. Не будетъ ею потому, что въ подобномъ состояніи невозможно согрѣшить передъ Богомъ или нарушить естественные законы. Потому что несправедливость по отношенію къ людямъ предполагаетъ людскіе законы, которыхъ нѣтъ въ естественномъ состояніи. Истинность же такъ понимаемаго предложенія достаточно доказана въ непосредственно предшествующихъ раздѣлахъ, о которыхъ ты помнишь, читатель. Но такъ какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ строгость вывода затемняетъ въ памяти предпосылки, я хочу сохранить доказательство и дать ему возможность быть охваченнымъ однимъ взглядомъ. Въ силу раздѣла VII каждому принадлежитъ право на самосохраненіе. Слѣдовательно, въ силу раздѣла VIII, каждому принадлежитъ право пользоваться всѣми средствами, необходимыми для этой цѣли. Въ силу же

стей, отчасти изъ пустого самовозвеличиванія, ты прибавишь еще, читатель, право всѣхъ на все, по которому одинъ по праву нападаетъ, а другой по праву защищается и благодаря которому рождаются постоянное заподозрѣваніе другъ друга и вражда, если ты опѣнишь какъ трудно, будучи въ маломъ числѣ и обладая слабымъ вооруженіемъ, уберечься отъ враговъ, нападающихъ съ намѣреніемъ предупредить насъ и угнетать, ты не сможешь отрицать, что естественнымъ состояніемъ людей, прежде чѣмъ они соединились въ общество, была война, и не простая война, а война всѣхъ противъ всѣхъ. Что такое война, какъ не время, втеченіе котораго желаніе вступить въ борьбу силой выражается съ достаточной ясностью въ словахъ и поступкахъ? Остальное время называется миромъ.

XIII. Легко понять, какъ мало способствуетъ непрекращающаяся война сохраненію человѣческаго рода и каждаго человѣка въ отдѣльности. А она не прекращаема по своей природѣ, такъ какъ, благодаря равенству силъ сражающихся, она не можетъ окончиться ничьей побѣдой, потому что даже побѣдителямъ опасность всегда угрожаетъ въ такой степени, что нужно считать чудомъ, если кто-нибудь, хотя бы сильнѣйшій, умеръ отъ старости. Примѣръ подобнаго состоянія представляютъ современные нравы американцевъ, древніе нравы другихъ племенъ, теперь живущихъ въ обществѣ и процвѣтающихъ, а

раздѣла IX необходимыми средствами являются тѣ, которыя каждый признаетъ самъ таковыми. Слѣдовательно каждому принадлежитъ право дѣлать и обладать всѣмъ, что онъ самъ признаетъ необходимымъ для своего сохраненія. Такъ какъ на основаніи рѣшенія самого совершающаго происходящее происходитъ по праву или нѣтъ, то, слѣдовательно, онъ поступаетъ по праву. Слѣдовательно истинно положеніе, что въ подлинномъ естественномъ состояніи каждому позволено дѣлать все, что ему угодно. Если же кто-нибудь будетъ утверждать, что для его спасенія нужно то, что онъ самъ, однако, внутренне не считалъ нужнымъ, онъ можетъ согрѣшить противъ естественныхъ законовъ, какъ подробно объяснено въ главѣ III. Нѣкоторые замѣчаютъ: если сынъ убьетъ отца, неужели онъ не нарушитъ права по отношенію къ отцу? Отвѣчаю: въ естественномъ состояніи сынъ не можетъ знать, что каждый родившійся тотчасъ оказывается подъ властью того, кому онъ обязанъ своей жизнью, т. е. матери, или отца, или того, кто кормитъ его, какъ это доказано въ главѣ IX.

тогда немногочисленныхъ, дикихъ, недолговѣчныхъ, бѣдныхъ, отвратительныхъ, лишенныхъ всѣхъ тѣхъ утѣшеній и приманокъ жизни, которыя обычно даютъ миръ и жизнь въ обществѣ. Итакъ, если бы кто-нибудь рѣшилъ остаться въ томъ состояніи, гдѣ все позволяется всѣмъ, онъ впалъ бы въ противорѣчіе съ самимъ собой. Ибо каждый по естественной необходимости желаетъ себѣ блага и нѣтъ никого, кто бы подобную войну всѣхъ противъ всѣхъ, въ силу естественныхъ условій присущую этому состоянію, счелъ бы за благо для себя. Такимъ образомъ происходитъ, что мы, изъ страха другъ передъ другомъ, рѣшаемся выйти изъ подобнаго состоянія и искать себѣ союзниковъ, дабы, если намъ придется опять вступить въ войну, ее не пришлось бы уже вести противъ всѣхъ и безъ помощи со стороны.

XIV. Союзниковъ добываютъ либо силой, либо по соглашенію; силой, когда въ сраженіи побѣдитель страхомъ смерти или заключенія въ оковы принуждаетъ побѣжденнаго служить себѣ; по соглашенію, когда въ общество вступаютъ ради общей цѣли, при согласіи обѣихъ сторонъ и безъ насилія. Побѣдитель можетъ къ тому же обязать побѣжденнаго, или сильнѣйшій слабѣйшаго (напримѣръ, здоровый и крѣпкій хилаго, или взрослый ребенка) предоставить обезпеченіе будущаго повиновенія и, если тотъ не предпочтетъ смерть, правомѣрно его принудить. Такъ какъ право защищать насъ самихъ по нашему усмотрѣнію отъ угрожающей намъ опасности и эта опасность проистекаетъ изъ равенства, то болѣе соотвѣтствующимъ разуму и вѣрнѣе обезпечивающимъ наше охраненіе будетъ воспользоваться представляющимся удобствомъ пріобрѣсти самому себѣ искомую безопасность, принявъ обезпеченіе, чѣмъ снова пытаться потомъ одолѣть разъ побѣжденныхъ въ представляющейся сомнительной борьбѣ, когда они окрѣпнутъ, оправятся и освободятся отъ нашей власти. И наоборотъ, никто не можетъ поступить болѣе безразсудно, чѣмъ, однажды держа въ своей власти кого-нибудь слабаго и упустивъ его, сдѣлать его одновременно и сильнымъ, и врагомъ. Откуда подразумѣвается, какъ награда въ естественномъ состояніи людей, вѣрная и не допускающая сопротивленія возможность обладать правомъ управленія и повелѣнія надъ тѣми, кто не

могутъ сопротивляться, при томъ въ такой степени, что по этой причинѣ существеннымъ образомъ и непосредственно принадлежитъ право всемогущества во всемъ, что надлежитъ сдѣлать.

XV. Однако, благодаря этому равенству силъ и прочихъ человѣческихъ способностей, присущихъ людямъ въ естественномъ состояніи, т. е. въ состояніи войны, нельзя ожидать сохраненія своей жизни въ теченіе продолжительнаго времени. Поэтому велѣніе праваго разума, т. е., какъ это будетъ доказано въ ближайшемъ, естественный законъ гласитъ, что нужно искать мира, въ соотвѣтствіи съ которымъ можетъ засіять какая-нибудь надежда; тамъ, гдѣ мира добиться нельзя, нужно искать помощи на случай войны.

ГЛАВА II.

О естественномъ законѣ относительно договоровъ.

1. Авторы чаще всего пользовавшіеся въ своихъ сочиненіяхъ этимъ терминомъ однако не согласны въ опредѣленіи понятія естественнаго закона. Безъ сомнѣнія методъ, по которому начинаютъ съ опредѣленій и исключенія двусмысленнаго свойственепъ тѣмъ, кто не оставляетъ мѣста для споровъ. Если же кто-нибудь изъ пользующихся инымъ методомъ утверждаетъ, что извѣстное дѣйствіе противорѣчитъ естественному закону, то одинъ это доказываетъ тѣмъ, что это произошло или противъ соглашенія всѣхъ, или мудрѣйшихъ, или образованнѣйшихъ изъ людей; объ опредѣленіи же того, что онъ понимаетъ подъ мудростью, образованіемъ, или обычаемъ всѣхъ, онъ заботится меньше всего; другой утверждаетъ, что нарушеніе естественнаго закона состоитъ въ нарушеніи соглашенія всего человѣческаго рода. Это опредѣленіе никоимъ образомъ не можетъ быть принято, иначе было бы невозможно кому бы то ни было, за исключеніемъ дѣтей и сумасшедшихъ, провиниться передъ подобнымъ закономъ, потому что это понятіе: человѣческій родъ обнимаетъ всѣхъ людей, обладающихъ въ дѣйствительности разумомъ. Такимъ образомъ люди или не поступаютъ въ разрѣзъ съ этимъ закономъ, или, если и поступаютъ, то потому, что не соглашаются съ нимъ, а поэтому заслуживаютъ извиненія. Выводить же естественный законъ изъ согласія тѣхъ, кто нарушаетъ его чаще, чѣмъ соблюдаетъ, было бы достаточно несправедливо. Кромѣ того, люди осуждаютъ въ другихъ то, что они считаютъ заслуживающимъ одобренія въ нихъ самихъ, и, наоборотъ, публично хвалятъ то, что въ душѣ презираютъ; они высказываютъ мнѣніе больше въ зависимости отъ привычки слушать другихъ, чѣмъ по собственному разумѣнію

и соглашаются скорѣй изъ злобы, страха, надежды, любви или иного душевнаго влеченія, чѣмъ благодаря разумному убѣжденію. Отсюда часто случается, что цѣлые народы съ величайшимъ единодушіемъ и упорствомъ дѣйствуютъ противъ того, что названные писатели такъ охотно считаютъ естественными законами. Но когда всѣ соглашаются, что по праву происходитъ то, что не противорѣчитъ правому разуму, мы должны считать неправомъ то, что этотъ разумъ отвергаетъ (т. е. то, что противорѣчитъ какой-либо истинѣ, выведенной изъ истинныхъ основаній путемъ правильнаго разсужденія). То же, что происходитъ не по праву, мы считаемъ происходящимъ противъ какого-нибудь закона. Слѣдовательно законъ есть нѣкій правый разумъ, который называется также естественнымъ (такъ какъ онъ не менѣе присущъ человѣческому естеству, чѣмъ какая-нибудь иная способность или состояніе души). Слѣдовательно естественный законъ, какъ я его опредѣляю, есть велѣніе праваго разума[1]) относительно того, что должно совершать и не совершать для наиболѣе продолжительнаго сохраненія жизни и цѣлости своего тѣла.

II. Первый и основной естественный законъ гласитъ: нужно искать мира всюду, гдѣ можно его сохранить; тамъ гдѣ миръ сохранить нельзя, нужно искать помощь для веденія войны; я уже показалъ въ послѣднемъ раздѣлѣ предыдущей главы, что это правило есть велѣніе праваго разума; а только что было доказано, что велѣнія праваго разума суть естественные законы. Этотъ законъ является первымъ потому, что всѣ остальные происходятъ отъ него и указываютъ пути къ достиженію мира или защиты.

---

[1]) Подъ правымъ разумомъ (recta ratio) въ естественномъ состояніи людей я понимаю, не такъ, какъ это дѣлаютъ многіе, нѣкую непогрѣшимую способность, но актъ разсужденія, т. е. собственное и истинное разсужденіе каждаго отдѣльнаго человѣка о его дѣйствіяхъ, которыя могутъ привести къ выгодѣ или вреду для остальныхъ людей. Я говорю собственное потому, что хотя въ государствѣ разумъ самого государства (т. е. гражданскій законъ) долженъ считаться отдѣльными гражданами за правый разумъ, однако внѣ государства, гдѣ никто не можетъ отличить праваго разума отъ ложнаго иначе, какъ сравнивъ его со своимъ собственнымъ, собственный разумъ каждаго отдѣльнаго человѣка долженъ

III. Первымъ изъ производныхъ отъ этого основного естественнаго закона будетъ слѣдующій: право всѣхъ на все не должно быть сохранено, но нѣкоторыя отдѣльныя права нужно или перенести на другихъ, или отказаться отъ нихъ; потому что если бы каждый удержалъ свое право на все, изъ этого съ необходимостью вытекало бы, что одни по праву нападали бы, а другіе по праву защищались (вѣдь всякій пытается въ силу естественной необходимости защищать свое тѣло и то, что необходимо для его благоденствія). Отсюда послѣдовала бы война. Итакъ будетъ противорѣчить смыслу мира, т. е. смыслу естественнаго закона то, что кто-нибудь не откажется отъ своего права на все.

IV. Говорятъ объ отказѣ отъ своего права когда кто-нибудь либо просто отрекается отъ него, либо переноситъ его на другого. Просто отрекается тотъ, кто объявляетъ соотвѣтственнымъ знакомъ или знаками, что онъ хочетъ, чтобы ему не было болѣе позволено совершать какое-либо опредѣленное дѣйствіе, которое онъ могъ раньше совершать по праву. Переноситъ свое право на другого тотъ, кто объязляетъ соотвѣтственнымъ знакомъ или знаками другому, желающему принять отъ него это право, что онъ хочетъ, чтобы ему не позволялось болѣе сопротивляться, когда тотъ будетъ дѣйствовать извѣстнымъ опредѣленнымъ образомъ, тогда какъ раньше онъ могъ ему сопротивляться по праву. Что переносъ права состоитъ въ одномъ отказѣ отъ сопротивленія вытекаетъ изъ того, что до переноса права тотъ, на кого право переносится, уже имѣетъ право на все, поэтому ему нельзя передать новое право, но переносомъ уничтожается правомѣрность сопротивленія переносящаго, при наличности котораго другой не могъ пользоваться своимъ

считаться не только правиломъ для его собственныхъ поступковъ, рискъ которыхъ падаетъ на него, но также мѣриломъ чужого разума въ чужихъ дѣлахъ. Говорю истинное, т. е. выведенное изъ истинныхъ посылокъ, правильно сопоставленныхъ. Поэтому все нарушеніе естественныхъ законовъ состоитъ въ ложномъ разсужденіи, или въ глупости людей, не видящихъ своихъ обязанностей по отношенію къ остальнымъ, обязанностей необходимыхъ для ихъ самосохраненія. Основныя начала правильнаго разсужденія относительно обязанностей этого рода изъяснены въ раздѣлахъ II, III, IV, V, VI и VII первой главы.

правомъ. Поэтому всякій пріобрѣтающій право въ естественномъ состояніи достигаетъ только того, что онъ можетъ спокойно и безъ законной помѣхи пользоваться своимъ первичнымъ правомъ. Напримѣръ, если кто-нибудь продастъ или подаритъ свою землю другому, онъ лишитъ права на эту землю одного себя, но не другихъ.

V. Однако для переноса права требуется воля не только переносящаго, но и принимающаго. Если отсутствуетъ одну изъ нихъ, то право остается у прежняго обладателя. Потому что если бы я захотѣлъ отдать что-нибудь принадлежащее мнѣ тому, кто отказывается принять, я въ силу этого намѣренія ни просто отрекся бы отъ моего права, ни перенесъ бы его на другого, потому что причина, ради которой я хотѣлъ отдать принадлежащее мнѣ кому-нибудь одному, лежитъ въ немъ одномъ и не будетъ той же по отношенію къ другимъ.

VI. Однако если не существуетъ никакихъ другихъ признаковъ желанія отречься или перенести право кромѣ словъ, эти слова должны относиться къ настоящему или къ прошедшему, ибо если они относятся къ будущему, при ихъ посредствѣ ничего не переносится; потому что если кто-нибудь говоритъ о будущемъ, напримѣръ: дамъ завтра, ясно слѣдуетъ, что онъ еще не далъ. Поэтому весь день право остается неотчужденнымъ и остается имъ и завтра, если только въ это время онъ не передастъ его особымъ актомъ. Ибо что принадлежитъ мнѣ, остается моимъ, если только я потомъ не отдамъ его. Если же я говорю о настоящемъ, напримѣръ такимъ образомъ: даю или далъ съ тѣмъ, чтобы ты имѣлъ завтра, этими словами обозначается, что я далъ и сегодня перенесъ право имѣть завтра.

VII. Однако же хотя одни слова не являются достаточнымъ средствомъ выраженія воли, какъ это было показано въ предыдущемъ раздѣлѣ, сказанныя о будущемъ они могутъ имѣть то же значеніе, какъ если бы они были сказаны о настоящемъ, если къ нимъ присоединяются другіе признаки выраженія воли. Потому что если кромѣ другихъ признаковъ выраженія воли говорящій о будущемъ скажетъ, что онъ хочетъ, чтобы его слова имѣли значеніе для осуществленія полнаго переноса принадлежащаго ему права, они должны имѣть это значеніе, потому что переносъ права зависитъ не отъ словъ, но, какъ было сказано въ раздѣлѣ IV этой главы, отъ объявленія воли.

VIII. Если кто-нибудь переноситъ какое-нибудь принадлежащее ему право на другого и дѣлаетъ это ни ради полученнаго въ обмѣнъ блага, ни въ силу соглашенія, то переносъ такого рода называется даромъ или свободнымъ дареніемъ. При свободномъ дареніи обязываютъ только тѣ слова, которыя относятся къ настоящему или къ прошедшему. Ибо если они относятся къ будущему, они обязываютъ не какъ слова, въ силу основанія приведеннаго въ непосредственно предшествующемъ раздѣлѣ, и значитъ необходимы другіе признаки волеизъявленія, чтобы возникло обязательство. Такъ какъ все что ни дѣлается добровольно, дѣлается ради какой-нибудь выгоды выражающаго волю, то желанію дать нельзя приписать никакого выражающаго его знака, развѣ только предположивъ, что въ подобномъ дареніи пріобрѣтается или должно быть пріобрѣтено какое-нибудь благо. Однако вначалѣ предполагается, что никакая подобная выгода не пріобрѣтена и что не существуетъ соглашенія, по которому она обѣщается, потому что тогда дареніе не было бы свободнымъ. Остается слѣдовательно ожидать взаимной выгоды безъ заключеннаго заранѣе соглашенія. Но нельзя выразить это ожиданіе никакимъ знакомъ, которымъ обѣщавшій на словахъ въ будущемъ показалъ бы, обращаясь къ тому, кто не обязанъ къ обратному благодѣянію, что онъ хочетъ понять его слова о принятіи дара такъ, что тотъ обязался передъ нимъ. Но не разумно чтобы тѣ, кто легко желаетъ блага другимъ, оказывались бы обязанными на основаніи всякаго обѣщанія, свидѣтельствующаго о возникшемъ желаніи. Итакъ давшій подобное обѣщаніе долженъ считаться разсуждающимъ и способнымъ измѣнить желаніе въ той же степени, какъ и получившій обѣщанія можетъ измѣниться въ своихъ достоинствахъ. Однако тотъ, кто еще разсуждаетъ и потому является свободнымъ, не долженъ называться уже давшимъ. Тотъ же, кто часто обѣщаетъ, но рѣдко даетъ, долженъ быть осужденъ за свое легкомысліе и называться не дающимъ, а doson.

IX. Договоромъ называется дѣйствіе двухъ или многихъ лицъ, взаимно переносящихъ другъ на друга свои права. Во всякомъ договорѣ или оба немедленно предоставляютъ то, о чемъ условлено въ договорѣ такъ, что одинъ ничего не остается должнымъ другому; или одинъ совершаетъ предоставленіе, вѣря другому; или же ни тотъ ни другой не дѣлаютъ предоставленія. Тамъ, гдѣ оба дѣлаютъ предоставленіе немедленно, договоръ оканчивается вмѣстѣ съ совершеніемъ единственнаго предоставленія. Тамъ же, гдѣ одному или обоимъ оказывается довѣріе въ томъ, что обѣщанное будетъ доставлено, должникъ обѣщаетъ, что онъ доставитъ позже и такое обѣщаніе называется соглашеніемъ (pactum).

X. Соглашеніе между тѣмъ, кому вѣрятъ и уже совершившимъ предоставленіе, даже если обѣщаніе дано на словахъ о будущемъ, тѣмъ не менѣе переноситъ право и по отношенію къ будущему времени, какъ если бы оно было сдѣлано на словахъ о настоящемъ или о прошедшемъ. Предоставленіе служитъ наиболѣе очевиднымъ признакомъ, что совершившій предоставленіе счелъ обѣщаніе должника за желаніе совершить обратное предоставленіе подъ условіемъ истеченія извѣстнаго срока; принятіемъ предоставленія должникъ согласился, что онъ понятъ вѣрно, что онъ хотѣлъ обѣщать обратное предоставленіе, такъ какъ онъ не исправилъ заблуждавшагося. Итакъ, обѣщаніе дается вслѣдствіе принятія вознагражденія (къ обѣщаніямъ относятся и соглашенія); оно выражаетъ волю, т. е. (какъ было доказано въ предыдущемъ раздѣлѣ), результатъ наиболѣе обдуманнаго размышленія, уничтожающій возможность непредоставленія; слѣдовательно эти обѣщанія являются обязывающими, потому что обязательство прекращается тамъ, гдѣ начинается свобода.

XI. Соглашенія происходящія изъ договора, гдѣ довѣріе взаимно, въ томъ случаѣ если ни съ одной, ни съ другой стороны не послѣдовало предоставленія, въ естественномъ состояніи недѣйствительны, если только у одной изъ сторонъ возникаетъ затѣмъ [1]) справедливый страхъ. Ибо совершившій предо-

[1]) Потому что справедливый страхъ не можетъ зародиться, если только не явится новой причины страха, какъ слѣдствіе опредѣленнаго поступка или иного выраженія намѣренія другой стороны не совершать

ставленіе первымъ, благодаря природной испорченности большей части людей, заботящихся о своей выгодѣ равно правыми и неправыми путями, отдается во власть того, съ кѣмъ онъ заключилъ договоръ. Поэтому нѣтъ разумнаго основанія, чтобы одинъ совершилъ предоставленіе раньше другого, если только не является правдоподобнымъ, что другой совершитъ обратное предоставленіе впослѣдствіи. Является ли это правдоподобнымъ или нѣтъ, рѣшаетъ самъ остерегающійся, какъ это показано въ раздѣлѣ II предыдущей главы. Такъ обстоитъ дѣло въ естественномъ состояніи. Иначе въ гражданскомъ состояніи, гдѣ есть возможность принудить обѣ стороны къ исполненію; здѣсь тотъ, кто по договору обязался первымъ къ предоставленію, долженъ совершить его раньше, а такъ какъ другой можетъ быть принужденъ къ исполненію, исчезаетъ причина боязни возможности непредоставленія.

XII. Изъ того, что при всякомъ дареніи и при всѣхъ соглашеніяхъ требуется принятіе переносимаго права, слѣдуетъ, что никто не можетъ вступить въ соглашеніе съ не выражающимъ согласія на принятіе права. Слѣдовательно нельзя заключить соглашенія со звѣрями, нельзя ни передать имъ, ни получить отъ нихъ никакого права благодаря недостатку у нихъ рѣчи и пониманія. Также никто не можетъ вступить въ соглашеніе съ Божественнымъ величіемъ, ни обязаться передъ Нимъ путемъ обѣта, развѣ только онъ не увидитъ изъ Священнаго Писанія, что Оно замѣстило себя извѣстными людьми, обладающими властью выслушивать и принимать эти обѣты и вступать въ соглашенія, какъ замѣщающіе Его.

XIII. Итакъ люди, пребывающіе въ естественномъ состояніи, гдѣ они не связаны никакимъ гражданскимъ закономъ, (если только имъ не станетъ извѣстной путемъ самаго очевиднаго откровенія воля Господа, принимающаго ихъ обѣтъ или вступающаго въ соглашеніе), напрасно приносятъ обѣты, потому что если ихъ обѣщанія противорѣчатъ естественному закону, они не связаны обѣтомъ, такъ какъ никто не обязанъ къ предоставленію недозволеннаго; если же то, что они обѣ-

предоставленія. Причина же не помѣшавшая въ моментъ заключенія соглашенія, не должна мѣшать его исполненію.

щаютъ, предписано какимъ-нибудъ естественнымъ закономъ, они связаны не обѣтомъ, а самимъ закономъ, и если они были свободны до обѣта дѣлать что-нибудь или не дѣлать, эта свобода остается и послѣ него, потому что для того, чтобы мы обязались путемъ обѣта, требуется открыто выраженная воля обязывающаго, которая въ предложенномъ случаѣ предполагается отсутствующей. Обязывающимъ же я называю того, по отношенію къ кому кто-нибудь связанъ или обязанъ, обязаннымъ же я называю связаннаго.

XIV. Соглашенія заключаются только о дѣйствіяхъ подлежащихъ обсужденію, потому что нѣтъ соглашенія безъ выраженной воли соглашающагося. Воля же есть послѣдній актъ разсуждающаго. Итакъ, никто не обязывается заключеннымъ имъ соглашеніемъ къ исполненію невозможнаго. Такъ какъ однако мы очень часто соглашаемся на то, что кажется возможнымъ въ минуту обѣщанія, но что впослѣдствіи дѣлается явно невозможнымъ, не слѣдуетъ отсюда, что мы поэтому освобождаемся отъ всякаго обязательства. Основаніе подобнаго рѣшенія лежитъ въ томъ, что обѣщавшій непзвѣстное въ будущемъ получилъ на этомъ условіи наличное благодѣяніе съ тѣмъ, чтобы отплатить благодѣяніемъ же, потому что воля предоставляющаго наличную выгоду имѣетъ своимъ объектомъ просто собственное благо, поскольку оно содержится въ обѣщанномъ, но само обѣщанное благо можетъ быть не просто объектомъ воли предоставившаго, а только тогда, если его будетъ возможно оказать. Если же дѣйствительно случится, что его оказать невозможно, то нужно предоставить то, что окажется возможнымъ. Итакъ соглашенія обязываютъ къ предоставленію не того самаго блага, о которомъ было заключено соглашеніе, но того, которое будетъ возможно оказать путемъ напряженія всѣхъ усилій, потому что только это одно, а не самое обѣщанное благо подчинено нашему воздѣйствію.

XV. Отъ исполненія соглашеній мы освобождаемся двумя способами: или предоставленіемъ обѣщаннаго, или возвращеніемъ полученнаго предоставленія, Предоставленіемъ потому, что мы не обязывались къ большему; возвращеніемъ полученнаго предоставленія потому, что тотъ, передъ кѣмъ мы обязались, рѣшаетъ возвратить намъ обратно перенесенное нами на

него право; возвращеніе это есть дареніе, т. е., согласно раздѣлу IV настоящей главы, перенесеніе права на того, кому оказывается дареніе.

XVI. Обыкновенно спрашиваютъ, обязательны или нѣтъ соглашенія исторгнутыя страхомъ. Напримѣръ, если я, желая спасти свою жизнь отъ разбойника, заключу съ нимъ соглашеніе о передачѣ ему завтра тысячи золотыхъ и не исполню обѣщаннаго, спрашивается, буду ли я связанъ соглашеніемъ, если онъ привлечетъ меня къ суду. Хотя и нужно считать, что соглашенія подобнаго рода недѣйствительны, однако причиной этой недѣйствительности будетъ не страхъ, лежащій въ основаніи соглашенія, потому что тогда бы слѣдовало, что соглашенія, въ силу которыхъ люди соединяются въ общества и устанавливаютъ законы, тоже недѣйствительны, (вѣдь подчиненіе одного власти другого происходитъ изъ-за страха угрожающей имъ другъ отъ друга смерти) и что вѣрящій въ уплату выкупа освобожденнымъ плѣнникомъ дѣйствуетъ неразумно. Вообще всюду въ обычаѣ обязываться соглашеніями и обѣщать предоставленіе, когда мы пріобрѣтаемъ благо и исполнять обѣщанное дозволительно. Допустимо обѣщать вознагражденіе за мою жизнь, и я могу отдать принадлежащее мнѣ кому угодно, даже разбойнику. Слѣдовательно мы являемся обязанными по соглашеніямъ, вытекающимъ изъ страха, если только это не запрещено какимъ-нибудь гражданскимъ закономъ, дѣлающимъ обѣщаніе недозволеннымъ.

XVII. Недопустимо, чтобы кто-нибудь, заключивъ сначала съ однимъ соглашеніе, по которому онъ обязался что-нибудь совершить или допустить, и согласившись впослѣдствіи съ другимъ объ обратномъ, исполнилъ бы не первое, а болѣе позднее соглашеніе. Ибо перенесшій на другого принадлежавшее ему право въ силу перваго соглашенія, не имѣетъ болѣе права совершать или не совершать даннаго предоставленія; поэтому послѣдующія соглашенія не переносятъ никакого права и обѣщаемое ими обѣщается безъ правового основанія. Итакъ, обязываютъ только первыя соглашенія о переносѣ права и непозволительно нарушать ихъ.

XVIII. Никто не можетъ обязаться по какому бы то ни было заключенному имъ соглашенію не противиться причи-

ненію ему смерти, ранъ или иного тѣлеснаго поврежденія, потому что есть нѣкій высшій предѣлъ для всякаго страха, за которымъ причиняемый вредъ признается за величайшій, его избѣгаютъ, по естественной необходимости, всѣми силами и понимаютъ, что иначе дѣйствовать нельзя. Когда эта степень страха достигнута, нельзя ожидать отъ угрожаемыхъ, что они откажутся помогать себѣ бѣгствомъ или борьбой. А такъ какъ никто не обязывается къ невозможному, то тотъ, кому угрожаетъ смерть (которая есть величайшее изъ естественныхъ золъ), или раны, или иныя тѣлесныя поврежденія и кто недостаточно твердъ, чтобы перенести ихъ, не обязывается ихъ переносить. За исключеніемъ этого случая обязавшемуся по соглашенію вѣрять (ибо единственная связанность, вытекающая изъ обязательства, есть необходимость оправданія довѣрія); тѣхъ же, кого ведутъ на пытки, грозящія смертью или на менѣе тяжелыя, заковываютъ въ цѣпи или окружаютъ стражей, что является наиболѣе вѣрнымъ признакомъ того, что ихъ не считаютъ въ достаточной степени связанными соглашеніемъ о несопротивленіи. Одно, если я соглашаюсь такимъ образомъ: если я не сдѣлаю того то въ теченіе дня — убей меня, и другое, если такимъ образомъ: если я не сдѣлаю того то — я не буду сопротивляться убійцѣ. Первымъ способомъ всѣ вступаютъ въ соглашеніе, если это нужно, а иногда это бываетъ нужно; вторымъ способомъ въ соглашеніе никто не вступаетъ и онъ никогда не бываетъ нуженъ, потому что если въ подлинномъ естественномъ состояніи ты хочешь убить кого-либо, ты имѣешь на это право въ силу самого состоянія, такъ что не нужно раньше уславливаться, что впослѣдствіи убьешь нарушителя соглашенія. Въ гражданскомъ же состояніи, гдѣ право жизни и смерти, а также право всякихъ тѣлесныхъ наказаній принадлежитъ государству, это право казнить не можетъ быть уступлено частному лицу. Самому же государству не нужно ради чьего-нибудь наказанія требовать послушанія на основаніи особаго соглашенія; оно только требуетъ, чтобы никто не вступался за остальныхъ. Если въ естественномъ состояніи, напримѣръ между двумя государствами, будетъ заключено соглашеніе о томъ, что они не будутъ убивать чужихъ гражданъ, предполагается, что ему предшествовало другое соглашеніе о томъ, что не нужно убивать до ранѣе установленнаго срока. Поэтому, если оно не будетъ возобновлено въ этотъ день, возстанавливается право войны, т. е. враждебное состояніе, въ которомъ дозволяется дѣлать все, а поэтому и сопротивляться. Наконецъ, въ силу соглашенія о несопротивленіи мы обязываемся изъ двухъ угрожающихъ золъ выбирать то, которое намъ кажется большимъ, потому что смерть есть конечно большее зло, чѣмъ сраженіе. Однако невозможно изъ двухъ золъ не выбрать меньшаго. Итакъ, подобнымъ соглашеніемъ мы обязываемся къ невозможному, что противорѣчитъ природѣ соглашеній.

XIX. Подобнымъ же образомъ никто не обязанъ въ силу какихъ-бы то ни было соглашеній обвинять себя или другого, съ чьимъ осужденіемъ его собственная жизнь станетъ тяжелѣй. Поэтому не обязаны свидѣтельствовать ни отецъ противъ сына, ни мужъ противъ жены, ни сынъ противъ отца, ни кто-нибудь противъ того, безъ кого онъ не можетъ снискать себѣ пропитанія; потому что будетъ напраснымъ свидѣтельство, которое предполагается извращеннымъ по природѣ. Но однако, хотя никто не обязанъ въ силу соглашенія обвинять самого себя, въ вопросахъ касающихся общественныхъ интересовъ каждый можетъ быть принужденъ къ отвѣту пыткой. Однако эти отвѣты суть не свидѣтельство о событіи, но вспомогательныя средства для отысканія истины. Поэтому будетъ ли пытаемый отвѣчать правду или ложь, или совсѣмъ не будетъ отвѣчать, онъ поступитъ по праву.

XX. Клятва есть утвержденіе, присоединяемое къ обѣщанію, которымъ обѣщающій обозначаетъ, что отказывается отъ божьяго милосердія для себя, если онъ не исполнитъ обѣщанія. Это опредѣленіе слѣдуетъ изъ тѣхъ самыхъ словъ, въ которыхъ состоитъ сущность клятвы, а именно: да поможетъ мнѣ въ этомъ Богъ, или иныхъ, равнозначащихъ имъ, какъ напримѣръ у римлянъ: Ты, Юпитеръ, предай закланію дерзнувшаго солгать, какъ я предаю закланію эту свинью. Этому не мѣшаетъ, что иногда клятва приносится не только какъ обѣщаніе, но какъ утвержденіе, потому что подтверждающій утвержденіе присягой обѣщаетъ, что онъ отвѣчаетъ истину. Хотя

въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ обычаѣ подданныхъ было клясться своими царями, это происходило отъ того, что эти послѣдніе желали, чтобы имъ воздавались божескія почести. Ибо клятва введена потому, что нарушенію обѣщанія, въ силу соображеній о божественномъ могуществѣ и религіи, сопутствуетъ большій страхъ, чѣмъ тотъ, который намъ внушаютъ люди, которыхъ могутъ оскорбить наши поступки.

XXI. Отсюда слѣдуетъ, что клятва должна состоять въ выраженіяхъ, которыми пользуется приносящій клятву, потому-что напрасно принуждать кого-нибудь клясться Богомъ, въ котораго онъ не вѣритъ и котораго поэтому не боится. Даже если съ помощью естественнаго свѣта онъ могъ бы знать, что Богъ существуетъ, никто однако не подумаетъ клясться Имъ въ другихъ выраженіяхъ или подъ другимъ именемъ, чѣмъ то, которое содержится въ предписаніяхъ его собственной. т. е. (такъ думаетъ клянущійся) истинной религіи.

XXII. Изъ даннаго опредѣленія клятвы можно понять, что не подкрѣпленное ею соглашеніе обязываетъ не меньше, чѣмъ то, относительно котораго мы поклялись, потому что соглашеніе есть то, что связываетъ насъ, присяга же касается божескаго наказанія, вызывать которое было бы лишнимъ, если бы нарушеніе соглашенія не было бы непозволительнымъ само по себѣ. Но оно не было бы непозволительнымъ, если бы соглашеніе не было бы обязательнымъ. Кромѣ того отказывающійся отъ милосердія Божьяго еще не обрекаетъ себя на наказаніе, потому что всегда можно отмолить уже вызванное наказаніе и воспользоваться божественнымъ снисхожденіемъ, если оно будетъ дано. Слѣдовательно единственное дѣйствіе присяги состоитъ въ томъ, что для людей, склонныхъ къ нарушенію даннаго обѣщанія и поклявшихся она является причиной большого страха.

XXIII. Требовать присяги тамъ, гдѣ не угрожаетъ возможность нарушенія соглашенія, или тамъ, гдѣ получившему обѣщаніе принадлежитъ власть требовать наказанія, значитъ требовать ее чаще, чѣмъ это необходимо для своей защиты и выражаетъ не столько желаніе добра себѣ, сколько зла другому, потому что присяга, по формулѣ клятвы, состоитъ въ

вызываніи гнѣва Бога, т. е. гнѣва Всемогущаго противъ нарушающихъ обѣщаніе потому, что они чувствуютъ, что они могутъ въ силу своей власти избѣжать людского наказанія, гнѣва Всезнающаго противъ привыкшихъ нарушать обѣщанія потому, что они надѣются укрыться отъ людскихъ глазъ.

ГЛАВА III.

Объ остальныхъ естественныхъ законахъ.

I. Второй изъ производныхъ естественныхъ законовъ гласитъ: соглашеній нужно придерживаться, или: обѣщанія должны быть исполняемы. Въ предыдущей главѣ было указано, что естественный законъ предписываетъ, какъ условіе необходимое для установленія мира, чтобы всѣ взаимно перенесли другъ на друга нѣкоторыя изъ принадлежащихъ имъ правъ и что это называется соглашеніемъ, хотя бы самое перенесеніе права должно было произойти въ будущемъ. Для установленія мира необходимо, чтобы каждый разъ, какъ мы соглашаемся что-либо совершить и допустить, мы совершали или допускали бы именно это самое; соглашенія были бы безцѣльными, если-бы ихъ не придерживались. Слѣдовательно положеніе, что соглашеній нужно придерживаться, или что обѣщанія должны быть исполнены, необходимое для установленія мира, является, въ силу раздѣла II главы второй, велѣніемъ естественнаго закона.

II. Лицамъ, съ которыми мы заключаемъ соглашенія, не дается никакого снисхожденія, если они или не исполняютъ обѣщаній по отношенію къ другимъ, или не считаютъ возможнымъ ихъ исполнить, или обладаютъ какимъ-либо инымъ недостаткомъ при ихъ исполненіи, потому что заключающій соглашеніе самымъ фактомъ соглашенія отрицаетъ безцѣльность совершаемаго имъ дѣйствія. Противорѣчить разуму совершать безцѣльное дѣйствіе, напередъ зная его за таковое. Точно такъ же считающій соглашеніе неподлежащимъ исполненію, наличностью подобнаго предположенія утверждаетъ, что данное имъ обѣщаніе безцѣльно. Итакъ, вступающій въ соглашеніе съ тѣмъ, передъ кѣмъ онъ не считаетъ себя обязаннымъ исполнить обѣщаніе, одновременно считаетъ обѣщаніе безцѣльнымъ и не безцѣльнымъ, что является абсурдомъ. Поэтому

нужно или соблюдать обѣщанія передъ всѣми людьми, или не нужно совсѣмъ вступать въ соглашенія, т. е. нужно или объявить войну, или поддерживать крѣпкій и ненарушимый миръ.

III. Неправдой называется нарушеніе соглашенія или требованіе обратно сдѣланнаго предоставленія; она всегда состоитъ въ какомъ-нибудь дѣйствіи или допущеніи дѣйствія. Это дѣйствіе или допущеніе дѣйствія называется неправымъ (injusta actio), равно и неправда (injuria) означаетъ неправое дѣйствіе или допущеніе его; и то и другое означаетъ то же, что и нарушеніе соглашенія или обѣщанія. Отсюда слѣдуетъ, что названіе неправды приписывается дѣйствію или допущенію дѣйствія потому, что оно происходитъ не по праву (sine jure), напримѣръ, если право было уже перенесено дѣйствующимъ или допускающимъ дѣйствіе на другого. Есть нѣкоторое сходство между тѣмъ, что въ жизни обычно называется неправдой и тѣмъ, что въ школахъ принято называть абсурдомъ, потому что какъ тотъ, кто рядомъ доказательствъ приводится къ отрицанію утвержденія, которое онъ раньше поддерживалъ, называется доведеннымъ до абсурда, точно такъ и тотъ, кто по душевной слабости совершаетъ или допускаетъ то, чего онъ самъ раньше обѣщалъ не совершать или не допускать, совершаетъ неправду и впадаетъ въ неменьшее противорѣчіе чѣмъ тотъ, кто въ школахъ доводится до абсурда. Ибо, соглашаясь на будущее дѣйствіе, онъ хочетъ его совершенія; не исполняя его—хочетъ, чтобы оно не совершилось, а хотѣть, чтобы одно и то же дѣйствіе одновременно и совершалось и не совершалось, есть противорѣчіе. Слѣдовательно есть какая-то неправда, безсмыслица въ утвержденіи, подобно тому какъ какая-то безсмыслица, неправда есть въ разсужденіи.

IV. Изъ этого слѣдуетъ, что неправду можно совершить только по отношенію къ тому, съ кѣмъ раньше было заключено соглашеніе, либо къ тому, кому что-нибудь было подарено, либо обѣщано что-либо путемъ соглашенія [1]). Поэтому очень

[1]) Понятіе несправедливости дается по отношенію къ закону, понятіе неправды—то по отношенію къ закону, то по отношенію къ извѣстному лицу. Ибо несправедливое — несправедливо по отношенію ко всѣмъ, неправда же можетъ существовать не только по отношенію ко

часто убытокъ и неправда не связаны другъ съ другомъ. Ибо если господинъ прикажетъ рабу, согласившемуся ему повиноваться, чтобы онъ далъ деньги взаймы третьему лицу, или оказалъ бы ему благодѣяніе, и тотъ не исполнитъ даннаго приказанія, то если рабъ даже и не причинитъ убытка третьему, онъ совершитъ неправду, но передъ однимъ только господиномъ. Точно также, если въ государствѣ кто-либо вредитъ другому, съ кѣмъ онъ не заключилъ никакого соглашенія, онъ причиняетъ ущербъ тому же, передъ кѣмъ онъ совершилъ зло, но совершаетъ неправду только по отношенію къ одному тому, кто обладаетъ верховной властью во всемъ государствѣ. И даже если потерпѣвшій ущербъ будетъ настаивать на томъ, что по отношенію къ нему совершена неправда и если совершившій ее отвѣтитъ такъ: что мнѣ до тебя? зачѣмъ я стану поступать по твоей прихоти скорѣй чѣмъ по моей и почему бы мнѣ не сопротивляться тому, что ты дѣлаешь по своему, а не по моему усмотрѣнію? въ этихъ словахъ, которымъ не предшествовали никакія соглашенія, я не вижу ничего, на что можно было бы возразить.

V. Понятія правое и неправое, точно такъ же какъ справедливость (justitia) и несправедливость (injustitia)—равнозначущи, потому что они значатъ одно, когда они примѣняются къ лицамъ и другое, когда примѣняются къ дѣйствіямъ. По отношенію къ дѣйствіямъ правое (justum) значитъ то же, что совершенное по праву и неправое—одно и то же, что неправда (injuria). Совершившій же что-либо правое называется не справедливымъ, но невиновнымъ, такъ какъ совершившаго что-либо неправое мы называемъ не неправымъ, но виновнымъ. Когда же эти понятія примѣняются къ лицамъ, быть правымъ значитъ то же, что наслаждаться правыми дѣйствіями, стремиться къ справедливости или пытаться всегда поступать по праву, и быть неправымъ значитъ пренебрегать справедливостью или думать, что ее слѣдуетъ соразмѣрять со своими непосредственными выгодами, а не съ заключенными уже соглашеніями. Точно такъ же какъ различны понятія праваго и неправаго по отношенію къ намѣреніямъ, учрежденію или человѣку, различны они по отношенію къ дѣйствіямъ и допущеніямъ; и дѣйствія праваго (justi) человѣка могутъ быть названы несправедливыми и обратно. Правымъ нужно называть того, кто поступаетъ правильно въ силу предписанія закона, неправыя же дѣйствія совершаетъ только по слабости, неправымъ—того, кто поступаетъ правильно изъ за страха передъ наказаніемъ санкціонирующимъ законъ, неправильно же въ силу душевной жестокости.

VI. Справедливость поступковъ различается обычно на взаимную и распредѣлительную (commutativam et distributivam); первая изъ нихъ покоится на ариѳметической, а вторая на геометрической пропорціи. Первая соблюдается при мѣнѣ, продажѣ, куплѣ, займѣ, его возвращеніи, наймѣ помѣщенія, сдачѣ его въ наемъ и при остальныхъ подобныхъ имъ сдѣлкахъ, гдѣ при равноправныхъ отношеніяхъ сторонъ возникаетъ справедливость. Распредѣлительная справедливость наблюдается тогда, когда въ силу положенія и заслугъ каждому приписывается соразмѣрно съ заслугами, болѣе знатному больше и менѣе знатному меньше, и это дѣлается пропорціонально съ заслугами. Я признаю данное различіе по отношенію къ равенству, а именно, одно равенство простое, когда между собою сравниваются двѣ вещи равной стоимости, напримѣръ, два фунта, въ каждомъ изъ которыхъ по 12 унцій серебра; другой видъ равенства я нахожу тогда, когда, напримѣръ, тысяча фунтовъ распредѣляются между ста людьми такимъ образомъ, что шестьсотъ фунтовъ дается шестидесяти людямъ и четыреста—сорока, гдѣ нѣтъ равенства между 600 и 400, но, такъ какъ соотвѣтственное неравенство существуетъ между числомъ тѣхъ, среди

мнѣ или къ тебѣ, но и по отношенію къ кому нибудь другому, и иногда не по отношенію къ какому нибудь человѣку или государству, но по отношенію къ одному только Богу. Ибо то, что неправда считается совершенной по отношенію къ тому или другому, происходитъ въ силу соглашенія или переноса правъ. Отсюда (что, какъ мы видимъ, бываетъ во всѣхъ государствахъ) то, о чемъ частныя лица согласились между собой письменно или устно, можетъ быть потребовано или не потребовано по усмотрѣнію обязывающаго. Преступленія же совершенныя противъ законовъ государства, какъ-то воровство, убійство и подобныя имъ наказываются не по волѣ пострадавшаго отъ преступленія, но по усмотрѣнію государства, т. е. согласно съ установленными законами. Поэтому неправда по отношенію къ данному лицу не можетъ имѣть мѣста иначе какъ послѣ того, какъ на него было перенесено извѣстное право.

которыхъ происходитъ распредѣленіе, каждый получаетъ по равной части; поэтому и распредѣленіе называется равнымъ. Это равенство есть то же, что геометрическая пропорція. Но при чемъ же тутъ справедливость? ибо если я продамъ мою вещь такъ дорого, какъ только смогу, я не совершу ничего неправаго по отношенію къ покупателю, который хочетъ ее имѣть и добивается ея; точно также, если я изъ моихъ средствъ дамъ менѣе заслуживающему больше, я не поступлю неправильно по отношенію ни къ кому, если только дамъ то, о чемъ мы согласились. Объ этомъ свидѣтельствуетъ въ Евангеліи самъ Спаситель нашъ Христосъ. Слѣдовательно это различіе относится не къ справедливости, а къ равенству. Однако нельзя отрицать, что справедливость есть что-либо иное кромѣ одного равенства, въ особенности что она не состоитъ въ томъ, чтобы никто не требовалъ себѣ больше правъ, чѣмъ онъ уступаетъ другому, если только это право не пріобрѣтено имъ на основаніи соглашенія, потому что по природѣ мы всѣ равны. Сказанное направлено противъ принятаго почти всѣми различія справедливости, чтобы никто не считалъ несправедливостью что-либо иное, кромѣ нарушенія довѣрія или соглашеній, какъ это было опредѣлено выше.

VII. Положеніе: нѣтъ несправедливости по отношенію къ хотящему существуетъ издревле. Однако истинность его слѣдуетъ вывести изъ принятыхъ нами основаній. То, что кто-либо сочтетъ несправедливымъ по отношенію къ себѣ, причинено желающему; слѣдовательно по его желанію сдѣлано то, чего въ силу соглашенія дѣлать было не нужно. Но при желаніи согласившагося, на совершеніе того, чего въ силу соглашенія дѣлать не слѣдовало, самое соглашеніе (въ силу раздѣла XV предшествующей главы) является нарушеннымъ; слѣдовательно благодаря этому возстановляется право дѣлать что угодно; значитъ все, что ни сдѣлано, дѣлается по праву, а поэтому здѣсь нѣтъ несправедливости.

VIII. Третье велѣніе естественнаго закона гласитъ: не позволяй оказаться въ худшемъ положеніи тому, кто, довѣряя тебѣ, первый оказалъ тебѣ благодѣяніе; иначе: пускай никто не принимаетъ благодѣянія иначе, какъ съ намѣреніемъ направить всѣ усилія къ тому, чтобы оказавшій его не раскаивался бы справедливо въ сдѣланномъ. Потому что иначе поступилъ бы противъ разсудка тотъ, кто, видя кого-нибудь гибнущимъ, первый подалъ ему помощь, и тогда было бы уничтожено всякое благодѣяніе и довѣріе, а съ ними и всякое благорасположеніе между людьми и не было бы у нихъ никакихъ заботъ другъ о другѣ и никакихъ движеній, направленныхъ на достиженіе благодарности, вслѣдствіе чего по необходимости всегда бы оставалось состояніе войны, наперекоръ основному естественному закону. Однако нарушеніе этого закона не есть нарушеніе довѣрія или соглашеній (потому что предполагается, что раньше между этими лицами не было заключено никакихъ соглашеній), поэтому это нарушеніе называютъ обыкновенно не несправедливостью, но, такъ какъ оба обезпечиваютъ себѣ взаимно благодѣяніе и благодарность, оно называется неблагодарностью.

IX. Четвертое предписаніе естественнаго закона гласитъ, что каждый долженъ представлять собой выгоду для остальныхъ. Для того чтобы правильно понять это, нужно обратить вниманіе на то, что при образованіи обществъ среди людей наблюдается различіе въ способностяхъ, происходящее отъ различія чувствъ и не отличающееся отъ того, которое наблюдается въ камняхъ, снесенныхъ для постройки и разнящихся матеріаломъ и внѣшнимъ видомъ. Потому что подобно тому какъ камень, вслѣдствіе неровной и угловатой поверхности отнимающій больше мѣста, чѣмъ онъ заполняетъ, или не могущій, вслѣдствіи крѣпости матеріала, быть легко обдѣланнымъ и усѣченнымъ и не содѣйствующій скрѣпленію зданія, отбрасывается какъ негодный, такъ и человѣкъ, вслѣдствіе грубости характера удерживающій лишнее для себя и отнимающій необходимое у другихъ и не подлежащій, благодаря оскорбительности его замашекъ, исправленію, обычно называется непригоднымъ и тяжелымъ для остальныхъ. Такъ какъ каждый не только на основаніи права, но въ силу естественной необходимости уже предполагается стремящимся всѣми силами къ тому, чтобы добыть все необходимое для своего самосохраненія, то если бы кто-нибудь захотѣлъ бороться за то, что является для него излишнимъ, по его винѣ возникла бы бойня, потому что ему одному не представлялось до сихъ поръ никакой не-

обходимости бороться. Слѣдовательно онъ поступаетъ противъ естественнаго закона. Отсюда слѣдуетъ, что предписаніе естественнаго закона (какъ было показано), состоитъ въ томъ, чтобы каждый представлялъ собой выгоду для остальныхъ. Слѣдовательно тотъ, кто нарушаетъ этотъ законъ, можетъ быть названъ непригоднымъ и тяжелымъ для остальныхъ. Цицеронъ однако противопоставляетъ выгодѣ жестокость, какъ относящуюся къ этому самому закону.

X. Предписаніе пятаго естественнаго закона гласитъ: каждый долженъ, принявъ предосторожность на будущее время, дать прощеніе прошлаго просящему и раскаивающемуся въ немъ. Прощеніе прошлаго или отпущеніе обиды есть ничто иное какъ дарованіе мира тому, кто, вызвавъ на войну и раскаиваясь въ этомъ поступкѣ, молитъ о мирѣ. Миръ же дарованный не раскаивающемуся, т. е. сохраняющему враждебныя намѣренія или не дающему обезпеченія на будущее время, т. е. ищущему не мира, но благопріятной минуты для нападенія, есть не миръ, но страхъ, и онъ не предписывается природой. Однако кто не захочетъ простить раскаивающемуся и предлагающему обезпеченіе на будущее, тотъ докажетъ, что ему не нравится самый миръ, а это противорѣчитъ естественному закону.

XI. Предписаніе шестого естественнаго закона гласитъ: при мщеніи, иначе при наказаніи, нужно принимать во вниманіе не прошедшее зло, но будущее добро, т. е. налагать наказанія позволительно только съ той цѣлью, чтобы исправить самого преступника или чтобы другіе, устрашенные его наказаніемъ, стали бы лучше. Это подтверждается во первыхъ тѣмъ, что каждый по естественному закону обязанъ прощать другому, лишь бы онъ только получилъ обезпеченіе на будущее время, какъ это показано въ предыдущемъ раздѣлѣ; кромѣ того подтверждается и тѣмъ, что мщеніе, насколько оно считается только съ прошлымъ, есть ничто иное, какъ тріумфъ и прославленіе, не имѣющее никакой цѣли (потому что при немъ разсматривается только прошлое, цѣль же есть грядущее). Что же не имѣетъ никакой цѣли—суетно. Мщеніе, не считающееся съ будущимъ, происходитъ отъ суетного желанія славы и потому противорѣчитъ разуму. А вредить кому-нибудь иначе чѣмъ на разумномъ основаніи, значитъ начинать войну и противорѣчить основному естественному закону. Слѣдовательно естественный законъ велитъ при мщеніи смотрѣть не назадъ, а впередъ. Нарушеніе этого закона обычно называется жестокостью.

XII. Такъ какъ всѣ выраженія ненависти и презрѣнія вызываютъ больше всего на ссору и драку, потому что многіе предпочтутъ скорѣе потерять жизнь, а не то что миръ, чѣмъ снести оскорбленіе, то на седьмомъ мѣстѣ слѣдуетъ предписаніе естественнаго закона, чтобы никто ни дѣломъ, ни словомъ, ни видомъ, ни смѣхомъ не показывалъ другому, что онъ его ненавидитъ или презираетъ. Нарушеніе этого закона называется оскорбленіемъ. Хотя издѣвательство и презрительность въ обращеніи нигдѣ не встрѣчаются такъ часто, какъ у могущественныхъ по отношенію къ менѣе могущественнымъ и въ особенности у судей по отношенію къ подсудимымъ, гдѣ они не относятся ни къ преступленію преступника, ни къ обязанности судьи, однако эти люди нарушаютъ естественный законъ и должны считаться оскорбителями.

XIII. Вопросъ о томъ, кто изъ двухъ людей является болѣе достойнымъ почестей, относится не къ естественному, а къ гражданскому состоянію, потому что показано раньше, въ III раздѣлѣ первой главы, что по природѣ всѣ люди равны между собой. Поэтому существующее теперь неравенство въ богатствахъ, власти, знатности рода произошло отъ гражданскаго закона. Я знаю, что Аристотель въ первой книгѣ Политики утверждаетъ какъ основаніе всего политическаго знанія, что одни люди по природѣ созданы достойными власти, а другіе—достойными служенія, подобно тому, какъ господа и рабы различаются не въ зависимости отъ людского соглашенія, но отъ способностей, т. е. по естественному знанію или незнанію. Это основаніе противорѣчитъ не только разуму (какъ показано выше), но также и опыту. Потому что нѣтъ никого настолько глупаго, чтобы онъ не рѣшилъ, что правильнѣе подчинить себя собственному управленію, чѣмъ чужому. И когда вступаютъ въ борьбу между собой мудрѣйшіе и сильнѣйшіе, не всегда и не часто первые побѣждаютъ послѣднихъ. Итакъ, или люди по природѣ равны между собой, и тогда это равенство нужно признать, или они неравны, и

тогда для поддержанія мира необходимо считать ихъ за равныхъ, потому что иначе они начнутъ бороться за власть; поэтому на восьмомъ мѣстѣ стоитъ предписаніе естественнаго закона, чтобы каждый считался по природѣ равнымъ всѣмъ. Этому закону противорѣчитъ гордость.

XIV. Подобно тому какъ для сохраненія всѣхъ необходимо, чтобы всѣ отказались отъ нѣкоторыхъ своихъ правъ, точно также не менѣе необходимо для этого же общаго сохраненія, чтобы каждый удержалъ нѣкоторыя права, а именно право защищать свое тѣло, право пользоваться свободнымъ воздухомъ, водой и всѣмъ остальнымъ необходимымъ для жизни. Такъ какъ у заключающихъ миръ съ одной стороны отнимаются многія общія права, а съ другой пріобрѣтаются многія собственно имъ принадлежащія, то возникаетъ девятое велѣніе естественнаго закона, а именно чтобы каждый уступилъ бы каждому изъ остальныхъ тѣ права, какія онъ требуетъ для себя. Иначе онъ дѣлаетъ мнимымъ равенство, признанное въ предыдущемъ раздѣлѣ, потому, что̀ значитъ признавать равенство людей при установленіи общества, какъ не приписывать имъ равное, потому что иначе никакое основаніе не заставить ихъ войти въ общество. Приписывать же равное равнымъ есть то же, что приписывать пропорціонально пропорціональнымъ. Соблюденіе этого закона называется скромностью, нарушеніе его—oleopexia, нарушающіе его называются неумѣренными и нескромными.

XV. На десятомъ мѣстѣ естественный законъ приказываетъ чтобы каждый при распредѣленіи права между другими предоставлялъ бы обѣимъ сторонамъ равныя между собою права. Предыдущій законъ запрещаетъ намъ требовать для себя больше правъ, чѣмъ мы уступаемъ остальнымъ. Если хотимъ, мы можемъ требовать меньше, потому что иногда это служитъ доказательствомъ скромности, но когда мы должны распредѣлить право между другими, приведенный законъ запрещаетъ намъ быть болѣе расположеннымъ къ одному, чѣмъ къ другому, ибо не соблюдающій естественнаго равенства преимущественнымъ передъ другимъ расположеніемъ наноситъ оскорбленіе обойденному. А выше сказано, что оскорбленіе противорѣчитъ естественнымъ законамъ. Соблюденіе этого предписанія называется справедливостью, нарушеніе его—воззрѣніемъ на лица, по гречески однимъ словомъ ousopolezia.

XVI. Изъ предшествующаго закона вытекаетъ одиннадцатый: тѣмъ, что нельзя раздѣлить, нужно пользоваться сообща (если это возможно) и (если позволяетъ количество) сколько каждый захочетъ. Если же этого не позволяетъ количество, тогда нужно пользоваться опредѣленными частями, соотвѣтственно числу пользующихся, потому что иначе никакъ нельзя сохранить то равенство, которое мы доказали въ одномъ изъ предыдущихъ раздѣловъ какъ предписанное естественнымъ закономъ.

XVII. Равнымъ образомъ, если нельзя ни раздѣлить вещь, ни владѣть ею сообща, естественный законъ устанавливаетъ (это его двѣнадцатое велѣніе), чтобы пользованіе этой вещью или было перемѣннымъ, или чтобы она присуждалась по жребію только одному и чтобы при перемѣнномъ пользованіи первый вступающій въ пользованіе также опредѣлялся жребіемъ. Ибо и здѣсь также нужно придерживаться равенства, а иного равенства кромѣ жребія найти здѣсь нельзя.

XVIII. Жребій бываетъ двухъ видовъ: либо произвольный, либо естественный; произвольный—тотъ, который устанавливается соглашеніемъ соглашающихся и основанъ только на случаѣ и въ особенности, какъ говорятъ, на счастьи, естественный устанавливается первородствомъ (по гречески cleronomia-какъ бы данное по жребію) или первымъ завладѣніемъ; поэтому тѣ вещи, которыя нельзя ни раздѣлить, ни владѣть ими сообща, переходятъ къ первому завладѣвшему ими; точно также вещи принадлежавшія отцу переходятъ къ первородному сыну, если только самъ отецъ не перенесъ раньше этого права. Таковъ тринадцатый естественный законъ.

XIX. Четырнадцатое велѣніе естественнаго закона гласитъ: посредникамъ мира должна быть предоставлена неприкосновенность, потому что разумъ, устанавливающій цѣли, указываетъ и необходимыя средства. Первое требованіе разума—миръ, все остальное—средства къ нему, безъ которыхъ невозможно достиженіе мира, но безъ посредничества нельзя заключить мира, какъ безъ неприкосновенности посредниковъ

нельзя поддерживать сношенія. Итакъ велѣніе разума, т. е. естественный законъ гласитъ: посредникамъ мира должна быть предоставлена неприкосновенность.

XX. Возможно однако, даже если бы люди пришли къ соглашенію относительно всѣхъ этихъ, а также остальныхъ естественныхъ законовъ и старались бы ихъ исполнять, что ежедневно станутъ возникать сомнѣнія и споры о примѣненіи этихъ законовъ къ фактамъ, а именно: являются ли совершенныя дѣянія противными закону или нѣтъ (это называется вопросомъ права, quaestio juris); изъ этихъ споровъ возникали бы столкновенія между сторонами, каждая изъ которыхъ считала бы себя обиженной. Итакъ для сохраненія мира (такъ какъ въ этомъ случаѣ нельзя придумать иного справедливаго выхода), необходимо чтобы оба спорящіе согласились бы обратиться къ третьему и обязали бы себя взаимными соглашеніями подчиниться постановленнымъ имъ въ спорномъ вопросѣ рѣшеніямъ. Тотъ, по отношенію къ кому состоялось подобное рѣшеніе, называется арбитромъ. Итакъ пятнадцатое велѣніе естественнаго закона гласитъ: нужно чтобы оба спорящіе о правѣ подчинились бы рѣшенію кого-нибудь третьяго.

XXI. Изъ того обстоятельства, что арбитръ или судья для разрѣшенія вопроса избирается самими спорящими, слѣдуетъ, что судьей не долженъ быть одинъ изъ спорящихъ. Ибо предполагается, что каждый по природѣ ищетъ блага для себя, а правды — только ради мира и случайно; поэтому онъ не можетъ соблюдать предписанную естественнымъ закономъ справедливость съ тою точностью, съ которой это сдѣлалъ бы третій. Поэтому на шестнадцатомъ мѣстѣ въ естественномъ законѣ содержится, что никто не можетъ быть судьей или арбитромъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ.

XXII. Изъ этого же слѣдуетъ на семнадцатомъ мѣстѣ, что арбитромъ не долженъ быть никто изъ тѣхъ, кто отъ побѣды одной изъ сторонъ надѣется на большую выгоду или прославленіе, чѣмъ отъ побѣды другой, потому что здѣсь дѣйствуетъ то же основаніе, что и въ предыдущемъ законѣ.

XXIII. Когда же возникаетъ разногласіе о самомъ событіи, а именно о томъ, произошло или нѣтъ то, что утверждается происшедшимъ, естественный законъ требуетъ (въ силу раздѣла XV), чтобы арбитръ вѣрилъ одинаково обѣимъ сторонамъ, т. е. (такъ какъ онѣ утверждаютъ противоположное) ни одной. Итакъ онъ долженъ вѣрить третьему, или третьему и четвертому, или многимъ для того, чтобы онъ могъ вынести рѣшеніе о событіи, котораго онъ не можетъ знать на основаніи другихъ признаковъ. Итакъ восемнадцатый естественный законъ возлагаетъ на арбитровъ и судей событія обязанность тамъ, гдѣ нѣтъ явныхъ доказательствъ событія, постановлять рѣшеніе согласно съ показаніями свидѣтелей, которые покажутся справедливыми обѣимъ сторонамъ.

XXIV. Изъ приведеннаго выше опредѣленія арбитра далѣе можно вывести, что между нимъ самимъ и сторонами, арбитромъ между которыми онъ поставленъ, не можетъ дѣйствовать никакого соглашенія или обѣщанія, въ силу котораго онъ былъ бы обязанъ высказаться въ пользу одной изъ сторонъ или высказать то, что является справедливымъ или что онъ признаетъ справедливымъ, потому что въ силу естественнаго закона, содержащагося въ раздѣлѣ XV, арбитръ обязанъ вынести то рѣшеніе, которое онъ считаетъ справедливымъ и нѣтъ ничего, что могло бы быть прибавлено соглашеніемъ къ обязательности этого закона. Значитъ такое соглашеніе было бы напраснымъ. Кромѣ того, если, вынеся несправедливое рѣшеніе, арбитръ будетъ утверждать, что оно справедливо, и если подобное соглашеніе не будетъ недѣйствительнымъ, то разногласіе, вызвавшее споръ, будетъ продолжать существовать и послѣ вынесенія рѣшенія, что противорѣчитъ установленію арбитра, который былъ избранъ сторонами такимъ образомъ, что онѣ взаимно обязались считать неизмѣннымъ объявленное имъ рѣшеніе. Слѣдовательно естественный законъ велитъ чтобы арбитръ былъ свободенъ, что и составляетъ девятнадцатое его велѣніе.

XXV. Далѣе, такъ какъ естественные законы есть ничто иное какъ велѣніе праваго разума, такъ что никто не можетъ ихъ соблюдать, если онъ не пытается сохранить способность правильнаго разсужденія, очевидно, что тотъ, кто намѣренно и сознательно дѣлаетъ то, что разрушаетъ или затрудняетъ

умственныя способности, намѣренно и сознательно нарушаетъ естественный законъ, потому что не важно, дѣлаетъ ли это кто-нибудь по обязанности или съ намѣреніемъ оказаться не въ состояніи исполнять свою обязанность. Люди, которые дѣлаютъ то, благодаря чему умъ отклоняется отъ своего естественнаго состоянія, разрушаютъ или уменьшаютъ способность разсужденія, что самымъ очевиднымъ образомъ сказывается у отягченныхъ хмелемъ. Слѣдовательно на двадцатомъ мѣстѣ естественный законъ нарушается пьянствомъ.

XXVI. Кто-либо, видѣвшій съ помощью какихъ ухищреній мы пытались вывести предшествовавшія естественныя велѣнія изъ единственнаго приказанія разума, призывающаго насъ къ самосохраненію и безопасности, можетъ сказать, что выведеніе этихъ законовъ настолько трудное дѣло, что нельзя ожидать, чтобы они стали извѣстными толпѣ и что поэтому они не обязательны. Ибо законы, если они не извѣстны, не обязываютъ и даже они тогда вовсе не являются законами. На это я отвѣчаю, что дѣйствительно надежда, страхъ, гнѣвъ, честолюбіе, скупость, тщеславіе и остальные виды душевнаго волненія мѣшаютъ всѣмъ людямъ узнать естественные законы въ то время, когда эти страсти становятся преобладающими. Однако нѣтъ никого, кто бы не бывалъ когда-нибудь спокойнымъ. Слѣдовательно въ это время, хотя бы онъ былъ неученъ и грубъ, для него нѣтъ ничего легче какъ узнать эти законы, конечно соблюдая то единственное правило, что въ случаѣ сомнѣнія будетъ ли то, что онъ намѣревается совершить по отношенію къ другому совершеннымъ по естественному праву или нѣтъ, онъ подумалъ бы, что онъ самъ находится на мѣстѣ этого другого. Тогда немедленно то волненіе, которое побуждало его къ дѣйствію, будучи перенесеннымъ на другую чашку вѣсовъ, отвратитъ его отъ неправаго дѣйствія. И это правило не только является легкимъ, но уже давно было запечатлѣно въ слѣдующихъ словахъ: не дѣлай другому того, что ты не желаешь чтобы сдѣлали тебѣ.

XXVII. Такъ какъ однако большинство людей въ силу несправедливаго желанія непосредственной выгоды меньше всего способно соблюдать вышеизложенные, хотя бы и извѣстные

имъ законы, то поэтому, если нѣкоторые, болѣе скромные чѣмъ другіе, будутъ слѣдовать той справедливости и снисходительности, которую предписываетъ разумъ, въ то время какъ остальные этому предписанію слѣдовать не будутъ, они менѣе всего окажутся слѣдующими разуму, потому-что они подготовляютъ для себя не миръ, но вѣрную и совершенно неизбѣжную гибель и, повинуясь закону, они отдаютъ себя въ добычу неповинующимся. Слѣдовательно не нужно думать, что по природѣ, т.е. согласно разуму люди обязываются исполнять всѣ эти законы въ томъ состояніи, въ которомъ они не исполняются другими [1]). Однако въ подобномъ состояніи мы обязываемся къ намѣренію соблюдать эти законы, когда окажется, что ихъ соблюденіе ведетъ къ цѣли, ради которой они устанавливаются. Отсюда нужно заключить, что естественные законы всегда и вездѣ обязываютъ передъ внутреннимъ судомъ, иначе передъ судомъ совѣсти, но передъ судомъ внѣшнимъ не всегда, а единственно тогда, когда они могутъ быть безопасно исполняемы.

XXVIII. Законы обязывающіе совѣсть могутъ нарушаться не только противорѣчащимъ, но и согласнымъ съ ними поступкомъ, если только совершающій его думаетъ обратное, потому что хотя само дѣйствіе и согласно съ законами, сознаніе имъ противорѣчитъ.

XXIX. Естественные законы неизмѣнны и вѣчны: что они запрещаютъ никогда не сможетъ стать дозволеннымъ; что они приказываютъ никогда не будетъ недозволеннымъ, потому что никогда гордость, неблагодарность, нарушеніе соглашеній (иначе неправда), безчеловѣчность, оскорбленіе не станутъ дозволен-

[1]) Дѣйствительно среди этихъ законовъ есть нѣкоторые, неисполненіе которыхъ (происходитъ ли оно ради сохраненія мира или ради самосохраненія) скорѣй окажется исполненіемъ естественнаго закона, чѣмъ его нарушеніемъ. Ибо прибѣгающій ко всевозможнымъ средствамъ противъ не брезгующихъ никакими средствами и вырывающій у грабителей поступаетъ справедливо. И наоборотъ, дѣлать то, что было бы образцомъ во время мира и что свойственно скромному человѣку, будетъ во время войны трусостью и преданіемъ самого себя во власть врага. Есть однако нѣкоторые естественные законы, исполненіе которыхъ не прекра-

ными, ни противоположныя имъ добродѣтели — недозволенными, пока они будутъ считаться знаками душевнаго расположенія, т. е. пока они будутъ разсматриваться на судѣ совѣсти, гдѣ только онѣ однѣ и обязываютъ и являются законами. Однако дѣйствія могутъ, въ силу обстоятельствъ и гражданскихъ законовъ, разнообразиться въ такой степени, что тѣ изъ нихъ, которыя считаются въ одно время справедливыми, будутъ въ другое время несправедливыми и тѣ, которыя считаютъ въ одномъ мѣстѣ разумными, въ другомъ мѣстѣ будутъ неразумными. Однако разумъ не измѣняетъ ни цѣли, которой остаются миръ и защита, ни средствъ, т. е. тѣхъ добродѣтелей, на которыя мы указали выше и изъ которыхъ ни одна не можетъ быть уничтожена обычаемъ или гражданскимъ закономъ.

XXX. Изъ сказаннаго до сихъ поръ слѣдуетъ, какъ легко соблюдать естественные законы, потому что они требуютъ только одного стремленія (но искренняго и постояннаго) и исполнившаго это условіе мы правильно можемъ называть правымъ. Ибо стремящійся всѣми силами къ тому, чтобы всѣ его дѣйствія были согласованы съ предписаніями природы ясно показываетъ, что онъ имѣетъ намѣреніе исполнять всѣ эти законы, а это — все то, къ чему насъ обязываетъ разумная природа. Исполнившій же все, что онъ обязанъ, называется правымъ.

XXXI. Всѣ писатели соглашаются, что естественный законъ есть то же, что и законъ нравственный. Разсмотримъ почему это утвержденіе является истиннымъ. Нужно знать, что благое и злое суть названія, прилагаемыя къ вещамъ для

щается во время войны, потому что я не понимаю, чѣмъ можетъ способствовать миру или сохраненію каждаго человѣка пьянство или жестокость (т. е. наказаніе, не ставящее своею цѣлью будущее благо). Коротко говоря, въ естественномъ состояніи правое и неправое должно разцѣниваться въ зависимости не отъ поступковъ, но отъ намѣренія и сознанія дѣйствующихъ. Что дѣлается по необходимости, ради поддержанія мира, ради самосохраненія, дѣлается правильно. Иначе всякій вредъ, причиненный человѣку, есть нарушеніе естественнаго закона и несправедливость передъ Господомъ.

обозначенія стремленія или отвращенія тѣхъ, кто такъ называетъ эти вещи. Стремленія же людей различаются между собою вслѣдствіе различія человѣческихъ темпераментовъ, привычекъ и мнѣній, какъ это можно видѣть на тѣхъ предметахъ, которые мы постигаемъ посредствомъ ощущеній, какъ то вкуса, осязанія, обонянія, но въ гораздо большей степени это наблюдается въ дѣйствіяхъ, относящихся къ повседневной жизни, гдѣ то, что одинъ хвалитъ, т. е. называетъ благимъ, другой порицаетъ какъ злое, и даже очень часто одинъ и тотъ же человѣкъ въ различныя времена хвалитъ и вмѣняетъ въ вину одно и то же дѣйствіе. Когда люди поступаютъ такимъ образомъ, по необходимости возникаютъ между ними несогласія и войны. Итакъ они до тѣхъ поръ пребываютъ въ состояніи войны, пока добро и зло, благодаря различію стремленій присутствующихъ, измѣряются различными мѣрами. Это состояніе всѣ, пока они въ немъ пребываютъ, охотно признаютъ дурнымъ и слѣдовательно они признаютъ миръ благомъ. Итакъ, тѣ, кто не можетъ прійти къ соглашенію о настоящемъ благѣ, соглашаются о благѣ будущемъ, что также является дѣломъ разума, потому что настоящее постигается чувствами, а будущее—только разумомъ. Изъ указанія разума, что миръ есть благо, слѣдуетъ, на основаніи того же разума, что всѣ средства необходимыя для поддержанія мира хороши, а потому скромность, справедливость, довѣріе, человѣчность, милосердіе, (которыя, какъ мы показали, необходимы для поддержанія мира) принадлежатъ къ хорошимъ обычаямъ или поведенію, т. е. къ добродѣтелямъ. Слѣдовательно законъ, предписывающій средства къ поддержанію мира тѣмъ самымъ предписываетъ добрые нравы или добродѣтели; поэтому онъ называется нравственнымъ закономъ.

XXXII. Такъ какъ люди не могутъ отдѣлаться отъ того неразумнаго стремленія, въ силу котораго они предпочитаютъ наличныя блага (за которыми, благодаря невозможности предвидѣть послѣдствія, часто слѣдуетъ неожиданное зло), будущимъ, получается, что хотя всѣ сходятся въ похвалахъ названнымъ добродѣтелямъ, однако и до сихъ поръ люди расходятся въ опредѣленіи ихъ природы, въ опредѣленіи въ чемъ именно состоитъ каждая изъ нихъ, потому что каждый разъ

какъ кому-нибудь не понравится чужой добрый поступокъ, онъ прилагаетъ къ нему названіе какого-нибудь близко подходящаго порока; подобнымъ же образомъ нравящіяся намъ несправедливости причисляются къ какой-нибудь добродѣтели. Отсюда происходитъ, что одинъ и тотъ же поступокъ хвалится и называется одними добродѣтелью, и вмѣняется въ вину и выдается за порокъ другими. До сихъ поръ философы не нашли никакого лекарства противъ этого зла, потому что они, не замѣтивъ, что благость поступковъ состоитъ въ томъ, что они направлены на поддержанія мира, а вредность ихъ — въ томъ, что они направлены къ возбужденію несогласія, основали нравственную философію чуждую нравственнаго закона и не отличающуюся постоянствомъ въ себѣ самой. Это объясняется тѣмъ, что они хотѣли видѣть природу добродѣтели заключенной въ серединѣ между двухъ крайностей, а пороки — въ самыхъ крайностяхъ, что явнымъ образомъ ложно, ибо отвага вызываетъ похвалы и считается подъ именемъ храбрости добродѣтелью хотя бы она была и чрезмѣрной, если только ея причина вызываетъ одобреніе. Точно также не количество даримыхъ вещей, будетъ оно большимъ, малымъ или среднимъ, обуславливаетъ щедрость, а причина даренія, и не будетъ несправедливостью, если я отдамъ изъ принадлежащаго мнѣ имущества больше, чѣмъ я долженъ. Итакъ естественные законы — сущность нравственной философіи: велѣнія ихъ я передалъ здѣсь постольку, поскольку они касаются нашего сохраненія отъ возникающихъ благодаря несогласію опасностей. Есть и другія предписанія разумной природы, изъ которыхъ рождаются другія добродѣтели, ибо и умѣренность есть вліяніе разума, потому что неумѣренность ведетъ къ болѣзнямъ и конечной гибели. Точно также и храбрость, т. е. способность бодро вступать въ борьбу съ возникающими опасностями, отклонить которыя труднѣе, чѣмъ побѣдить ихъ, потому что она есть средство къ самосохраненію сопротивляющагося.

XXXIII. Такъ какъ то, что мы называемъ естественными законами есть ничто иное, какъ нѣкоторыя постигнутыя разумомъ заключенія о томъ, что нужно совершить и отъ чего нужно воздержаться и такъ какъ законъ въ его собственномъ и точномъ смыслѣ есть приказаніе сдѣлать или не дѣлать

чего-либо, которое повелѣвающій по праву обращаетъ къ другимъ, то они не являются собственно говоря законами, поскольку они исходятъ отъ природы. Однако поскольку они же установлены Богомъ въ Священномъ Писаніи, какъ это мы увидимъ въ слѣдующей главѣ, они называются законами въ самомъ точномъ смыслѣ этого слова, потому что Священное Писаніе является во всемъ приказаніемъ повелѣвающаго съ полнѣйшимъ правомъ Бога.

ГЛАВА IV.

О томъ, что естественные законы суть законы божественные.

I. Обыкновенно естественный или моральный законъ называютъ божественнымъ и не напрасно, такъ какъ разумъ, который есть естественный законъ, ниспосланъ каждому непосредственно Богомъ, какъ мѣрило его дѣйствій и такъ какъ вытекающія отсюда правила житейскаго поведенія представляютъ то же, что было возвѣщено Божественной волей въ законахъ небеснаго царствія словами Господа Нашего Іисуса Христа, святыхъ пророковъ и апостоловъ. Итакъ въ этой главѣ мы попытаемся подтвердить словами Священнаго Писанія то, что раньше было выведено путемъ умозаключенія изъ понятія естественнаго закона.

II. Прежде всего укажемъ тѣ мѣста, въ которыхъ объявляется, что божественный законъ содержится въ правомъ разумѣ. Это Пс. 36. 30, 31. Уста праведника изрекаютъ премудрость, и языкъ его произноситъ правду. Законъ Бога его въ сердцѣ у него. Іер. 31. 33. Вложу законъ Мой во внутренность ихъ и въ сердцахъ ихъ напишу его. Пс. 18. 8. Законъ Господа совершенъ, укрѣпляетъ душу. Заповѣдь Господа свѣтла, просвѣщаетъ очи. Вт. 30. 11. Заповѣдь, которую я обращаю сегодня къ тебѣ, не слишкомъ высока для тебя. Вт. 30. 14. Это слово—близко тебѣ; оно въ твоихъ устахъ и въ твоемъ сердцѣ. Пс. 118. 34. Вразуми меня и буду соблюдать законъ Твой. Пс. 118. 105. Слово Твое свѣтильникъ ногѣ моей и свѣтъ стезѣ моей. Притч. 10. 31. Уста праведника источаютъ мудрость. У Іоанна 1. 1. самъ провозвѣстникъ закона—Христосъ называется Словомъ (logos), въ ст. 9 этотъ же Христосъ называется истиннымъ свѣтомъ, просвѣщающимъ всякаго человѣка грядущаго въ міръ. Все это—описаніе праваго разума, велѣнія котораго, какъ показано раньше, суть естественные законы.

III. Установленный нами основной естественный законъ: нужно искать мира является въ то же время высшимъ божественнымъ закономъ, что явствуетъ изъ слѣдующихъ мѣстъ: Римл. 3. 17, гдѣ справедливость (являющаяся верховнымъ закономъ) называется дорогой къ миру. Пс. 84. 11. Справедливость и миръ обмѣниваются поцѣлуемъ. Мѳ. 5. 7. Блаженны милостивые, такъ какъ они будутъ помилованы. И ап. Павелъ, сказавъ въ послѣднемъ стихѣ гл. 6 посланія къ Евреямъ, что Христосъ (давшій законъ, о которомъ идетъ рѣчь) — вѣчный первосвященникъ по чину Мельхиседекову, прибавляетъ въ первомъ стихѣ слѣдующей главы: этотъ Мельхиседекъ былъ царь Іерусалима и священникъ Бога Вышняго и т. д. и въ стихѣ 2: имя котораго обозначаетъ царь справедливости и который былъ царемъ Іерусалима, т. е. царемъ мира. Отсюда слѣдуетъ, что Христосъ, Царь своего царства, совмѣщаетъ справедливость съ миромъ. Пс. 33. 15. Бѣги зла и дѣлай добро; ищи мира и слѣдуй ему. Ис. 9. 6. Ибо у насъ родилось дитя, намъ данъ Сынъ; власть на раменахъ его и его имя будетъ Чудный, Совѣтникъ, Богъ крѣпкій, Отецъ вѣчности, Князь мира. Ис. 52. 7. Какъ прекрасны на горахъ ноги благовѣстника, возвѣщающаго миръ, благовѣствующаго радость, проповѣдующаго спасеніе, говорящаго Сіону: воцарился Богъ твой. Лук. 2. 14, говоря о Рождествѣ Христовомъ, упоминаетъ о голосѣ, славившемъ Бога и вѣщавшемъ: слава въ вышнихъ Богу и на землѣ миръ людямъ доброй воли, а Ис. 53. 5. называетъ Евангеліе ученіемъ мира. У Ис. 59. 8. стезя справедливости называется путемъ мира. Мих. 5. 4. 5, пророчествуя о Мессіи, говоритъ: онъ будетъ стоять и править силою Вѣчнаго и прославится до концовъ земли и онъ — миръ. Притч. 3. 1,2. Сынъ мой, не забывай моего наставленія, и пусть сердце твое хранитъ мои заповѣди, ибо они принесутъ тебѣ долгіе дни и годы жизни и благополучіе.

IV. Что касается до перваго закона объ уничтоженіи общности всѣхъ вещей или объ установленіи различія между моимъ и твоимъ, то мы прежде всего видимъ, что эта общность противорѣчитъ миру въ силу словъ Авраама Лоту Быт. 13. 8,9. Прошу тебя: да не будетъ распри между мною и тобою или между моими пастухами и твоими; ибо мы—братья. Развѣ

не вся страна въ твоемъ распоряженіи? Отдѣлись, заклинаю тебя, отъ меня. Законъ о различеніи нашего и чужого подтверждаютъ всѣ тѣ мѣста Священнаго Писанія, которыми воспрещается вторженіе въ область воздѣйствія другого, напримѣръ, не убій, не укради, не прелюбы сотвори; эти велѣнія предполагаютъ, что право всѣхъ на все уничтожено.

V. Тѣ же велѣнія обосновываютъ второй естественный законъ о сохраненіи вѣрности. Не посягай на другого нельзя понять иначе, какъ не посягай на то, что въ силу заключеннаго тобой соглашенія не принадлежитъ тебѣ. На вопросъ, Господи, кто будетъ обитать въ жилищѣ твоемъ? Пс. 14. 4. ясно отвѣчаетъ: кто поклялся во вредъ себѣ и не измѣняетъ. И Притч. 6. 1,2. Сынъ мой, если ты обязался передъ другомъ твоимъ, ты связанъ словами устъ своихъ, ты въ плѣну у словъ устъ своихъ.

VI. Третій законъ, о благодарности, подтверждаютъ слѣдующія мѣста: Вт. 25. 4. не заграждай рта волу, когда онъ молотитъ; то, что ап. Павелъ сказалъ 1 Кор. 9. 9. толкуется какъ относящееся къ людямъ, а не только къ быкамъ; Притч. 17. 13. кто за добро воздаетъ зломъ; не исчезнетъ зло изъ дома того; Вт. 20. 10, 11: когда ты приближаешься къ городу чтобы завоевать его, предложи ему миръ, тогда, если онъ дастъ мирный отвѣтъ и откроетъ тебѣ ворота, весь находящійся тамъ народъ будетъ платить тебѣ дань. Притч. 3. 29: не злоумышляй противъ ближняго, живущаго съ тобой и вѣрящаго тебѣ.

VII. Четвертому закону, объ отдачѣ себя ради общаго блага, соотвѣтствуютъ слѣдующія божественныя велѣнія: Исх. 23. 4, 5, 9: если ты встрѣтишь вола врага твоего или заблудившагося осла, ты не замедлишь отвести ихъ къ нему; если ты видишь осла, принадлежащаго ненавидящему тебя, изнемогающимъ подъ бременемъ, не оставляй его такъ; не притѣсняй чужестранца. Притч. 3. 30: не ссорься безпричинно ни съ кѣмъ, кто не сдѣлалъ тебѣ никакого зла. Притч. 15. 18. Вспыльчивый возбуждаетъ столкновенія. Притч. 18. 25. Человѣкъ имѣющій друзей долженъ ихъ держаться, потому что другъ привязанъ больше, чѣмъ братъ. Подтверждаетъ его также Лук. 10. притчей о Самаритянинѣ, который сжалился надъ Іудеемъ, раненнымъ разбойниками и словами Христа Мѳ. 5. 39: Я же говорю вамъ: не противьтесь злу; кто же ударитъ тебя по правой щекѣ, подставь ему и лѣвую и т. д.

VIII. Въ числѣ другихъ безчисленныхъ мѣстъ, подтверждающихъ пятый законъ находятся слѣдующія: Мѳ. 6. 14, 15: если вы будете прощать людямъ согрѣшенія ихъ, то проститъ и вамъ Отецъ вашъ небесный, а если вы не будете прощать людямъ согрѣшенія ихъ, то и Отецъ вашъ не проститъ согрѣшеній вашихъ. На вопросъ Мѳ. 18. 21: Господи сколько разъ прощать брату моему, согрѣшающему противъ меня? не до семи ли разъ? Іисусъ отвѣтилъ: не до семи, но до семидесяти разъ семи, т. е. столько разъ, сколько онъ согрѣшитъ.

IX. Шестой законъ подтверждаютъ всѣ тѣ мѣста, которыя приказываютъ творить милостыню; таковы: Мѳ. 5. 7. Блаженны милостивые, такъ какъ они будутъ помилованы. Лев. 19. 18. Ты не будешь мстить и гнѣваться на дѣтей твоего народа, но ты будешь любить ближняго твоего какъ самого себя. Однако есть думающіе, что этотъ законъ не только не подтверждается, но опровергается Писаніемъ, потому что послѣ смерти, гдѣ нѣтъ мѣста никакому исправленію и поученію, нечестивые обрекаются вѣчному наказанію. Это возраженіе нѣкоторые опровергаютъ указаніемъ, что Господь, не будучи связанъ никакими законами, все обращаетъ во славу Свою, но человѣку не пристало поступать подобнымъ образомъ. Какъ будто Господь находитъ славу, т. е. ему доставляетъ радость смерть грѣшника. Правильнѣй отвѣчать, что вѣчное наказаніе было установлено раньше грѣха и относилось къ нему лишь такимъ образомъ, чтобы заставить людей бояться грѣшить въ будущемъ.

X. Седьмой законъ подтверждаютъ слова Христа Мѳ. 5. 22: Я же говорю вамъ, что гнѣвающійся безъ причины на брата своего будетъ наказанъ на судѣ, а сказавшій ему: безумецъ будетъ наказанъ геенной огненной. Притч. 10. 18. произносящій оскорбленія—безуменъ. Притч. 14. 21. Презирающій ближняго своего грѣшитъ; жалѣющій обиженныхъ — блаженъ. Притч. 15. 1. Рѣзкое слово возбуждаетъ гнѣвъ. Притч. 22. 10.

Прогони кощунника — и удалится раздоръ, и прекратятся ссора и брань.

XI. Восьмой законъ, о признаніи естественнаго равенства, т. е. о человѣчности подтверждаютъ слѣдующія мѣста: Мѳ. 5. 3. Блаженны нищіе духомъ, ибо имъ принадлежитъ небесное царствіе. Притч. 6. 16, 17. Господь ненавидитъ шесть вещей и даже семь Ему ненавистны: гордые глаза. Притч. 16. 5. Господь ненавидитъ всякого высокомѣрнаго; можно поручиться, что онъ не останется ненаказаннымъ. Притч. 11. 2. Гдѣ гордость, тамъ и посрамленіе; мудрость же пребываетъ со смиренными. Точно такъ же Ис. 40. 3, 4 (гдѣ предвѣщается приходъ Мессіи, подготовляющаго Царствіе Свое) голосъ вопіющаго въ пустынѣ: уготовьте путь Господу, проложите въ пустынѣ стези Богу нашему; всякая долина будетъ заполнена и всякая гора и холмъ принижена, что безъ сомнѣнія относится не къ горамъ, а къ людямъ.

XII. Справедливость, которая по нашему утвержденію является девятымъ въ ряду естественныхъ законовъ и которая предписываетъ каждому признавать за остальными тѣ же права, которыя онъ желаетъ видѣть признаваемыми за собой и тѣмъ заключаетъ въ себѣ всѣ остальные законы, есть то же, что утверждаетъ Моисей Лев. 19. 18. Возлюби ближняго своего какъ самъ себя и что Нашъ Спаситель называлъ верховнымъ закономъ Мѳ. 22. 39. Возлюби ближняго своего какъ самого себя. Возлюбить же ближняго своего какъ самого себя есть ничто иное, какъ позволить ему все, что мы желаемъ видѣть дозволеннымъ намъ самимъ.

XIII. Девятымъ закономъ запрещается лицепріятіе, точно такъ же, какъ и слѣдующими мѣстами. Мѳ. 5. 45: чтобы вы были дѣтьми Отца вашего Небеснаго; ибо Онъ даетъ солнцу всходить надъ злыми и добрыми и дождю итти надъ праведниками и неправедными. Кол. 3. 11: нѣтъ ни эллина, ни іудея, ни обрѣзаннаго, ни необрѣзаннаго, ни варвара, ни скиѳа, ни раба, ни свободнаго, но во всѣхъ Христосъ. Дѣян. 10. 34: истинно познаю, что Господь ни взираетъ ни на кого. 2 Пар. 19.7. нѣтъ у Господа нашего неправды, ни лицепріятія. Римл. 2. 11. Нѣтъ у Бога зрѣнія на лица.

XIV. Я не знаю имѣется ли буквально въ Священномъ Писаніи или нѣтъ одиннадцатый законъ, приказывающій владѣть сообща тѣмъ, чего нельзя раздѣлить; его примѣненіе постоянно встрѣчается при общемъ пользованіи колодцами, дорогами, рѣками, священными предметами и т. д. и иначе поступать нельзя, пока будутъ существовать люди.

XV. Мы сказали, что на двѣнадцатомъ мѣстѣ въ ряду естественныхъ законовъ стоитъ, что то, чего нельзя ни раздѣлить, ни передать въ общее пользованіе, должно быть раздѣлено по жребію, что подтверждается примѣромъ Моисея, который по приказанію Господа Чис. 34. части земли обѣтованной роздалъ во владѣніе колѣнамъ по жребію, такъ и примѣромъ апостоловъ, которые, Дѣян. 1. приняли по жребію въ свое число (помолившись: покажи, Господи, кого ты избираешь и т. д.) Матѳія вмѣсто Іуды. То же слѣдуетъ изъ Притч. 16. 33: бросаютъ жребій въ полу, но рѣшенію его — отъ Господа. И, какъ слѣдовало по тринадцатому закону, наслѣдованіе принадлежало бы Исаву, первородному Исаака, если бы онъ самъ его (Быт. 25. 33.) не продалъ, или если бы отецъ не постановилъ иначе.

XVI. Ап. Павелъ, обращаясь къ Коринѳянамъ I. 6, упрекаетъ христіанъ этого города за то, что они судятся въ публичныхъ судахъ у невѣрныхъ судей, своихъ враговъ, и утверждаетъ, что они грѣшатъ, не предпочитая претерпѣть несправедливость или перенести обманъ; это противорѣчитъ тому закону, который приказываетъ намъ быть взаимно полезными другъ другу. Но если случится, что споръ идетъ о необходимыхъ вещахъ, какъ поступить тогда? На это апостолъ ст. 5. отвѣчаетъ: развѣ нѣтъ мудрыхъ между вами, нѣтъ ни одного, кто могъ бы судить среди братьевъ своихъ? Слѣдовательно этими словами онъ подтверждаетъ естественный законъ, который мы означили пятнадцатымъ, а именно, что тамъ, гдѣ нельзя избѣжать спора, слѣдуетъ выбрать по соглашенію сторонъ какого-нибудь посредника, непремѣнно третьяго, такимъ образомъ, чтобы (какъ гласитъ шестнадцатый законъ) ни одинъ изъ тяжущихся не былъ бы судьей въ своемъ дѣлѣ.

XVII. Что судья или посредникъ не долженъ принимать вознагражденія за рѣшеніе (что составляетъ семнадцатый за-

конъ) слѣдуетъ изъ Исх. 23. 8: не принимай подарковъ, ибо подарокъ ослѣпляетъ просвѣщенныхъ и извращаетъ слова праведныхъ, откуда слѣдуетъ, что судья не является обязаннымъ одной сторонѣ болѣе чѣмъ другой, что содержитъ девятнадцатый законъ, подтвержденный также Втор. 1. 17: не взирай на лица во время суда; выслушай малаго какъ и большого, и всѣми тѣми мѣстами, которыя были приведены противъ лицезрѣнія.

XVIII. Что при рѣшеніи факта должны быть допущены свидѣтели, не только подтверждается Писаніемъ, но требуется во многихъ мѣстахъ. Втор. 17. 6: тотъ, кто долженъ умереть, умретъ по слову двухъ или трехъ свидѣтелей. То же требуется Втор. 19. 15.

XIX. Пьянство, которое мы помѣстили на послѣднемъ мѣстѣ въ числѣ нарушеній естественнаго закона, такъ какъ его запрещаетъ правый разумъ, запрещается и Священнымъ Писаніемъ по той же причинѣ. Притч. 20. 1: вино располагаетъ къ насмѣшкамъ и сикеръ вызываетъ ссоры; кто пьетъ ихъ, тотъ не мудръ и 31. 4, 5: царямъ не слѣдуетъ пить вина, ибо, напившись, они забудутъ свои приказанія и пренебрегутъ правами бѣдныхъ. И чтобы мы знали, что зло этого порока состоитъ не въ количествѣ выпитаго вина, но въ томъ, что оно извращаетъ сужденія и разумъ, въ ближайшихъ стихахъ слѣдуетъ: давайте сикеръ тѣмъ, кто идетъ на гибель, а вино тѣмъ, у кого горечь на сердцѣ, дабы они пили и забыли о своей бѣдности и не помнили бы о своихъ страданіяхъ. На то же основаніе опирается и Христосъ, запрещающій пьянство Лук. 21. 34: берегитесь, дабы сердца ваши не были бы отягчены пьянствомъ.

XX. Мы сказали въ предшествующей главѣ, что естественный законъ вѣченъ; это подтверждается у Мѳ. 5. 18: истинно говорю вамъ, что пока не прейдутъ небо и земля нѣтъ ничего въ законѣ, что бы не исполнилось и Пс. 118. 160: Основаніе слова Твоего истинно.

XXI. Мы сказали также, что естественные законы обращены къ совѣсти, т. е. что праведенъ тотъ, кто всѣми силами старается ихъ исполнять. И хотя бы кто-нибудь и совершилъ всѣ тѣ дѣйствія (что относится къ внѣшнему повиновенію), которыя приписываетъ законъ, но не ради самаго закона, но ради содержащагося въ немъ наказанія или ради славы, онъ

будетъ неправеденъ. И то и другое подтверждается Священнымъ Писаніемъ, первое Исаія 55. 7: пусть злой оставитъ путь свой и неправедный мысли свои и обратится къ Господу, и Тотъ смилуется надъ нимъ. Іез. 18. 31: отбросьте прочь отъ себя всѣ грѣхи ваши, которыми вы согрѣшили и сотворите себѣ новое сердце и новый духъ; и почему умирать тебѣ, Израиль? Изъ этихъ и подобныхъ имъ мѣстъ достаточно ясно можно заключить, что Господь не будетъ наказывать поступки тѣхъ, чье сердце праведно. Второе — у Исаіи. 29. 13: и сказалъ Господь: потому что этотъ народъ приближается ко мнѣ устами своими и устами они почитаютъ Меня, но сердце ихъ удалено отъ Меня, я не прекращу чудесъ этому народу и у Мѳ. 5. 20: истинно говорю вамъ: если ваша правда не больше чѣмъ у книжниковъ и фарисеевъ — вы не войдете въ царство небесное, а также и въ слѣдующихъ стихахъ, гдѣ Спаситель нашъ объясняетъ, что на власть Господа посягаютъ не только поступками, но и волей, потому что книжники и фарисеи внѣшними поступками соблюдаютъ законъ съ величайшей точностью: но только ради достиженія славы; иначе бы они его нарушили; кромѣ приведенныхъ нужно присоединить еще безчисленныя мѣста Священнаго Писанія, въ которыхъ самымъ очевиднымъ образомъ говорится, что Господь принимаетъ волю за совершеніе и это какъ въ добрыхъ, такъ и въ злыхъ дѣлахъ.

XXII. Легкость соблюденія естественнаго закона объявлена Христомъ у Мѳ. 11. 28, 29, 30: пріидите ко Мнѣ всѣ страдающіе и обремененные и Я успокою васъ. Возьмите иго Мое и научитесь отъ Меня, ибо Я кротокъ и благъ; иго Мое благо и бремя Мое легко.

XXIII. Наконецъ то правило, съ помощью котораго каждый, какъ я сказалъ, можетъ различить, будетъ ли то, что онъ собирается совершить, противорѣчить естественному закону или нѣтъ, а именно: не дѣлай другому того, чего не хочешь чтобы сдѣлали тебѣ, почти тѣми же словами высказывается нашимъ Спасителемъ. Мѳ. 6. 12 и оставь намъ наши долги, какъ мы оставляемъ должникамъ нашимъ.

XXIV. Какъ всякій естественный законъ есть законъ божественный, точно такъ же и наоборотъ законъ Христа (изложенный весь у Мѳ. глл. 5, 6 и 7) тоже весь (за исключеніемъ

одного повелѣнія не жениться на разведенной за прелюбодѣяніе, прибавленнаго Христомъ въ объясненіе положительнаго божественнаго закона ради Іудеевъ, неправильно толковавшихъ законъ Моисея) есть естественное ученіе. Я сказалъ, что весь законъ Христа изложенъ въ сказанныхъ главахъ Матѳія, но не все христіанское ученіе, потому что частью христіанскаго ученія является вѣра, которая не охватывается въ понятіи закона, потому что законы установлены для дѣйствій, слѣдующихъ за нашей волей, а не для мнѣній и не для вѣры, которая, существуя внѣ нашего воздѣйствія, не слѣдуетъ за нашей волей.

ВЛАСТЬ.

ГЛАВА V.

О причинахъ возникновенія государства.

I. Само собой очевидно, что поступки людей зависятъ отъ воли, а воля обусловливается надеждой и страхомъ такимъ образомъ, что каждый разъ какъ будетъ казаться, что отъ нарушенія законовъ произойдетъ большее для него благо или меньшее зло, каждый человѣкъ сознательно ихъ нарушитъ. Слѣдовательно надежда каждаго на свою безопасность и спасеніе состоитъ въ томъ, что онъ сможетъ съ помощью собственныхъ силъ и умѣнія, открыто или путемъ ухищреній, предупредить своего ближняго. Отсюда слѣдуетъ, во первыхъ, что естественные законы не должны соблюдаться тотчасъ, какъ только люди узнаютъ, что они предоставляютъ каждому безопасность; затѣмъ слѣдуетъ, что до тѣхъ поръ, пока другіе не представятъ обезпеченія въ томъ, что они не нападутъ, нужно заботиться о себѣ какимъ образомъ кто захочетъ и сможетъ; что за каждымъ остается его первоначальное право, т. е. право на все или право войны и что для исполненія естественнаго закона достаточно чтобы каждый былъ готовъ въ душѣ заключить миръ, гдѣ это окажется возможнымъ.

II. Давно извѣстно, что законы молчатъ среди мечей и это положеніе является истиннымъ не только по отношенію къ гражданскимъ законамъ, но и къ естественнымъ, если это положеніе относить, согласно раздѣлу XXVII главы III, не къ намѣреніямъ, но къ дѣйствіямъ и подразумѣвать такую войну, какъ война всѣхъ противъ всѣхъ; это—подлинное естественное состояніе, потому что въ войнѣ народа противъ народа все же обычно соблюдается нѣкоторая мѣра. Поэтому въ древнія времена являлось признаннымъ установленіемъ и было какъ бы

нѣкимъ способомъ веденія хозяйства то, что называли жить грабежомъ и что при тогдашнемъ положеніи дѣлъ не противорѣчило естественнымъ законамъ и приносило славу тому, кто съ храбростью, но не съ жестокостью, предавался этой жизни. У этихъ разбойниковъ былъ обычай, отнимая все остальное, щадить жизнь и воздерживаться отъ похищенія пахотныхъ быковъ и всѣхъ земледѣльческихъ орудій. Однако нужно считать, что они принуждались къ этому не естественнымъ закономъ, но заботой о собственной славѣ и дѣйствовали страхомъ, чтобы только не прибѣгать къ чрезмѣрной жестокости.

III. Такъ какъ для сохраненія мира необходимо исполненіе естественнаго закона, а для исполненія естественнаго закона необходима безопасность, то нужно разсмотрѣть, что можетъ дать эту безопасность. Для достиженія ея нѣтъ другого средства, кромѣ того, чтобы каждый приготовилъ себѣ въ помощь надежныя силы, при наличности которыхъ нападеніе одного человѣка на другого представлялось бы настолько опаснымъ, что каждый счелъ бы для себя лучшимъ протянуть другому руку, чѣмъ поднять ее на него. Сразу является очевиднымъ, что соглашеніе двухъ или трехъ даетъ подобную безопасность въ наименьшей степени, потому что присоединенія къ другой сторонѣ одного или немногихъ людей достаточно для обезпеченія за ними вѣрной и несомнѣнной побѣды и придаетъ противнику смѣлость въ нападеніи. Поэтому для безопасности, которой мы хотимъ добиться, необходимо, чтобы число сплотившихся вокругъ общаго дѣла было бы такимъ, что присоединенія немногихъ людей къ врагамъ дѣлалось тѣмъ самымъ рѣшающимъ моментомъ побѣды.

IV. Кромѣ того, какъ бы не было велико число собравшихся для взаимной защиты, если они не согласятся о наилучшихъ способахъ достиженія этой цѣли, но каждый будетъ по своему распоряжаться своими силами, ничего не будетъ достигнуто, ибо расходящіеся во мнѣніяхъ невольно будутъ служить препятствіемъ въ достиженіи назначенной цѣли. То же самое получится, если на общее дѣло соглашаются въ надеждѣ на побѣду, добычу или ради мщенія, а потомъ, въ силу различія намѣреній и плановъ или благодаря зависти и

недружелюбію, естественно возникающимъ между людьми, настолько расходятся во мнѣніяхъ, что не смогутъ ни осуществить общую цѣль, ни добиться мира между собой, развѣ только что согласившіеся будутъ къ этому вынуждены какимъ-либо общимъ страхомъ. Отсюда слѣдуетъ, что согласіе большинства (состоящее только въ томъ, какъ было опредѣлено въ предыдущемъ раздѣлѣ, что всѣ соглашающіеся направляютъ свои дѣйствія къ одной и той же цѣли—общему благу), т. е. обезпеченіе взаимной помощи, не предоставляетъ соглашающимся или союзникамъ той безопасности, которую мы ищемъ для осуществленія въ нашей средѣ вышеуказанныхъ естественныхъ законовъ, но оказывается необходимымъ дѣлать нѣчто большее, чтобы согласившіеся однажды ради общаго блага на сохраненіе мира и оказаніе взаимной помощи не находили въ страхѣ препятствія, когда, противопоставляя свое частное благо общему, они снова впадутъ въ разногласія.

V. Аристотель причисляетъ къ животнымъ, которыхъ онъ называетъ общественными, не только человѣка, но также и многихъ другихъ, какъ то муравья, пчелу и т. д., хотя и лишенныхъ разума, въ силу котораго они могли бы заключать соглашенія и подчиняться общей власти, но тѣмъ не менѣе согласно, т. е. желая и избѣгая одного и того же, направляющихъ свои дѣйствія къ общей цѣли такимъ образомъ, что ихъ общеніе не становится добычей никакихъ потрясеній. Однако общенія ихъ не являются обществами и эти животныя не могутъ называться общественными; порядокъ въ ихъ общеніяхъ зависитъ только отъ согласія многихъ воль, направленныхъ на одинъ объектъ, а не отъ одной воли (какъ бываетъ въ обществѣ). Дѣйствительно у этихъ созданій, живущихъ только чувствованіями и желаніями, согласіе стремленій настолько продолжительно, что только одной силой этого естественнаго желанія поддерживается согласіе и (какъ слѣдствіе) миръ. Однако среди людей дѣло обстоитъ иначе, потому что среди нихъ прежде всего возникаетъ соперничество въ почестяхъ и высотѣ положенія, котораго нѣтъ у животныхъ; поэтому у нихъ нѣтъ ненависти и зависти, изъ за которыхъ между людьми возникаютъ мятежи и войны. Затѣмъ естественныя желанія пчелъ и подобныхъ имъ созданій согласны между

собою и клонятся къ общему благу, которое у нихъ не отличается отъ частнаго; люди же почти не считаютъ за благо ничего такого, что не даетъ преимущества владѣльцу и не выдѣляетъ его надъ другими. Въ третьихъ, лишенныя разума животныя не видятъ или не думаютъ, что видятъ какой нибудь недостатокъ въ управленіи своимъ гоеударствомъ; въ людской же толпѣ всегда есть лица, считающія, что они смыслятъ больше другихъ и стремящіяся къ переворотамъ, а также есть различные новаторы, измѣняющіе жизнь на разные лады, откуда происходятъ раздоры и гражданскія войны. Въ четвертыхъ, хотя грубыя животныя и могутъ такъ или иначе использовать свой голосъ для выраженія другъ другу своихъ стремленій, однако они лишены того искусства рѣчи, которое неизбѣжно ведетъ къ возбужденію умовъ, въ силу котораго хорошее представляется лучшимъ, а плохое—худшимъ, чѣмъ оно есть на дѣлѣ; людской языкъ есть какъ бы труба войны и мятежа и говорятъ, что когда-то Периклъ своими рѣчами гремѣлъ, прорѣзалъ и потрясалъ всю Грецію. Въ пятыхъ, животныя не различаютъ обиды отъ ущерба. Отсюда слѣдуетъ, что пока имъ хорошо, они не обвиняютъ союзниковъ. Люди же въ высшей степени тяготятся общественными дѣлами и для занятія ими считаютъ необходимымъ располагать полнѣйшимъ досугомъ, потому что имѣютъ обыкновеніе не раньше начинать бороться за общественныя отличія, чѣмъ они одержатъ побѣду въ борьбѣ съ голодомъ и холодомъ. Наконецъ, согласіе этихъ грубыхъ созданій естественно, у людей же оно основывается только на соглашеніи, т. е. оно искусственно; никакъ не удивительно, что для мирнаго сожительства людей нужно что-то большее. Слѣдовательно, согласіе или общество, составленное безъ общей власти, которая управляла бы отдѣльными людьми страхомъ наказанія не достаточно для обезпеченія безопасности, необходимой для осуществленія естественной справедливости.

VI. Такъ какъ сговоръ нѣсколькихъ воль, направленныхъ на одну и ту же цѣль, не достаточенъ для сохраненія мира и достиженія прочной защиты, то требуется, чтобы среди средствъ, необходимыхъ для обезпеченія мира и защиты, была единая воля всѣхъ. Это не можетъ однако произойти иначе какъ въ

томъ случаѣ, когда каждый подчинитъ свою волю волѣ кого нибудь одного, напримѣръ волѣ одного человѣка или одного совѣта, такимъ образомъ, что волей всѣхъ и каждаго въ отдѣльности будетъ считаться то, что этотъ одинъ постановитъ по вопросу о томъ, что необходимо для общаго мира. Совѣтомъ же я называю собраніе многихъ людей, разсуждающихъ о томъ, какъ нужно дѣйствовать или не дѣйствовать въ интересахъ общаго блага.

VII. Это подчиненіе воль всѣхъ волѣ одного человѣка или одного совѣта происходитъ тогда, когда каждый изъ нихъ путемъ соглашенія обязывается передъ всѣми остальными не сопротивляться волѣ того человѣка или того совѣта, которому онъ подчиняется, т. е. когда онъ обѣщаетъ, что онъ не будетъ отказываться употреблять свои силы (такъ подразумѣвается, что, подчиняясь, онъ сохраняетъ право защищаться отъ нападенія) противъ кого угодно другого; это подчиненіе воль называется единствомъ. Подъ волей совѣта подразумѣвается воля большинства людей, изъ которыхъ совѣтъ состоитъ.

VIII. Хотя сама воля несвободна, но только является побудительной причиной свободныхъ дѣйствій (мы желаемъ не хотѣть, но дѣйствовать), она въ самой малой степени подчиняется воздѣйствію разсужденій и соглашеній; однако подчиняющіе свою волю волѣ другого переносятъ на этого другого право распоряжаться своими силами и способностями; такимъ образомъ когда и всѣ остальные совершатъ то же самое, тотъ, кому подчинились, обладаетъ такими силами, что угрозой ихъ примѣненія онъ можетъ направлять отдѣльныя воли къ единенію и согласію.

IX. Составленное такимъ образомъ единеніе называется государствомъ или гражданскимъ обществомъ, а также гражданскимъ лицомъ, потому что когда воля всѣхъ едина, она должна считаться волей одного лица и подъ этимъ единымъ именемъ она должна быть различаема отъ всѣхъ воль частныхъ лицъ и разсматриваема какъ имѣющая собственныя права и имущество. Такимъ образомъ ни кто либо изъ гражданъ (если исключить того, чья воля считается волей всѣхъ), ни всѣ они вмѣстѣ не могутъ разсматриваться какъ государ-

ство. Слѣдовательно государство (по нашему опредѣленію), есть одно лицо, воля котораго въ силу соглашенія многихъ людей считается за волю ихъ всѣхъ съ тѣмъ, чтобы государство могло распоряжаться силами и способностями отдѣльныхъ членовъ въ интересахъ общаго мира и защиты.

X. Хотя каждое государство является гражданскимъ лицомъ, однако, наоборотъ, не всякое гражданское лицо есть государство, потому что можетъ случиться, что многіе граждане съ разрѣшенія своего государства соединятся въ одно гражданское лицо ради веденія извѣстныхъ дѣлъ. Такіе соединенія какъ товарищества купцовъ и многіе другіе союзы суть гражданскія лица, но не государства, такъ какъ члены ихъ не подчиняются волѣ союза безусловно и во всѣхъ дѣлахъ, но только въ отдѣльныхъ опредѣленныхъ государствомъ вопросахъ и притомъ они подчиняются такимъ образомъ, что каждому изъ нихъ принадлежитъ право выступать на судѣ противъ объединяющаго ихъ союза, что не допустимо для гражданина по отношенію къ государству. Итакъ общества этого рода суть гражданскія лица подчиненныя государству.

XI. Во всякомъ государствѣ про того человѣка или про тотъ совѣтъ, чьей волѣ отдѣльныя лица подчиняютъ (такимъ образомъ, какъ это было сказано) свою волю, говорятъ, что ему принадлежитъ высшее могущество, или верховная власть, или господство. Это могущество и право повелѣвать состоитъ въ томъ, что каждый гражданинъ переноситъ на этого человѣка или на этотъ совѣтъ всю свою силу и могущество. Сдѣлать это (такъ какъ никто не можетъ естественнымъ путемъ перенести свою силу на другого) значитъ ничто иное, какъ отказаться отъ своего права на сопротивленіе. Каждый изъ гражданъ, какъ всякое гражданское подчиненное лицо, называется подданнымъ того, кто обладаетъ верховной властью.

XII. Сказанное раньше достаточно ясно показываетъ какимъ образомъ и какими средствами многія естественныя лица, заботясь о самосохраненіи, соединяются подъ вліяніемъ взаимнаго страха въ одно гражданское лицо, которое мы называемъ государствомъ. Впрочемъ подчиняющіеся ради страха другому подчиняются либо тому самому, кого они боятся, либо другому, кому они вѣрятъ, что тотъ защититъ ихъ. Первымъ

способомъ поступаютъ побѣждаемые на войнѣ, чтобы избѣжать смерти, послѣднимъ—еще не побѣжденные, дабы избѣжать пораженія. Первый способъ объясняется естественнымъ могуществомъ и можетъ быть названъ естественнымъ происхожденіемъ государства; послѣдній способъ возникаетъ благодаря согласію и постановленію собравшихся и является происхожденіемъ по установленію. Отсюда и происходитъ что государства бываютъ двухъ родовъ, одно—естественное, отеческое и деспотическое, а другое—установленное, которое можетъ быть названо политическимъ. Въ первомъ господинъ пріобрѣтаетъ себѣ гражданъ по своей волѣ; во второмъ граждане по собственному усмотрѣнію выбираютъ надъ самими собой господина, будетъ ли это одинъ человѣкъ или одно собраніе съ верховной властью. Дальше на первомъ мѣстѣ мы будемъ говорить объ установленномъ государствѣ, потомъ—о естественномъ.

ГЛАВА VI.

О правахъ того совѣта или одного человѣка, который облеченъ верховной властью въ государствѣ.

I. Во первыхъ нужно разсмотрѣть, что́ такое самая толпа людей (соединившихся въ одно государство по своему собственному желанію) и особенно остановиться на томъ, что это не одинъ какой нибудь человѣкъ, но многіе, изъ которыхъ каждый обладаетъ собственной волей и сужденіемъ по всѣмъ вопросамъ. [1]) И въ то время какъ на основаніи договора отдѣльные люди располагаютъ принадлежащими имъ правами и собственностью такимъ образомъ, что одинъ называетъ своимъ то, а другой—это, нѣтъ ничего, о чемъ бы толпа, какъ лицо отличное отъ какого нибудь частнаго лица, могла бы правильно сказать, что это скорѣе при-

[1]) Ученіе о власти государства надъ гражданами почти цѣликомъ зависитъ отъ знанія различія существующаго между толпой людей, которая правитъ, и толпой, которой правятъ, потому что природа государства состоитъ въ томъ, что толпа или сборище людей не только правитъ, но также подчиняется правящему, но это въ совершенно различномъ смыслѣ. Это различіе я считалъ совершенно достаточно разъясненнымъ въ этомъ первомъ раздѣлѣ. Я думаю, что я могу иначе доказать его истинность изъ сравненія съ вызванными имъ многочисленными возраженіями. Итакъ ради болѣе полнаго объясненія здѣсь нужно прибавить немногое.

Толпа, какъ слово собирательное, должна пониматься обозначающей многіе предметы и толпа людей значитъ то же, что и множество людей. Это слово, такъ какъ оно единственнаго числа, обозначаетъ одинъ предметъ, а именно одну толпу и никакимъ образомъ не предполагается, что толпа имѣетъ единую волю, данную ей природой, но что каждый изъ ея членовъ обладаетъ особой волей. Поэтому не нужно приписывать толпѣ единаго дѣйствія, въ чемъ бы оно ни состояло; поэтому толпа не можетъ обѣщать вступать въ соглашенія, пріобрѣтать права, переносить ихъ на другихъ, создавать, имѣть и владѣть ими и тому подобное иначе какъ поименно или поголовно, чтобы было столько

надлежитъ ей, чѣмъ кому нибудь другому. И нѣтъ никакого дѣйствія, которое можно было бы приписать толпѣ какъ ея собственное, но (при согласномъ дѣйствіи всѣхъ или большинства) есть не одно дѣйствіе, а столько, сколько людей, принимавшихъ въ немъ участіе, потому что хотя при какомъ нибудь большомъ мятежѣ обычно принято говорить, что народъ этого государства взялся за оружіе, это справедливо только относительно однихъ тѣхъ, кто вооружалъ или кто имъ сочувствуетъ, потому что государство, которое есть единое лицо, не можетъ поднять оружія на самого себя. Итакъ, что бы ни было сдѣлано толпой, нужно считать, что это сдѣлано однимъ изъ тѣхъ, изъ кого толпа состоитъ, и тотъ, кто, принадлежа къ этой толпѣ, не сочувствуетъ происходящему и не принимаетъ въ немъ участія, долженъ считаться ничего не совершившимъ. Кромѣ того въ толпѣ еще не превращенной указаннымъ выше способомъ въ единое лицо остается то естественное состояніе, при которомъ все принадлежитъ всѣмъ и въ ней нѣтъ мѣста для различія между моимъ и твоимъ, которое называется господствомъ и собственностью; поэтому тамъ еще не существуетъ той безопасности, которая требуется, какъ мы сказали выше, для исполненія естественныхъ законовъ.

же обѣщаній, соглашеній, правъ, дѣйствій, сколько и людей. Поэтому толпа не есть естественное лицо. Однако если эта же толпа поголовно согласится, чтобы воля одного какого нибудь человѣка или согласная воля большей ея части считалась за волю всѣхъ, тогда она дѣлается единымъ лицомъ, потому что она надѣляется волей и тогда она можетъ совершать волевыя дѣйствія, къ которымъ относится: повелѣвать, издавать законы, пріобрѣтать и переносить права, и другія и тогда она чаще называется народомъ чѣмъ толпой. Итакъ нужно различать слѣдующимъ образомъ: каждый разъ когда мы говоримъ, что самъ народъ или сама толпа чего нибудь хочетъ, приказываетъ или дѣлаетъ, нужно подразумѣвать государство, которое приказываетъ, хочетъ или дѣйствуетъ посредствомъ воли одного человѣка или посредствомъ согласныхъ воль многихъ людей, которыя не могутъ быть согласными если дѣло происходитъ не на собраніи; каждый разъ когда говорится, что что—либо сдѣлано большой или малой толпой людей безъ воли этого человѣка или этого собранія, это сдѣлано подданнымъ народомъ, т. е. одновременно многими отдѣльными гражданами и проистекаетъ не отъ одной воли, но отъ многихъ воль многихъ людей, которые являются гражданами и подданными, но не образуютъ государства

II. Далѣе нужно принять во вниманіе, что каждый изъ толпы долженъ согласиться съ остальными (съ тѣмъ, чтобы это стало основой устраиваемаго государства), чтобы въ тѣхъ дѣлахъ, которыя предлагаются кѣмъ нибудь въ собраніи, за волю всѣхъ считалось то, что захочетъ большая ихъ часть, потому что другимъ способомъ у толпы людей, намѣренія и голоса которыхъ такъ разнообразно отличаются другъ отъ друга, совсѣмъ не будетъ никакой воли. Если же кто нибудь не захочетъ на это согласиться, остальные тѣмъ не менѣе образуютъ государство между собой безъ него, откуда слѣдуетъ, что по отношенію къ несогласному, государство удерживаетъ свое первоначальное право, т. е. право войны, какъ по отношенію къ врагу.

III. Такъ какъ въ раздѣлѣ VI предыдущей главы мы сказали, что для безопасности людей требуется не только соглашеніе, но также и соподчиненіе воли по вопросу о томъ, что является необходимымъ для достиженія мира и защиты и что въ этомъ единеніи или соподчиненіи состоитъ природа государства, то нужно разсмотрѣть здѣсь, что̀ изъ того, что можетъ предлагаться, обсуждаться и постановляться на собраніи людей (воля всѣхъ ихъ содержится въ волѣ большинства), необходимо для поддержанія мира и обезпеченія общей защиты. Во первыхъ для поддержанія мира необходимо, чтобы каждый былъ настолько защищенъ отъ насилія со стороны остальныхъ, чтобы онъ могъ жить безопасно, т. е. чтобы онъ не имѣлъ законной причины бояться остальныхъ, пока онъ самъ не причиняетъ несправедливости другимъ. Однако невозможно сдѣлать людей безопасными отъ взаимныхъ нападеній настолько, чтобы они не могли несправедливо понести ущербъ или быть убитыми; поэтому данный вопросъ и не подлежитъ обсужденію. Но можно достичь того, что не будетъ законной причины страха. Такъ какъ безопасность есть цѣль, ради которой люди подчиняются другимъ, то, если ея нѣтъ, никто не подумаетъ, что онъ подчиненъ другому или утратилъ свое право защищаться по собственному усмотрѣнію. И никто не долженъ считаться обязавшимся къ чему-либо или отказавшимся отъ своихъ правъ на все раньше, чѣмъ ему не будетъ обезпечена безопасность.

IV. Для достиженія этой безопасности недостаточно, чтобы каждый изъ тѣхъ, кто будетъ пребывать въ обществѣ, словесно или письменно согласился бы съ остальными о соблюденіи законовъ не убій, не укради и подобныхъ имъ, потому что всѣмъ очевидна испорченность человѣческаго ума и слишкомъ хорошо извѣстно по опыту, какъ мало люди сдерживаются въ исполненіи обязанностей сознаніемъ связанности даннымъ обѣщаніемъ при отсутствіи угрозы наказаніемъ. Итакъ о безопасности нужно заботиться не путемъ соглашеній, а путемъ страха наказаній; достаточно озаботиться чтобы за каждое преступленіе были установлены такія наказанія, при которыхъ было бы ясно, что совершить преступленіе большее зло, чѣмъ не совершать его, потому что люди по естественной необходимости выбираютъ то, что имъ самимъ очевидно кажется благомъ.

V. Право подвергать наказаніямъ тогда предполагается принадлежащимъ кому нибудь, когда каждый въ отдѣльности согласится, что онъ не станетъ помогать тому, кто подвергается наказанію. Я называю это право мечомъ правосудія. Соглашенія этого рода большинство людей исполняетъ довольно охотно, пока они сами или ихъ близкіе не подвергаются опасности наказанія.

VI. Поэтому для безопасности каждаго въ отдѣльности, а значитъ и для общаго мира, необходимо, чтобы право поднять мечъ для наказанія было бы передано какому нибудь человѣку или совѣту; этотъ человѣкъ или этотъ совѣтъ по необходимости предполагается располагающимъ по праву верховной властью въ государствѣ, потому что налагающій съ полнымъ правомъ по собственному усмотрѣнію наказанія по праву принуждаетъ всѣхъ ко всему тому, что онъ хочетъ, а большей власти никто не можетъ требовать.

VII. Напрасно заботятся о внутреннемъ мирѣ тѣ, кто не могутъ защитить себя извнѣ, и невозможно защитить себя отъ внѣшнихъ нападеній тѣмъ, чьи силы не объединены, поэтому для защиты отдѣльныхъ людей необходимо, чтобы былъ какой-нибудь одинъ совѣтъ или одинъ человѣкъ, которому принадлежало бы право вооружать, собирать и соединять вмѣстѣ при всякой опасности или затруднительномъ случаѣ

столько гражданъ, сколько будетъ необходимо, при неизвѣстности числа и силъ враговъ, для общей защиты и который имѣлъ бы право, каждый разъ когда это потребуется, снова заключать миръ съ врагами. Слѣдовательно подразумѣвается, что отдѣльные граждане переносятъ на одного человѣка или на одинъ совѣтъ это право войны и мира цѣликомъ. И это право (которое можно назвать мечомъ войны), принадлежитъ тому же человѣку или совѣту, что и мечъ правосудія, потому что никто не можетъ принуждать по праву призванныхъ къ оружію и на войну гражданъ кромѣ того, кто по праву можетъ наказать неповинующагося. Поэтому оба меча—войны и правосудія неизбѣжно принадлежатъ верховной власти въ силу самаго государственнаго устройства.

VIII. Такъ какъ право меча значитъ ничто иное какъ быть въ состояніи по праву пользоваться мечомъ по своему усмотрѣнію, то слѣдуетъ, что усмотрѣніе или рѣшеніе о его правильномъ употребленіи принадлежитъ тому же, кому и мечъ, потому что если бы власть судить принадлежала одному, а власть налагать наказанія другому, ничего бы не получилось; потому что напрасно судилъ бы судья, не могущій привести въ исполненіе свои рѣшенія, а если бы онъ ихъ исполнялъ на основаніи права принадлежащаго другому, то не онъ назывался бы обладающимъ правомъ меча, а другой, а онъ былъ бы только его слугой. Слѣдовательно все правосудіе въ государствѣ принадлежитъ обладающему мечами, т. е. верховной власти.

IX. Далѣе, такъ какъ предупрежденіе столкновеній ведетъ къ установленію мира не меньше, а даже больше чѣмъ усмиреніе столкновеній уже возникшихъ, и такъ какъ всѣ споры рождаются изъ различія людскихъ мнѣній о моемъ и твоемъ, справедливомъ и несправедливомъ, полезномъ и безполезномъ, добромъ и зломъ, честномъ и безчестномъ и подобныхъ имъ вопросахъ, той же верховной власти принадлежитъ установленіе и публичное объявленіе тѣхъ общихъ для всѣхъ правилъ или признаковъ, по которымъ каждый бы зналъ, что́ нужно называть своимъ, что чужимъ, что справедливымъ, что несправедливымъ, что честнымъ, что безчестнымъ, что добрымъ, что злымъ, т. е. вообще какъ нужно поступать и чего из-

бѣжать въ совмѣстной жизни. Эти правила или признаки обычно называются гражданскими законами или законами государства, какъ велѣнія обладающаго верховной въ государствѣ властью. И гражданскіе законы (по нашему опредѣленію) суть нѣчто иное какъ велѣнія обладающаго верховной властью въ государствѣ о будущихъ дѣйствіяхъ гражданъ.

X. Далѣе, такъ какъ одному человѣку или одному совѣту невозможно вести всѣ дѣла войны и мира безъ помощи министровъ и подчиненныхъ должностныхъ лицъ, и такъ какъ для достиженія мира и защиты важно, чтобы тѣ, кто долженъ справедливо судить о спорахъ, предусматривать намѣренія сосѣдей, мудро вести войну и заботиться о возможномъ благополучіи государства, правильно исполняли свои обязанности, будетъ согласнымъ съ разумомъ, чтобы министры зависѣли и назначались тѣми, кто обладаетъ верховной властью какъ во время войны, такъ и во время мира.

XI. Также очевидно, что всѣ волевыя дѣйствія берутъ начало и необходимо зависятъ отъ воли; воля же дѣйствовать или не дѣйствовать зависитъ отъ сужденія о благѣ или злѣ, наградѣ или наказаніи, о которомъ каждый предполагаетъ, что оно послѣдуетъ за его поступкомъ или бездѣйствіемъ; такимъ образомъ поступки всѣхъ людей опредѣляются собственными сужденіями каждаго изъ нихъ. Поэтому въ силу необходимой и очевидной послѣдовательности подразумѣвается, что для поддержанія общаго мира въ высшей степени важно, чтобы гражданамъ не предлагались никакія сужденія или ученія, на основаніи которыхъ они могли бы думать, что они по праву могутъ не повиноваться законамъ государства, т. е. велѣніямъ того человѣка или совѣта, которому поручена верховная власть въ государствѣ, или что имъ позволительно сопротивляться ему, или что, повинуясь, они заслуживаютъ большаго наказанія, чѣмъ отказываясь отъ повиновенія. Потому что если одинъ приказываетъ что-либо сдѣлать подъ страхомъ естественной смерти, а другой это же запрещаетъ подъ страхомъ смерти вѣчной, и оба съ полнымъ правомъ, слѣдуетъ, что не только можно наказывать гражданъ, хотя бы они и были невинны, но что можно даже разрушить государство, потому что никто не можетъ служить двумъ госпо-

дамъ, и тотъ, относительно кого мы вѣримъ, что ему нужно повиноваться подъ страхомъ вѣчнаго осужденія — господинъ не меньше, но гораздо больше того, кому повинуются изъ-за страха минутной смерти. Слѣдовательно ясно, что тотъ человѣкъ или собраніе, которому поручена верховная власть въ государствѣ, обладаетъ также и правомъ судить о томъ, какія мнѣнія и ученія враждебны миру[1]) и правомъ запрещать ихъ распространеніе.

XII. Наконецъ изъ того, что каждый гражданинъ такимъ образомъ подчиняетъ свою волю имѣющему въ государствѣ верховную власть, что онъ не можетъ воспользоваться про-

[1]) Нѣтъ почти ни одного догматическаго положенія ни въ ученіи о Богѣ, ни въ человѣческихъ знаніяхъ, изъ-за котораго не могли бы возникнуть разногласія, потомъ раздоры, брань и иногда война. Это происходитъ не вслѣдствіе ложности догматовъ, но вслѣдствіе привычки людей считающихъ себя знающими, желать, чтобы всѣ ихъ считали такими. Хотя по правдѣ нельзя помѣшать возникновенію подобнаго рода разногласій, однако верховная власть можетъ воздѣйствовать на нихъ, чтобы они не угрожали общественному миру. Поэтому я и не говорю здѣсь объ убѣжденіяхъ этого рода. Есть нѣкоторыя ученія, проникнувшись которыми граждане полагаютъ, что они съ полнымъ правомъ могутъ и даже должны отрицать повиновеніе государству и возставать противъ верховныхъ правителей и высшихъ властей; сюда относятся тѣ ученія, которыя или прямо и открыто, или темнѣй, въ своихъ выводахъ, требуютъ повиновенія другимъ людямъ, кромѣ тѣхъ, кому была передана верховная власть. Я не скрываю, что это замѣчаніе относится къ той власти, которую въ чужеземныхъ государствахъ нѣкоторые государи приписываютъ римской церкви, а также къ той, которую повсемѣстно за предѣлами римской церкви епископы требуютъ для себя, а также къ той свободѣ, которую подъ предлогомъ религіи захватываютъ себѣ даже послѣдніе изъ гражданъ. Ибо почему гражданская война не прекращается въ христіанскомъ мірѣ? чего не родилось и не выросло изъ этого корня? Итакъ я приписываю здѣсь гражданской власти право судить объ ученіяхъ, отрицаютъ ли они гражданское повиновеніе или нѣтъ и если отрицаютъ—власть запретить ихъ проповѣдываніе. Такъ какъ нѣтъ никого, кто бы не признавалъ за государствомъ права сужденія о томъ, что относится къ миру и защитѣ государства, и такъ какъ очевидно, что мнѣнія, которыя я только что привелъ, относятся къ поддержанію мира въ государствѣ, съ необходимостью слѣдуетъ, что разборъ мнѣній, дѣйствительно ли они способствуютъ поддержанію мира или нѣтъ, нужно передать государству, т. е. обладающему верховной въ государствѣ властью.

тивъ властителя своими силами, съ очевидностью слѣдуетъ, что все совершенное обладающимъ верховной властью должно оставаться безнаказаннымъ. Дѣйствительно, наказать его на дѣлѣ никто не можетъ по неимѣнію силъ и никто не можетъ наказать его по праву, ибо располагающіе силой не обладаютъ этимъ правомъ.

XIII. Изъ сказаннаго уже съ очевидностью слѣдуетъ, что въ каждомъ устроенномъ государствѣ (т. е. въ такомъ, гдѣ никому изъ гражданъ не предоставлено права распоряжаться своими силами для собственной защиты и по собственному усмотрѣнію, иначе говоря—тамъ, гдѣ исключается право частнаго меча), есть находящаяся въ чьемъ либо обладаніи верховная власть, больше которой люди по праву передать не могутъ и больше которой никто изъ смертныхъ не можетъ располагать. Власть, больше которой люди не могутъ перенести на человѣка, мы называемъ абсолютной,[1]) потому что

[1]) Народное государство открыто требуетъ себѣ абсолютной власти и граждане не отказываютъ въ ней, ибо въ собраніи многихъ они признаютъ лицо государства и даже неученые понимаютъ, что дѣла ведутся сообща. Однако монархія является государствомъ въ неменьшей степени, чѣмъ демократія, и абсолютные цари имѣютъ своихъ совѣтниковъ, отъ которыхъ они желаютъ слышать наставленія и обсужденіе своихъ велѣній во всѣхъ наиболѣе важныхъ обстоятельствахъ, если только они не даютъ имъ права даже отмѣнять свои велѣнія. Но большинству является мало очевиднымъ, что государство содержится въ особѣ царя. Поэтому противъ абсолютной власти возражаютъ, во-первыхъ, что если бы кому-нибудь принадлежало подобное право, граждане оказались бы въ бѣдственномъ состояніи, и даже думаютъ, что царь сталъ бы ихъ обирать, грабить, убивать. И однако каждый изъ насъ еще не считаетъ себя ни ограбленнымъ, ни убитымъ. И зачѣмъ царю это дѣлать? не потому, что онъ это можетъ, ибо если онъ не захочетъ, онъ и не сдѣлаетъ. Или онъ хочетъ ограбить всѣхъ остальныхъ ради одного или немногихъ? Во-первыхъ, если онъ поступитъ такъ, хотя бы и по праву, т. е. такъ, что его нельзя будетъ упрекнуть въ нарушеніи законовъ, это будетъ неправдой, т. е. произойдетъ не безъ нарушенія естественныхъ законовъ и не безъ неправды передъ Богомъ. Поэтому клятва государей рождаетъ нѣкоторую безопасность для подданныхъ. Далѣе, даже если онъ можетъ это сдѣлать по правдѣ или если его не связываетъ клятва, то тѣмъ не менѣе нѣтъ никакого основанія почему бы онъ захотѣлъ грабить своихъ подданныхъ, потому что это не принесетъ ему выгоды. Нельзя отрицать, что иногда государь можетъ имѣть намѣреніе поступать несправедливо.

каждый подчиняетъ свою волю волѣ государства такимъ образомъ, что оно можетъ дѣлать безнаказанно все, что ему угодно, устанавливать законы, разрѣшать судебные споры, налагать наказанія, пользоваться по своему усмотрѣнію силами и имуществомъ всѣхъ гражданъ и все это по праву; ясно, что государству сообщается высшая власть, которая только можетъ быть сообщена. То же можетъ быть подтверждено опытомъ всѣхъ существующихъ и когда либо существовавшихъ государствъ, потому что хотя бы даже и возникали сомнѣнія въ томъ, какой именно человѣкъ или какой совѣтъ обладаетъ верховной властью въ государствѣ, такая власть существуетъ и осуществляется всегда, за исключеніемъ временъ возстанія и гражданской войны, когда изъ одной верховной власти получается двѣ. Дѣйствительно, возставшіе, которые обычно не соглашаются съ абсолютной властью, хотятъ не столько уничтожить ее, сколько перенести ее на другого, потому что съ уничтоженіемъ этой власти уничтожается государ-

---

Но сдѣлай такъ, что ты дашь ему не абсолютную власть, но только такую, которой будетъ достаточно для защиты тебя отъ несправедливостей со стороны остальныхъ; развѣ изъ того, что ты ее дашь, необходимо послѣдуетъ, что ты будешь защищенъ отъ насилія? развѣ тебѣ не нужно будетъ бояться всего того же, что и раньше? потому что имѣющій достаточно силы, чтобы защитить всѣхъ, имѣетъ также достаточно силы, чтобы всѣхъ угнетать. Слѣдовательно въ абсолютной власти нѣтъ ничего тягостнаго, кромѣ того, что человѣческія установленія не могутъ существовать безъ нѣкоторыхъ неудобствъ. И эти неудобства зависятъ отъ гражданъ, а не отъ власти. Ибо если бы люди могли управляться собственной властью каждаго въ отдѣльности, т. е. жить согласно съ естественными законами, совсѣмъ не нужно было бы ни государства, ни принужденія общей власти.

Во-вторыхъ, возражаютъ, что въ христіанскомъ мірѣ нѣтъ никакой абсолютной власти, что, конечно, неправильно, ибо всѣ монархіи и всѣ остальные виды государствъ обладаютъ такою властью. Потому что хотя верховные властители дѣлаютъ не все, что они хотятъ и что признаютъ полезнымъ для государства, причина этого лежитъ не въ недостаточности права, но въ стремленіи считаться съ гражданами, которые, занятые частными дѣлами и лѣнивые въ дѣлахъ общихъ, иногда не могутъ быть привлечены къ нимъ безъ того, чтобы это не повлекло за собой опасности для государства. Поэтому государи иногда мудро воздерживаются отъ осуществленія принадлежащаго имъ права и отъ нѣкоторыхъ поступковъ, но, однако, этимъ они ничуть не умаляютъ своего права.

ство и наступаетъ всеобщее смятеніе. Съ абсолютнымъ правомъ верховнаго повелителя сочетается такое повиновеніе гражданъ, какое является необходимымъ для управленія государствомъ, т. е. необходимымъ для того, чтобы уступленное право не оказалось уступленнымъ напрасно. Повиновеніе этого рода, хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ его иногда можно по праву отрицать, но больше котораго оказать нельзя, мы назовемъ простымъ повиновеніемъ. Обязательство оказывать его рождается однако не непосредственно изъ того соглашенія, которымъ мы перенесли всѣ принадлежащія намъ права на государство, а посредственно, такъ какъ безъ обязанности повиновенія власть повелѣвать была бы ничтожной и, слѣдовательно, государство совсѣмъ не было бы установлено. Ибо одно говорить: даю тебѣ право повелѣвать какъ тебѣ будетъ угодно, и другое: я сдѣлаю все, что бы ты мнѣ ни приказалъ. Можетъ быть дано такое приказаніе, что я предпочту скорѣе быть казненнымъ чѣмъ исполнить его. Слѣдовательно, такъ какъ никто не можетъ быть обязаннымъ захотѣть, чтобы его казнили, тѣмъ менѣе можно быть обязаннымъ къ тому, что тяжелѣе смерти. Слѣдовательно, если мнѣ приказываютъ убить самого себя, я не обязанъ исполнить приказаніе, ибо если даже я откажусь повиноваться, право верховной власти не является мнимымъ, такъ какъ могутъ найтись другіе, которые, получивъ приказаніе убить меня, не откажутся его исполнить, а моимъ неповиновеніемъ я не отказываюсь исполнять то, что я соглашался исполнить. Подобнымъ же образомъ, если верховный властитель прикажетъ кому-нибудь убить его самого, властителя, тотъ не связанъ подобнымъ приказаніемъ, такъ какъ нельзя предполагать, чтобы это было условлено въ соглашеніи. Точно также нельзя казнить отца, будетъ онъ невиннымъ или же виновнымъ и осужденнымъ по праву, такъ какъ найдутся другіе, которые захотятъ исполнить это приказаніе, а сынъ предпочтетъ скорѣе умереть самъ, чѣмъ жить безчестнымъ и заслуживающимъ всеобщую ненависть. Такъ какъ есть много другихъ случаевъ, въ которыхъ исполненіе приказанія дѣлаетъ безчестными однихъ и не дѣлаетъ ими другихъ, то одни могутъ повиноваться, а другіе по праву отказывать въ повиновеніи, и при этомъ не нарушается право абсолютной

власти, уступленной повелителю, потому что ни въ какомъ случаѣ не производится посягательства на его право казнить отказавшихся повиноваться. Впрочемъ казнящіе по такимъ приговорамъ, хотя бы они и опирались на право, уступленное обладающимъ имъ, но пользующіеся этимъ правомъ иначе, чѣмъ этого требуетъ правый разумъ, грѣшатъ противъ естественнаго закона т. е. противъ Бога.

XIV. Никто не можетъ дать что либо самому себѣ, потому что предполагается, что онъ уже обладаетъ тѣмъ, что онъ можетъ себѣ дать; и никто не можетъ обязаться передъ самимъ собой, потому что, такъ какъ онъ былъ бы и обязывающимъ и обязаннымъ, а обязывающій можетъ освободить обязаннаго, напрасно было бы обязываться передъ самимъ собой, такъ какъ обязавшійся можетъ по собственному усмотрѣнію освободить себя, а могущій сдѣлать это уже свободенъ на дѣлѣ. Отсюда слѣдуетъ, что само государство не связано гражданскими законами, потому что гражданскіе законы суть законы государства и если бы оно было обязаннымъ въ силу ихъ, оно обязалось бы передъ самимъ собой. Государство не можетъ быть обязаннымъ и передъ гражданиномъ, потому что онъ можетъ при желаніи освободить государство отъ обязательства, а такъ какъ онъ хочетъ каждый разъ, когда этого хочетъ государство (такъ какъ во всѣхъ вопросахъ воля каждаго гражданина содержится въ волѣ государства), то слѣдовательно государство станетъ свободнымъ отъ обязательства когда оно этого захочетъ, т. е. на дѣлѣ оно уже свободно. Воля же совѣта или человѣка, которому поручена верховная власть, есть воля государства и слѣдовательно охватываетъ воли отдѣльныхъ гражданъ; слѣдовательно тотъ, кому поручена верховная власть, не связанъ ни гражданскимъ закономъ, (потому что это значитъ быть обязаннымъ передъ самимъ собой), ни кѣмъ бы то ни было изъ гражданъ.

XV. Такъ какъ, какъ показано выше, до установленія государства все принадлежитъ всѣмъ и нѣтъ ничего относительно чего кто-либо могъ сказать: это мое, безъ того, чтобы кто-нибудь съ тѣмъ же правомъ не требовалъ того же какъ принадлежащаго ему (потому что тамъ, гдѣ все общее, нѣтъ ничего, что могло-бы быть чьей либо собственностью), слѣдуетъ, что собственность начинается одновременно съ самимъ государствомъ [1]) и есть то, что каждый можетъ удержать за собой съ помощью законовъ и могущества всего государства, т. е. съ помощью того, кому передана верховная власть въ государствѣ. Отсюда слѣдуетъ, что отдѣльные граждане обладаютъ принадлежащей имъ собственностью, по отношенію къ которой никто изъ ихъ согражданъ не обладаетъ равнымъ правомъ, потому, что они связаны одними и тѣми-же законами, но что никто не обладаетъ такой собственностью, по отношенію къ которой не имѣлъ-бы права верховный властитель, велѣнія котораго суть законы, въ волѣ котораго содержатся воли отдѣльныхъ гражданъ и который поставленъ ими верховнымъ судьей. Хотя государство многое позволяетъ гражданамъ и они потому иногда могутъ выступать на судѣ противъ верховнаго властителя, однако этотъ искъ основанъ не на гражданскомъ правѣ, а на естественной справедливости и споръ здѣсь идетъ не о томъ, что по праву можетъ верховный властитель, но что онъ можетъ [2]); онъ самъ потому мо-

[1]) Нѣкоторые замѣчаютъ, что собственность надъ имуществомъ существовала у отцовъ семейства еще до установленія государствъ; это возраженіе излишне, потому что я раньше сказалъ, что семейство есть небольшое государство. Ибо подвластные сыновья обладаютъ уступленной имъ отцомъ собственностью надъ принадлежащими имъ вещами, отличной отъ собственности остальныхъ сыновей той же семьи, но не отличной отъ собственности самого отца. Отцы различныхъ семействъ, не подчиненные ни общему отцу, ни общему господину, имѣютъ общее право на все.

[2]) Каждый разъ, когда гражданину предоставляется законный искъ противъ верховнаго властителя, т. е. противъ государства, въ этомъ спорѣ не допытываются, можетъ ли государство по праву обладать спорной вещью, но выразило ли оно въ ранѣе установленныхъ законахъ желаніе обладать ею; потому что законъ есть объявленная воля верховнаго властителя. Поэтому, такъ какъ государство можетъ требовать съ гражданъ денегъ по двумъ основаніямъ: какъ налогъ и какъ долгъ, въ первомъ случаѣ гражданину не дается законнаго иска, потому что нельзя спорить о томъ, обладаетъ ли государство правомъ налагать подати; во второмъ случаѣ этотъ искъ дается, потому что государство ничего не хочетъ отнимать у гражданъ хитростью, но, если нужно,—все дѣлаетъ открыто. Слѣдовательно, если кто возражаетъ противъ этого мѣста, утверждая, что благодаря этому ученію государи могутъ освободиться отъ долговъ, онъ возражаетъ неправильно.

жетъ быть судьей въ этомъ спорѣ, что, признавая справедливость, онъ не сможетъ судить несправедливо.

XVI. Воровство, убійство, прелюбодѣяніе и всѣ виды нарушенія права запрещаются естественными законами, однако какіе поступки гражданъ нужно называть воровствомъ, убійствомъ, прелюбодѣяніемъ, что наконецъ—нарушеніемъ права, должно быть опредѣлено не естественнымъ, а гражданскимъ закономъ, потому что не всякій захватъ вещи, которою обладаетъ другой, но только захватъ чужой вещи есть воровство; что же является нашимъ и что—чужимъ, это вопросъ гражданскаго права. Подобнымъ же образомъ не всякое убіеніе человѣка есть убійство, но только убіеніе того, кого запрещаетъ убивать гражданскій законъ; и не всякое совокупленіе есть прелюбодѣяніе, но только запрещенное гражданскимъ закономъ. Наконецъ нарушеніе обѣщанія есть нарушеніе права, когда само обѣщаніе дозволено; гдѣ же не было и права вступать въ соглашеніе, тамъ никакое право и не переходитъ, а потому не происходитъ никакого нарушенія права, какъ это сказано въ раздѣлѣ XVII главы II. О чемъ же мы можемъ и о чемъ не можемъ вступать въ соглашенія зависитъ отъ гражданскаго закона. Слѣдовательно Спарта постановила правильно, что юноши, такъ унесшіе что-либо у другихъ, что ихъ не поймали, будутъ оставаться безнаказанными; это было ничѣмъ инымъ какъ указаніемъ закона, что пріобрѣтенное сказаннымъ способомъ есть свое, а не чужое. Точно также мы всегда убиваемъ по праву на войнѣ или ради нашего собственнаго спасенія. Подобнымъ же образомъ совокупленіе признаваемое въ одномъ государствѣ за бракъ, въ другомъ считается прелюбодѣяніемъ и наоборотъ. Точно также соглашенія, обязывающія къ браку одного гражданина, не обязываютъ другого, хотя-бы принадлежащаго къ тому-же государству, потому что кому государство (т. е. тотъ человѣкъ или совѣтъ, которому принадлежитъ верховная въ государствѣ власть), запрещаетъ вступать въ соглашенія о чемъ бы то ни было, тотъ не обладаетъ правомъ соглашеній и, слѣдовательно, заключенное съ нимъ соглашеніе недѣйствительно и слѣдовательно оно не есть бракъ. Соглашеніе же съ менѣе ограниченнымъ въ правахъ — дѣйствительно и потому оно

является бракомъ. Дѣйствительность какихъ-бы то ни было запрещенныхъ соглашеній не усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что они были заключены съ клятвеннымъ обѣщаніемъ или подъ присягой [1]), потому что это ничего не прибавляетъ къ силѣ этихъ соглашеній, какъ сказано выше, въ раздѣлѣ XXII главы II. Слѣдовательно что̀ такое воровство, что̀ такое убійство, что̀ такое прелюбодѣяніе и вообще, что̀ такое нарушеніе права познается изъ гражданскаго закона, т. е. изъ велѣній обладающихъ верховной властью въ государствѣ.

XVII. Большей части людей эта власть, верховная и абсолютная, кажется до того тягостной, что они ненавидятъ даже самыя эти названія; это происходитъ въ большей мѣрѣ отъ незнанія человѣческой природы и естественныхъ законовъ, отчасти же и по винѣ тѣхъ, кто, будучи облеченъ подобной властью, злоупотребляетъ своимъ могуществомъ для удовлетворенія собственныхъ страстей. Но люди, отрицающіе верховную власть такого рода, считаютъ достаточно правильно устроеннымъ то долженствующее быть составленнымъ изъ нихъ государство, въ которомъ они, являясь его гражданами, собираясь вмѣстѣ, будутъ давать согласіе на извѣстныя рѣше-

[1]) Является ли бракъ таинствомъ (въ томъ смыслѣ, въ которомъ это слово понимается богословами) или нѣтъ, нельзя отрицать этого установленія. Скажу только, что законный, т. е. дозволенный гражданскимъ закономъ договоръ мужчины и женщины, имѣющій цѣлью совмѣстную ихъ жизнь, будетъ онъ таинствомъ или нѣтъ, очевидно есть законный бракъ. Совмѣстная же жизнь такого характера или тѣхъ лицъ, кому это запрещено государствомъ, не есть бракъ, потому что для брака существенно то, что онъ есть законный договоръ. Во многихъ мѣстахъ, напримѣръ, у іудеевъ, у грековъ, у римлянъ существовали законные браки, которые, однако, можно было расторгать; у тѣхъ же народовъ, которые допускаютъ этотъ договоръ только съ условіемъ, чтобы онъ никогда не расторгался, бракъ не можетъ быть расторгнутъ и основаніемъ здѣсь служитъ то обстоятельство, что государство запретило ему быть расторжимымъ, а не то, что бракъ—таинство. Поэтому, конечно, однимъ священнослужителямъ надлежитъ совершать надъ вступающими въ бракъ всѣ тѣ обряды, которые должны быть совершены въ храмѣ, благословлять супруговъ или, если только позволительно такъ говорить, посвящать ихъ; все же остальное, а именно кто, когда и съ помощью какихъ соглашеній можетъ вступать въ бракъ, относится къ гражданскимъ законамъ.

нія, предложенныя, разобранныя и одобренныя на собраніи, государство, въ которомъ они будутъ приказывать соблюдать эти рѣшенія и въ которомъ они будутъ устанавливать опредѣленныя наказанія для нарушителей принятыхъ рѣшеній. Для такого собранія, а также для обсужденія вопроса объ изгнаніи внѣшнихъ враговъ они назначатъ извѣстное опредѣленное время, съ тѣмъ условіемъ, что если въ этотъ срокъ граждане не соберутся, нужно прибѣгнуть къ новому созыву собранія. Кто не видитъ, что въ установленномъ такимъ образомъ государствѣ собраніе предписывающее все это обладаетъ абсолютной властью? Слѣдовательно если собраніе будетъ продолжаться или если оно будетъ время отъ времени откладываться на извѣстный день и опредѣленное мѣсто эта власть будетъ постоянной. Если же наоборотъ оно разойдется, то или одновременно съ этимъ уничтожится государство и тогда составлявшіе его граждане возвратятся къ состоянію войны, или же власть наказывать преступающихъ законъ, которой до сихъ поръ и въ такой мѣрѣ обладали всѣ граждане вмѣстѣ, будетъ предоставлена кому-нибудь изъ нихъ; этого нельзя сдѣлать безъ установленія абсолютной власти, ибо кому по праву будетъ уступлена такая сила, что онъ сможетъ принуждать страхомъ наказанія кого угодно изъ гражданъ, тотъ будетъ обладать такой властью, превышающей которую граждане надѣлить не въ состояніи.

XVIII. Слѣдовательно очевидно, что въ каждомъ государствѣ есть какой-нибудь одинъ человѣкъ, или одинъ совѣтъ, или одно собраніе, которое по праву имѣетъ надъ отдѣльными гражданами такую власть, какую внѣ государства каждый имѣетъ надъ самимъ собой, т. е. верховную или абсолютную, которая находитъ границы только въ силахъ государства и ни въ чемъ иномъ. Ибо если бы эта власть была ограничена, съ необходимостью слѣдовало-бы, что это сдѣлано высшей властью; потому что слѣдуетъ думать, что предписывающій границы обладаетъ властью большей чѣмъ удерживаемый въ этихъ границахъ и такимъ образомъ мы дойдемъ до власти ограниченной только самой собой, которая является послѣднимъ предѣломъ силъ гражданъ взятыхъ всѣхъ вмѣстѣ. Эта власть называется верховной властью и, если

она поручена совѣту—онъ называется верховнымъ совѣтомъ, если же она дана одному человѣку, онъ называется верховнымъ властителемъ государства. Признаки верховной власти слѣдующіе: она можетъ издавать и отмѣнять законы, объявлять войну и заключать миръ, разбирать и разрѣшать всѣ споры лично или черезъ установленныхъ ею судей, назначать всѣхъ должностныхъ лицъ, правителей и совѣтниковъ. Наконецъ если случится что-либо, что по праву можетъ защищаться только такимъ искомъ, который не дозволенъ ни одному гражданину, ни собранію ихъ, кромѣ одной самой верховной власти, этотъ искъ принадлежитъ ей, потому что то, чего не могутъ совершить по праву ни отдѣльные граждане, ни собраніе ихъ, можетъ одно только государство. Слѣдовательно тотъ, кто поступаетъ такимъ образомъ, пользуется правомъ государства, которое есть верховная власть.

XIX. Почти всѣ тѣ, кто привыкъ сравнивать государство и гражданъ съ человѣкомъ и его тѣломъ говорятъ, что обладающій верховной властью въ государствѣ по отношенію ко всему государству является тѣмъ же, чѣмъ голова по отношенію ко всему человѣку. Однако изъ вышеуказаннаго слѣдуетъ, что надѣленный подобной властью (будь то человѣкъ или совѣтъ) имѣетъ для государства значеніе не головы, а души. Ибо при посредствѣ души человѣкъ обладаетъ волей, т. е. можетъ хотѣть и не хотѣть; точно также при посредствѣ верховнаго властителя и не иначе государство имѣетъ собственную волю и можетъ хотѣть или не хотѣть. Съ головой можно скорѣе сравнить собраніе совѣтниковъ или одного совѣтника, единственно совѣтами котораго (если только совѣтами кого-нибудь одного) верховный властитель пользуется при управленіи государствомъ въ дѣлахъ величайшей важности, потому что дѣло головы совѣтовать, подобно тому какъ дѣло души повелѣвать.

XX. Если только верховная власть дѣйствительно устанавливается въ силу соглашеній, которыя граждане или подданые заключаютъ взаимно между собой, каждый съ каждымъ, то, такъ какъ всѣ соглашенія, какъ они пріобрѣтаютъ силу отъ воли соглашающихся, точно такъ же по соглашенію послѣднихъ теряютъ свою силу и расторгаются,—ясно слѣдуетъ,

что всякая верховная власть можетъ быть уничтожена съ согласія всѣхъ и каждаго изъ подданыхъ. Хотя это и правильно, я не вижу какая правовая угроза можетъ возникнуть отсюда для верховныхъ властителей, потому что, такъ какъ признается, что каждый изъ согражданъ обязался передъ всѣми остальными, если бы одинъ изъ нихъ не захотѣлъ существованія верховной власти, всѣ остальные продолжали бы исполнять то, на что они согласились. И никто изъ нихъ не можетъ, не совершая этимъ неправомѣрнаго дѣянія, дѣлать то, что онъ, въ силу заключеннаго со мной договора, обязался не дѣлать. Нельзя однако думать, что когда-либо случится, что всѣ граждане до одного, не исключая никого, вступятъ въ соглашеніе противъ верховной власти; слѣдовательно верховнымъ властителямъ не угрожаетъ опасность быть правомѣрно лишенными принадлежащей имъ власти. Однако, если допустить, что ихъ право зависитъ отъ одного соглашенія, заключеннаго каждымъ гражданиномъ съ каждымъ изъ его согражданъ, то легко можетъ случиться, что верховные властители будутъ подъ правомѣрнымъ предлогомъ лишаться власти, потому что при видѣ гражданъ либо созванныхъ государственной властью, либо собравшихся самовольно, многіе рѣшатъ, что согласіемъ всѣхъ должно считаться согласіе большей части, что однако ошибочно, потому что согласіе большей части считается за согласіе всѣхъ не въ силу естественныхъ условій и это положеніе неправильно въ случаяхъ мятежа; оно вытекаетъ изъ гражданскаго установленія и вѣрно только тогда, когда тотъ человѣкъ или тотъ совѣтъ, которому принадлежитъ верховная власть, созывая гражданъ, въ виду значительности ихъ числа, хочетъ дать избраннымъ власть говорить за своихъ избранниковъ и считать мнѣніе большей части разсуждающихъ о дѣлахъ, предложенныхъ имъ на обсужденіе собравшихся,—за мнѣніе всѣхъ. Нельзя думать, что обладающій верховной властью созоветъ гражданъ разсуждать о его собственномъ правѣ; исключается тотъ случай, когда онъ, уставъ отъ дѣлъ, въ неоставляющихъ сомнѣнія словахъ отказывается отъ власти. Такъ какъ однако многіе по необразованію считаютъ за волю государства даже не согласіе большинства гражданъ, но согласіе очень немногихъ изъ нихъ,

если только чувствуютъ ихъ единомышленными съ собой, имъ можетъ показаться, что верховная власть правомѣрно отмѣнена, лишь бы это произошло на многолюдномъ собраніи гражданъ въ силу постановленія большей его части. Но хотя верховная власть устанавливается соглашеніемъ отдѣльныхъ лицъ между собой, однако право власти зависитъ не только отъ одного этого обязательства; къ нему присоединяется обязательство по отношенію къ носителю верховной власти, потому что каждый гражданинъ, вступая въ соглашеніе съ каждымъ изъ своихъ согражданъ, говоритъ: я переношу принадлежащее мнѣ право на того то, съ тѣмъ чтобы и ты перенесъ твое право на него же. И такъ принадлежащее каждому право распоряжаться своими силами для достиженія собственнаго блага переносится цѣликомъ, ради блага общаго, на какого-либо опредѣленнаго человѣка или опредѣленный совѣтъ. Итакъ по заключеніи соглашеній, заключаемыхъ каждымъ съ каждымъ, и по надѣленіи властителя правомъ, по которому обязываются подчиняться опредѣленному лицу, власть основывается на двойномъ обязательствѣ гражданъ; первымъ они обязываются передъ согражданами, вторымъ—передъ властителемъ. Отсюда слѣдуетъ, что граждане, сколько бы ихъ ни было, правомѣрно не могутъ лишить влаетителя принадлежащей ему власти иначе, какъ съ его собственнаго на то согласія.

ГЛАВА VII.

О трехъ видахъ государствъ: демократіи, аристократіи и монархіи.

I. Уже сказано объ установленномъ государствѣ вообще; нужно сказать объ отдѣльныхъ его видахъ. Различіе между видами государствъ зависитъ отъ различія въ числѣ лицъ, которымъ ввѣряется верховная власть. Верховная власть ввѣряется либо одному человѣку, либо совѣту или совѣщанію многихъ. Соотвѣтственнымъ образомъ совѣтъ многихъ людей состоитъ либо изъ всѣхъ гражданъ, (такимъ образомъ, что любой изъ нихъ имѣетъ право голоса и можетъ, если пожелаетъ, участвовать въ обсужденіи дѣлъ), либо только изъ ихъ части; отсюда проистекаютъ три вида государствъ: первый, гдѣ верховная власть принадлежитъ совѣту, въ которомъ любой изъ гражданъ имѣетъ право голоса, называется демократіей; второй, гдѣ верховная власть принадлежитъ совѣту, въ которомъ имѣютъ право голоса не всѣ, но извѣстная опредѣленная часть, называется аристократіей; третій, гдѣ верховная власть принадлежитъ одному, называется монархіей; въ первомъ обладающіе верховной властью называются демосомъ, во второмъ — лучшими людьми, въ третьемъ — монархомъ.

II. Политическіе писатели древности ввели въ науку три другихъ вида государствъ, противоположныхъ указаннымъ, а именно: демократіи они противопоставляли анархію или безпорядокъ; аристократіи—олигархію, т. е. властвованіе немногихъ; монархіи — тираннію; но это не суть три иныхъ вида государства, но три различныхъ имени, которыя давали государствамъ недовольные либо правленіемъ, либо правящими, потому что люди привыкли въ обозначеніи вещей именами соединять съ существомъ вещи и свое отношеніе къ ней, на-

примѣръ любовь, ненависть, гнѣвъ; отсюда и происходитъ, что одинъ называетъ демократіей то, что другой зоветъ анархіей, аристократіей то, что другой привыкъ звать олигархіей, что царемъ одни называютъ того, кого другіе клеймятъ какъ тирана. Такимъ образомъ этими именами обозначаются не различные виды государствъ, но различныя сужденія гражданъ о властвующихъ. Кто не видитъ сразу же, что анархія равно противоположна всѣмъ перечисленнымъ выше видамъ государства? потому что это слово обозначаетъ, что вообще нѣтъ никакого правленія, т. е. что нѣтъ никакого государства. Какъ же можетъ случиться, что негосударство будетъ видомъ государства? Далѣе, въ чемъ разница между олигархіей, означающей властвованіе немногихъ или магнатовъ и аристократіей, которая есть властвованіе лучшихъ, какъ не въ томъ, что люди настолько различны между собой, что однѣ и тѣ же добродѣтели свойственны всѣмъ не въ равней мѣрѣ? что вытекаетъ изъ того обстоятельства, что тѣ люди, которые однимъ кажется наилучшими являются самыми худшими для другихъ?

III. Однако убѣдить, что монархія и тираннія не суть различные виды государства, не легко въ виду присущаго людямъ чувства, благодаря которому хотя они и предпочитаютъ, чтобы государство было подчинено скорѣе одному чѣмъ многимъ, однако не считаютъ его управляющимся правильно, если оно не управляется согласно съ ихъ желаніями. Но различіе между царемъ и тирановъ должно быть отыскано съ помощью ума, а не чувства. Во-первыхъ, они различаются не въ томъ, что власть одного больше власти другого, потому что нельзя дать ничего большаго, чѣмъ верховная власть, и не въ томъ, что одинъ обладаетъ опредѣленной властью, а другой нѣтъ, потому что тотъ, чья власть опредѣлена—не царь, но подданный опредѣляющаго границы его власти. Наконецъ они различаются не по способу пріобрѣтенія власти, потому что если въ демократическомъ или аристократическомъ государствѣ какой-нибудь гражданинъ силой захватитъ верховную власть, по полученіи согласія гражданъ онъ становится законнымъ монархомъ, если же этого согласія имъ не получено—онъ врагъ, а не тиранъ. Слѣдовательно царь и тиранъ различаются только въ от-

правленіи власти такимъ образомъ, что царемъ будетъ тотъ, кто правитъ правильно, тиранномъ—кто правитъ иначе: такимъ образомъ мы возвращаемся здѣсь къ тому обстоятельству, что граждане считаютъ возможнымъ звать царя, законно облеченнаго верховной властью,—царемъ, если имъ покажется, что онъ правильно отправляетъ эту власть, а если они будутъ думать иначе, то тиранномъ. Слѣдовательно монархія и тираннія не суть различные виды государствъ, но одному и тому же монарху въ видѣ почета дается имя царя, а въ видѣ упрека—имя тиранна. Тѣ же замѣчанія противъ тирановъ, которыя постоянно встрѣчаются въ книгахъ, ведутъ начало отъ греческихъ и римскихъ писателей, которые жили частью подъ властью народа, частью подъ властью оптиматовъ и потому ненавидѣли не только тирановъ, но и царей.

IV. Есть такіе писатели, которые также считаютъ необходимымъ, чтобы верховная власть существовала гдѣ-нибудь въ государствѣ, но, говорятъ они, изъ того, что она окажется въ рукахъ одного, все равно человѣка или совѣта, послѣдуетъ, что всѣ граждане будутъ рабами. Избѣгая этого послѣдствія, они полагаютъ, что возможно нѣкое среднее состояніе государства, смѣшанное изъ трехъ названныхъ видовъ, но однако отличное отъ каждаго изъ нихъ и которое они называютъ смѣшанной монархіей, или смѣшанной аристократіей, или смѣшанной демократіей, въ зависимости отъ того, какой изъ трехъ видовъ преобладаетъ надъ остальными. Напримѣръ, если назначеніе должностныхъ лицъ и рѣшеніе вопроса о войнѣ и мирѣ принадлежитъ царю, судъ—магнатамъ, денежное обложеніе—народу и власть устанавливать законы—всѣмъ имъ вмѣстѣ, государство этого рода они называютъ смѣшанной монархіей. Если бы могло случиться, что государство этого рода существовало, тѣмъ не менѣе оно ничуть бы не обезпечивало свободы гражданъ. Ибо какъ долго эти власти остаются согласными между собой, подчиненіе отдѣльныхъ гражданъ таково, что нельзя найти большаго; но если эти власти вступаютъ въ несогласія, возникаетъ гражданская война и возстанавливается право частнаго меча, что хуже всякаго подчиненія. Впрочемъ, въ раздѣлахъ VI, VII, VIII, IX, X, XI и XII предшествующей главы достаточно ясно доказано, что подобное раздѣленіе верховной власти не можетъ быть произведено [1]).

V. Мы уже видѣли, что должны сдѣлать установители при установленіи каждаго рода государства. Собравшіеся для учрежденія государства, въ силу того, что они собрались, образуютъ демократію, потому что изъ добровольности ихъ собранія слѣдуетъ, что они обязаны исполнять постановленія принятыя большинствомъ. Эта демократія будетъ существовать пока собраніе продолжается или переносится на опредѣленный день и мѣсто, ибо это собраніе, воля котораго есть воля всѣхъ гражданъ, обладаетъ верховной властью и, такъ какъ въ этомъ собраніи каждый гражданинъ предполагается обладающимъ правомъ голоса, слѣдуетъ, что оно есть демократія въ силу опредѣленія, даннаго въ раздѣлѣ I этой главы. Если же граждане разойдутся и собраніе будетъ закрыто до принятія какого нибудь постановленія о днѣ и мѣстѣ новаго собранія, все обращается къ анархіи и тому состоянію, въ которомъ всѣ пребывали до собранія, т. е. въ состояніе войны всѣхъ противъ всѣхъ. Слѣдовательно народъ удерживаетъ верховную власть не дольше, чѣмъ имѣются опредѣленные день и мѣсто, выбранные и установленные открыто, въ которые могутъ собраться всѣ, кто бы ни захотѣлъ, потому что если день и мѣсто не извѣстны и не установлены, граждане могутъ собраться или въ различное время, или въ разныхъ мѣстахъ, т. е. кучками, или же совсѣмъ не собраться. И тогда собравшіеся не демосъ, т. е. не народъ, а разроз-

[1]) Многіе говорятъ, что не слѣдуетъ дѣлить верховную власть, но хотятъ ее умѣрить и ограничить извѣстнымъ предѣломъ. Это несомнѣнно одно и то же, но тѣ, кто понимаетъ, что раздѣлить ее нельзя, все же хотятъ ее умѣрить и ограничить. Я бы очень желалъ, чтобы не только цари, но и тѣ собранія, которыя обладаютъ верховной властью, захотѣли умѣрить свои злодѣянія и, разсуждая о своихъ дѣлахъ, удерживались бы въ предѣлахъ естественныхъ и божественныхъ законовъ. Но устанавливающіе только что приведенное мнѣніе желаютъ ограничить верховныхъ властителей и поставить надъ ними принужденіе со стороны другихъ лицъ, чего не можетъ произойти, потому что эти ограничители должны обладать нѣкоторой долей власти чтобы они были въ состояніи это дѣлать и, слѣдовательно, верховная власть раздѣляется, а не умѣряется.

ненная толпа, которой нельзя приписывать никакого дѣйствія и никакого права. Слѣдовательно два момента устанавливаютъ демократію; одинъ изъ нихъ устанавливаетъ народъ, (это—постоянное назначеніе ближайшаго собранія,) а другой, (большинство голосовъ) устанавливаетъ власть.

VI. Кромѣ того для удержанія верховной власти за народомъ недостаточно чтобы были извѣстны опредѣленные сроки и мѣста для собраній, если только эти сроки собраній не отстоятъ настолько близко другъ отъ друга, что въ промежуткахъ между ними не можетъ случиться ничего, что (благодаря отсутствію верховной власти) довело бы государство до опасности, или же если въ промежуткѣ между собраніями отправленіе верховной власти не поручается какому-нибудь одному человѣку или одному совѣту. Если не происходитъ ни одного, ни другого, защита и миръ отдѣльныхъ лицъ не обезпечивается въ достаточной мѣрѣ, и слѣдовательно нельзя говорить о государствѣ, потому что въ этомъ случаѣ въ немъ, благодаря отсутствію безопасности, каждому возвращается право защищать себя по собственному своему усмотрѣнію.

VII. Демократія образуется не въ силу соглашенія отдѣльныхъ лицъ съ народомъ, но въ силу взаимныхъ соглашеній каждаго отдѣльнаго лица съ остальными. Отсюда слѣдуетъ, во-первыхъ, что во всякомъ соглашеніи соглашающіеся должны быть на лицо раньше самаго соглашенія; но раньше установленія государства народа на лицо нѣтъ, потому что онъ есть нѣкоторое множество отдѣльныхъ лицъ; слѣдовательно между народомъ и гражданиномъ не можетъ возникнуть никакого соглашенія. Если же гражданинъ вступаетъ въ соглашеніе съ народомъ послѣ установленія государства, то онъ дѣлаетъ это напрасно, потому что воля народа содержитъ въ себѣ волю этого гражданина, (который предполагается обязаннымъ передъ ней), и потому народъ можетъ по своему усмотрѣнію освободиться отъ этого соглашенія, и слѣдовательно на дѣлѣ онъ уже свободенъ отъ него. Во-вторыхъ, такъ какъ вступаютъ въ соглашенія между собой отдѣльныя лица, можетъ оказаться, что государство было установлено напрасно, если только граждане не обяжутся въ

силу какихъ-нибудь соглашеній исполнять и удерживаться отъ того, что государство прикажетъ впослѣдствіи исполнять или отъ чего удерживаться. Однако, такъ какъ предполагается, что подобныя соглашенія будутъ заключаться какъ необходимыя и такъ какъ, согласно уже доказанному, такія соглашенія не заключаются между гражданиномъ и народомъ, слѣдуетъ, что они возникаютъ между отдѣльными гражданами: а именно каждый гражданинъ соглашается, что его воля будетъ подчинена волѣ большинства съ тѣмъ условіемъ, чтобы всѣ остальные сдѣлали то же самое; какъ будто бы каждый говорилъ такъ: я переношу ради тебя мое право на народъ съ тѣмъ, чтобы ты ради меня перенесъ твое право на него же.

VIII. Аристократія или совѣщаніе многихъ, облеченное верховною властью, происходитъ отъ демократіи, которая переноситъ на нее свое право. Подъ этимъ нужно понимать, что народу предлагаются и избираются имъ по большинству голосовъ опредѣленные люди, выдѣляющіеся изъ среды другихъ или происхожденіемъ, или какой-нибудь другой извѣстностью, и что на избранныхъ переносится цѣликомъ право всего народа или государства такимъ образомъ, что права, принадлежавшія раньше народу, принадлежатъ теперь собранію лучшихъ. Послѣ этого перенесенія верховной власти очевидно, что народъ какъ единое лицо больше не существуетъ.

IX. Подобно тому какъ въ демократіи народъ, въ аристократіи совѣщаніе лучшихъ свободно отъ всякихъ обязательствъ. Такъ какъ граждане не вступали въ соглашеніе съ народомъ, но обязывались другъ передъ другомъ считать себя связанными тѣмъ, что рѣшитъ народъ, то слѣдовательно они связаны рѣшеніемъ народа, перенесшаго право государства на лучшихъ. Также и собраніе лучшихъ, хотя оно и избирается народомъ, не можетъ какъ либо обязываться передъ послѣднимъ, потому что одновременно съ этимъ избраніемъ народъ, какъ было сказано немного выше, распускается, и теряется то основаніе, по которому онъ былъ единымъ лицомъ, а вмѣстѣ съ этимъ падаетъ и уничтожается обязательство по отношенію къ лицу.

X. Аристократія имѣетъ, во-первыхъ, то общее съ демо-

кратіей, что внѣ условій опредѣленнаго времени и мѣста, въ которомъ можетъ сходиться собраніе лучшихъ, оно не является ни собраніемъ, ни единымъ лицомъ, но разрозненнымъ сборищемъ, не обладающимъ верховной властью; во-вторыхъ, то, что время собраній не можетъ, безъ умаленія верховной власти, быть раздѣлено большимъ промежуткомъ, развѣ только осуществленіе этой власти переносится на какого-нибудь одного человѣка; основанія этого положенія тѣ же, что приведены въ раздѣлѣ V.

XI. Почти такъ же какъ и аристократія монархія происходитъ отъ власти народа, переносящаго свое право, т. е. верховную власть на одного человѣка. Подъ этимъ нужно понимать, что народу предлагается одинъ извѣстный человѣкъ, выдѣляющійся изъ среды всѣхъ остальныхъ своимъ происхожденіемъ или иными отличительными признаками и что на него переносится по большинству голосовъ все право народа такимъ образомъ, что все то, что могъ дѣлать до его избранія народъ, послѣ избранія по полному праву можетъ дѣлать избранный. Когда избраніе совершено, народъ уже больше не единое лицо, но разрозненное сборище, такъ какъ онъ былъ единымъ лицомъ только въ силу принадлежавшей ему верховной власти, которую онъ уже перенесъ съ себя на монарха.

XII. Поэтому монархъ не связанъ никакими обязательствами по поводу принятія власти, потому что онъ принялъ власть отъ народа, а народъ, какъ было только что доказано, тотчасъ послѣ этого пересталъ быть лицомъ; съ гибелью же лица исчезаетъ всякое обязательство передъ этимъ лицомъ. Поэтому граждане связаны повиновеніемъ монарху только въ силу тѣхъ обязательствъ, которыми они обязались другъ передъ другомъ дѣлать все то, что рѣшитъ сдѣлать народъ, т. е. повиноваться монарху, разъ онъ избранъ народомъ.

XIII. Монархія отличается и отъ аристократіи и отъ демократіи тѣмъ, что въ послѣднихъ для обсужденія и для рѣшенія, т. е. для проявленія власти на дѣлѣ, нужны извѣстные сроки и установленныя мѣста, а въ ней обсужденіе и рѣшеніе происходитъ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, потому что народу и оптиматамъ, такъ какъ они не естественное единство, нужно собираться, монархъ же, единый по природѣ, всегда бываетъ въ полной готовности проявить власть на дѣлѣ.

XIV. Такъ какъ выше, въ раздѣлахъ VII, IX и XII, было доказано, что обладающіе верховной властью въ государствѣ не являются связанными передъ кѣмъ бы то ни было различными соглашеніями, слѣдуетъ, что они не могутъ причинять гражданамъ никакой несправедливости, потому что несправедливость, по опредѣленію данному выше, въ раздѣлѣ III главы III, есть ничто иное какъ нарушеніе соглашеній и слѣдовательно не можетъ быть никакой несправедливости тамъ, гдѣ не было никакихъ предварительныхъ соглашеній. Однако и народъ, и собраніе оптиматовъ, и монархъ могутъ грѣшить многими способами противъ другихъ естественныхъ законовъ, жестокостью, лицепріятіемъ, оскорбленіями и иными пороками, которые не подходятъ подъ это строгое и точное понятіе несправедливости. Впрочемъ если гражданинъ не оказываетъ повиновенія верховной власти, онъ съ полнымъ основаніемъ называется поступившимъ неправомѣрно и по отношенію ко всѣмъ остальнымъ гражданамъ, потому что каждый заключилъ съ каждымъ соглашеніе оказывать повиновеніе, и по отношенію къ верховному властителю, у котораго онъ тѣмъ отнимаетъ, безъ его на то согласія, данное ему было право. Точно также если народъ или собраніе знатныхъ постановитъ что-нибудь противное одному изъ естественныхъ законовъ, грѣшитъ не само государство, т. е. не гражданское лицо, но тѣ граждане, съ помощью голосовъ которыхъ это было постановлено, потому что грѣхъ связанъ съ волей естественной и явно выраженной, а не съ политической, которая искусственна, потому что если бы онъ былъ связанъ съ этой волей, согрѣшили бы и тѣ, кто не соглашался съ принятымъ постановленіемъ. Въ монархіи же монархъ самъ грѣшитъ если онъ постановляетъ что-либо противъ естественныхъ законовъ, потому что въ немъ воля государства совпадаетъ съ естественной.

XV. Народъ, намѣревающійся избрать монарха, можетъ передать ему верховную власть или просто, безъ ограниченія срока, или же на извѣстное и опредѣленное время. Если власть передается просто, предполагается, что она передана

такою, какой она была у передававшаго ее народа. Слѣдовательно на томъ же основаніи, на которомъ народъ по праву избралъ этого монарха, тотъ можетъ избрать другого; такимъ образомъ монарху, которому власть передана просто, безъ ограниченій, принадлежитъ одновременно не только право распоряжаться властью, но и завѣщать ее, такъ что онъ можетъ по собственному усмотрѣнію выбрать себѣ наслѣдника.

XVI. Если же верховная власть передана только на опредѣленный срокъ, нужно обратить вниманіе на другія обстоятельства, кромѣ самаго факта передачи. Во-первыхъ, оставилъ ли за собой народъ, при переносѣ власти, право собираться въ опредѣленное заранѣе время и мѣсто, или нѣтъ. Во-вторыхъ, если онъ оставилъ за собой это право, оставилъ ли онъ за собой право собираться раньше, чѣмъ истечетъ срокъ, назначенный монарху для отправленія верховной власти. Въ третьихъ, захотѣлъ ли онъ собираться по усмотрѣнію этого временнаго монарха и не иначе, какъ такимъ образомъ. Предположимъ, что народъ уже передалъ верховную власть какому-нибудь одному человѣку съ тѣмъ, чтобы тотъ обладалъ ею пожизненно; когда это будетъ сдѣлано, предположимъ, что монархъ выйдетъ изъ государственнаго союза такимъ образомъ, что рѣшительно ничего не будетъ постановлено, гдѣ (послѣ его смерти) нужно собраться для новыхъ выборовъ. Въ этомъ случаѣ очевидно, въ силу раздѣла V этой главы, что народъ больше не единое лицо, но разъединенная толпа, въ которой каждому позволено сходиться съ кѣмъ ему будетъ угодно въ мѣстахъ, которыя онъ найдетъ болѣе для себя удобными, или, если онъ сможетъ, захватить власть по естественному праву. Слѣдовательно монархъ, располагающій властью на подобномъ условіи, обязанъ въ силу естественнаго закона «не воздавать зломъ за добро», содержащагося въ раздѣлѣ VIII главы VI, позаботиться, чтобы съ его смертью государство не распалось, а для этого или назначить опредѣленный день и мѣсто, въ которые могли бы собраться граждане желающіе этого, или же самому избрать себѣ наслѣдника, если ему покажется, что это приведетъ къ общему благу гражданъ. Слѣдовательно получившій верховную власть пожизненно на тѣхъ условіяхъ, о которыхъ только что было

сказано, располагаетъ ею абсолютнымъ образомъ и можетъ распоряжаться о наслѣдованіи. Если же, во второмъ случаѣ, при избраніи временнаго монарха народъ вынесетъ постановленіе не раньше, чѣмъ сначала будутъ установлены опредѣленные день и мѣсто для собранія на случай смерти монарха, то верховная власть оказывается принадлежащей народу не въ силу новаго акта со стороны гражданъ, но по присущему имъ праву и даже въ теченіе всего посредствующаго срока верховная власть на правахъ собственности остается за народомъ, и только пользованіе ею или отправленіе переходитъ къ временному монарху, какъ узуфруктуарію. Если же народъ по избраніи временнаго монарха разойдется съ собранія, установивъ предварительно время и мѣсто новаго собранія, то въ теченіе времени, назначеннаго для его властвованія (подобно тому, какъ у римскаго народа выбирались нѣкогда диктаторы), избранный долженъ считаться не за монарха, но за перваго слугу народа и народъ можетъ, при желаніи, лишить его принадлежащей ему власти даже и раньше срока, какъ поступилъ римскій народъ, давшій магистру конницы Минуцію власть, равную власти Квинта Фабія Максима, ранѣе избраннаго народомъ въ диктаторы; основаніемъ этого служитъ то соображеніе, что нельзя заставить человѣка или совѣтъ, располагающій полной и непосредственной возможностью дѣйствія, удерживать власть въ своихъ рукахъ такимъ образомъ, чтобы они были бы не въ состояніи повелѣвать на дѣлѣ, ибо верховная власть есть ничто иное какъ право повелѣвать, поскольку это возможно по природѣ. Наконецъ если народъ, объявивъ объ избраніи временнаго монарха, разойдется, принявъ постановленіе, что безъ приказанія избраннаго ему нельзя снова собраться, нужно считать, что народъ этимъ постановленіемъ тотчасъ распускаетъ самого себя и абсолютная власть принадлежитъ избранному въ этихъ условіяхъ, потому что не во власти гражданъ возродить государство, если этого не захочетъ обладающій верховной властью. И не имѣетъ значенія возможность обѣщанія съ его стороны, что онъ будетъ созывать гражданъ въ извѣстные сроки, потому что только въ зависимости отъ его желанія существуетъ то лицо, которому онъ даетъ обѣщаніе. Сказанное объ этихъ

четырехъ возможностяхъ возникающихъ для народа, который избираетъ временнаго монарха, разъяснится полнѣй изъ сравненія народа съ абсолютнымъ монархомъ, не имѣющимъ наслѣдника, ибо народъ есть такой господинъ государства, который не можетъ имѣть наслѣдника, если только онъ самъ его не назначитъ. Кромѣ того промежутки между сроками собраній гражданъ могутъ сравниваться съ временемъ сна монарха, потому что въ обоихъ случаяхъ исчезаетъ возможность повелѣвать, но власть сохраняется. Наконецъ собраніе, распущенное такъ, что оно не можетъ снова собраться — смерть для народа, подобно тому какъ заснуть такъ, чтобы никогда не проснуться — смерть для человѣка. Слѣдовательно подобно царю, не имѣющему наслѣдника и готовящемуся заснуть такъ, чтобы больше не просыпаться, т. е. подобно царю, готовящемуся умереть, который, передавая кому-нибудь отправленіе верховной власти, пока онъ не проснется, передаетъ ему, слѣдовательно, наслѣдство, и народъ, одновременно съ избраніемъ монарха лишающій себя возможности снова собраться, передаетъ ему господство надъ государствомъ. Далѣе, какъ царь, собирающійся заснуть на нѣкоторое время, передаетъ другому управленіе и, проснувшись, получаетъ его обратно, такъ и народъ, по избраніи временнаго монарха удерживающій за собой право собраться въ извѣстный день и въ опредѣленномъ мѣстѣ, въ этотъ день получаетъ обратно принадлежащую ему верховную власть. И какъ царь, передавшій отправленіе власти другому на то время, пока онъ самъ спитъ, можетъ потребовать ее обратно, когда онъ захочетъ, такъ и народъ, который собирается въ срокъ, предназначенный для окончанія власти временнаго монарха, можетъ, если захочетъ, лишить его власти. Наконецъ царь, передавшій отправленіе власти на время своего сна другому и не могущій проснуться, если этого не пожелаетъ получившій власть, теряетъ власть вмѣстѣ съ жизнью; такъ и народъ, поручившій власть временному монарху такимъ образомъ, что ему нельзя снова собраться безъ приказанія этого монарха, тотчасъ оказывается распущеннымъ и не имѣетъ власти надъ избраннымъ.

XVII. Если монархъ обѣщаетъ гражданину или нѣсколькимъ гражданамъ вмѣстѣ что-нибудь такое, вслѣдствіе чего

онъ не сможетъ отправлять верховную власть, это обѣщаніе или соглашеніе, безразлично подтвержденное или неподтвержденное клятвой, недѣйствительно, потому что соглашеніе есть переносъ права, требующій для своей дѣйствительности, въ силу сказаннаго въ раздѣлѣ IV главы II, соотвѣтствующаго знака выраженія воли со стороны переносящаго право; кто же съ достаточной ясностью выражаетъ волю сохранить за собой право на цѣль, тотъ достаточно ясно объявляетъ, что онъ не отказывается отъ права на средства, необходимыя для достиженія этой цѣли. И обѣщавшій что-либо касающееся верховной власти, но однако удерживающій ее за собой, даетъ достаточно опредѣленный знакъ, что его обѣщаніе дѣйствительно лишь постольку, поскольку съ соблюденіемъ обѣщанія связано сохраненіе за нимъ верховной власти. Слѣдовательно какъ только окажется, что обѣщанное нельзя исполнить сохраняя за собой верховную власть, обѣщанное должно считаться необѣщаннымъ, т. е. обѣщаніе — недѣйствительнымъ.

XVIII. Мы видѣли какимъ образомъ въ силу голоса природы граждане обязываются другъ передъ другомъ взаимными соглашеніями повиноваться верховной власти. Далѣе нужно разсмотрѣть какимъ образомъ можетъ случиться, что они освобождаются отъ оковъ подобнаго повиновенія. Во-первыхъ это происходитъ путемъ отреченія, т. е. если монархъ не переноситъ права верховной власти на другого, но отказывается или оставляетъ ее; ибо то, отъ чего отказываются, бросается въ середину, какъ доступная всѣмъ добыча, откуда, на основаніи естественнаго права, слѣдуетъ, что каждый гражданинъ снова можетъ по собственному усмотрѣнію заботиться о самосохраненіи. Во-вторыхъ, если государство попадаетъ во власть враговъ, такъ что оно не можетъ имъ сопротивляться, предполагается, что обладавшій раньше верховной властью уже потерялъ ее, потому что граждане, сдѣлавшіе все возможное, чтобы не попасть въ руки враговъ, исполнили соглашеніе о повиновеніи, которое каждый изъ нихъ заключилъ съ остальными. И каждый долженъ изо всѣхъ силъ стараться исполнять обѣщанія, позже данныя побѣжденными съ цѣлью избѣжать смерти. Въ третьихъ, если въ монархіи (потому что народа и собранія знатныхъ не можетъ не оказаться на лицо), не окажется никакого наслѣд-

ника, всѣ граждане освобождаются отъ своихъ обязательствъ, потому что никто не считается обязаннымъ, если онъ не знаетъ передъ кѣмъ онъ обязанъ, такъ какъ никакое исполненіе обязательства въ данномъ случаѣ невозможно. Этими тремя способами сразу всѣ граждане переходятъ отъ гражданскаго подчиненія къ общей свободѣ во всемъ, т. е. къ свободѣ естественной и звѣриной (ибо естественное состояніе такъ же относится къ гражданскому, т. е. свобода къ подчиненію, какъ желаніе къ разуму или звѣрь къ человѣку). Кромѣ того отдѣльные граждане могутъ правомѣрно освобождаться отъ повиновенія по волѣ обладающаго верховной властью; въ особенности если они оставятъ страну, что можетъ произойти двумя способами: или съ его позволенія, если кто-нибудь, желая жить въ другой странѣ, уѣзжаетъ, добившись этой милости, или по приказанію, какъ изгнанникъ. Въ обоихъ случаяхъ уѣзжающій свободенъ отъ повиновенія законамъ перваго государства, потому что онъ связанъ законами того государства, которое его приметъ.

ГЛАВА VIII.

О правахъ господъ по отношенію къ рабамъ.

I. Въ двухъ непосредственно предшествовавшихъ главахъ говорилось объ установленномъ государствѣ, а именно о томъ, которое основано въ силу согласія многихъ, обязавшихся по отношенію другъ къ другу соглашеніями и взаимнымъ довѣріемъ. Слѣдуя далѣе, нужно сказать о естественномъ государствѣ, которое можно называть и пріобрѣтеннымъ, такъ какъ власть въ немъ пріобрѣтается естественными данными и силами. Во-первыхъ, нужно выяснить, какимъ образомъ можетъ быть пріобрѣтено право господства надъ человѣческой личностью. Вездѣ, гдѣ пріобрѣтено подобное право, имѣется такое маленькое государство. Дѣйствительно, быть царемъ значитъ ничто иное, какъ обладать господствомъ надъ многими, поэтому большая семья есть царство и маленькое царство есть семья. Если мы возвратимся снова къ естественному состоянію и разсмотримъ людей какъ если бы они внезапно возникли изъ земли, наподобіе грибовъ, совершенно зрѣлыми, безъ какихъ бы то ни было обязательствъ другъ къ другу, то мы найдемъ три основанія, по которымъ можно обладать правомъ господства надъ личностью другого. Первое, когда люди добровольно, (ради мира и взаимной защиты), на основаніи заключенныхъ между собой соглашеній, сами отдаютъ себя въ подчиненіе и въ господство какому-нибудь человѣку или собранію людей; объ этомъ основаніи уже говорилось раньше. Второе—когда кто-нибудь, будучи взятъ въ плѣнъ, или побѣжденъ, или лишенъ силъ (напримѣръ, приближающійся къ смерти), обѣщаетъ побѣдителю или сильнѣйшему служить ему, т. е. дѣлать все, что тотъ прикажетъ. При этомъ договорѣ благо, которое получаетъ побѣжденный или слабѣйшій, есть

выкупъ за жизнь, которая по праву войны въ естественномъ состояніи можетъ быть у него отнята; благо, которое онъ обѣщаетъ предоставить, есть служба и повиновеніе во всемъ, что онъ можетъ сдѣлать, не преступая божескихъ законовъ, потому что обязавшійся повиноваться чьимъ либо приказаніямъ раньше, чѣмъ онъ зналъ, что именно будетъ ему приказано, связанъ всѣми приказаніями безусловно и безъ оговорокъ. Тотъ, кто связанъ такимъ образомъ, называется рабомъ, тотъ, кто связываетъ—господиномъ. Третье основаніе права господства надъ личностью пріобрѣтается рожденіемъ; объ этомъ основаніи пріобрѣтенія права будетъ сказано въ слѣдующей главѣ.

II. Не всякій плѣнникъ, которому оставлена жизнь считается заключившимъ соглашеніе со своимъ господиномъ, потому что не всякому вѣрятъ въ такой степени, что оставляютъ ему столько естественной свободы, что онъ можетъ, при желаніи, бѣжать, или отказаться отъ службы, или причинить господину какое-нибудь зло или вредъ. Служатъ, конечно, и лишенные свободы, но въ тюрьмѣ и въ узахъ, и поэтому они называются не общимъ именемъ раба, но спеціальнымъ прозвищемъ колодника; такъ и въ настоящее время имѣютъ различное значеніе слова: un serviteur и un serf или un esclave.

III. Итакъ обязательство раба по отношенію къ своему господину рождается не изъ простого выкупа за жизнь, но изъ того, что господинъ держитъ его не въ цѣпяхъ и не въ темницѣ, потому что обязательство рождается изъ соглашенія, соглашеніе же ничтожно, если въ немъ нѣтъ довѣрія къ соглашающемуся, какъ это слѣдуетъ изъ раздѣла IX главы II, гдѣ соглашеніе опредѣляется какъ обѣщаніе того, кто пользуется довѣріемъ. Поэтому съ благодѣяніемъ выкупа жизни соединяется довѣріе, ради котораго господинъ оставляетъ рабу тѣлесную свободу такимъ образомъ, что не будь обязательства и оковъ соглашенія, тотъ можетъ не только бѣжать, но даже лишить жизни господина, сохранившаго ему жизнь.

IV. Тѣ рабы, которыхъ удерживаютъ темница, колодки и оковы, не обнимаются выше даннымъ опредѣленіемъ раба, такъ какъ они служатъ не въ силу соглашенія, но изъ боязни побоевъ. Поэтому если они убѣгутъ или убьютъ господина, они ни въ чемъ не преступаютъ естественныхъ законовъ. Дѣйствительно, связывая кого-нибудь оковами, вяжущій показываетъ, что связаннаго нельзя сдержать никакимъ обязательствомъ.

V. Господинъ имѣетъ право господствовать надъ несвязаннымъ рабомъ не меньше, чѣмъ надъ связаннымъ; онъ обладаетъ верховной властью надъ обоими и можетъ сказать о рабѣ, точно такъ же какъ и о всякой иной вещи, одушевленной или неодушевленной: это мое, откуда слѣдуетъ, что все, принадлежавшее до рабства рабу, потомъ принадлежитъ господину и что все, пріобрѣтаемое рабомъ, пріобрѣтаетъ господинъ, потому что распоряжающійся личностью человѣка располагаетъ всѣмъ, чѣмъ можетъ располагать эта личность. Поэтому нѣтъ ничего, что рабъ могъ бы сохранить какъ свое отъ господина. Однако онъ, съ соизволенія господина, можетъ обладать собственностью и господствомъ надъ своими вещами; онъ можетъ защищать и удерживать ихъ отъ другихъ рабовъ, точно такъ же какъ и у гражданина (это показано раньше), нѣтъ никакой собственности противъ воли государства или обладающаго въ немъ верховной властью, но каждый гражданинъ обладаетъ собственностью по отношенію къ согражданамъ.

VI. Такъ какъ и самъ рабъ и все, что онъ имѣетъ, принадлежитъ господину и такъ какъ въ силу естественнаго права всякій можетъ располагать своей собственностью по своему усмотрѣнію, то господинъ можетъ, по желанію, передавать господство надъ рабомъ, закладывать раба или передавать его по завѣщанію.

VII. Кромѣ того, что сказанное раньше о положеніи подданныхъ въ установленномъ государствѣ дѣйствительно справедливо по отношенію къ нимъ, въ особенности то, что обладающій верховной властью въ государствѣ не можетъ причинить имъ обиды, это же справедливо и по отношенію къ рабамъ, потому что они подчинили свою волю волѣ господина; что бы онъ ни сдѣлалъ, онъ дѣлаетъ въ силу ихъ желанія, а хотящему нельзя нанести обиду.

VIII. Если случится, что господинъ, благодаря плѣненію или въ силу добровольнаго подчиненія, станетъ рабомъ или подданнымъ другого, послѣдній становится не только его господиномъ, но и господиномъ его рабовъ, верховнымъ госпо-

диномъ для нихъ и непосредственнымъ для ихъ господина, потому что господину принадлежитъ не только рабъ, но и все имѣющееся у него; потому и рабы подчинившагося принадлежатъ его господину—и посредствующій господинъ не можетъ распоряжаться ими иначе, чѣмъ будетъ угодно господину верховному. Поэтому если въ государствѣ господину принадлежитъ абсолютная власть надъ рабами, она считается проистекающей изъ естественнаго права и не установленной гражданскими законами, но предшествующей имъ.

IX. Рабъ освобождается отъ рабства тѣми же путями, какими подданный въ учрежденномъ государствѣ освобождается отъ подчиненія послѣднему. Во-первыхъ, если господинъ отпуститъ его на свободу, потому что какъ рабъ можетъ перенести на господина право надъ самимъ собой, точно такъ же и господинъ можетъ вернуть это право обратно рабу. Такое дарованіе свободы называется manumissio; оно подобно тому случаю, когда государство дозволяетъ гражданину переселиться въ другое государство. Во-вторыхъ — если господинъ прогоняетъ отъ себя раба; это то же, что изгнаніе изъ государства; здѣсь съ манумиссіей нѣтъ разницы въ послѣдствіяхъ, но только въ условіи: свобода дается здѣсь въ наказаніе, а не въ награду; въ обоихъ случаяхъ происходитъ отказъ отъ господства. Въ третьихъ, рабъ, взятый въ плѣнъ, уничтожаетъ старое рабство подчиненіемъ новому, потому что рабы, какъ всѣ остальныя вещи, пріобрѣтаются на войнѣ, и справедливо чтобы господинъ защищалъ ихъ, если онъ хочетъ видѣть ихъ своими. Въ четвертыхъ, рабъ освобождается въ случаѣ неизвѣстности наслѣдника, что бываетъ въ случаѣ смерти господина, не оставившаго ни завѣщанія, ни наслѣдниковъ; дѣйствительно, никто не можетъ считаться обязаннымъ, если онъ не знаетъ, кому онъ долженъ дѣлать предоставленіе должнаго. Наконецъ рабъ, заключенный въ оковы или лишенный какимъ-либо способомъ тѣлесной свободы, освобождается этимъ обязательствомъ отъ всякаго иного соглашенія, потому что соглашеніе существуетъ только тамъ, гдѣ вѣрятъ вступающему въ него; нельзя нарушить довѣріе, котораго не было. Однако господинъ, который самъ служитъ другому, не можетъ такъ освобождать своихъ рабовъ, потому что они всегда находятся

подъ властью верховнаго господина; какъ было показано выше, эти рабы принадлежатъ не ему, а верховному господину.

X. Господство надъ животными, лишенными смысла, пріобрѣтается такимъ же образомъ, какъ и надъ личностью человѣка, т. е. съ помощью природныхъ силъ и способностей. Дѣйствительно, если въ естественномъ состояніи благодаря войнѣ всѣхъ противъ всѣхъ каждому разрѣшается подчинять или даже убивать людей, поскольку это окажется соотвѣтствующимъ его благу, то тѣмъ болѣе дозволяется то же по отношенію къ звѣрямъ, т. е. дозволяется по своему усмотрѣнію покорять тѣхъ, которые, благодаря ихъ уму, могутъ быть приручены и служить на пользу, а остальныхъ преслѣдовать постоянной войной и истреблять какъ зловредныхъ. Поэтому господство надъ звѣрями проистекаетъ изъ естественнаго, а не изъ положительнаго божественнаго права, потому что если бы такого права не существовало до дарованія Священнаго Писанія и никто не могъ бы по праву употреблять звѣрей въ пищу, пока это не было разрѣшено Божественной волей въ Священномъ Писаніи, положеніе людей несомнѣнно было бы очень тяжелымъ, потому что звѣри могли бы ихъ пожирать безъ нарушенія права, а они ничего бы могли дѣлать съ ними. Если въ силу естественнаго права звѣри нападаютъ на человѣка, въ силу такого же права человѣкъ употребляетъ въ пищу звѣрей.

ГЛАВА IX.

О правахъ родителей по отношенію къ дѣтямъ и о патріархальномъ царствѣ.

I. Умозаключеніе, что Сократъ человѣкъ, а слѣдовательно и животное, правильно и совершенно очевидно, потому что для признанія правильности этого вывода не нужно ничего, кромѣ того, чтобы было понято слово *человѣкъ*, ибо понятіе животнаго заключено въ самомъ опредѣленіи человѣка и каждый дополняетъ это предположеніе утвержденіемъ: человѣкъ есть животное. И также совершенно вѣрно такое заключеніе: Софронискъ—отецъ Сократа, а потому и господинъ его; однако послѣднее заключеніе не достаточно очевидно, такъ какъ понятіе господина не заключается въ опредѣленіи отецъ; поэтому для очевидности нужно объяснить связь между отцовствомъ и господствомъ. Всѣ, пытавшіеся до настоящаго времени приписать господство надъ дѣтьми отцу, не приводили въ защиту своего мнѣнія никакого аргумента, кромѣ факта рожденія, какъ будто было бы само собой очевидно, что рожденное мною принадлежитъ мнѣ; поступающіе такъ уподобляются думающимъ, что если имѣется треугольникъ, то тотчасъ становится ясно безъ дальнѣйшаго доказательства, что сумма его угловъ равняется двумъ прямымъ. Кромѣ того, такъ какъ господство, т. е. верховная власть, недѣлимо и никто не можетъ служить двумъ господамъ, а рожденію способствуютъ два лица, мужчина и женщина, невозможно, чтобы господство пріобрѣталось только въ силу одного рожденія. Поэтому происхожденіе отцовскаго господства подлежитъ здѣсь болѣе пристальному разсмотрѣнію.

II. Нужно возвратиться къ естественному состоянію, въ которомъ въ силу естественнаго равенства всѣ люди зрѣлаго

возраста должны считаться равными между собой; тамъ по естественному праву побѣдитель является господиномъ побѣжденнаго; итакъ по естественному праву господство надъ ребенкомъ принадлежитъ тому, кто первый захватитъ его въ свою власть. Однако очевидно, что ребенокъ немедленно послѣ рожденія попадаетъ подъ власть матери прежде, чѣмъ подъ власть кого бы то ни было другого, такъ что она по праву можетъ воспитывать его и распоряжаться имъ по своему усмотрѣнію.

III. Поэтому, если она его воспитываетъ, то (такъ какъ естественное состояніе есть состояніе войны) предполагается, что она воспитываетъ его такимъ образомъ, чтобы, выросши, онъ не былъ бы ея врагомъ, т. е. такъ, чтобы онъ ей повиновался, потому что въ силу естественной необходимости мы всѣ хотимъ того, что кажется добромъ для насъ, и нельзя представить, что кто либо далъ кому-нибудь жизнь съ тѣмъ, чтобы тотъ могъ одновременно и пріобрѣсти съ годами силы и по праву стать его врагомъ. Но каждый врагъ тому, кому онъ не повинуется и кѣмъ онъ не повелѣваетъ. Отсюда въ естественномъ состояніи каждая родильница является одновременно и матерью и госпожой. Что же касается до утвержденія нѣкоторыхъ, будто бы въ иномъ случаѣ становится господиномъ не мать, но отецъ въ силу превосходства пола, то подобное утвержденіе не заслуживаетъ вниманія, ибо и разумъ противорѣчитъ ему, такъ какъ естественное неравенство силъ меньше, чѣмъ оно должно было бы быть для того, чтобы мужчина могъ пріобрѣсти владычество надъ женщиной безъ борьбы, и обычай этому не препятствуетъ, потому что женщины, а именно амазонки, нѣкогда вели съ врагами войны и по собственному желанію распоряжались своимъ потомствомъ, да и теперь во многихъ странахъ онѣ обладаютъ верховной властью. Ихъ дѣтьми распоряжаются не мужья, но онѣ сами, и дѣлаютъ это несомнѣнно по естественному праву, потому что обладающій верховной властью, какъ показано выше, не связанъ гражданскими законами. Прибавь къ этому, что только по указанію матери можно узнать въ естественномъ состояніи какого отца этотъ сынъ; значитъ онъ будетъ сыномъ того, кого мать захочетъ считать отцомъ, а слѣдовательно онъ принад-

лежитъ матери. Слѣдовательно первоначальное господство надъ дѣтьми принадлежитъ матери, и у людей не въ меньшей степени, чѣмъ у остальныхъ животныхъ плодъ слѣдуетъ за носившимъ его чревомъ.

IV. Господство переходитъ отъ матери къ другимъ различными путями; во-первыхъ, если она откажется отъ своего права или выгонитъ ребенка вонъ. Тогда воспитавшій выгнаннаго будетъ располагать тѣмъ же господствомъ, что и мать, ибо ту жизнь, которую ему дала мать (не рожденіемъ, а кормленіемъ), она отняла выгоняя; поэтому и обязательство, возникшее изъ дарованія жизни, уничтожается изгнаніемъ. Тому же, кто, питая, сохранилъ его, сохраненный обязанъ всѣмъ, какъ матери—въ качествѣ вскормленнаго, какъ господину—въ качествѣ раба. И даже если бы мать могла въ естественномъ состояніи, гдѣ все принадлежитъ всѣмъ, требовать сына обратно, (разумѣется съ тѣмъ же правомъ, что и всякій другой), сынъ не можетъ по праву передать себя матери.

V. Во-вторыхъ, если мать взята въ плѣнъ на войнѣ, рожденный ею принадлежитъ взявшему ее въ плѣнъ, потому что располагающій господствомъ надъ извѣстнымъ лицомъ располагаетъ господствомъ надъ всѣмъ принадлежащимъ ему, слѣдовательно и надъ ребенкомъ, какъ это сказано въ раздѣлѣ V предыдущей главы. Въ-третьихъ, если мать состоитъ гражданкой какого-нибудь государства, обладающій въ этомъ государствѣ верховной властью располагаетъ господствомъ надъ тѣмъ, кто родится отъ нея, ибо онъ господинъ и матери, обязанной ему во всемъ повиноваться. Въ-четвертыхъ, если жена передаетъ себя мужу, какъ сообщнику жизни, съ тѣмъ условіемъ, чтобы власть принадлежала мужу, кромѣ власти надъ матерью, онъ пріобрѣтаетъ и власть надъ ребенкомъ и родившійся отъ нихъ обоихъ принадлежитъ отцу. Но если женщина, обладающая верховною властью, будетъ имѣть дѣтей отъ подданнаго, они принадлежатъ матери, потому что иначе, при условіи сохраненія надъ ними власти, жена не можетъ имѣть дѣтей. И вообще если союзъ мужчины и женщины есть единеніе, такъ что одинъ подчиняется власти другого, дѣти принадлежатъ властвующему въ этомъ союзѣ.

VI. Впрочемъ, если въ естественномъ состояніи мужчина и женщина заключили союзъ такимъ образомъ, что одинъ не подчиняется власти другого, рожденныя отъ нихъ дѣти, на основаніяхъ приведенныхъ выше, въ раздѣлѣ III, принадлежатъ матери, если соглашеніемъ не предусмотрѣно иначе, потому что мать можетъ располагать своимъ правомъ какъ пожелаетъ, подобно тому какъ нѣкогда поступали амазонки, которыя, имѣя дѣтей отъ сосѣдей, отсылали имъ всѣхъ мальчиковъ, но дѣвочекъ, на основаніи соглашенія, оставляли у себя. Если мужчина и женщина заключаютъ договоръ о совмѣстной жизни въ государствѣ, рожденныя отъ этого союза дѣти подчиняются власти отца, потому что во всѣхъ государствахъ, установленныхъ отцами, а не матерями семейства, домашняя власть принадлежитъ мужу; такой договоръ, если онъ заключенъ согласно гражданскимъ законамъ, называется бракомъ; если же устанавливается только сожительство, дѣти подчиняются то власти матери, то власти отца, потому что въ различныхъ государствахъ существуютъ различные гражданскіе законы.

VII. Такъ какъ въ силу раздѣла III мать является первоначально госпожей дѣтей и отъ нея, по производному праву,—отецъ или кто нибудь иной, то очевидно, что дѣти подчинены власти тѣхъ, кто ихъ питаетъ и воспитываетъ не въ меньшей степени, чѣмъ рабы господину или подданные—обладающему верховной властью въ государствѣ и что родитель не можетъ, насколько онъ продолжаетъ сохранять власть надъ сыномъ, нанести ему оскорбленіе. Сынъ освобождается отъ подчиненія отцовской власти тѣми же способами, что подданный и рабъ, и эмансипація есть то же, что и манумиссія, и abdicatio—то же, что изгнаніе.

VIII. Освобожденный сынъ и отпущенный на свободу рабъ уже меньше боятся лишившагося отеческой и господской власти отца семейства и (если обращать вниманіе на истинное и подлинное почтеніе) почитаютъ его меньше, чѣмъ раньше, потому что почтеніе есть ничто иное какъ уваженіе къ чужой власти; поэтому тому, у кого меньше власти, всегда оказывается и меньшее почтеніе. Не нужно думать, что отпустившій на волю раба или освободившій изъ подъ своей

власти сына хочетъ настолько сравнять ихъ съ собой, чтобы не быть свидѣтелемъ благопочитанія съ ихъ стороны, но во всемъ встрѣчать такое отношеніе, будто бы онъ былъ имъ равенъ. Поэтому всегда нужно предполагать, что всякій освобожденный отъ повиновенія, будь то рабъ, или сынъ, или колонія обѣщаетъ по крайней мѣрѣ выполнять всѣ внѣшніе знаки, которыми низшіе обычно высказываютъ почтеніе высшимъ. Отсюда слѣдуетъ, что положеніе о почитаніи родителей есть естественный законъ и даже не въ силу благодарности, но въ силу соглашенія.

IX. Но кто нибудь спроситъ, каково же различіе между ребенкомъ, рабомъ и гражданиномъ? потому что, насколько я знаю, ни однимъ писателемъ не разъяснено, что такое свобода и что—рабство. Обычно полагаютъ, что дѣлать все по нашему желанію и дѣлать это безнаказанно есть свобода; не быть въ состояніи дѣлать этого—рабство; но это непримиримо съ существованіемъ государства и съ сохраненіемъ мира въ средѣ человѣческаго рода, потому что не можетъ быть государства лишеннаго верховной власти и права принужденія. Свобода, какъ мы ее опредѣляемъ, есть ничто иное, какъ отсутствіе препятствій къ движенію, такъ что вода, заключенная въ сосудѣ—несвободна; съ разбитіемъ сосуда она освобождается. Свобода принадлежитъ въ большой или меньшей степени каждому, въ зависимости отъ пространства, въ которомъ онъ можетъ двигаться; большей свободой располагаетъ тотъ, кто содержится въ просторной темницѣ, чѣмъ заключенный въ узкой. И человѣкъ можетъ быть свободенъ въ одномъ направленіи и несвободенъ въ другомъ, напримѣръ, идущій по пути, ограженному съ обѣихъ сторонъ изгородями, и оградами, дабы онъ не вредилъ сосѣднимъ съ дорогой виноградникамъ и посѣвамъ. Препятствія этого рода внѣшни и абсолютны; въ этомъ смыслѣ свободны всѣ рабы и подданные, если только они не связаны и не заключены въ тюрьму. Другія препятствія условны; они препятствуютъ движенію не совершенно, но въ опредѣленномъ направленіи по нашему избранію; такъ находящійся на кораблѣ не настолько лишенъ свободы, чтобы онъ не могъ броситься въ море, если захочетъ. Такъ же и здѣсь: чѣмъ большимъ количествомъ дорогъ кто можетъ итти, тѣмъ большей свободой онъ располагаетъ. Въ этомъ и состоитъ гражданская свобода, ибо никто, будь онъ подданный, или сынъ, или рабъ, не можетъ быть настолько связанъ угрозой наказаній предложенныхъ государствомъ, отцомъ или господиномъ, какъ бы строги они ни были, чтобы онъ оказался не въ состояніи дѣлать всего и прибѣгать ко всему, что окажется необходимымъ для защиты его жизни и здоровья. Слѣдовательно я не придумываю ничего такого, на что какой-нибудь рабъ можетъ жаловаться подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ лишенъ свободы и что если бы съ нимъ не случилось этого бѣдствія, онъ не находился бы подъ такимъ принужденіемъ, дабы онъ не приносилъ вреда самому себѣ и не получилъ бы обратно ту жизнь, право на которую онъ утратилъ на войнѣ, или по несчастію, или по собственному воздѣйствію, одновременно со всѣми средствами къ пропитанію и со всѣмъ необходимымъ для сохраненія жизни и здоровья, съ тѣмъ условіемъ, чтобы имъ управляли. Дѣйствительно, тотъ, кого угрозой наказанія принуждаютъ не дѣлать всего, что онъ хочетъ, не угнетенъ рабствомъ, но сдерживается и состоитъ подъ управленіемъ. И во всякомъ государствѣ и семьѣ, въ которыхъ есть рабы, свободные граждане и сыновья семействъ имѣютъ то преимущество надъ рабами, что они достигаютъ и государственныхъ должностей и семейныхъ почестей, а также обладаютъ большимъ достаткомъ. Различіе между свободнымъ гражданиномъ и рабомъ въ томъ и состоитъ, что свободный служитъ только государству, а рабъ еще и согражданину. Всякая иная свобода есть изъятіе изъ законовъ государства и свойственна властителямъ.

X. Отецъ семейства, его дѣти и рабы, объединенные дѣйствіемъ отцовской власти въ одно гражданское лицо, называются семействомъ. Если же оно, вслѣдствіе размноженія потомства и пріобрѣтенія рабовъ, станетъ настолько многочисленнымъ, что его нельзя будетъ покорить иначе какъ довѣрившись невѣрному жребію войны, оно будетъ называться патріархальнымъ царствомъ, (regnum patrimoniale). Оно, даже тогда, когда пріобрѣтается силой, отличается отъ установленной монархіи происхожденіемъ и порядкомъ устро-

енія; будучи же устроеннымъ, оно отличается тѣми же особенностями, въ обоихъ право власти одинаково; такимъ образомъ говорить о нихъ раздѣльно не нужно.

XI. Уже было сказано по какому праву устанавливается верховная власть; нужно вкратцѣ сказать, по какому праву она продолжаетъ свое существованіе. Право, по которому она продолжаетъ существовать, называется правомъ преемства. Однако такъ какъ въ демократіи верховная власть принадлежитъ народу, то какъ долго существуютъ граждане, такъ же долго верховная власть принадлежитъ одному и тому же лицу; дѣйствительно народъ не имѣетъ преемника; подобнымъ же образомъ въ аристократіи со смертью одного изъ оптиматовъ остальные выбираютъ на его мѣсто кого либо другого и поэтому, если только они не умрутъ всѣ одновременно, чего по моему мнѣнію никогда не случается, здѣсь нѣтъ никакого преемства. Слѣдовательно вопросъ о правѣ преемства имѣетъ мѣсто въ одной только абсолютной монархіи, потому что отправляющіе верховную власть только въ теченіе извѣстнаго времени, не монархи, но слуги государства.

XII. Итакъ во-первыхъ, если монархъ назначитъ себѣ преемника въ завѣщаніи, назначенный принимаетъ власть, потому что, будучи назначенъ народомъ, монархъ обладаетъ въ государствѣ всею тою властью, которой обладаетъ народъ, какъ это показано въ раздѣлѣ XI главы VII. Но народъ могъ его избрать, слѣдовательно онъ самъ можетъ по тому же праву избрать другого. Но въ унаслѣдованномъ государствѣ дѣйствуетъ то же право, что и въ установленномъ; поэтому всякій монархъ можетъ назначить себѣ преемника по завѣщанію.

XIII. Такъ какъ тотъ, кто можетъ передать что либо другому по завѣщанію, можетъ то же самое и съ тѣмъ же правомъ подарить или продать, то слѣдовательно кому бы монархъ ни передалъ верховную власть въ подарокъ или за деньги, онъ передалъ ее по праву.

XIV. Если монархъ при жизни не объявилъ своей воли о преемникѣ ни въ завѣщаніи, ни инымъ способомъ, прежде всего предполагается, что онъ не хотѣлъ возвращать государство къ анархіи или состоянію войны, т. е. не хотѣлъ

гибели гражданъ, такъ какъ онъ не могъ этого сдѣлать безъ нарушенія естественныхъ законовъ, въ силу которыхъ онъ обязался передъ судомъ совѣсти исполнять все, что съ необходимостью ведетъ къ миру; если бы онъ захотѣлъ этой войны, нетрудно было бы открыто объявить о такомъ желаніи. Наконецъ, такъ какъ право переходитъ согласно волѣ отца, о преемникѣ нужно думать въ соотвѣтствіи со знаками этой воли; слѣдовательно нужно предполагать, что его воля состояла въ томъ, чтобы его подданные находились скорѣе подъ монархической властью, чѣмъ подъ какой либо иной, потому что и онъ самъ примѣромъ собственнаго царствованія раньше одобрилъ этотъ образъ правленія и позже не осудилъ его какимъ-нибудь другимъ дѣйствіемъ или словомъ.

XV. Далѣе, такъ какъ въ силу естественной необходимости всѣ люди больше хотятъ блага для тѣхъ, кто воздавалъ имъ почтеніе и славу, чѣмъ для другихъ, а каждый ожидаетъ почестей и славы послѣ смерти скорѣе отъ дѣтей, чѣмъ отъ кого бы то ни было другого, то слѣдовательно отецъ скорѣе желаетъ блага своимъ дѣтямъ, чѣмъ кому либо другому. Слѣдовательно подразумѣвается, что воля отца, умершаго безъ завѣщанія, состоитъ въ томъ, чтобы преемникомъ его былъ кто-нибудь изъ его дѣтей. Это нужно подразумѣвать и тогда, когда нѣтъ болѣе ясныхъ признаковъ противнаго; обычай этого рода можетъ устанавливаться рядомъ преемствъ; если монархъ дѣйствительно умолчалъ о преемствѣ, подразумѣвается, что онъ согласенъ съ обычаемъ своего царства.

XVI. Среди дѣтей мужчины предпочитаются женщинамъ на томъ твердомъ основаніи, что большей частью (конечно не всегда), они болѣе способны къ труднымъ дѣламъ, въ особенности къ веденію войнъ; потомъ—тамъ, гдѣ это вошло въ обычай—потому, что это не противорѣчитъ обычаю и поэтому воля отца должна истолковываться въ ихъ пользу, если только обычай или иной порядокъ этого ясно не отвергаютъ.

XVII. Такъ какъ всѣ сыновья равны, а власть раздѣлить нельзя, вступаетъ въ преемство старшій. Ибо если существуетъ какая-нибудь разница по возрасту, болѣе всего достоинъ власти старшій, потому что по естественному суж-

денію старшій годами (какъ обычно бываетъ) мудрѣе. Другого судьи въ этомъ вопросѣ дано быть не можетъ. Дѣйствительно, если бы всѣ братья были равны, преемникомъ дѣлались бы по жребію. Но первородство—естественный жребій и уже имъ избирается старшій, потому что нѣтъ никого обладающаго властью разсудить какимъ именно родомъ жребія долженъ рѣшаться споръ. То же основаніе, которое говоритъ въ защиту первороднаго, защищаетъ и первородную.

XVIII. Если у монарха нѣтъ дѣтей, власть переходитъ къ его братьямъ и сестрамъ на томъ же основаніи, по которому преемство переходитъ къ дѣтямъ, если они имѣются; ибо предполагается, что близкіе по природѣ близки по расположенію, и братья пользуются имъ больше чѣмъ сестры, и старшіе болѣе младшихъ. Основанія этого рѣшенія тѣ же, что и для дѣтей.

XIX. Далѣе, тѣ же основанія, что для преемства власти, дѣйствуютъ и для права подобнаго преемства, ибо предполагается, что первородный, если онъ умретъ раньше отца, перенесъ свое право преемства, если только отецъ не постановилъ иначе, на своихъ дѣтей, и поэтому внуки и внучки монарха въ преемствѣ предупреждаютъ своихъ дядей. Все это имѣетъ мѣсто, если обычай даннаго царства (съ которымъ отецъ предполагается согласнымъ, если только онъ ему не противорѣчилъ), этому не препятствуетъ.

ГЛАВА X.

Сравненіе трехъ видовъ государствъ въ отношеніи неудобствъ каждаго изъ нихъ.

I. Уже сказано, что такое демократія, аристократія и монархія. Который же изъ этихъ трехъ видовъ государствъ является наиболѣе пригоднымъ для поддержанія мира среди гражданъ и обезпеченія ихъ благосостоянія, будетъ видно изъ сравненія между ними. Прежде всего мы изложимъ выгоды и невыгоды государства вообще, дабы никто не подумалъ, что было бы много лучше, если бы каждый человѣкъ жилъ руководствуясь собственнымъ произволомъ, чѣмъ устраивалъ какое бы ни было государство. Въ догосударственномъ состояніи каждый располагаетъ своей свободой самымъ полнымъ образомъ, но она не приноситъ плодовъ, потому что поступающій во всемъ, въ силу своей свободы, по собственному усмотрѣнію, въ силу свободы другихъ во всемъ терпитъ отъ чужого усмотрѣнія. По установленіи же государства каждый гражданинъ удерживаетъ за собой столько свободы, сколько достаточно для хорошей и спокойной жизни и эта свобода принадлежитъ другимъ въ такой степени, что они уже не внушаютъ опасеній. Хотя внѣ государства каждому предоставляется право на все, онъ не можетъ пользоваться ничѣмъ, въ государствѣ же каждый, будучи ограниченъ въ правахъ, пользуется ими безопасно. Внѣ государства каждаго можетъ кто угодно и по праву ограбить или убить, въ государствѣ же это право принадлежитъ только одному. Внѣ государства мы защищаемся собственными силами, въ государствѣ—силами всѣхъ. Внѣ государства ни за кѣмъ не обезпеченъ плодъ его усилій, въ государствѣ онъ обезпеченъ за всѣми. Итакъ внѣ государства,—владычество страстей, война,

страхъ, бѣдность, мерзость, одиночество, дикость, невѣжество, звѣрство, въ государствѣ — владычество разума, миръ, безопасность, блаженство, благолѣпіе, общество, изысканность, знанія, благосклонность.

II. Аристотель въ 14 главѣ VII книги Политики говоритъ, что есть два рода правленій, изъ которыхъ одинъ направленъ къ выгодѣ повелѣвающаго, а другой — къ выгодѣ подданныхъ, какъ будто бы тамъ, гдѣ съ гражданами обходятся строже, существуетъ одинъ, а тамъ, гдѣ мягче — другой видъ государства; въ этомъ мѣстѣ съ Аристотелемъ слѣдуетъ соглашаться менѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Всѣ удобства и неудобства, проистекающіе изъ образа правленія, одинаково общи властелину и подданымъ. Неудобства, падающія на отдѣльнаго гражданина благодаря его неудачливости, глупости, небрежности, незнанію или расточительности, могутъ быть отдѣлены отъ неудобствъ падающихъ на правителя, но это не неудобства образа правленія, потому что они могутъ случиться въ какомъ угодно государствѣ. Если же неудобства проистекаютъ отъ первоначальнаго устройства государства, они называются неудобствами образа правленія, но тогда они будутъ общими для повелителя и для гражданъ, точно такъ же, какъ общи и ихъ выгоды. Первая и величайшая выгода — миръ и защита равна для одного и для другихъ, потому что и повелитель и тотъ, кому повелѣваютъ, для защиты своей жизни равно пользуются силами всѣхъ согражданъ. И величайшее неудобство, которое только можетъ возникнуть въ государствѣ, а именно убійство гражданъ, происходящее изъ анархіи, равно угрожаетъ и обладателю верховной власти и каждому отдѣльному гражданину. Во-вторыхъ, если обладатель верховной власти потребуетъ отъ гражданъ столько денегъ, что они не смогутъ прокормить себя и свои семейства и сохранить свои физическія силы, ихъ невыгода не больше невыгоды повелителя, который при помощи какихъ бы то ни было богатствъ не сможетъ обезпечить свою власть и эти богатства безъ физической силы гражданъ. Если же онъ потребуетъ съ нихъ столько, сколько окажется необходимымъ для отправленія власти, это будетъ одинаково способствовать и ему и гражданамъ въ дѣлѣ достиженія общаго мира и защиты. И нельзя вообще представить, какимъ образомъ общественныя богатства могутъ быть неудобны для частныхъ лицъ, если только частныя лица не истощаются при этомъ настолько, что для нихъ оказывается невозможнымъ пріобрѣсти собственными средствами все необходимое для поддержанія ихъ физическихъ и духовныхъ силъ, ибо подобное неудобство касается и самого повелителя и происходитъ не отъ дурныхъ учрежденій или установленій, (потому что во всѣхъ видахъ государства граждане могутъ находиться въ утѣсненіи), а отъ дурного управленія хорошо установленнымъ государствомъ.

III. Нужно показать изъ сравненія удобствъ и невыгодъ отдѣльныхъ раньше названныхъ видовъ государствъ, демократіи, аристократіи и монархіи, что наилучшимъ изъ нихъ является монархія. Это слѣдуетъ изъ того, что вселенная управляется *однимъ* Богомъ, что древніе предпочитали монархическій образъ правленія другимъ, ввѣривъ управленіе богами *одному* Юпитеру, что въ началѣ вещей и народовъ рѣшенія старѣйшинъ были законами, что отеческая власть при сотвореніи міра была установлена Богомъ какъ монархическая, что остальные виды правленія вновь возникали съ помощью людского искусства [1]) изъ обломковъ монархіи, разрушенной мятежами и что народъ Божій управлялся царями; хотя это все и дѣлаетъ монархію наиболѣе предпочтительной въ нашихъ глазахъ, но мы опускаемъ все это, по-

[1]) Что древніе смотрѣли на это именно такъ, слѣдуетъ изъ оставшейся отъ нихъ басни о Прометеѣ. Въ ней разсказывается, что Прометей, похитившій съ солнца огонь, сдѣлалъ людей изъ глины и что за этотъ поступокъ разгнѣванный Юпитеръ наказалъ его вѣчнымъ терзаніемъ печени. Это значитъ, что человѣческая хитрость, (которую обозначаетъ Прометей) изъ подражанія заимствовала у монархіи судъ и законы, съ помощью которыхъ (какъ при посредствѣ огня, похищеннаго изъ его естественнаго источника,) толпа (какъ глина и человѣческіе отбросы), получила душу и сплотилась въ одно гражданское лицо, называющееся аристократіей или демократіей. Авторы же и послѣдователи этой выдумки, могшіе благополучно и безъ трудовъ жить подъ естественной властью царей, подвергаются слѣдующему наказанію: будучи изгнаны въ другое мѣсто, они испытываютъ постоянныя заботы, подозрѣнія и несогласія.

тому что тутъ мы идемъ не путемъ разсужденій, а путемъ примѣровъ и свидѣтельствъ.

IV. Есть такіе люди, которымъ правленіе одного не нравится потому, что оно принадлежитъ *одному*, какъ будто является несправедливымъ среди такого множества облечь кого-нибудь однаго такой властью, чтобы онъ могъ по собственному усмотрѣнію распоряжаться всѣми остальными. Подобные люди безъ сомнѣнія хотѣли бы, если бы только оказались въ состояніи, изъять себя изъ подъ власти *одного* Бога. Но это возраженіе противъ одного властителя питается завистью, такъ какъ они видятъ, что одинъ располагаетъ тѣмъ, къ чему всѣ стремятся; на томъ же основаніи они сочтутъ одинаково несправедливымъ, что повелѣваютъ немногіе, если только они сами не окажутся въ ихъ числѣ или не будутъ разсчитывать попасть въ него; ибо если несправедливо, что не всѣ обладаютъ равными правами, несправедливо и правленіе знатныхъ. Такъ какъ уже было показано, что состояніе равенства есть состояніе войны и поэтому неравенство введено съ общаго согласія всѣхъ, то не должно считаться несправедливостью то неравенство, гдѣ большими правами располагаетъ тотъ, кому мы добровольно передаемъ больше. Слѣдовательно невыгоды, которыя слѣдуютъ изъ власти одного человѣка, слѣдуютъ за человѣкомъ, а не за его единоличностью. Значитъ нужно разсмотрѣть, что̀ приноситъ гражданамъ больше неудобства, правленіе одного человѣка или многихъ людей.

V. Но сначала нужно опровергнуть мнѣніе тѣхъ, кто совершенно отвергаетъ возможность государства, состоящаго изъ какого угодно числа рабовъ подъ властью общаго господина. Въ раздѣлѣ IX главы V государство опредѣляется какъ единое лицо, состоящее изъ многихъ людей, воля котораго, въ силу заключенныхъ ими соглашеній, должна считаться за волю ихъ всѣхъ съ тѣмъ, чтобы оно могла располагать силами и способностями каждаго изъ нихъ въ цѣляхъ мира и общей защиты. Въ силу того же раздѣла той же главы лицо считается однимъ, когда воля многихъ содержится въ волѣ одного. Но воля каждаго раба содержится въ волѣ его господина, какъ это показано въ раздѣлѣ V главы VIII, такимъ образомъ, что тотъ можетъ располагать ихъ силами и способностями какъ онъ захочетъ. Слѣдовательно соединеніе, состоящее изъ господина и многихъ рабовъ, будетъ государствомъ и въ защиту противнаго нельзя привести ни одного основанія, которое съ равной силой не было бы направлено и противъ государства, состоящаго изъ отца и дѣтей, ибо рабы подчиняются бездѣтному господину на томъ же основаніи, что и дѣти, потому что они его почетъ и защита и потому что рабы подчиняются господамъ не больше чѣмъ дѣти отцамъ, какъ это было показано выше, въ раздѣлѣ V главы VIII.

VI. Однимъ изъ неудобствъ верховной власти является то, что кромѣ денегъ, необходимыхъ на общественныя нужды, т. е. на содержаніе должностныхъ лицъ, постройку и содержаніе укрѣпленій, веденіе войны, достойное поддержаніе своего двора, повелитель можетъ также, если захочетъ, требовать по своему усмотрѣнію и другія, которыми онъ сможетъ одѣлять своихъ дѣтей, родственниковъ, любимцевъ и даже льстецовъ. Нужно согласиться, что это — дѣйствительно неудобство, но изъ числа встрѣчающихся во всякомъ видѣ государства и въ монархіи оно переносится легче, чѣмъ въ демократіи, потому что если монархъ и захочетъ обогатить всѣхъ, о комъ было сказано, ихъ число невелико, потому что всѣ они окружаютъ одного человѣка. Но въ демократіи желающихъ одѣлять своихъ дѣтей, родственниковъ, любимцевъ и льстецовъ столько же, сколько и демагоговъ, т. е. властвующихъ надъ народомъ ораторовъ (которыхъ и одновременно бываетъ много, да и каждый день выдвигаются новые), потому что каждый изъ нихъ въ отдѣльности не только желаетъ сдѣлать свои семьи столь могущественными благодаря своимъ богатствамъ и знаменитости, какъ только онъ сможетъ, но также, ради укрѣпленія собственнаго положенія, и другихъ привязать къ себѣ различными благодѣяніями. Монархъ можетъ, по большей части, не раззоряя гражданъ одарять своихъ слугъ и друзей (они немногочисленны), отдавая имъ средства, назначенныя на дѣла войны и мира, въ демократіи же, гдѣ нужно насытить многихъ и притомъ всегда новыхъ, это не можетъ происходить безъ угнетенія гражданъ. Монархъ хотя и можетъ выдвигать негодныхъ людей, часто однако не хочетъ этого дѣлать, въ демократіи же всѣ ораторы всегда этого хотятъ,

потому что это нужно, иначе могущество тѣхъ, кто это дѣлаетъ только для одного, возрастетъ такъ, что оно станетъ опаснымъ для государства.

VII. Другое неудобство верховной власти состоитъ въ томъ, что неизбѣженъ постоянный страхъ смерти, которой, какъ каждый думаетъ, онъ можетъ быть подверженъ, если онъ вступитъ въ споръ съ повелителемъ, не только могущимъ облагать произвольными наказаніями какія угодно преступленія, но, поддавшись гнѣву или пристрастію, угнетать невинныхъ, ничего противозаконнаго не совершившихъ гражданъ. Но на дѣлѣ это большое неудобство существуетъ во всѣхъ видахъ государствъ, въ которыхъ оно только встрѣчается, (потому что неудобство состоитъ въ томъ, что оно встрѣчается, а не въ томъ, что оно можетъ встрѣчаться), но это— недостатокъ правящаго, а не образа правленія, ибо не всѣ поступки Нерона необходимы для монархіи. Подъ властью одного человѣка граждане осуждаются невинно даже рѣже, чѣмъ подъ властью народа, ибо цари гнѣваются на тѣхъ, кто имъ докучаетъ неумѣстными совѣтами, или оскорбительными словами, или противодѣйствіемъ ихъ волѣ, но въ то же время они достигаютъ этимъ, что то превосходство силъ,которое одинъ изъ гражданъ можетъ пріобрѣсти надъ другими, становится неопаснымъ. Поэтому въ царствованіе какого-нибудь Нерона или Калигулы незаслуженно страдать не можетъ никто, за исключеніемъ лично извѣстныхъ ему какъ придворные или причастные къ какой-нибудь публичной должности, да и не всѣ они, а только обладающіе тѣмъ, чѣмъ онъ хочетъ обладать, ибо докучливыхъ и оскорбительныхъ онъ караетъ по заслугамъ. Слѣдовательно при монархіи пожелавшій быть въ сторонѣ остается внѣ опасности, кто бы ни царствовалъ. Терпятъ только одни заносчивые, а остальные защищены отъ обидъ государей. Но при господствѣ народа Нероновъ можетъ быть столько, сколько ораторовъ нравится народу, потому что каждый изъ нихъ можетъ сдѣлать все то, что можетъ народъ и, спасая отъ наказанія тѣхъ, кого граждане хотѣли бы убить по происканъ разгнѣванныхъ частныхъ лицъ, они угождаютъ взаимнымъ желаніямъ, дѣйствуя какъ бы на основаніи молчаливаго соглашенія: сегодня мнѣ, завтра тебѣ. Кромѣ того

для частнаго могущества существуетъ предѣлъ, по достиженію котораго оно начинаетъ угрожать государству, въ силу чего монархамъ иногда необходимо позаботиться, чтобы изъ этого не возникло ничего, приводящаго къ разрушенію государства. И если это могущество основывается на богатствѣ, они его уменьшаютъ, уменьшая богатство; если же оно основано на народномъ расположеніи, они устраняютъ самого достигшаго могущества, не совершившаго кромѣ этого никакого другого преступленія. То же дѣлается обычно и въ демократіи, ибо аѳиняне путемъ остракизма изгоняли достигшихъ могущества ни за что иное, какъ за одно могущество и въ Римѣ убивали за домогательство царской власти тѣхъ, кто подарками снискивалъ расположеніе плебса. Демократія и монархія въ этомъ отношеніи равны, но не равны они въ славѣ, такъ какъ слава идетъ отъ народа и то, что совершаютъ многіе, многіе и одобряютъ. Поэтому если подобный поступокъ совершитъ монархъ, говорится, что онъ поступилъ такъ, завидуя доблести пострадавшаго, если такъ поступитъ народъ, это будетъ считаться политичнымъ.

VIII. Есть такіе, которые считаютъ, что монархія потому невыгоднѣй демократіи, что въ ней меньше свободы, чѣмъ въ послѣдней. Если они считаютъ свободой изъятіе изъ подчиненія законамъ, т. е. велѣніямъ народа, то такой свободы нѣтъ совсѣмъ ни въ демократіи ни въ какомъ-либо иномъ государствѣ; если они считаютъ, что свобода состоитъ въ томъ, что законы немногочисленны, что запрещено немногое и только то, внѣ запрещенія чего невозможенъ миръ, я стану отрицать, что въ демократіи свободы больше, чѣмъ въ монархіи; при такой свободѣ можно существовать тамъ не меньше, чѣмъ здѣсь, и если даже на всѣхъ воротахъ и башняхъ государства самыми большими буквами будетъ написано: свобода, это свобода не каждаго отдѣльнаго гражданина, а государства; это слово пишется въ государствѣ, управляемомъ народомъ, не съ большимъ правомъ, чѣмъ въ томъ, гдѣ правитъ монархъ. Когда же отдѣльные граждане, т. е. подданные требуютъ свободы, подъ этимъ именемъ они требуютъ не свободы, но господства, только по незнанію они меньше всего подозрѣваютъ это. Дѣйствительно, если они, какъ это предписываетъ естествен-

ный законъ, предоставятъ другимъ ту свободу, которой каждый изъ нихъ требуетъ для себя, снова возродится то естественное состояніе, въ которомъ всѣ по праву могутъ дѣлать все, состояніе, которое всѣ отвергнутъ, если только подумаютъ, что оно хуже всякаго государственнаго подчиненія. Если же кто-нибудь требуетъ, чтобы онъ одинъ былъ свободенъ, всѣ же остальные оставались въ подчиненіи, чего онъ требуетъ, какъ не господства? ибо освобожденный отъ всякой связи является господиномъ всѣхъ несвободныхъ, сколько бы ихъ ни было. Поэтому свобода гражданъ въ народномъ государствѣ не больше, чѣмъ въ монархіи. То, что привлекаетъ больше всего, есть равное участіе въ общественныхъ тяготахъ и властвованіи, ибо тамъ, гдѣ власть принадлежитъ народу, отдѣльные граждане постольку участвуютъ во властвованіи, поскольку они являются частями властвующаго народа. Они въ равной степени участвуютъ въ общественныхъ тяготахъ, поскольку имѣютъ равные голоса въ избраніи властей и общественныхъ должностныхъ лицъ. Это и есть то, чего хотѣлъ Аристотель, по обычаю его времени называющій, во 2 главѣ VI книги политики, власть—свободой: основнымъ принципомъ демократическаго строя является свобода. По общепринятому мнѣнію, только при одномъ этомъ строѣ всѣ граждане пользуются свободой, такъ какъ къ ней, какъ утверждаютъ, стремится всякая демократія. А однимъ изъ условій свободы служитъ очередное подчиненіе и властвованіе *). Отсюда можно мимоходомъ вывести, что тѣ граждане, которые плачутся, что въ монархіи они лишены свободы, негодуютъ на то, что ихъ не допускаютъ къ управленію государствомъ

IX. Нѣкоторые пытаются доказать, что народное государство потому должно быть съ несомнѣнностью предпочтено монархіи, что тамъ, гдѣ всѣ открыто принимаютъ участіе въ общественныхъ дѣлахъ, каждому предоставляется возможность высказать въ публичныхъ преніяхъ по самымъ труднымъ и подлежащимъ немедленному разрѣшенію вопросамъ свою мудрость, знаніе и краснорѣчіе, что, въ силу присущей человѣ-

*) Цитата изъ Аристотеля (Политика II 1. 6) приведена по переводу проф. С. А. Жебелева. М. 1911. стр. 272.

ческой природѣ жаждѣ похвалъ, является въ высшей степени пріятнымъ тѣмъ, кто превосходитъ остальныхъ такими доблестями или считаетъ, что онъ превосходитъ ими другихъ; этотъ путь, ведущій къ похваламъ и почестямъ, представляется потому очень цѣннымъ для значительной части гражданъ. Въ чемъ же вообще можно видѣть неудобства государственнаго строя? Отвѣчаю на это: видѣть рѣшеніе того, кого мы презираемъ, предпочтеннымъ нашему, чувствовать, что нашей мудростью пренебрегаютъ въ нашемъ присутствіи, въ сомнительной погонѣ за пустой славой пріобрѣсти несомнѣннѣйшую вражду (ибо наша побѣда или пораженіе не измѣнятъ ея), горѣть ненавистью и испытывать ее изъ-за расхожденія во мнѣніяхъ, подавать совѣты и мнѣнія тамъ, гдѣ это не нужно и безъ всякой для насъ выгоды, оставлять въ пренебреженіи домашнія дѣла; все это я называю невыгодами. Не принимать же участія въ состязаніи мыслей, хотя эта борьба и доставляетъ удовольствіе говорящимъ плавно, не будетъ, слѣдовательно, невыгодой для меня, если только мы не согласимся называть невыгодой для сильныхъ то, что имъ мѣшаютъ принять участіе въ борьбѣ, которая доставляетъ имъ наслажденіе.

X. Кромѣ того существуетъ еще много причинъ, по которымъ обсужденіе въ большихъ собраніяхъ менѣе правильно, чѣмъ тамъ, гдѣ совѣщаются немногіе. Одной изъ этихъ причинъ является та, что для правильнаго разсужденія обо всемъ, что ведетъ къ благу государства, необходимо знать не только то, что происходитъ внутри его, но и то, что дѣлается во внѣ. Изъ внутреннихъ дѣлъ необходимо знать, какими и поступающими изъ какихъ источниковъ средствами питается и защищается данное государство; какія мѣста годятся для размѣщенія охраны; откуда нужно набирать и изъ какихъ средствъ содержать солдатъ; какъ настроены граждане по отношенію къ государю или правителямъ государства и многое подобное. Изъ внѣшнихъ отношеній нужно знать каково и въ чемъ состоитъ могущество отдѣльныхъ сосѣднихъ государствъ; какіе мы получаемъ отъ нихъ выгоды и убытки; каковы ихъ чувства къ намъ и по отношенію другъ къ другу и какія рѣшенія принимаются ими по

текущимъ дѣламъ. Такъ какъ въ многочисленномъ собраніи людей, не скажу неспособныхъ, но по большей части въ этихъ дѣлахъ несвѣдущихъ, все сказанное знаютъ только очень немногіе, то спрашивается, что кромѣ помѣхи можетъ принести въ совѣщаніи такое количество разсуждающихъ и неспособныхъ къ рѣшенію.

XI. Другая причина, по которой многочисленное собраніе менѣе способно къ обсужденію дѣлъ состоитъ въ томъ, что каждый желающій объяснить свое мнѣніе долженъ прибѣгать къ продолжительной и длинной рѣчи и, ради почтенія къ слушателямъ, долженъ такъ украшать и прикрашивать ихъ краснорѣчіемъ, какъ только онъ сможетъ. Цѣль же краснорѣчія состоитъ въ томъ, чтобы доброе и злое, полезное и безполезное, честное и безчестное представлять большимъ или меньшимъ, чѣмъ оно есть на самомъ дѣлѣ, лишь бы оказалось, что это ведетъ къ желательной оратору цѣли. Это называется убѣждать, и хотя тутъ и прибѣгаютъ къ разсужденію, но исходятъ не изъ истинныхъ предпосылокъ, а изъ endoxois, т. е. мнѣній уже широко распространившихся, которыя обыкновенно оказываются по большей части ошибочными; въ своихъ убѣжденіяхъ ораторы стараются, чтобы ихъ рѣчь отвѣчала не истинному положенію вещей, а человѣческимъ страстямъ. Отсюда случается, что рѣшенія такихъ собраній выносятся не подъ вліяніемъ праваго разума, но подъ вліяніемъ душевнаго порыва. И въ этомъ порокъ не даннаго человѣка, но самого краснорѣчія, цѣль котораго (какъ учатъ всѣ учителя риторики), достиженіе не истины, (развѣ случайно), но побѣды и назначеніе не научать, но убѣждать.

XII. Третья причина, по которой обсужденіе дѣлъ въ многолюдномъ собраніи не такъ удобно, состоитъ въ томъ, что отсюда въ государствѣ возникаютъ партіи, а изъ партій возстанія и гражданскія войны, потому что когда равные ораторы вступаютъ въ борьбу, пользуясь противорѣчащими другъ другу мнѣніями и рѣчами, побѣжденный ненавидитъ побѣдителя и всѣхъ тѣхъ, кто послѣдовалъ его мнѣнію за то, что они отнеслись какъ бы съ презрѣніемъ къ его мнѣнію и совѣтамъ и онъ размышляетъ какъ бы устроить такъ,

чтобы исполненіе совѣта, даннаго противникомъ, оказалось вреднымъ для государства, потому что онъ думаетъ, что такимъ образомъ его слава будетъ возстановлена, а противникъ будетъ ея лишенъ. Кромѣ того тамъ, гдѣ число голосовъ не настолько неравно, чтобы у побѣжденнаго не было надежды, что на другомъ собраніи, гдѣ сочувствующихъ ему прибавится хоть немного, онъ сможетъ одержать верхъ, главари созываютъ остальныхъ и совѣщаются отдѣльно о томъ, какимъ образомъ можно было бы отмѣнить ранѣе вынесенное рѣшеніе и условливаются между собой прійти на ближайшее собраніе въ большомъ числѣ и первыми, устанавливаютъ что и въ какомъ порядкѣ каждый долженъ говорить, дабы снова возбудить вопросъ и какъ отмѣнить постановленное присутствующими по небрежности въ небольшомъ числѣ противниками. Старанія и усилія этого рода, къ которымъ прибѣгаютъ для созданія народнаго мнѣнія обычно приводятъ къ образованію партіи. *) Когда же партія оказывается болѣе слабой въ голосованіяхъ, но сильнѣе или лишь немного уступающей въ силахъ, тогда она пытается добиться оружіемъ того, чего нельзя было добиться искусствомъ краснорѣчія, и тогда рождается гражданская война. Но это, говорятъ нѣкоторые, не необходимо и случается не часто. Они могли бы сказать, что ораторы не необходимо ищутъ славы, и что крупные ораторы не часто расходятся въ важныхъ вопросахъ.

XIII. Изъ этого слѣдуетъ, что тамъ, гдѣ власть издавать законы передана подобнымъ собраніямъ, законы неустойчивы и мѣняются ни въ соотвѣтствіи съ измѣненіемъ обстоятельствъ, ни съ измѣненіемъ состоянія умовъ, но потому, что сегодня на собраніе явится большинство, состоящее изъ одной, а завтра изъ другой партіи, такъ что законы тамъ перебрасываются изъ стороны въ сторону, какъ бы на волнахъ.

XIV. Четвертое мѣсто среди неудобствъ разсужденія на большомъ собраніи занимаетъ то, что намѣренія государства, которыя очень часто важно сохранить въ тайнѣ, доходятъ до враговъ раньше, чѣмъ ихъ можно привести въ исполненіе, и

*) Гоббсъ здѣсь играетъ словами: создавать народное мнѣніе (populum facere) и партія (factio).

врагамъ не хуже самого повелѣвающаго народа извѣстно, что онъ можетъ и чего не можетъ, что онъ хочетъ и чего не хочетъ.

XV. Неудобства, наблюдающіяся во время разсужденій въ большихъ собраніяхъ, убѣждаютъ, что монархія лучше демократіи, потому что въ демократіи дѣла величайшей важности чаще поручаются обсужденію подобныхъ собраній чѣмъ въ монархіи; дѣйствительно не легко, чтобы это происходило иначе, потому что нѣтъ ничего, что заставило бы каждаго отказаться скорѣй отъ его частныхъ дѣлъ, чѣмъ отъ общественныхъ; вѣдь тамъ онъ находитъ мѣсто для своей говорливости, благодаря которой онъ можетъ пріобрѣсти признаніе своего ума и мудрости и, возвратившись домой, хвалиться передъ друзьями, родными, женой хорошо проведеннымъ дѣломъ; такъ въ древности Маркъ Коріоланъ всю прелесть своихъ боевыхъ подвиговъ видѣлъ въ томъ, что снискиваемыя имъ похвалы доставляли удовольствіе его матери. Если же въ демократіи народъ захотѣлъ бы передать обсужденіе вопросовъ о войнѣ и мирѣ и объ изданіи законовъ только одному или очень немногимъ, удовлетворившись назначеніемъ чиновниковъ и должностныхъ лицъ, т. е. властью безъ управленія, тогда нужно было бы сказать, что демократія и монархія въ этомъ отношеніи равны.

XVI. И выгоды, и неудобства, проявляющіяся при одномъ государственномъ устройствѣ больше, чѣмъ при другомъ, происходятъ не отъ того, что самая власть или дѣла, рѣшаемыя этой властью, поручаются одному, а не многимъ, или наоборотъ—многимъ, а не небольшому числу, потому что власть есть потенція, а рѣшеніе дѣлъ—актъ; потенція же одинакова при всякомъ государственномъ устройствѣ, а различаются одни акты въ зависимости отъ того, исходятъ ли они отъ многихъ или отъ немногихъ, вслѣдствіе разсужденій опытныхъ или неопытныхъ людей. Отсюда слѣдуетъ, что выгоды или невыгоды образа правленія сопряжены не съ личностью того, въ комъ сосредоточена государственная власть, а съ личностью слугъ этой власти, поэтому правильному управленію государствомъ ничуть не мѣшаетъ то обстоятельство, что монархъ—женщина, ребенокъ или дитя, лишь бы

дѣлами попрежнему завѣдывали тѣ, кто уже приставлены къ общественнымъ должностямъ и повинностямъ. Поэтому изреченіе: горе государству, въ которомъ царствуетъ ребенокъ, не означаетъ, что положеніе монархіи уступаетъ положенію народнаго государства, но наоборотъ, что затрудненіе государства состоитъ въ томъ, что, благодаря случайности, въ царствованіе ребенка многіе, движимые честолюбивымъ желаніемъ господствовать, пробираются въ общественные совѣты, и тогда государство управляется демократическимъ образомъ и отсюда рождаются тѣ несчастія, которыя большей частью сопровождаютъ владычество народа.

XVII. Наиболѣе очевиднымъ признакомъ, что абсолютная монархія есть наилучшее состояніе государства, служитъ то, что не только цари, но даже государства, подчиненныя народу или лучшимъ гражданамъ, передаютъ только одному всю власть на войнѣ, и власть въ такой степени абсолютную, что никакая другая не можетъ быть шире ея; (къ этому приходится замѣтить, что царь не можетъ передать вождю большую власть надъ войскомъ, чѣмъ онъ самъ можетъ по праву располагать надъ гражданами). Итакъ монархія—наилучшій образъ правленія въ лагерѣ, но что же такое государства, какъ не защищаемые другъ противъ друга стражей и оружіемъ лагери, состояніе которыхъ (такъ какъ они не подчинены понужденію никакой общей власти и невѣрный миръ между ними прерываютъ краткія войны), должно считаться естественнымъ, т. е. состояніемъ войны.

XVIII. Наконецъ, такъ какъ необходимо ради нашего самосохраненія, чтобы мы были подданными какого-нибудь человѣка или совѣта, лучше всего подчиняться тому, кто заинтересованъ, чтобы мы были цѣлы и здоровы, а это бываетъ тогда, когда мы составляемъ наслѣдство властителя, потому что каждый добровольно старается сохранить свое наслѣдство. Богатство царей—не земли и деньги гражданъ, но бодрость ихъ тѣлъ и души, съ чѣмъ легко согласятся тѣ, кто обратитъ вниманіе, какими большими деньгами оцѣнивается господство надъ малыми государствами и насколько легче съ людьми добыть денегъ, чѣмъ съ деньгами—людей. Да и не такъ ужъ легко найти примѣръ подданнаго, лишеннаго его го-

сударемъ жизни или имущества безъ вины съ его стороны, въ силу одной лишь доступности власти.

XIX. До сихъ поръ производилось сравненіе монархіи и демократіи, объ аристократіи же умалчивалось. Изъ того, что было сказано объ этихъ двухъ образахъ правленія, можно заключить, что если аристократія наслѣдственна и если, удовлетворившись избраніемъ магистратовъ, она передастъ рѣшеніе дѣлъ немногимъ болѣе способнымъ и вообще чѣмъ больше она будетъ походить на монархическое и меньше на народное правленіе, тѣмъ лучше будетъ она для отдѣльныхъ гражданъ и тѣмъ долговѣчнѣе.

ГЛАВА XI.

Мѣста и примѣры Священнаго Писанія относительно права царствовать, повидимому подтверждающіе вышесказанное.

I. Въ раздѣлѣ II главы VI мы такъ вывели начало установленнаго или политическаго государства, что, казалось, слѣдовало или считать всѣхъ согласившимися, или принимать ихъ за враговъ; таково было начало Божьяго Царства, установленнаго у Іудеевъ Моисеемъ: если послушаетесь голоса Моего и т. д., будете въ Моемъ первосвященническомъ царствѣ и т. д.; пришелъ Моисей и созвалъ всѣхъ старѣйшихъ народныхъ и т. д. и весь народъ отвѣчалъ: исполнимъ все, что прикажетъ Господь. Таково же было и начало власти Моисея, зависѣвшаго отъ Бога, власти, подобной царской; весь народъ видѣлъ голоса и свѣтильники и т. д. и сказалъ Моисею: говори намъ и мы послушаемся. Подобнымъ же образомъ началось царствованіе Саула 1 Ц. 12. 12, 13: видя, что Наасъ, царь аммонитянъ, идетъ противъ васъ, вы сказали мнѣ: нѣтъ, царь пусть царствуетъ надъ нами, тогда какъ Господь Богъ вашъ—царь вашъ; и вотъ царь, котораго вы выбрали и просили. Такъ какъ однако согласились не всѣ, а большая часть, потому что были сыновья Валіала, говорившіе 1 Ц. 10.27: какъ онъ спасетъ насъ? и они презирали его, то несогласившихся, какъ враговъ, хотѣли предать смерти. 1 Ц. 11.12: кто говорилъ (сказалъ народъ Самуилу): неужели Саулъ будетъ царствовать надъ нами? дайте этихъ людей и мы умертвимъ ихъ.

II. Точно такъ же въ раздѣлѣ VI главы VI показано, что какъ судъ, такъ и война зависятъ отъ велѣній того, кому принадлежитъ верховная власть въ государствѣ; въ монархіи — одному монарху или царю. Это подтверждается рѣше-

ніемъ самого народа, 1 Ц. 8.20: и мы будемъ какъ прочіе народы: нашъ царь станетъ судить насъ, и пойдетъ впереди насъ и будетъ вести наши войны; а также свидѣтельствомъ царя Соломона, касающимся суда и всего, о чемъ можно спорить, добро это или зло. 3 Ц. 3. 9: даруй рабу твоему сердце разумное чтобы судить народъ Твой и отличать добро и зло, и Авессалома, 2 Ц. 15.3: у царя некому выслушать тебя.

III. Что подданные не могутъ наказывать царей, сказано въ раздѣлѣ XII главы VI; это подтверждаетъ царь Давидъ, который, въ то время какъ Саулъ искалъ его смерти, воздержался однако отъ его убіенія и запретилъ Авессѣ убить его, говоря: 1 Ц. 26. 9: не убивай его; ибо кто, поднявъ руку на помазанника Божія, останется ненаказаннымъ? и когда онъ пронзилъ край одежды Саула, онъ сказалъ: 1 Ц.24.7: да сохранитъ меня Господь отъ подобнаго дѣйствія противъ господина моего, помазанника Господа; да не подниму руку на него, и онъ приказалъ казнить амалекитянина, убившаго Саула ради него. 2 Ц. 1. 15.

IV. Содержащееся въ Суд. 17.6: въ это время въ Израилѣ не было царей; каждый дѣлалъ то, что ему казалось справедливымъ (ибо тамъ, гдѣ нѣтъ монархіи, есть анархія, или смѣшеніе всего), можетъ быть приведено въ доказательство превосходства монархіи подъ всѣми остальными формами государства, если только надъ словомъ царь понимать не одного человѣка, но также и одинъ совѣтъ, лишь бы онъ былъ облеченъ высшей властью. Но даже если принять и это, то слѣдуетъ, что безъ высшей и абсолютной власти (какъ мы пытались доказать во всей шестой главѣ) каждый можетъ дѣлать все, что онъ захочетъ или что каждый сочтетъ для себя правильнымъ, что не совмѣстимо съ сохраненіемъ человѣческаго рода, а поэтому по естественному закону предполагается, что высшая власть въ государствѣ принадлежитъ кому-нибудь.

V. Въ раздѣлѣ VII главы VIII мы сказали, что рабы обязаны безусловнымъ повиновеніемъ господамъ, а въ раздѣлѣ VII главы IX, что дѣти обязаны этимъ повиновеніемъ отцамъ. То же говоритъ ап. Павелъ, а именно о рабахъ Кол. 3.22: рабы во всемъ повинуйтесь господамъ вашимъ по плоти,

служа не только на ихъ глазахъ, какъ человѣкоугодники, но въ простотѣ сердца, боясь Бога; и о дѣтяхъ Кол. 3. 20: дѣти, повинуйтесь во всемъ родителямъ вашимъ, ибо это благоугодно Богу. Точно такъ же какъ и мы подъ безусловнымъ повиновеніемъ понимаемъ все, что не противорѣчитъ божественнымъ законамъ, такъ и въ приведенныхъ мѣстахъ ап. Павла подъ всѣмъ нужно подразумѣвать все, за исключеніемъ того, что противорѣчитъ законамъ Бога.

VI. Но чтобы меня не заподозрѣли въ стремленіи уменьшить право властителей, я приведу тѣ мѣста, которыя окончательно обосновываютъ ихъ власть, (а именно, что подданные обязаны безусловнымъ или абсолютнымъ подчиненіемъ). И сначала изъ Новаго Завѣта. Мѳ. 23. 3: исполняйте и дѣлайте все, что они скажутъ вамъ исполнить; сказано: дѣлайте все, т. е. подчиняйтесь безусловно. Почему? потому что они сидятъ на сѣдалищѣ Моисея, т. е. на мѣстѣ гражданскаго повелителя, а не на тронѣ первосвященника Авраама. Римл. 13. 1 и слѣд.: пусть всякая душа повинуется высшимъ властямъ; ибо нѣтъ власти не отъ Бога и существующія власти установлены Богомъ. Поэтому противящійся власти противится Божію установленію. Поэтому, такъ какъ всѣ власти, существовавшія во времена ап. Павла, были установлены Богомъ, а всѣ цари въ то время требовали отъ своихъ подданныхъ полнаго подчиненія, отсюда слѣдуетъ, что именно такія власти были установлены Богомъ. 1 Петр. 2. 13: итакъ будьте покорны всякому человѣческому начальству, для Господа. И далѣе ап. Павелъ Тит. 3.1: напоминай имъ повиноваться и покоряться князьямъ и властямъ. Какимъ властителямъ? Развѣ не властителямъ тѣхъ временъ, требовавшимъ безусловнаго повиновенія? Наконецъ, обращаясь къ примѣру самого Христа, которому по наслѣдственному праву, проистекавшему отъ Давида, принадлежало царствованіе надъ Іудеями, видимъ, что Онъ жилъ въ положеніи подданнаго и платилъ подать Цезарю, утверждая, что она принадлежитъ Цезарю. Мѳ. 22.21: отдайте кесарево кесарю; но Онъ же, когда Ему было угодно выступать какъ Царю, требовалъ полнаго повиновенія, говоря Мѳ. 21.2,3: идите въ деревню, что передъ вами; и найдете привязанную ослицу и осленка съ ней; отвяжите и приведите ко

мнѣ. И если кто-нибудь возразитъ вамъ, скажите, что они нужны Господу. Значитъ Онъ поступитъ такъ по праву господина, какъ царь Іудейскій, потому что брать у подданнаго его вещи когда господину нужно, есть власть абсолютная. Вотъ самыя убѣдительныя мѣста Ветхаго Завѣта по этому же поводу. Вт. 5.27: ты приблизься и выслушай все, что скажетъ Господь Богъ нашъ; потомъ ты намъ разскажешь все, что сказалъ тебѣ Господь Богъ нашъ и, выслушавъ, мы исполнимъ. И подъ этимъ словомъ: все, понимается полнѣйшее повиновеніе. Далѣе Іис. Нав. 1.16. И они отвѣчали Іисусу, говоря: мы исполнимъ все, что ты намъ прикажешь. И притча Іоѳама Суд. 9.14,15: наконецъ всѣ деревья сказали терновнику: прійди царствовать надъ нами; терновникъ отвѣчалъ деревьямъ: если по истинѣ вы помазуете меня въ цари надъ вами, прійдите и укройтесь въ мою тѣнь, если же нѣтъ, то огонь выйдетъ изъ терновника и пожжетъ кедры ливанскіе. Смыслъ этихъ словъ тотъ, что мы должны мириться съ велѣніями тѣхъ, кого мы правильно поставили царями надъ собой, если только мы не хотимъ погибнуть въ пожарѣ гражданской войны. Особенно же описывается царская власть Самимъ Господомъ 1 Ц. 8. 9 и слѣд.: объяви имъ права царя, который будетъ царствовать надъ ними. И пересказалъ Самуилъ всѣ слова Господа народу, просящему у него царя, и сказалъ: вотъ какія будутъ права царя, который будетъ царствовать надъ вами: онъ вашихъ сыновей возьметъ и приставитъ ихъ къ колесницамъ и дѣлаетъ всадниками своими и они побѣгутъ передъ колесницей его, и поставитъ ихъ тысяченачальниками и пятидесятиначальниками, и чтобы они пахали его поля,чтобы собирали его жатву и дѣлали ему воинское оружіе и всю сбрую его колесницъ, Онъ возьметъ также вашихъ дочерей, чтобы сдѣлать изъ нихъ мироварицъ, поварихъ и хлѣбницъ. Онъ возьметъ также ваши поля, виноградные и масличные сады ваши лучшіе и отдастъ ихъ слугамъ своимъ. Развѣ власть этого рода не абсолютна? однако же Самимъ Господомъ она названа царскимъ правомъ. И кажется, что никто, даже первосвященникъ, не былъ изъятъ у іудеевъ изъ подъ этой власти, ибо когда царь (Соломонъ) сказалъ первосвященнику Авіаѳару, 3 Ц. 2.26: уйди въ свои владѣнія въ Анаѳоѳъ, потому что ты достоинъ смерти, однако я не казню тебя сегодня, потому что ты носилъ ковчегъ Господа Бога, ни откуда нельзя вывести, что этотъ поступокъ не понравился Богу и мы не читаемъ, что Соломонъ раскаялся или что особа его въ то время считалась равной Господу.

ГЛАВА XII.

О внутреннихъ причинахъ разрушенія государства.

I. До сихъ поръ говорилось по какимъ причинамъ и въ силу какихъ соглашеній установлены государства и каковы права властителя по отношенію къ гражданамъ. Теперь нужно вкратцѣ сказать о причинахъ, по которымъ государство разрушается, другими словами о причинахъ мятежей. Точно такимъ же образомъ какъ въ движеніи естественныхъ тѣлъ нужно различать три начала, въ частности внутреннее предрасположеніе или возможность произвести движеніе, внѣшній поводъ, въ силу котораго происходитъ извѣстное и опредѣленное движеніе и самое дѣйствіе, такъ и въ государствѣ, граждане котораго устраиваютъ мятежи, имѣются на лицо три долженствующія быть отмѣченными начала: во-первыхъ, ученія и склонности, противныя миру, предрасполагающія людей къ мятежу; во-вторыхъ, тѣ склонности, которыя уже предрасположенныхъ склоняютъ, призываютъ и направляютъ къ отдѣленію и къ оружію; въ третьихъ, образъ, которымъ все это происходитъ, иначе самое возстаніе. Первое изъ ученій, предрасполагающихъ къ мятежу, состоитъ въ слѣдующемъ: различеніе добра и зла принадлежитъ отдѣльнымъ людямъ. Выше, въ раздѣлѣ IX главы I, мы согласились, что это правильно въ естественномъ состояніи, гдѣ отдѣльные люди живутъ на основаніи равнаго права и подчиняются власти другихъ на основаніи заключенныхъ ими самими соглашеній, но это утвержденіе является ложнымъ въ гражданскомъ состояніи, что уже доказано въ раздѣлѣ IX главы VI. Правила добра и зла, справедливаго и несправедливаго, честнаго и безчестнаго суть гражданскіе законы, поэтому все установленное законодателемъ должно считаться добромъ, все запрещенное имъ—зломъ.

Законодателемъ же всегда является тотъ, кому принадлежитъ верховная власть въ государствѣ, т. е. въ монархіи—монархъ. То же самое мы подтвердили словами Соломона въ раздѣлѣ VI главы XI. Если бы допускалось слѣдовать какъ доброму и избѣгать какъ злого того, что показалось такимъ отдѣльнымъ людямъ, куда относились бы слѣдующія слова: дай рабу твоему сердце послушное, дабы онъ могъ судить народъ твой и отличать доброе отъ злого. Поэтому устанавливать различіе между добромъ и зломъ долженствуетъ царю и несправедливы мнѣнія, хотя они и высказываются ежедневно: царь тотъ, кто поступаетъ правильно; царю нужно повиноваться только тогда, когда онъ прикажетъ справедливое, и подобныя имъ. До установленія власти нѣтъ справедливаго и несправедливаго, такъ какъ ихъ природа зависитъ отъ приказанія, а всякое дѣйствіе не зависитъ отъ своей природы. Что̀ должно считаться справедливомъ и что́ несправедливымъ зависитъ отъ объема правъ приказывающаго, поэтому велѣнія законныхъ царей дѣлаютъ все приказываемое ими справедливымъ и запреты ихъ—все запрещаемое ими несправедливымъ. Когда же частныя лица хотятъ присвоить себѣ различеніе добра и зла, они стремятся уподобиться царямъ, что не можетъ быть допущено при условіи сохраненія цѣлости государства. Древнѣйшее изъ всѣхъ велѣній исходитъ отъ Бога: не вкушай отъ древа познанія добра и зла. Быт. 2. 17. и древнѣйшая изъ попытокъ его нарушить отъ дьявола: знаетъ Богъ, что въ тотъ день, когда вы вкусите отъ него, откроются очи ваши и будете вы какъ боги, знающіе добро и зло. Быт. 3. 5; и первое соглашеніе Бога съ человѣкомъ гласитъ: кто тебѣ сказалъ, что ты нагъ, если ты не вкусилъ отъ древа, отъ котораго я запретилъ тебѣ вкушать. Быт. 3. 11; оно какъ бы говоритъ: какъ ты можешь считать наготу, въ которой я тебя сотворилъ, постыдной, если я совершенно лишилъ тебя различенія постыднаго и непостыднаго?

II. Грѣхъ состоитъ въ томъ, что кто-нибудь совершаетъ что либо противъ велѣнія совѣсти, ибо поступающій такъ попираетъ законъ. Но въ отличіе отъ того, что, совершая что либо, считаемое мною за грѣхъ, я тѣмъ самымъ согрѣшу, я тогда могу совершить, не впадая самъ въ грѣхъ, то, что

я считаю грѣхомъ для другого, ибо если мнѣ приказываютъ сдѣлать что либо, что́ является грѣхомъ для приказывающаго, и я это дѣлаю, я не впадаю этимъ въ грѣхъ, лишь бы приказывающій былъ по праву моимъ господиномъ; напримѣръ, если я по приказанію государства буду воевать, считая, что война начата несправедливо, я не поступлю неправильно, но наоборотъ я окажусь виновнымъ, если откажусь воевать, приписывая себѣ принадежащее государству установленіе различія между справедливымъ и несправедливымъ. Не считающіеся съ этимъ различіемъ впадаютъ въ необходимость грѣшить каждый разъ, какъ имъ будетъ приказано что-нибудь такое, что является недозволеннымъ или покажется имъ таковымъ, ибо, повинуясь, они поступаютъ въ разрѣзъ съ совѣстью, не повинуясь—въ разрѣзъ съ правомъ. Поступая въ разрѣзъ съ совѣстью, они показываютъ, что не боятся каръ будущей жизни; поступая въ разрѣзъ съ правомъ, они уничтожаютъ, посколько оно заключается въ нихъ, человѣческое общество и гражданскую жизнь въ этомъ мірѣ. Слѣдовательно мнѣніе, что подданные грѣшатъ всякій разъ, когда они исполняютъ тѣ приказанія своихъ государей, которыя кажутся имъ несправедливыми—и ложно, и должно быть отнесено къ мнѣніямъ противорѣчащимъ гражданскому повиновенію; оно вытекаетъ изъ того первоначальнаго заблужденія, которое мы отмѣтили выше, въ предшествующемъ раздѣлѣ, ибо, рѣшая сами о добрѣ и злѣ, мы достигаемъ того, что наше повиновеніе становится такимъ же грѣхомъ, какъ и неповиновеніе.

III. Третье мятежное ученіе, происходящее изъ того же корня, гласитъ, что тиранноубійство дозволено. Нѣкоторые писатели даже теперь, а въ древности всѣ софисты: Платонъ, Аристотель, Цицеронъ, Сенека, Плутархъ и остальные греческіе и римскіе благожелатели монархіи считали его не только дозволеннымъ, но даже заслуживающимъ величайшей похвалы. Подъ именемъ тирановъ они подразумѣваютъ не только монарховъ, но вообще всѣхъ облеченныхъ верховной властью въ какомъ бы то ни было родѣ государства. Въ Аѳинахъ называли тираномъ не только Пизистрата, единолично обладавшаго верховной властью, но также и тридцать мужей, правившихъ совмѣстно позже него. Но тотъ, кого хотятъ убить какъ тиранна, повелѣваетъ либо по праву, либо безъ него; если онъ повелѣваетъ не имѣя на то права—онъ врагъ и его убиваютъ по праву, но нужно тогда говорить, что это не тиранноубійство, а убійство врага; если же онъ обладаетъ властью по праву, встаетъ божественный вопросъ: кто сказалъ тебѣ, что это тираннъ, если ты не вкусилъ отъ того древа, отъ котораго Я запретилъ тебѣ вкушать? какъ можешь ты назвать тираномъ того, кого Господь создалъ царемъ, иначе, чѣмъ присваивая себѣ, частному лицу, различеніе добра и зла? Насколько это ученіе дѣйствительно опасно для государства, въ особенности же для монархіи, легко понять изъ того, что на его основываніи всякій царь, безразлично дурной или хорошій, можетъ быть осужденъ судомъ и убитъ рукой одного убійцы.

IV. Будетъ четвертымъ мнѣніемъ, враждебнымъ гражданскому обществу, мысль, что гражданскимъ законамъ подчинены также и обладающіе верховной властью. Его ложность достаточно ясно показана въ раздѣлѣ XIV главы VI тѣмъ, что государство не можетъ быть обязаннымъ ни по отношенію къ себѣ, ни по отношенію къ какому-нибудь гражданину; ни по отношенію къ себѣ потому, что обязываться можно только по отношенію къ другому, ни по отношенію къ гражданину потому, что отдѣльныя воли гражданъ содержатся въ волѣ государства такимъ образомъ, что если бы государство захотѣло быть свободнымъ отъ подобнаго обязательства, того же захотѣли бы и граждане и слѣдовательно оно было бы свободнымъ. Что является истиннымъ по отношенію къ государству, считается истиннымъ по отношенію къ человѣку или собранію, обладающему верховной властью, ибо они составляютъ государство, существующее только при посредствѣ ихъ верховной власти. Несовмѣстимость этого мнѣнія съ сущностью государства слѣдуетъ изъ того, что на основаніе его опредѣленіе различія между правомѣрнымъ и неправомѣрнымъ, т. е. тѣмъ, что противорѣчитъ ич то согласно съ естественными законами, переходитъ къ отдѣльнымъ гражданамъ; слѣдовательно повиновеніе будетъ прекращаться какъ только какое нибудь приказаніе покажется имъ противорѣчащимъ

законамъ, а вмѣстѣ съ повиновеніемъ исчезнетъ и всякая принудительная власть, что не согласно съ сохраненіемъ сущности государства. Однако это заблужденіе находитъ многихъ покровителей, Аристотеля и другихъ, которые, принимая во вниманіе человѣческую слабость, считаютъ, что верховная власть въ государствѣ должна зависѣть только отъ однихъ законовъ. Одинаково глубоко, какъ и они, вникаютъ въ природу государства тѣ, кто считаетъ, что принудительная власть, толкованіе законовъ и установленіе ихъ (что является необходимымъ проявленіемъ государственной власти) должно быть предоставлено самимъ законамъ. Хотя отдѣльные граждане и могутъ тогда выступать на судѣ противъ государства и ссылаться на законы, однако это имѣетъ мѣсто только тогда, когда споръ идетъ не о томъ, что̀ можетъ государство, но о томъ, что оно хотѣло выразить въ какомъ-нибудь опредѣленномъ законѣ. Напримѣръ, если на основаніи какого-нибудь закона спорятъ о жизни гражданина, вопросъ состоитъ не въ томъ, можетъ ли государство собственной властью лишить его жизни, но въ томъ, хотѣло ли оно въ этомъ законѣ, чтобы онъ былъ ея лишенъ. Хотѣло, если онъ нарушилъ законъ, иначе—нѣтъ. Слѣдовательно связанность государства своимъ собственнымъ закономъ еще не достаточный аргументъ въ защиту мнѣнія, что дѣйствіе закона уполномачиваетъ гражданина выступать противъ государства. Напротивъ, слѣдуетъ, что государство не связано своими законами, потому что никто не обязывается передъ самимъ собой. Законы издаются слѣдовательно для Тиція и Кая, но не для государства; неученому ясно, до какой степени утвержденіе юристовъ, что законы зависятъ не отъ велѣнія государства, а отъ ихъ мудрости, вызывается ихъ высокомѣріемъ.

V. Въ пятыхъ, наиболѣе пагубное для государства мнѣніе гласитъ, что государственная власть можетъ быть раздѣлена. Различные ученые производятъ это раздѣленіе различнымъ образомъ. Есть раздѣляющіе ее такимъ образомъ, что они уступаютъ гражданской власти верховную власть въ дѣлахъ направленныхъ къ достиженію мира и устроенію этой жизни, въ дѣлахъ же направленныхъ на спасеніе души они приписываютъ ее другимъ. Однако это приводитъ къ тому,

что граждане, боясь суда, такъ какъ правосудіе болѣе всего необходимо для спасенія, по приказанію или наущенію тѣхъ лицъ, которыя являются частными или чуждыми по отношенію къ государству, не хотятъ въ суевѣрномъ страхѣ оказывать государямъ повиновеніе, требуемое гражданскимъ закономъ и впадаютъ въ этомъ страхѣ въ то, чего они боятся. Дѣйствительно, что̀ можетъ быть опаснѣе для государства, какъ то, что страхомъ возможности вѣчныхъ мукъ людямъ мѣшаютъ повиноваться государямъ, т. е. законамъ, отказываясь иначе признавать ихъ праведными? Есть также производящіе раздѣленіе верховной власти такимъ образомъ, что верховная власть на войнѣ и въ мирное время предоставляется одному, (котораго они называютъ монархомъ), а право распоряжаться сборомъ денегъ не ему, а другимъ. Но такъ какъ деньги — нервъ войны и мира, производящіе такое раздѣленіе власти не раздѣляютъ ее, но отдаютъ, подъ другимъ именемъ, тѣмъ, у кого находится власть надъ деньгами; если же они произведутъ дѣйствительное раздѣленіе, они разрушатъ государство, потому что безъ денегъ нельзя ни вести войну, когда это понадобится ни поддерживать общественный миръ.

VI. Обычно учатъ, что право на вѣрность и священность пріобрѣтается не намѣренно и не на естественномъ основаніи, но всегда изливается и нисходитъ на людей сверхъестественнымъ образомъ. Если бы это утвержденіе было истиннымъ я не понимаю, почему намъ приказываютъ объяснять нашу вѣру, или почему каждый истинный христіанинъ не становится пророкомъ, или наконецъ почему бы всѣмъ не оцѣнивать по собственному вдохновенію, а не сообразуясь съ предписаніями приказывающихъ или съ правымъ разумомъ то, что ему нужно дѣлать и чего избѣгать. Слѣдовательно это ученіе приводитъ къ различенію добра и зла частными лицами, что не можетъ быть допущено безъ уничтоженія государства. Это мнѣніе такъ же широко распространено въ христіанскомъ мірѣ, какъ безчисленны отступники отъ естественнаго разума, ибо оно распространяется глупцами, которые, найдя въ Писаніи массу священныхъ словъ, такъ научились связывать между собой эти слова, что ихъ не значащая ничего рѣчь кажется однако божественной неученымъ людямъ; кто

же, безъ всякаго на то основанія, считаетъ рѣчь божественной, тому по необходимости говорящій покажется внушеннымъ свыше.

VII. Седьмое враждебное государству ученіе гласитъ, что отдѣльнымъ гражданамъ принадлежитъ абсолютное господство надъ вещами, которыми они обладаютъ, т. е. такое право собственности, которое исключаетъ право на эти вещи не только всѣхъ остальныхъ, но и самого государства, что неправильно, ибо имѣющіе господина сами не имѣютъ господства, какъ это доказано въ раздѣлѣ V главы VIII. Государство со времени своего учрежденія—господинъ всѣхъ гражданъ. До принятія гражданскаго ига ни у кого не было никакого собственнаго права, а все было общимъ со всѣми; итакъ скажи, откуда у тебя твоя собственность, какъ не отъ государства? И откуда она у государства, если каждый не перенесъ на государство принадлежащаго ему права? Слѣдовательно ты также уступилъ свое право государству; слѣдовательно твое господство и собственность таковы и длятся столько времени, какими и сколько хочетъ ихъ признавать государство; подобнымъ образомъ и въ семьѣ у отдѣльныхъ сыновей есть то собственное имущество, какое признаетъ за ними отецъ. Но значительное большинство людей признанной мудрости въ гражданскихъ дѣлахъ приводятъ другое мнѣніе; они говорятъ: мы равны по природѣ; нѣтъ никакого основанія, по которому кто-нибудь могъ отнять у меня мою собственность съ большимъ правомъ, чѣмъ я у него; мы знаемъ, что иногда для общей защиты нужны деньги, но требующіе ихъ только показываютъ, что они нужны и принимаютъ то, что приносится добровольно. Говорящіе такъ не знаютъ, что желанія ихъ уже были осуществлены въ началѣ, при самомъ образованіи государства и потому они обращаютъ даже образовавшееся государство въ еще необразовавшееся, въ разсѣянную толпу.

VIII. На послѣднемъ мѣстѣ государственному, въ частности монархическому управленію угрожаетъ то обстоятельство, что люди не достаточно ясно отличаютъ народъ отъ толпы. Народъ есть нѣчто единое, обладающее единой волей, чему можетъ быть приписано единое дѣйствіе. Ничего этого нельзя

сказать о толпѣ. Народъ правитъ во всякомъ государствѣ; ибо онъ повелѣваетъ и въ монархіи, потому что тамъ онъ хочетъ посредствомъ воли одного человѣка. Толпа же состоитъ изъ гражданъ, т. е. изъ подданныхъ. Въ демократіи и въ аристократіи граждане представляютъ толпу, но собраніе ихъ есть народъ. И въ монархіи подданные образуютъ толпу, но (хотя это и парадоксально) царь есть народъ. Чернь и обращающіе очень мало вниманія на то, что есть въ дѣйствительности, о большомъ количествѣ людей говорятъ всегда какъ о народѣ, т. е. какъ о государствѣ, и говорятъ, что государство возстало противъ царя (что невозможно) и что народъ хочетъ чего-нибудь или не хочетъ, когда этого хотятъ или не хотятъ тѣ докучливые и ворчащіе про себя подданные, которые, прикрываясь именемъ народа, возбуждаютъ гражданъ противъ государства, т. е. толпу противъ народа. Таковы почти всѣ мнѣнія, укрѣпившись въ которыхъ граждане становятся легко возбудимыми къ безпорядкамъ и если въ каждомъ государствѣ нужно поддерживать величіе того или тѣхъ, кто обладаетъ верховной властью, этимъ мнѣніямъ естественно присуща природа оскорбленія величества.

IX. Больше всего способствуетъ волненію людскихъ умовъ бѣдность или недостатокъ того, что необходимо для поддержанія достойной жизни. И хотя нѣтъ никого, кто бы не зналъ, что богатства добываются работой и сохраняются бережливостью, однако всѣ неимущіе обычно переносятъ вину съ собственнаго нерадѣнія и расточительности на управленіе государствомъ, какъ будто бы они были доведены до разоренія государственными поборами. Но люди должны понимать, что не имѣющіе имущества должны не только работать чтобы жить, но еще бороться, чтобы работать. Каждый еврей, воздвигавшій стѣны Іерусалима во времена Ездры, одной рукой работалъ, а другой держалъ мечъ. Въ каждомъ государствѣ нужно считать, что рука, держащая мечъ, принадлежитъ царю или верховному собранію и что она должна питаться работой гражданъ, потому что благодаря ей каждый создаетъ свое личное благосостояніе; дѣйствительно, подати и налоги есть ничто иное какъ плата тѣмъ, кто бодрствуетъ съ оружіемъ въ рукахъ, чтобы работы частныхъ лицъ не прерывались набѣгами

врага. И несправедлива жалоба тѣхъ, кто приписываетъ свою бѣдность публичнымъ сборамъ, какъ если бы они утверждали, что лишились имущества благодаря прощенію ихъ долговъ. Но большая часть людей ничего этого не понимаетъ и они испытываютъ то же, что при болѣзни называемой инкубусъ, которая происходитъ отъ обжорства, но однако заставляетъ людей думать, что онъ проникаетъ въ нихъ, тяжело давитъ и душитъ. Тѣ, кому кажется, что ихъ угнетаетъ вся тяжесть государства, готовы къ возстанію; вѣдь очевидно, что склонны къ перевороту тѣ, кому тяжело въ настоящемъ.

X. Другая опасная для государства болѣзнь духа охватываетъ тѣхъ, кто, располагая въ изобиліи досугомъ, хочетъ почестей, такъ какъ всѣ люди по природѣ стремятся къ почестямъ и извѣстности, въ особенности же тѣ, кто очень мало отвлекается заботами о необходимомъ для жизни. Досугъ побуждаетъ ихъ то разсуждать другъ съ другомъ о государственныхъ дѣлахъ, то отдаваться занимательному чтенію историковъ, ораторовъ, политиковъ и иныхъ писателей. Отсюда происходитъ, что они считаютъ себя способными, въ силу своего ума и образованія, управлять самыми важными дѣлами. Такъ какъ однако не всѣ люди таковы, какими они кажутся себѣ, и даже если бы они всѣ были такими, всѣхъ ихъ, благодаря ихъ многочисленности, нельзя было бы приставить къ общественнымъ должностямъ, то приходится многихъ обходить. Тѣ, слѣдовательно, считая, что имъ нанесено оскорбленіе, не могутъ имѣть въ желаніяхъ ничего большаго какъ, затаивъ зависть и надежду возвыситься, дожидаться, чтобы общественные замыслы привели къ несчастнымъ послѣдствіямъ. Поэтому неудивительно, что они жадно ищутъ поводовъ къ переворотамъ.

XI. Въ числѣ мятежныхъ чувствъ нужно считать еще надежду на побѣду, потому что всегда есть сколько угодно людей придерживающихся мнѣній, противныхъ миру и государственному управленію; но если они дѣйствительно оскорблены и возмущены несправедливостью и оскорбленіями стоящихъ у власти и у нихъ не будетъ никакой надежды на побѣду, или если она не окажется достаточно вѣроятной, изъ за ихъ возбужденія не произойдетъ никакого мятежа; каждый въ

отдѣльности не рѣшится на это и предпочтетъ переносить лучше тяжелое, чѣмъ тяжелѣйшее. Для существованія этой надежды нужны четыре условія: число, орудія, взаимное довѣріе и вожди. Сопротивляться публичнымъ властямъ будучи въ небольшомъ числѣ — не возстаніе, а безуміе. Подъ орудіями я понимаю оружіе и провіантъ, безъ которыхъ число ничего не значитъ, точно такъ же какъ и оружіе безъ взаимнаго довѣрія или все это — безъ какого-нибудь вождя, которому хотятъ повиноваться не какъ обязавшіеся подчиниться его власти (такъ какъ мы предположили въ этой самой главѣ, что люди этого рода не умѣютъ обязываться ни къ чему, кромѣ того, что имъ самимъ покажется правильнымъ и благимъ), но добровольно, въ силу признанія его доблести и военной мудрости или сходства стремленій. Если у людей, настроенныхъ враждебно и измѣряющихъ правомѣрность своихъ дѣйствій собственнымъ судомъ, будутъ въ наличности эти четыре условія, для возникновенія возстанія и смятенія въ государствѣ не нужно еще ничего, кромѣ кого-нибудь, кто бы ихъ подстрекалъ и возбуждалъ.

XII. Характеръ Катилины, по сравненію съ которымъ никто не былъ созданъ когда либо болѣе склоннымъ къ мятежу, у Саллюстія описанъ такъ: онъ обладалъ достаточнымъ краснорѣчіемъ и малымъ умомъ. Саллюстій отдѣляетъ умъ отъ краснорѣчія, считая второе необходимымъ въ человѣкѣ рожденномъ для толпы и опредѣляя первый какъ средство къ установленію мира. Но краснорѣчіе имѣетъ двойственный характеръ: одно есть просвѣтленный и изящный истолкователь рѣшеній и соображеній ума, происходящій частью отъ созерцанія самыхъ вещей, частью отъ пониманія словъ въ ихъ собственномъ и опредѣленномъ значеніи; другое же есть возбудитель волненій (надежды, страха, гнѣва, состраданія), происходящій отъ образнаго и приспособленнаго для возбужденія волненій употребленія словъ. Первое исходитъ изъ истинныхъ предпосылокъ, второе—изъ уже принятыхъ мнѣній, каковы бы они были. Искусство перваго—логика, второго—риторика. Цѣль перваго—достиженіе истины, второго—побѣды. И то и другое имѣетъ свое приложеніе: первое въ разсужденіяхъ, второе—въ увѣщаніяхъ. Первое никогда не расходится съ бла-

горазумiемъ, второе почти всегда. Такъ какъ могущественное краснорѣчіе этого послѣдняго рода, отдѣленное отъ познанія вещей, т.е. отъ благоразумія, составляетъ черту истиннаго характера всѣхъ подговаривающихъ и возбуждающихъ народъ къ переворотамъ, то изъ самаго положенія вещей легко слѣдуетъ, что они должны дѣлать, потому что они не могли бы увлечь народъ противными миру и гражданскому обществу безсмысленными мнѣніями, если бы они сами ихъ не придерживались, ибо что можетъ быть больше того незнанія, въ которое можетъ впасть благоразумный человѣкъ, чѣмъ не знать, откуда берутъ свою силу законы, каковы правила справедливаго, несправедливаго, честнаго, безчестнаго, добраго и злого, что устанавливаетъ и сохраняетъ миръ между людьми и что его разрушаетъ, что такое свое и что — чужое, наконецъ, что онъ хочетъ сдѣлать для себя (или пускай сдѣлаетъ то же для другого), чтобы считаться хотя бы посредственно благоразумнымъ человѣкомъ? Дѣлать своихъ слушателей изъ глупыхъ безумными, дѣлать такъ, что плохое кажется еще хуже, правильное — плохимъ, увеличивать надежду, не считаясь съ разсудкомъ, и преуменьшать опасности, они могутъ не съ помощью того краснорѣчія, которое объясняетъ вещи такъ, какъ они есть, но съ помощью другого, показывающаго возбужденнымъ умамъ то, что они раньше сами придумали въ своемъ возбужденномъ умѣ.

XIII. Многіе изъ тѣхъ, кто хорошо настроенъ по отношенію къ государству, по незнанію содѣйствуютъ предрасположенію умовъ гражданъ къ мятежамъ, излагая юношамъ въ школахъ и всему народу съ кафедры ученіе, согласное съ изложенными выше мнѣніями. Желающіе же перевести это ученіе въ дѣйствіе, полагаютъ всѣ усилія своего честолюбія на то, чтобы, во-первыхъ, соединить дурно настроенныхъ въ партіи и тайныя сообщества, а затѣмъ чтобы самимъ добиться большого значенія въ партіи. Соединенія въ партіи добиваются, дѣлая себя посредниками и истолкователями рѣшеній и дѣйствій отдѣльныхъ лицъ и назначая лицъ и мѣста для собранія и разсужденія о средствахъ, съ помощью которыхъ можно преобразовать государство такъ, какъ имъ покажется удобнымъ. Для достиженія же дѣйствительнаго господства въ партіи имъ

необходимо въ партіи устроить партію, т. е. имъ нужно имѣть въ самомъ немногочисленномъ составѣ секретныя совѣщанія, гдѣ бы они могли установить, что затѣмъ нужно предлагать на общемъ собраніи и кому, и кто изъ нихъ и въ какомъ порядкѣ долженъ что говорить, и какимъ образомъ они могутъ привлечь на сторону своего рѣшенія могущественнѣйшихъ лицъ, пользующихся наибольшимъ уваженіемъ въ средѣ партіи. И когда они имѣютъ съ собой достаточно большую партію, въ которой они господствуютъ съ помощью краснорѣчія, они побуждаютъ ее приняться за дѣло и такимъ образомъ причиняютъ государству большія заботы, въ особенности когда нѣтъ никакой противоположной партіи, вредятъ ему во многомъ и вызываютъ гражданскую войну. Глупость и краснорѣчіе участвуютъ въ ниспроверженіи государства такимъ же образомъ, какъ нѣкогда вступили въ заговоръ противъ своего отца (какъ это разсказывается въ баснѣ) дочери Пелія, царя Θессаліи, съ Медеей. Онѣ, желая вернуть старику молодость, по совѣту Медеи бросили его, разрѣзаннаго на куски, вариться на огнѣ, напрасно ожидая, что онъ оживетъ. Такимъ же образомъ народъ, желая, какъ дочери Пелія, обновить старое государство и подстрекаемый, какъ чародѣйствомъ Медеи, краснорѣчіемъ честолюбцевъ, чаще, по своей глупости, сжигаетъ его, раздѣленное на партіи, чѣмъ дѣйствительно преобразовываетъ.

ГЛАВА XIII.

Объ обязанностяхъ отправляющихъ верховную власть.

I. Изъ сказаннаго выше выясняются обязанности гражданъ и подданныхъ въ каждомъ видѣ государства, а также то, что могутъ совершать по отношенію къ нимъ верховные властители. Объ обязанностяхъ же самихъ властителей и о томъ, какимъ образомъ они должны вести себя по отношенію къ гражданамъ еще не сказано. Нужно проводить различіе между правомъ на верховную власть, и ея отправленіемъ, потому что они могутъ быть раздѣлены, напримѣръ, если обладатель права или не сможетъ, или не захочетъ присутствовать самъ при разборѣ тяжбъ или при обсужденіи дѣлъ, потому что иногда цари не могутъ, благодаря своему возрасту, вести дѣла, а если даже и могутъ, они считаютъ болѣе правильнымъ ограничиться избраніемъ должностныхъ лицъ и совѣтниковъ и черезъ нихъ отправлять власть. Тамъ, гдѣ право отдѣлено отъ его отправленія, управленіе государствомъ подобно обычному управленію міромъ, въ которомъ Господь, первый двигатель всего, производитъ естественныя послѣдствія путемъ вытекающихъ другъ изъ друга причинностей. Тамъ же, гдѣ обладающій правомъ царствовать захотѣлъ бы самъ присутствовать во всѣхъ судебныхъ засѣданіяхъ, совѣщаніяхъ и публичныхъ дѣйствіяхъ, управленіе уподобилось бы тому, какъ если бы Господь, кромѣ естественнаго порядка вещей, Самъ непосредственно принималъ бы участіе во всякомъ дѣлѣ. Иначе въ этой главѣ мы будемъ говорить въ общихъ чертахъ и вкратцѣ объ обязанностяхъ отправляющихъ по собственному или по чужому праву верховную власть. Поэтому въ мои намѣренія не входитъ вдаваться въ вопросъ, какъ одни государи могутъ дѣйствовать отличнымъ

отъ другихъ образомъ, потому что онъ долженъ быть оставленъ практическимъ политикамъ отдѣльныхъ государствъ.

II. Всѣ обязанности правителей содержатся въ одномъ положеніи: благо народа—верховный законъ, потому что хотя обладающіе верховной властью надъ людьми не могутъ подчиняться законамъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. людской волѣ, ибо быть высшимъ противорѣчитъ подчиненію другимъ, однако они являются обязанными передъ правымъ разумомъ, который есть законъ естественный, нравственный и божественный и которому они могутъ повиноваться во всемъ. Такъ какъ власти установлены ради достиженія мира, а мира ищутъ ради спасенія, то, если обладающій властью пользуется ею иначе чѣмъ для блага народа, онъ поступаетъ противъ основаній мира, т. е. противъ естественнаго закона. И подобно тому какъ народное благо диктуетъ законъ, изъ котораго государи познаютъ свою обязанность, точно такъ же оно учитъ и искусству, съ помощью котораго государи заботятся о благосостояніи гражданъ, потому что могущество гражданъ есть могущество государства, т. е. обладающаго въ немъ верховной властью.

III. Въ этомъ мѣстѣ подъ народомъ подразумѣвается не единое гражданское лицо, т. е. не само правящее государство, но толпа гражданъ, которыми управляютъ, потому что государство установлено не ради себя самого, но ради гражданъ. Однако не нужно заботиться о благѣ того или другого гражданина, потому что повелитель, пока онъ дѣйствуетъ какъ таковой, заботится о благѣ гражданъ не иначе, какъ посредствомъ законовъ, которые имѣютъ общую форму; поэтому онъ исполнитъ свою обязанность, если онъ всѣми силами будетъ стараться сдѣлать такъ, чтобы благодаря благимъ установленіемъ какъ можно большему числу гражданъ и возможно дольше было бы хорошо, и чтобы никому не было бы плохо. развѣ по его собственной винѣ или въ силу случайности, которую нельзя было предусмотрѣть; впрочемъ, иногда благу большинства способствуетъ зло, причиняемое злымъ.

IV. Подъ благосостояніемъ нужно понимать не одно сохраненіе жизни во что бы то ни стало, но и устроеніе возможно счастливой жизни, потому что люди вступаютъ въ учреждаемое ими государство съ тѣмъ, чтобы быть въ состояніи жить наи-

болѣе пріятнымъ изъ возможныхъ для людей образомъ. Поэтому обладающіе верховной властью и принявшіе на себя управленіе въ этомъ видѣ государства поступаютъ противъ природы (потому что они нарушаютъ довѣріе поручившихъ имъ управленіе) если они не заботятся, поскольку это можетъ быть достигнуто съ помощью законовъ, чтобы граждане широко пользовались не только благами жизни, но и наслажденіями. Тѣ же, кто пріобрѣлъ власть оружіемъ, желаютъ, чтобы ихъ подданные были способны служить имъ и тѣломъ и душой, поэтому они поступаютъ противъ намѣченной ими же цѣли, если они не пытаются доставить подданнымъ не только необходимое для поддержанія жизни, но и то, что дѣлаетъ ихъ сильными.

V. Всѣ государи считаютъ въ высшей степени важнымъ для вѣчнаго блаженства, какого мнѣнія о Богѣ придерживаются и какіе культы отправляютъ ихъ подданные. Допустивъ правильность этого предположенія, нужно спросить, не грѣшатъ ли противъ естественныхъ законовъ высшіе властители и всѣ, отправляющіе верховную власть по одному или сообща, если они не позволяютъ излагать и проповѣдывать то ученіе или тотъ культъ, который они сами считаютъ съ необходимостью ведущимъ къ вѣчному блаженству гражданъ, или если они позволяютъ излагать и проповѣдывать противоположное ученіе? Очевидно, что они поступаютъ въ этомъ случаѣ противъ велѣнія совѣсти и хотятъ, поскольку это зависитъ отъ нихъ, вѣчной погибели гражданъ, потому что, если бы они не хотѣли ея, я не вижу никакихъ основаній, зачѣмъ имъ допускать (какъ высшіе изъ живущихъ они не могутъ быть принуждаемы), чтобы граждане учились и дѣлали то, что по мнѣнію властителей ведетъ гражданъ къ гибели. Это затрудненіе оставляемъ пока открытымъ.

VI. Блага гражданъ, касающіяся только этой жизни, могутъ быть отнесены къ четыремъ видамъ: 1. къ защитѣ отъ внѣшнихъ враговъ; 2. къ сохраненію внутренняго мира; 3. къ обогащенію, поскольку оно совмѣстимо съ общимъ благомъ; 4. къ невинному наслажденію свободой. Верховные властители не могутъ сдѣлать ничего большаго для гражданъ, какъ достигнуть того, чтобы они, не опасаясь внѣшней и гражданской войны, могли бы пользоваться богатствами, добываемыми трудомъ.

VII. Для охраны народа нужны два условія: предусмотрительность и защита, ибо состояніе государствъ по отношенію другъ къ другу—естественное, т. е. враждебное. И если они перестаютъ сражаться, то нужно говорить, что вслѣдствіе этого наступилъ не миръ, но передышка, въ теченіе которой враги, наблюдая за движеніемъ и поведеніемъ другъ друга, считаютъ себя безопасными не въ зависимости отъ соглашеній, но отъ силъ и намѣреній противника. И это по естественному праву, потому что, какъ было показано въ раздѣлѣ X главы II, въ естественномъ состояніи соглашенія становятся недѣйствительными всякій разъ, когда исчезаетъ основательный страхъ за свою безопасность. Слѣдовательно для защиты государства необходимъ, во-первыхъ, кто-нибудь, кто бы узналъ и предчувствовалъ, поскольку это возможно, намѣренія и движенія всѣхъ, кто можетъ причинить государству вредъ. Вѣрные развѣдчики для распоряжающихся верховной властью то же, что лучи свѣта для человѣческой души; въ политическомъ зрѣніи, какъ и въ естественномъ, мы познаемъ правду тогда, когда чувственные и понятные намъ образы внѣшнихъ предметовъ переносятся черезъ воздухъ въ душу (т. е. къ распоряжающемуся верховной властью въ государствѣ) другими, остающимися незамѣтными; поэтому развѣдчики нужны для сохраненія государства не меньше, чѣмъ лучи свѣта для сохраненія человѣка. Если же ихъ сравнить съ паутиной, которая, раскинувшись повсюду тончайшими нитями, передаетъ движеніе на своихъ концахъ сидящему въ ея серединѣ пауку, то повелѣвающій можетъ безъ лазутчиковъ узнать о томъ, что нужно для защиты его подданныхъ не больше, чѣмъ пауки могутъ знать безъ своей паутины, когда имъ нужно двигаться и куда устремиться.

VIII. Для охраны народа нужно, далѣе, его защитить, защитить же значитъ до наступленія опасности приготовить солдатъ, оружіе, флотъ, укрѣпленія, потому что если и не невозможно набирать солдатъ и заготовлять оружіе послѣ понесеннаго уже пораженія, то, по крайней мѣрѣ, поздно. Подобнымъ же образомъ начинать строить въ удобныхъ мѣстахъ

укрѣпленія и разставлять стражу не раньше, чѣмъ границы будутъ перейдены, значитъ, какъ говорилъ Демосѳенъ, уподобляться крестьянамъ, не знающимъ гладіаторскаго искусства и переносящимъ щитъ отъ одной части тѣла къ другой, когда ихъ осыпаютъ ударами. Разсчитывающіе же, что будетъ достаточно заблаговременнымъ, если они прикажутъ собирать деньги для содержанія солдатъ и остальныхъ расходовъ на войско, когда опасность начнетъ становиться ясной, конечно не отдаютъ себѣ отчета, какъ трудно будетъ сразу вытребовать у прижимистыхъ людей такое огромное количество денегъ, ибо почти всѣ люди до такой степени считаютъ принадлежащимъ имъ на правѣ неотъемлемой собственности то, что они хоть однажды присоединили къ своему имуществу, что они видятъ причиненіе несправедливости каждый разъ, когда хотя бы малѣйшую часть этого имущества пытаются вытребовать въ общественную казну. Изъ поступающихъ же въ казну пошлинъ и откуповъ нельзя сразу собрать сумму достаточную для защиты государства оружіемъ. Слѣдовательно, если мы хотимъ сохранить государство въ цѣлости, деньги для войны нужно запасать во время мира. Такъ какъ для достиженія блага гражданъ повелителямъ необходимо узнавать намѣренія враговъ, заготовлять оружіе и крѣпости, имѣть наготовѣ деньги и такъ какъ государи обязаны по естественному закону обезпечить благо гражданъ всякими мѣрами, то отсюда слѣдуетъ, что имъ не только дозволяется посылать лазутчиковъ, содержать войска, строить укрѣпленія и требовать на это деньги, но даже не дозволяется не дѣлать этого. Къ этому также можно прибавить, что они должны либо хитростью, либо силой ослаблять все, что имъ покажется увеличивающимъ мощь тѣхъ сосѣдей, которыхъ они боятся, ибо правители государства обязаны всѣми силами заботиться, чтобы ихъ не постигало зло, котораго они боятся.

IX. Для сохраненія внутренняго мира требуется многое, потому что многое грозитъ (какъ показано въ предыдущей главѣ) его нарушить. Мы показали тамъ, что однѣ причины располагаютъ умы къ мятежамъ, а другія возбуждаютъ и приводятъ въ движеніе уже предрасположенныхъ. Въ числѣ предрасполагающихъ причинъ мы отмѣтили на первомъ мѣ-

стѣ нѣкоторыя ложныя ученія. Итакъ на обязанности властителей лежитъ исторгнуть ихъ изъ умовъ гражданъ и внушить противоположныя. Такъ какъ мнѣнія протекаютъ въ человѣческіе умы не по приказу, а въ силу усвоенія, не изъ за страха наказанія, а въ силу проникновенія въ умы, законы, которые должны бороться съ этимъ зломъ, должны быть направлены не па заблуждающихся, а на самыя заблужденія. Заблужденія, несовмѣстимыя, какъ мы это утверждали въ предыдущей главѣ, съ сохраненіемъ спокойствія въ государствѣ, проникаютъ въ умы неучей частью съ каѳедры подстрекателей, частью, благодаря легкому усвоенію привычныхъ мнѣній, изъ ежедневной проповѣди лишенныхъ знанія людей; въ умы послѣднихъ они проникаютъ отъ учителей молодежи въ общественныхъ академіяхъ. Поэтому и желающему ввести правильное ученіе нужно начинать съ этихъ академій. Тамъ должны быть заложены основанія истиннаго и правильно обоснованнаго гражданскаго ученія, которое впослѣдствіи могутъ излагать народу въ частныхъ и публичныхъ выступленіяхъ проникнувшіеся имъ юноши. Они будутъ дѣлать это тѣмъ горячѣй и убѣдительнѣй, чѣмъ больше они будутъ увѣрены въ истинности того, что они учатъ и что проповѣдуютъ. И если теперь охотно принимаются положенія ложныя, убѣдительныя только въ силу привычки къ нимъ слушателей и понятныя не болѣе, чѣмъ вынутыя наудачу изъ урны слова, насколько сильнѣй воспримутъ люди по той же причинѣ истинныя ученія, согласныя съ разумомъ и природой вещей. Поэтому я полагаю, что на обязанности властителя лежитъ записать основы истиннаго гражданскаго ученія и приказать обучать имъ во всѣхъ академіяхъ государства.

X. Мы сказали, что, во-вторыхъ, гражданъ располагаетъ къ мятежу разстройство ума, вызываемое бѣдностью; эту бѣдность, проистекающую либо отъ ихъ расточительности, либо отъ незнанія, они приписываютъ правителямъ государства, истощающимъ и угнетающимъ ихъ общественными сборами. Однако можетъ случиться, что недовольство гражданъ справедливо, въ особенности когда государственные сборы распредѣляются между ними неравномѣрно, такъ какъ если даже тяжесть легка, но многіе избавляются отъ нея, она становится непереносимо тяжелой

для остальныхъ; люди не такъ тяжело переносятъ самое бремя, какъ его неравномѣрность. Изъ-за этой неравномѣрности возникаетъ много заносчивости и въ этой борьбѣ менѣе счастливые завидуютъ болѣе счастливымъ, какъ побѣжденные. Уничтоженіе справедливаго неудовольствія важно для поддержанія спокойствія въ обществѣ, а потому на обязанности властителя лежитъ равное распредѣленіе общественныхъ повинностей. Кромѣ того, такъ какъ то, что собирается съ гражданъ на общественныя нужды есть ничто иное какъ плата за купленный миръ, разумно, чтобы равно содѣйствующіе миру предоставляли бы равное количество денегъ или трудовъ въ пользу государства. Естественный законъ требуетъ (въ силу раздѣла XV главы III), чтобы при распредѣленіи правъ каждый оказался бы равнымъ со всѣми; поэтому естественный законъ обязываетъ повелителя равномѣрно налагать на гражданъ общественныя повинности.

XI. Въ этомъ мѣстѣ равенство понимается не какъ равенство въ деньгахъ, но какъ равенство пользы, т. е. какъ равенство отношенія между тяготами и выгодами, ибо хотя всѣ одинаково пользуются миромъ, однако выгоды отъ мира не для всѣхъ равны, потому что одни пріобрѣтаютъ въ это время большее, а другіе меньшее имущество и обратно: одни потребляютъ больше, а другіе меньше. Слѣдовательно нужно спросить, должны ли граждане соразмѣрять свои взносы на общественныя нужды съ обогащеніемъ или съ потребленіемъ, т. е. должны ли облагаться лица, чтобы они платили соразмѣрно съ богатствомъ, или же отдѣльные предметы, чтобы каждый платилъ соразмѣрно со своимъ потребленіемъ. Если мы замѣтимъ, что тамъ, гдѣ деньги собираются соразмѣрно съ богатствомъ, одинаково обогатившіеся обладаютъ не равнымъ богатствомъ, потому что одинъ бережливо сохраняетъ пріобрѣтенное, а другой расточительно его расходуетъ и потому, одинаково пользуясь благодѣяніями мира, они не одинаково несутъ тяготы государства, что, съ другой стороны, тамъ, гдѣ облагаются самые предметы, каждый, потребляя принадлежащую ему на правѣ собственности вещь, тѣмъ самымъ при потребленіи незамѣтно уплачиваетъ часть, должную государству, соразмѣряясь при этомъ не съ тѣмъ, что онъ

имѣетъ, но что онъ получилъ по милости государства, если мы все это замѣтимъ, для насъ не будетъ больше сомнѣнія, что первый способъ взыскивать деньги противорѣчитъ справедливости, слѣдовательно и обязанности правителей, послѣдній же согласенъ съ разумомъ и съ ихъ обязанностями.

XII. Мы сказали, что, въ третьихъ, общественному миру препятствуетъ разстройство ума, происходящее отъ честолюбія, потому что есть много людей, считающихъ, что они умнѣе другихъ и что они болѣе способны къ веденію дѣлъ, чѣмъ управляющіе въ настоящее время государствомъ, старающихся какъ можно яснѣй показать государству свои достоинства и доказывающихъ ихъ вредомъ, такъ какъ доказать иначе они не могутъ. Такъ какъ однако честолюбіе и жажду почестей нельзя изгнать изъ человѣческой души, то на обязанности повелителей не лежитъ наблюденіе, чтобы люди въ него не впадали, но постояннымъ примѣненіемъ наградъ и наказаній они могутъ добиться того, что люди будутъ знать, что дорога къ почестямъ лежитъ не черезъ осужденіе существующаго правленія, не черезъ устройство заговоровъ и снискиваніе народнаго расположенія, а черезъ противоположное, что добрые граждане—тѣ, кто исполняетъ завѣты отцовъ, кто чтитъ законы и право. Если эти граждане будутъ осыпаться почестями, а склонные къ заговорамъ будутъ встрѣчать наказаніе и презрѣніе со стороны верховныхъ властителей, мы неизмѣнно будемъ видѣть, что повиновеніе будетъ приносить большее удовлетвореніе честолюбію, чѣмъ возстаніе. Иногда однако случается, что гражданъ, ради ихъ могущества, нужно хвалить за ихъ мятежность подобно тому, какъ коня хвалятъ за дикость. Однако это приходится дѣлать какъ сѣдоку такъ и повелителю, уже почти сброшенному. Здѣсь же говорится о тѣхъ, чья власть и могущество непоколебимы. Ихъ обязанность, какъ я уже сказалъ, состоитъ въ томъ, чтобы быть благосклонными къ повинующимся законамъ гражданамъ и какъ можно сильнѣе давать чувствовать тяжесть власти тѣмъ, кто склоненъ къ заговорамъ, потому что иначе нельзя обезпечить обществу крѣпость и покой гражданамъ.

XIII. Если на обязанности властителей лежитъ усмиреніе отдѣльныхъ заговорщиковъ, то тѣмъ болѣе на ихъ обязанно-

сти лежитъ уничтоженіе и разрушеніе самыхъ партій. Я называю партіей множество гражданъ, соединенныхъ между собой силой соглашеній или властью кого-нибудь, исключая того или тѣхъ, кому принадлежитъ верховная власть. Поэтому партія есть какъ бы государство въ государствѣ; подобно тому какъ въ естественномъ состояніи соединеніе людей образуетъ государство, такъ новое соединеніе гражданъ образуетъ партію. Согласно этому опредѣленію множество гражданъ, обязавшихся безусловно повиноваться какому-нибудь иностранному государю или гражданину, или же заключившихъ между собой соглашеніе либо договоръ о взаимной защитѣ противъ всѣхъ людей, не исключая и обладающихъ верховной властью въ государствѣ, образуютъ партію. Даже если будетъ достигнуто такое расположеніе народа, что въ силу его одного, безъ заложниковъ и иного публичнаго обезпеченія, оказывается возможнымъ набрать войско, образуется партія. Это же нужно сказать и о частномъ богатствѣ, если оно несмѣтно, потому что деньгамъ повинуется все. Слѣдовательно если правильно утвержденіе, что состояніе государствъ по отношенію другъ къ другу—естественное и враждебное, государи, допускающіе въ государствѣ партіи, поступаютъ такъ же, какъ если бы они впустили за стѣны крѣпости врага. Это противно благу гражданъ, слѣдовательно противно естественнымъ законамъ.

XIV. Для обогащенія гражданъ нужны два условія: трудъ и бережливость; ему же способствуетъ и третье, а именно естественныя произведенія земли и воды; есть и четвертое—война, которая иногда увеличиваетъ богатства гражданъ, чаще же уменьшаетъ ихъ; только первыя два условія являются необходимыми, потому что государство, установленное на морскомъ островѣ, имѣющемъ не бо́льшую величину, чѣмъ нужно мѣста для поселенія, можетъ процвѣтать безъ посѣвовъ и безъ рыбной ловли одной торговлей и ремеслами, но несомнѣнно, что если бы его граждане обладали землей, они, оставаясь въ томъ же числѣ, могли бы быть богаче или были бы такъ же богаты, но тогда число ихъ было бы больше. Четвертое условіе, война, нѣкогда входило въ число обогащающихъ занятій подъ именемъ грабежа и когда человѣческій родъ, еще

до установленія государства, былъ раздѣленъ на семьи, оно считалось справедливымъ и почетнымъ, потому что грабежъ есть ничто иное какъ война, которая ведется небольшими отрядами. Большія государства, въ особенности римское и аѳинское, нѣкогда до такой степени обогащались военной добычей, податями чужеземцевъ, пріобрѣтенными оружіемъ землями, что они не только не требовали никакихъ денегъ на общественныя нужды съ бѣднѣйшихъ гражданъ, но даже надѣляли ихъ по жребію деньгами и землей. Однако такое увеличеніе богатствъ должно меньше всего приниматься въ разсчетъ. По отношенію къ обогащенію война есть жребій, который многихъ разоряетъ и обогащаетъ очень немногихъ. Слѣдовательно, такъ какъ только три условія: произведенія земли и воды, трудъ и бережливость создаютъ богатства гражданъ, только на нихъ обязаны правители распространять свои заботы. Для достиженія перваго условія полезны законы, благопріятствующіе занятіямъ, увеличивающимъ пріобрѣтеніе произведеній земли и воды; эти занятіе—земледѣліе и рыболовство. Для достиженія второго условія полезны всѣ законы запрещающіе незнаніе и возбуждающіе стремленіе къ искусству мореплаванія (благодаря которому доставляются въ государство произведенія почти всего міра съ затратой труда почти только на ихъ покупку), а также къ механикѣ (подъ которой я понимаю всѣ занятія лучшихъ ремесленниковъ) и къ математическимъ наукамъ, дѣлающимъ понятными основанія мореплаванія и механики. Для достиженія третьяго условія полезны такіе законы, которые запрещаютъ неумѣренное потребленіе какъ пищи, такъ и одежды и вообще всего, что уничтожается при потребленіи. Такъ какъ подобные законы полезны для указанныхъ выше цѣлей, изданіе ихъ относится къ обязанности властителей.

XV. Свобода гражданъ состоитъ не въ томъ, что они изъяты изъ-подъ дѣйствія государственныхъ законовъ и не въ томъ, что верховная власть въ государствѣ не можетъ устанавливать тѣхъ законовъ, которые ей заблагоразсудится, но, такъ какъ всѣ до одного движенія и дѣйствія никогда не предписываются законами и никогда не могутъ быть предписаны вслѣдствіе ихъ крайняго разнообразія, съ необходимостью слѣдуетъ, что

область не предписаннаго и не запрещеннаго, но доступнаго усмотрѣнію каждаго, почти безгранична; въ такомъ случаѣ говорится, что каждый пользуется принадлежащей ему свободой и здѣсь свобода должна пониматься въ этомъ смыслѣ, а не какъ часть естественнаго права, оставленная за гражданами и дозволенная имъ гражданскими законами. Подобно тому какъ вода, заключенная со всѣхъ сторонъ въ берегахъ, застаивается и портится, будучи же свободной со всѣхъ сторонъ—распространяется и течетъ тѣмъ свободнѣе, чѣмъ больше она находитъ выходовъ, точно также и граждане костенѣютъ, если они не дѣлаютъ ничего безъ прямого приказанія законовъ, если же они во всемъ обходятся безъ этого приказанія—они распрямляются и пользуются тѣмъ большей свободой, чѣмъ больше отношеній остается неопредѣленными законами. Обѣ крайности вредны, ибо законы установлены не для устрашенія, а для направленія человѣческихъ дѣйствій, подобно тому какъ природа поставила берега не для остановки теченія рѣки, но для направленія его. Мѣра этой свободы должна опредѣляться благомъ гражданъ и государства. Поэтому противорѣчитъ обязанности повелѣвающихъ и обладающихъ властью устанавливать законы, во-первыхъ, большее чѣмъ это нужно количество законовъ, необходимо ведущихъ къ благу гражданъ и государства, потому что люди привыкли разсуждать о томъ, что они должны или не должны дѣлать, считаясь скорѣй съ естественнымъ разумомъ, чѣмъ со знаніемъ законовъ. Какъ же можно чтобы тамъ, гдѣ много законовъ, ты были бы въ состояніи запомнить ихъ и то, что они запрещаютъ, разъ это не запрещено разумомъ? Отсюда неизбѣжно, что по незнанію, безъ всякаго дурного намѣренія мы будемъ запутываться въ ихъ сѣтяхъ, во вредъ той неприкосновенной свободѣ, которую повелители обязаны на основаніи естественныхъ законовъ сохранить за гражданами.

XVI. Для неприкосновенности свободы со стороны государства и для счастливой жизни отдѣльныхъ гражданъ является въ значительной степени необходимымъ, чтобы они не опасались никакихъ наказаній, кромѣ тѣхъ, которыя можно предвидѣть или ожидать. Это происходитъ тамъ, гдѣ наказанія или совсѣмъ не опредѣлены въ законахъ или же тамъ, гдѣ не

прибѣгаютъ къ бо́льшимъ наказаніямъ, чѣмъ тѣ, которыя въ законахъ опр[illegible]лены. Тамъ, гдѣ наказанія неопредѣленны, первый нарушитель закона ожидаетъ неопредѣленнаго или произвольнаго наказанія и страхъ его, какъ страхъ передъ безграничнымъ зломъ предполагается безграничнымъ. Естественный законъ, въ силу того, что мы сказали о немъ въ раздѣлѣ XI главы III, учитъ обладающихъ верховной властью при возмездіи и установленіи наказаній нарушителямъ гражданскихъ законовъ обращать вниманіе не на прошедшее зло, но на будущее благо; поэтому измѣряющіе произвольное наказаніе иной мѣрой, чѣмъ общественное благо, нарушаютъ естественный законъ. Тамъ, гдѣ наказаніе опредѣлено или письменнымъ закономъ, когда оно излагается точными словами: совершившій то то потерпитъ то то, или практикой, когда наказаніе не было предписано закономъ, но (произвольное вначалѣ) опредѣлилось позже, путемъ наказанія перваго преступника, (ибо естественное равенство приказываетъ равно наказывать одинаково нарушающихъ законъ), тамъ требованіе наказанія большаго, чѣмъ опредѣлено въ законѣ, будетъ противорѣчить естественному закону, ибо цѣль наказанія не въ принужденіи человѣческой воли, но въ ея образованіи и въ созданіи ее такой, какую хочетъ устанавливающій наказаніе. Разсужденіе есть ничто иное какъ взвѣшиваніе какъ бы на вѣсахъ выгодъ и невыгодъ поступка, къ которому мы приближаемся; по необходимости перевѣситъ то, къ чему больше личныхъ склонностей.

Слѣдовательно если законодатель обложитъ преступленіе меньшимъ наказаніемъ, чѣмъ это нужно, чтобы оно перевѣсило своимъ страхомъ преступный порывъ, перевѣсъ порыва надъ страхомъ наказанія, вслѣдствіе чего и происходитъ преступленіе, долженъ вмѣняться въ вину законодателю, т. е. верховному властителю; слѣдовательно если онъ налагаетъ большее наказаніе, чѣмъ онъ самъ опредѣлилъ въ законахъ, онъ наказываетъ другихъ за то, въ чемъ онъ самъ виноватъ.

XVII. Къ области необходимой и неоспоримой свободы гражданъ относится также возможность безъ страха пользоваться правами, дарованными каждому закономъ. Напрасно устанавливать въ законѣ отличіе своего отъ чужого, если это различіе будетъ снова уничтожаться благодаря несправедли-

вымъ приговорамъ, грабежу или воровству. Однако тамъ, гдѣ судей можно подкупить, происходятъ грабежи и кражи и выносятся несправедливые приговоры. Страхъ же, отвращающій людей отъ причиненія зла, происходитъ не отъ установленія, а отъ примѣненія наказаній. Мы оцѣниваемъ будущее на основаніи прошедшаго, рѣдко ожидая того, что обычно рѣдко случается. Такимъ образомъ если судьи, умягченные дарами, благодарностью или даже милосердіемъ не налагаютъ заслуженныя по закону наказанія и такимъ образомъ вселяютъ въ безчестныхъ надежду на безнаказанность, добрые граждане не будутъ защищены отъ убійцъ, грабителей и готовыхъ на преступленіе плутовъ и не будутъ въ состояніи ни сообщаться между собой, ни даже передвигаться; тогда государство распадается и каждому возвращается право защищать себя самого по собственному усмотрѣнію. Слѣдовательно естественный законъ предписываетъ верховнымъ властителямъ, чтобы они не только сами были бы правосудны, но чтобы они заставляли страхомъ наказанія быть такими же и поставленныхъ ими судей, т. е. чтобы они склоняли ухо къ жалобамъ гражданъ и посылали бы каждый разъ, когда это окажется нужнымъ, чрезвычайныхъ судей, которые разузнавали бы все объ обыкновенныхъ.

ГЛАВА XIV.

О законахъ и прегрѣшеніяхъ.

I. Не достаточно строго взвѣшивающіе значеніе словъ смѣшиваютъ законъ иногда съ совѣтомъ, иногда съ соглашеніемъ, иногда съ правомъ. Законъ смѣшиваютъ съ совѣтомъ тѣ, кто думаетъ, что монархъ обязанъ не только выслушивать, но и соглашаться со своими совѣтниками, какъ будто было бы безполезнымъ спросить совѣта и не согласиться съ тѣмъ, что посовѣтуютъ. Различіе между совѣтомъ и закономъ нужно выводить изъ различія между совѣтомъ и приказаніемъ. Совѣтъ есть предписаніе, гдѣ основаніе повиновенія лежитъ въ самой природѣ предписываемаго, приказаніе же есть предписаніе, основаніе повиновенія которому лежитъ въ волѣ предписывающаго. Дѣйствительно, такъ хочу, такъ приказываю не говорятъ, если основаніемъ приказанія не является воля. Но такъ какъ законамъ повинуются не ради ихъ природы, но ради воли предписывающаго ихъ, законъ—не совѣтъ, а приказаніе; опредѣленіе его таково: законъ есть приказаніе того лица (человѣка либо собранія), приказаніе котораго служитъ основаніемъ повиновенія. Поэтому предписанія Бога, чтимыя людьми, предписанія государства, чтимыя гражданами и вообще предписанія всѣхъ властвующихъ, чтимыя тѣми, кто не можетъ имъ противиться, должны называться законами. Итакъ по очень многимъ признакамъ законъ и совѣтъ различаются между собой. Законъ исходитъ отъ обладающаго властью надъ тѣми, къ кому онъ обращается съ предписаніемъ, совѣтъ—отъ тѣхъ, кто не имѣетъ этой власти; это приводитъ къ тому, что закономъ предписываются обязанности, а совѣтомъ только предложенія. Совѣтъ направленъ на достиженіе цѣли того, кому онъ дается, законъ—на до-

стиженіе цѣли дающаго его. Совѣтъ дается только желающему его выслушать, законъ—и не желающимъ повиноваться. Наконецъ, права совѣтника могутъ быть отняты по желанію выслушивающаго совѣты, право законодателя не можетъ быть отнято по желанію тѣхъ, кому предписывается законъ.

II. Законъ смѣшиваютъ съ соглашеніемъ тѣ, кто думаетъ, что законы не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ признанными, опредѣленными общимъ согласіемъ формулами поведенія. Къ числу ихъ принадлежитъ и Аристотель, опредѣляющій законъ слѣдующимъ образомъ: законъ есть условіе, установленное въ силу общаго соглашенія всего государства и указывающее какимъ образомъ нужно поступать въ отдѣльныхъ случаяхъ. Это опредѣленіе относится не къ закону вообще, а къ гражданскому ученію; дѣйствительно очевидно, что божественные законы не происходятъ отъ человѣческаго соглашенія; то же относится и къ законамъ естественнымъ, потому что если бы они происходили изъ человѣческаго соглашенія, они могли бы быть отмѣнены въ силу такого же соглашенія, а они неизмѣнны. Но на самомъ дѣлѣ это опредѣленіе неправильно и по отношенію къ гражданскому закону, такъ какъ государство разсматривается въ данномъ мѣстѣ то какъ одно гражданское лицо, обладающее единой волей, то какъ множество людей, въ которыхъ частная воля каждаго изъ нихъ является свободной. Если государство разсматривается какъ единое лицо, понятіе общаго соглашенія напрасно вводится въ опредѣленіе, потому что у единаго лица не можетъ быть общаго соглашенія; и слѣдовало вводить понятіе не указывающаго, но приказывающаго, потому что государство приказываетъ гражданамъ то, на что оно имъ указываетъ. Слѣдовательно это опредѣленіе подразумѣваетъ подъ государствомъ множество людей, указывающихъ по общему между собой соглашенію (напримѣръ подтверждая голосованія записью) формулы поведенія; это есть ничто иное, какъ взаимныя соглашенія, обязывающія всѣхъ и слѣдовательно становящіяся законами не раньше чѣмъ верховной власти, какъ только она будетъ установлена, будетъ обезпечена возможность принуждать тѣхъ, кто не станетъ соблюдать эти соглашенія безъ принужденія. Итакъ по опредѣленію Аристотеля законы суть ничто иное, какъ

голыя и незначащія ничего соглашенія, которыя, когда въ государствѣ окажется отправляющій по праву верховную власть, становятся или не становятся законами въ зависимости отъ его усмотрѣнія. Слѣдовательно Аристотель смѣшиваетъ соглашеніе съ закономъ, чего не нужно дѣлать потому, что соглашеніе—обѣщаніе, а законъ—велѣніе; въ соглашеніи говорится: сдѣлаю, а въ законѣ:—сдѣлай; въ силу соглашенія мы обязываемся, въ силу закона мы связываемся [1]); соглашеніе обязываетъ само по себѣ, законъ держитъ связаннымъ въ силу общаго соглашенія объ оказаніи повиновенія; поэтому въ соглашеніи подлежащее совершенію опредѣляется раньше, чѣмъ мы обяжемся къ совершенію, но въ законѣ мы сначала обязываемся къ совершенію, подлежащее же совершенію опредѣляется позже. Слѣдовательно Аристотель долженъ былъ опредѣлить гражданскій законъ слѣдующимъ образомъ: гражданскій законъ есть положеніе, опредѣляемое волей государства и приказывающее отдѣльнымъ лицамъ то, что они должны дѣлать. Это—то же опредѣленіе, которое мы дали выше, въ раздѣлѣ IX главы VIII, а именно: гражданскіе законы суть велѣнія (человѣка или собранія) облеченнаго верховной властью въ государствѣ и предусматривающія будущіе поступки гражданъ.

III. Законъ смѣшиваютъ съ правомъ тѣ, кто утверждаетъ, что дозволенное божескимъ закономъ можно дѣлать, хотя бы это было запрещено закономъ государства. Гражданскій законъ не можетъ позволить ничего запрещеннаго божескими законами, какъ онъ не можетъ запретить то, что приказываетъ этотъ законъ. Слѣдовательно дозволенное божественнымъ правомъ, т. е. то, что по божественному праву можно дѣлать, ничуть не умаляется соотвѣтственнымъ запретомъ гражданскихъ законовъ, потому что низшіе законы могутъ ограни-

[1]) Нѣкоторымъ кажется, что обязываться и быть связаннымъ—одно и то же, что данное различіе существуетъ поэтому на словахъ, а на дѣлѣ никакого различія нѣтъ. Слѣдовательно я вынужденъ высказаться яснѣе. Обязать человѣка на основаніи соглашенія значитъ, что онъ долженъ совершить предоставленіе на основаніи обѣщанія. Быть же связаннымъ обязательствомъ въ силу закона значитъ быть побуждаемымъ къ предоставленію страхомъ наказанія, установленнаго въ законѣ.

чивать свободу оставленную высшими, хотя и не могутъ расширять ея. А право, естественная свобода, не установлено законами, но оставлено ими, поэтому по уничтоженіи законовъ свобода становится неограниченной; ее ограничиваетъ, во первыхъ, законъ естественный и божественный; оставленную ими свободу ограничиваютъ гражданскіе законы, а ту, которая останется послѣ гражданскихъ законовъ, могутъ далѣе ограничивать постановленія отдѣльныхъ городовъ и обществъ. Слѣдовательно между закономъ и правомъ существуетъ большое различіе, потому что законъ есть связь, а право—свобода; они различаются какъ противоположности.

IV. Всю область закона можно раздѣлить, во-первыхъ, въ зависимости отъ источника, на законъ божественный и человѣческій. Божественный, соотвѣтственно двумъспособамъ, которыми Господь сообщаетъ свою волю людямъ, бываетъ двоякимъ: естественнымъ (или нравственнымъ) и положительнымъ. Естественный законъ—это тотъ, который Господь открылъ людямъ черезъ свой вѣчный голосъ, звучащій въ насъ самихъ, черезъ естественный разумъ. Это и есть тотъ законъ, который я и пытался объяснить на протяженіи всей этой книжки. Положительный законъ Господь открылъ намъ черезъ пророческое слово, съ которымъ онъ обращался къ людямъ какъ къ таковымъ; это тѣ законы относительно государства и богопочитанія, которые Онъ преподалъ Іудеямъ; они могутъ называться гражданскими божественными законами, потому что они были особыми законами государства Израильтянъ, Его любимаго народа. Далѣе естественный законъ можно раздѣлить на естественный законъ надъ людьми, который одинъ долженъ называться закономъ природы, и на естественный законъ надъ государствами, который можно назвать и который обычно называютъ общенароднымъ закономъ (lex gentium). Предписанія этихъ обоихъ законовъ одни и тѣ же, но такъ какъ разъ установленныя государства замѣняютъ собой личную обособленность людей, то законъ, который мы называемъ естественнымъ, когда говоримъ объ обязанностяхъ отдѣльныхъ людей, будучи приложенъ ко всѣмъ государствамъ, или странамъ, иначе народамъ, получаетъ названіе общенароднаго права. Установленныя до сихъ поръ основанія естественнаго закона

и права, будучи перенесенными на цѣлые государства и народы, могутъ считаться основаніями общенароднаго закона и права.

V. Всякій человѣческій законъ является гражданскимъ, потому что внѣ государства люди пребываютъ во враждебномъ состояніи и, такъ какъ одинъ изъ нихъ не подчиняется другому, надъ ними нѣтъ никакихъ законовъ, кромѣ велѣній естественнаго разума, который есть законъ божественный. Въ государствѣ же только одно государство, т. е. человѣкъ или собраніе, облеченное верховной властью, является законодателемъ и поэтому гражданскіе законы суть законы государства. Гражданскіе законы въ зависимости отъ различія подчиненныхъ имъ отношеній могутъ быть раздѣлены на духовные и свѣтскіе. Духовные это тѣ, которые относятся къ религіи, т. е. къ богослуженію или къ богопочитанію (а именно тѣ, которые опредѣляютъ какія лица, вещи и мѣста и какимъ образомъ могутъ быть посвящаемы, какія мнѣнія о божествѣ можно излагать публично, въ какихъ словахъ и служеніяхъ нужно возносить прошенія и тому подобные) поскольку они не опредѣлены никакимъ положительнымъ божественнымъ закономъ, ибо гражданскіе духовные законы—законы человѣческіе (они называются и церковными) о священныхъ предметахъ; свѣтскими же вообще обычно называются гражданскіе законы.

VI. Далѣе гражданскій законъ, въ соотвѣтствіи съ двойной обязанностью законодателя, одна изъ которыхъ судить, а вторая—наказывать, содержитъ двѣ части: одну распредѣлительную, а другую—угрожающую или карающую. Распредѣлительная—та, которая приписываетъ каждому его право, т. е. та, которая устанавливаетъ правила, благодаря чему мы можемъ знать что—наше и что—чужое, дабы другіе не мѣшали бы намъ пользоваться и распоряжаться нашей собственностью, а мы не мѣшали бы имъ пользоваться и распоряжаться тѣмъ, что они владѣютъ и благодаря чему мы можемъ знать, что каждый можетъ дѣлать и отъ чего нельзя уклониться. Угрожающая часть—та, въ которой опредѣляется наказаніе нарушителямъ закона.

VII. Распредѣлительный и угрожающій не два вида за-

коновъ, но двѣ части того же закона, потому что если законъ не скажетъ ничего больше какъ, напримѣръ: твоимъ будетъ то, что ты поймалъ въ морѣ своей сѣтью, онъ будетъ безцѣльнымъ. Хотя бы другой и вырвалъ у тебя пойманную рыбу, это не помѣшаетъ ей до того времени быть твоей, потому что въ естественномъ состояніи, гдѣ все—общее, твое и чужое—одно и то же; такимъ образомъ то, что законъ называетъ твоимъ, было твоимъ и до изданія закона и послѣ его изданія не перестаетъ быть твоимъ, хотя и находящимся въ обладаніи другого; слѣдовательно законъ не производитъ никакого дѣйствія, если его не понимать такъ, что твое становится твоимъ настолько, что всѣмъ другимъ запрещается мѣшать тебѣ спокойно пользоваться твоей вещью и извлекать изъ нея выгоды, по крайней мѣрѣ, все то время, пока ты будешь въ состояніи дѣлать это. Поэтому для установленія собственности надъ имуществомъ требуется не возможность для кого-нибудь имъ пользоваться, но такая возможность только для одного, что достигается запрещеніемъ препятствовать ему. Но напрасно запрещаютъ тѣ, кто не можетъ внушить страха передъ наказаніемъ; слѣдовательно напраснымъ будетъ законъ, если онъ не содержитъ обѣихъ частей: и запрещающую нарушеніе права и карающую его нарушителей. Первая изъ нихъ называется распредѣляющей, имѣетъ запретительный характеръ и обращается ко всѣмъ; вторая называется угрожающей или карательной, она—повелительна и обращается только къ должностнымъ лицамъ.

VIII. Отсюда вытекаетъ, что всякому гражданскому закону, явно или скрыто, сопутствуетъ наказаніе, потому что тамъ, гдѣ оно не опредѣлено ни на письмѣ, ни примѣромъ уже подвергнувшагося наказанію за нарушеніе закона, предполагается, что оно произвольно и зависитъ въ частности отъ усмотрѣнія законодателя, т. е. верховнаго властителя; дѣйствительно законъ, который было бы можно нарушать безнаказанно, былъ бы безполезенъ.

IX. Изъ гражданскихъ законовъ проистекаетъ какъ то, что каждый обладаетъ собственнымъ и отличнымъ отъ чужого правомъ, такъ и то, что запрещается посягать на чужія вещи; слѣдовательно такія предписанія: не отказывай въ почтеніи

родителямъ, защищаемымъ законами; не убивай человѣка, котораго законы запрещаютъ убивать; бѣги запрещеннаго законами сожительства; не уноси безъ вѣдома господина чужую вещь; не обманывай законы и судей ложными показаніями,— суть гражданскіе законы. Естественные законы предписываютъ то же самое, но въ скрытомъ видѣ, ибо естественный законъ (какъ сказано въ раздѣлѣ II, главы III) приказываетъ исполнять соглашенія и повиноваться, когда это повиновеніе содержится въ соглашеніи, а также воздерживаться отъ чужого, когда гражданскій законъ опредѣлитъ, что такое чужое; всѣ же граждане (въ силу раздѣла XIII главы VI) соглашаются повиноваться приказаніямъ верховнаго властителя, т. е. гражданскимъ законамъ въ силу самаго устройства государства даже раньше, чѣмъ они могутъ нарушить эти законы, ибо естественный законъ обязывалъ ихъ въ естественномъ состояніи, гдѣ прежде всего не было ничего чужого (такъ какъ природа создала все для всѣхъ) и поэтому было невозможно посягнуть на чужое; во-вторыхъ, гдѣ все было общимъ, всѣ сожительства были дозволенными; тамъ было состояніе войны, а потому было дозволено убивать; въ четвертыхъ, тамъ собственнымъ усмотрѣніемъ каждаго опредѣлялась даже степень почтенія къ отцу; наконецъ, тамъ не было никакихъ общественныхъ судовъ, а потому не было возможности давать свидѣтельства, какъ правдивыя, такъ и ложныя.

X. Обязательство по отношенію къ этимъ законамъ старше ихъ обнародованія, такъ какъ оно содержится въ самомъ установленіи государства въ силу естественнаго закона, запрещающаго нарушать соглашенія; такимъ образомъ послѣдній предписываетъ соблюдать всѣ гражданскіе законы, ибо тамъ, гдѣ мы обязываемся къ повиновенію раньше, чѣмъ мы узнаемъ, что намъ будетъ приказано, мы тѣмъ самымъ обязываемся повиноваться вообще и во всемъ. Отсюда слѣдуетъ, что не можетъ быть никакого гражданскаго закона, который, въ разрѣзъ съ законами естественными, оскорблялъ бы Бога (по отношенію къ почитанію котораго сами государства не располагаютъ никакими правами и не могутъ устанавливать законовъ), ибо хотя естественный законъ и запрещаетъ кражу, прелюбодѣяніе и т. д., но предписанное гражданскимъ зако-

номъ посягательство на что-нибудь не есть кража, прелюбодѣяніе и т. д., ибо лакедемоняне, позволивъ нѣкогда мальчикамъ въ извѣстномъ законѣ красть чужія вещи, постановили, что эти вещи уже не чужія, но принадлежатъ укравшему; поэтому такія похищенія не были кражами; подобнымъ же образомъ совокупленія языческихъ племенъ въ силу ихъ законовъ были законными браками.

XI. Для дѣйствія закона существенно необходимо, чтобы гражданамъ были извѣстны два обстоятельства, во первыхъ, какой человѣкъ или какое собраніе обладаетъ верховной властью, т. е. правомъ издавать законы; во-вторыхъ, что говоритъ самый законъ, потому что не знающій ни передъ кѣмъ, ни къ чему онъ обязанъ не можетъ повиноваться, а это то же самое, какъ если бы онъ совсѣмъ не былъ обязанъ. Я не говорю, что для дѣйствія закона было бы существенно необходимо, чтобы или то или другое было бы постоянно извѣстно, но только чтобы это стало бы извѣстнымъ однажды, такъ что если впослѣдствіе гражданинъ забудетъ или о правѣ издающаго законы или о самомъ законѣ, это не помѣшаетъ ему быть обязаннымъ повиноваться не менѣе, чѣмъ если бы онъ ясно помнилъ о повиновеніи, которое предписываетъ естественный законъ.

XII. Извѣстность законодателя зависитъ отъ самого гражданина, ибо безъ его согласія или соглашенія съ нимъ, выраженнаго или подразумѣваемаго, право законодательства не можетъ быть никому сообщено; безъ согласія выраженнаго, когда граждане вначалѣ устанавливаютъ между собой форму правленія государства или когда они подчиняются чьей-либо власти во исполненіе собственнаго обѣщанія; безъ согласія подразумѣваемаго, когда они пользуются выгодами чьей-либо власти и законовъ для собственнаго благосостоянія и защиты отъ другихъ, потому что, требуя чтобы наши сограждане подчинялись ради нашего блага чьей-нибудь власти, этимъ самымъ требованіемъ мы признаемъ, что власть эта законна. Поэтому никогда не можетъ случиться, что будетъ неизвѣстна власть, издающая законы, ибо каждый помнитъ то, что онъ сдѣлалъ.

XIII. Извѣстность законовъ зависитъ отъ законодателя, ко-

торый долженъ ихъ обнародовать, потому что иначе это не законы. Законъ есть велѣніе законодателя; велѣніе же есть объявленіе воли; слѣдовательно нѣтъ закона, если воля законодателя не была объявлена; объявленіе ея происходитъ при обнародованіи. Для обнародованія необходимы два обстоятельства; одно ихъ нихъ — чтобы тотъ или тѣ, кто обнародываетъ законъ или сами обладали правомъ законодательства или дѣлали это властью обладающихъ подобнымъ правомъ; второе условіе — самое содержаніе закона, однако не сомнѣваться и утверждать философски обоснованнымъ образомъ, что обнародованные законы исходятъ отъ обладателя верховной власти могутъ только принявшіе ихъ изъ устъ самого повелителя; остальные вѣрятъ этому, но основанія вѣры таковы, что не вѣрить едва ли возможно. И даже въ демократическомъ государствѣ, гдѣ каждый желающій можетъ присутствовать при изданіи законовъ, отсутствовавшіе должны вѣрить присутствовавшимъ. Но въ монархіи и аристократіи, гдѣ немногимъ разрѣшается выслушивать велѣнія монарха и знатныхъ лично присутствуя при этомъ, необходимо дать этимъ немногимъ власть обнародывать эти велѣнія для остальныхъ и потому мы вѣримъ въ принадлежность государю тѣхъ эдиктовъ и декретовъ, которые предлагаются намъ письменно или устами обязанныхъ это дѣлать. Но вѣримъ этому мы на томъ основаніи, что видимъ какъ государь или верховное собраніе постоянно пользовались такими же совѣтниками: писцами, глашатаями, печатями и подобными доказательствами для объявленія своей воли; что власть ихъ ничуть не умалилась; что не повѣрившихъ подобному обнародованію и нарушившихъ законъ постигаютъ наказанія; что не только повѣрившій и повиновавшійся изданнымъ ими эдиктамъ и декретамъ былъ вездѣ оправдываемъ, но что не повѣрившій имъ былъ наказанъ, потому что позволить этому происходить постоянно — достаточно очевидный знакъ, и изъявленіе воли повелителя тутъ достаточно ясно, если только въ самомъ законѣ, эдиктѣ или декретѣ не содержится ничего, что противорѣчило бы верховной власти самого повелителя, потому что нельзя думать, что у него было желаніе допустить переходъ хотя бы части власти къ кому нибудь изъ его слугъ, пока

онъ самъ сохраняетъ намѣреніе повелѣвать. О содержаніи закона нужно въ случаяхъ сомнѣнія спрашивать у тѣхъ, кому верховная власть поручила разборъ дѣлъ или отправленіе правосудія, потому что судить есть ничто иное, какъ путемъ толкованія примѣнять законы къ отдѣльнымъ случаямъ. Кому же поручена эта должность, мы узнаемъ такимъ же способомъ, какъ и то, кому поручена власть обнародовать законы.

XIV. Далѣе гражданскій законъ бываетъ двухъ родовъ, въ зависимости отъ двойного способа его обнародованія: писанный и не писанный. Подъ писаннымъ я подразумѣваю такой законъ, на который словами или какимъ нибудь инымъ знакомъ воли законодателя указывается, что это—законъ. Весь этотъ родъ законовъ и по природѣ и по времени современенъ человѣческому роду и является болѣе древнимъ чѣмъ изобрѣтеніе буквъ и искусства письма. Слѣдовательно для писаннаго закона необходима не запись, а голосъ, онъ одинъ относится къ сущности закона, а запись дѣлается для запоминанія. Вѣдь мы читаемъ, что до изобрѣтенія буквъ законы, сложенные ради облегченія запоминанія стихотворнымъ размѣромъ, часто распѣвались. Неписанные законы — это тѣ, на обнародованіе которыхъ указываетъ только голосъ природы или природный разумъ; таковы законы естественные. Естественный законъ хотя и отличается отъ гражданскаго, когда онъ обращается къ волѣ, относится къ гражданскому въ томъ, что касается дѣйствій, напримѣръ, положеніе: не завидуй, относясь только къ душѣ, является естественнымъ закономъ, но не посягай — одновременно законъ и естественный и гражданскій. Такъ какъ очевидно невозможно предписать общія правила, въ силу которыхъ могли бы быть разрѣшены всѣ будущіе безконечные споры, въ каждомъ дѣлѣ за примѣненіемъ писанныхъ законовъ должно слѣдовать примѣненіе естественаго закона равенства, повелѣвающаго распредѣлять равное между равными и это — въ силу гражданскаго закона, налагающаго наказанія и на тѣхъ, кто сознательно и намѣренно нарушаетъ естественные законы.

XV. Понявшему это дѣлается яснымъ, во-первыхъ, что естественные законы, какъ они излагаются въ книгахъ философовъ, не должны называться писанными законами, потому

и труды юристовъ — не законы, такъ какъ имъ недостаетъ высшаго авторитета; точно такъ же и отвѣты мудрыхъ, т. е. судей, если только они не войдутъ въ обычай въ силу согласія верховной власти; тогда они должны считаться въ числѣ писаныхъ законовъ, но не въ силу самаго обычая (который не устанавливаетъ закона), но на основаніи воли верховнаго властителя, о которой заключаютъ изъ того, что онъ позволилъ рѣшенію, справедливому или несправедливому, войти въ обычай.

XVI. Прегрѣшеніе въ самомъ широкомъ смыслѣ охватываетъ все сдѣланное, сказанное и поволенное противъ праваго разума. Дѣйствительно, каждый въ разсужденіи ищетъ средствъ къ поставленной имъ самимъ себѣ цѣли; поэтому если онъ разсуждаетъ правильно (т. е., начавъ съ самыхъ очевидныхъ основаній, продолжаетъ разсужденіе въ силу необходимыхъ, непрерывныхъ послѣдствій), онъ двигается самымъ прямымъ путемъ; если онъ пойдетъ иначе, онъ собьется съ пути, т. е. сдѣлаетъ, скажетъ, захочетъ что-нибудь противное собственной цѣли; когда онъ это сдѣлаетъ, говорятъ, о разсужденіи что онъ ошибся, о поступкѣ и волѣ, — что онъ согрѣшилъ; ибо прегрѣшеніе такъ же относится къ ошибкѣ, какъ воля къ разуму. Это выраженіе является поэтому наиболѣе общимъ, охватывая всякій неблагоразумный поступокъ, какъ противъ закона, напримѣръ, разрушеніе чужого дома, такъ и не противъ закона, напримѣръ, постройку своего собственнаго на пескѣ.

XVII. Гдѣ идетъ рѣчь о законахъ, тамъ будетъ точнѣй примѣняться понятія прегрѣшенія, обозначающее не все, совершенное въ разрѣзъ съ правымъ разумомъ, но лишь поскольку это вмѣняется въ вину и поэтому называется зломъ вины (malum culpae). Слѣдовательно, когда кто-нибудь провинится, о прегрѣшеніи и о винѣ нужно говорить только въ томъ случаѣ, если онъ провинился сознательно. Слѣдовательно нужно выяснить, что значитъ провиниться сознательно и что — безсознательно. Природа человѣческая такова, что каждый называетъ желательное ему благомъ, а отъ чего онъ избѣгаетъ — зломъ; поэтому, благодаря различію стремленій, происходитъ, что одинъ называетъ благомъ то, что другой — зломъ;

и одинъ и тотъ же человѣкъ называетъ благомъ то, что вскорѣ послѣ этого онъ назоветъ зломъ и одно и то же — благомъ для себя и зломъ для другихъ. Мы всѣ оцѣниваемъ благо и зло въ зависимости отъ нашего удовольствія и тягости (или существующей, или ожидаемой). Такъ какъ уже обстоятельства, благопріятныя недругамъ (такъ какъ они увеличиваютъ ихъ почетъ, богатство и имущество) и равнымъ (въ силу соперничества изъ-за почета) тягостны всѣмъ, и кажутся и являются зломъ, и такъ какъ люди считаютъ злыми, т. е. приписываютъ вину тѣмъ, отъ кого исходитъ для нихъ зло, то нельзя достигнуть, чтобы поступки, вмѣняемые и невмѣняемые въ вину, опредѣлялись соглашеніемъ отдѣльныхъ людей, которымъ нравится и не нравится не одно и то же. Однако относительно нѣкоторыхъ общихъ поступковъ, напримѣръ, воровства, прелюбодѣянія и подобнымъ имъ можно согласиться что они являются прегрѣшеніями; когда говорятъ о злѣ, всѣ называютъ имъ то, къ чему приложимы понятія, принимаемыя обычно въ другомъ значеніи. Мы же не ищемъ, является ли прегрѣшеніемъ воровство; мы только ищемъ, что нужно называть воровствомъ и такъ обо всѣхъ остальныхъ поступкахъ. И, слѣдовательно, при такомъ различіи судящихъ нельзя, въ силу естественнаго равенства человѣческой природы, измѣрять сужденіями одного съ большимъ основаніемъ, чѣмъ сужденіями другого, что́ должно вмѣняться въ вину, какъ совершенное сознательно и если нѣтъ никакого иного разума, кромѣ разума отдѣльныхъ людей и разума государства, отсюда слѣдуетъ, что опредѣленіе сознательности вины принадлежитъ государству и такимъ образомъ вина, т. е. прегрѣшеніе есть то, что кто-либо совершитъ, упуститъ, скажетъ или захочетъ въ разрѣзъ съ сужденіями государства, т. е. съ законами.

XVIII. Кто-нибудь можетъ нарушить законы по людской слабости, даже желая ихъ исполнять, однако его поступокъ, какъ противозаконный, правильно вмѣняется ему въ вину и называется прегрѣшеніемъ. Есть, однако, такіе люди, которые пренебрегаютъ законами каждый разъ, когда является надежда на обогащеніе и безнаказанность и никакое сознаніе соглашеній или даннаго ими обѣщанія не удерживаетъ ихъ отъ этого нарушенія. Не только поступки, но и мысли этихъ

людей идутъ въ разрѣзъ съ законами. Прегрѣшающіе по слабости и въ прегрѣшеніяхъ остаются добрыми людьми, эти же, даже и не грѣша, остаются злыми. Хотя и поступки и настроеніе ихъ противорѣчитъ законамъ, однако, эти противорѣчія именуются различными названіями: неправильность дѣйствій — adikema, неправомѣрный поступокъ, неправильность души,—adikia и kakia, несправедливость и злонамѣріе; первая есть слабость смятеннаго ума, вторая — испорченность спокойнаго духа.

XIX. Если, однако, то, что не противорѣчитъ никакому закону, не является преступленіемъ, если нѣтъ никакого закона, который не былъ бы велѣніемъ верховнаго властителя, если никто не обладаетъ верховной властью, пока она ему не передана съ нашего согласія, спрашивается, какъ можетъ согрѣшить тотъ, кто утверждаетъ, что Бога нѣтъ, или что Онъ не управляетъ міромъ, или кто станетъ возлагать на Него иную хулу? Вѣдь онъ скажетъ, что онъ никогда не подчинялъ свою волю волѣ Бога, потому что никогда не вѣрилъ въ Его существованіе. И хотя его мнѣніе и будетъ ошибочнымъ и даже прегрѣшеніемъ, однако его нужно считать въ числѣ прегрѣшеній по неблагоразумію или по незнанію, которыя не наказываются по праву. Это утвержденіе покажется тѣмъ болѣе допустимымъ, что прегрѣшенія этого рода, хотя они и являются опаснѣйшими, должны быть отнесены къ прегрѣшеніямъ по недомыслію [1]); однако, абсурдъ, что оно

[1]) Многіе возражали мнѣ на то, что я отнесъ безбожіе не къ неправію, а къ недомыслію, нѣкоторые даже зачислили меня въ число безбожниковъ за то, что я не оказался ихъ достаточно ярымъ противникомъ. Далѣе мнѣ замѣчали, что такъ какъ я сказалъ, что всякій съ помощью естественнаго разума можетъ знать о существованіи Бога, я долженъ былъ признать, что безбожники грѣшатъ тѣмъ самымъ противъ естественныхъ законовъ, а потому являются преступниками не только по недомыслію, но и по нарушенію права. Я до такой степени являюсь врагомъ безбожниковъ, что я самымъ прилежнымъ образомъ искалъ и старался найти какой-нибудь признакъ, на основаніи котораго я могъ бы ихъ обвинить въ нарушеніи права; но такъ какъ я не нашелъ никакого осуждающаго ихъ закона, я непосредственно затѣмъ сталъ искать какимъ именемъ называетъ Богъ столь враждебныхъ ему людей. Господь же такъ говоритъ о безбожникахъ: рече безумецъ въ сердцѣ своемъ—нѣсть Богъ. Потому

должно быть извинено какъ недомысліе или незнаніе, потому что безбожники наказываются непосредственно Богомъ или царями, Имъ поставленными не какъ подданный, котораго царь наказываетъ за несоблюденіе законовъ, но какъ врагъ врагомъ за то, что онъ не желаетъ признавать законы, т. е. по праву войны, какъ были наказаны богоборцы титаны, потому что тѣ, кто не подчиняются ни общему повелителю, ни другъ другу—враги,

XX. Изъ соглашенія, которымъ отдѣльные граждане обязались другъ передъ другомъ оказывать абсолютное и всегдашнее (какъ это опредѣлено въ предшествующей главѣ) повиновеніе государству, т. е. обладающему верховной властью, будь это одинъ человѣкъ или одно собраніе, вытекаетъ обязательство соблюдать отдѣльные гражданскіе законы, такъ это соглашеніе содержитъ въ себѣ всѣ законы вмѣстѣ; отсюда очевидно, что гражданинъ, отказавшійся повиноваться общему соглашенію, отказывается повиноваться всѣмъ законамъ взятымъ вмѣстѣ. Это зло во столько же тяжелѣй какого угодно отдѣльнаго прегрѣшенія, во сколько грѣшить всегда тяжелѣй чѣмъ согрѣшить однажды. Но это и есть то прегрѣшеніе, которое называется преступленіемъ оскорбленія величества и состоитъ въ поступкѣ или въ заявленіи, которыми гражданинъ или подданный объявляетъ, что ему болѣе не угодно повиноваться тому человѣку или собранію, которому поручена верховная власть въ государствѣ. Гражданинъ объявляетъ подобную волю поступкомъ, когда онъ посягаетъ силой или пытается посягнуть на особъ, обладающихъ верховной властью или исполняющихъ ихъ велѣнія; къ этимъ гражданамъ относятся измѣнники, цареубійцы и тѣ, кто поднимаетъ оружіе противъ государства или во время войны перебѣгаетъ на сторону его враговъ. Высказываютъ ту же волю словами тѣ граждане, которые отрицаютъ, что они или остальные граждане обязаны повиноваться во всемъ, говоря, что не нужно повиноваться властителямъ (сохраняя повиновеніе Богу) безгранично, абсолютно и вполнѣ, или же что они отчасти не обязаны повиноваться, утверждая при этомъ, что властители не могутъ по своему усмотрѣнію вести войну, заключать миръ, набирать солдатъ, собирать деньги, назначать чиновниковъ и публичныя власти, издавать законы, разрѣшать споры, устанавливать наказанія или дѣлать еще что-нибудь, безъ чего государство не можетъ продолжать своего существованія. Но всѣ эти и подобные имъ заявленія и поступки есть, въ силу закона (не гражданскаго, а) естественнаго, преступленіе оскорбленія величества. Однако можетъ случиться, что поступокъ, совершенный до изданія гражданскаго закона и не являвшійся преступленіемъ оскорбленія величества, становится имъ, если онъ совершается послѣ изданія этого закона. Напримѣръ, если закономъ будетъ объявлено, что будетъ считаться признакомъ отказа повиноваться государству (т. е. преступленіемъ оскорбленія величества) если кто-нибудь станетъ чеканить монету или поддѣлывать государственныя печати, но совершившій это послѣ изданія подобнаго закона является оскорбителемъ величества не меньше, чѣмъ всякій другой, однако грѣшитъ онъ меньше, такъ какъ нарушаетъ не всѣ законы властвованія, но только одинъ, ибо законъ, называя оскорбленіемъ величества то, что по природѣ такимъ оскорбленіемъ не является, съ полнымъ правомъ налагаетъ на виновника и ненавистное имя и болѣе тяжелое наказаніе, но онъ не можетъ достигнуть того, чтобы само преступленіе стало болѣе тяжкимъ.

то я и отнесъ ихъ прегрѣшенія къ тому роду, въ который они были помѣщены самимъ Богомъ. Далѣе я показываю, что—безбожники—враги Божіи; имя же врага я считаю иногда болѣе жестокимъ, чѣмъ имя преступника. Наконецъ я утверждаю, что справедливо со стороны Бога и властителей наказывать ихъ какъ враговъ; такимъ образомъ я ничуть не извиняю и не уменьшаю тяжести этого прегрѣшенія. Если же я сказалъ, что съ помощью естественнаго разума каждый можетъ знать о существованіи Бога, то это не нужно понимать такъ, будто я думаю, что такое знаніе возможно для всѣхъ, если только не думать, что разъ Архимедъ съ помощью естественнаго разума открылъ каково отношеніе шара къ цилиндру, то слѣдовательно и любой изъ черни можетъ открыть то же самое. Слѣдовательно я говорю, что хотя нѣкоторые люди, освѣщенные свѣтомъ естественнаго разума могутъ знать о существованіи Бога, однако люди, постоянно занятые поисками наслажденій, богатствъ или почестей, а также люди, не привыкшіе, не способные или не заботящіеся о правильности разсужденія, наконецъ, глупцы, къ числу которыхъ относятся безбожники, не могутъ знать объ этомъ.

XXI. То прегрѣшеніе, которое въ силу естественнаго закона является преступленіемъ оскорбленія величества, есть нарушеніе не гражданскаго, но естественнаго закона. Такъ какъ обязательство гражданскаго повиновенія, на основаніи котораго пріобрѣтаютъ силу гражданскіе законы, предшествуетъ всякому гражданскому закону и такъ какъ естественно преступленіе оскорбленія величества есть нарушеніе этого обязательства, то слѣдуетъ, что преступленіе оскорбленія величества нарушаетъ законъ предшествующій гражданскому, а именно законъ естественный, запрещающій намъ нарушать соглашенія и данныя обѣщанія. Поэтому если какой-нибудь государь издастъ гражданскій законъ по такой формулѣ: не поднимай возстанія, онъ ничего этимъ не достигнетъ, потому что всякій законъ недѣйствителенъ, если раньше граждане не обяжутся повиноваться, т. е. не поднимать возстанія; обязательство же исполнять то, что было обязательнымъ и раньше—излишне.

XXII. Отсюда слѣдуетъ, что возставшихъ, измѣнившихъ и остальныхъ виновныхъ въ оскорбленіи величества надлежитъ наказывать на основаніи не гражданскаго, но естественнаго права, т. е. не какъ дурныхъ гражданъ, но какъ враговъ государства и не по праву власти или государства, но по праву войны.

XXIII. Есть люди, думающіе, что когда наказаніе опредѣлено въ самомъ законѣ, поступки противъ гражданскаго закона искупаются если преступники добровольно подчиняются наказанію и что понесшіе требуемое закономъ, наказаніе не являются виновными передъ Богомъ въ нарушеніи естественнаго закона (потому что нарушая гражданскіе законы мы нарушаемъ также и естественные, которые приказываютъ соблюденіе гражданскихъ законовъ), какъ будто бы законъ не запрещалъ преступленій, но наказаніе являлось бы лишь цѣной, которая платится въ обмѣнъ за разрѣшеніе совершить то, что запрещается закономъ. Съ тѣмъ же основаніемъ они могли бы также утверждать, что вообще никакое нарушеніе закона не составляетъ преступленія, но что каждый обладаетъ по праву того степенью свободы, которую онъ купилъ рискуя собой. Нужно знать, что слова закона можно понимать въ двоякомъ смыслѣ: во-первыхъ, какъ если бы онъ содержалъ (какъ было сказано выше, въ раздѣлѣ VII) двѣ части: безотносительно запрещающую, а именно—не дѣлай и угрожающую—совершившій понесетъ наказаніе; во-вторыхъ—какъ если бы онъ содержалъ одно условіе: не совершай, если не хочешь понести наказанія и тогда, законъ устанавливаетъ запрещеніе не вообще, но условно. Если понимать законъ первымъ образомъ, совершившій противное закону дѣйствіе грѣшитъ, потому что онъ совершаетъ дѣйствіе запрещенное закономъ. Если понимать законъ во второмъ смыслѣ, совершающій противное закону дѣйствіе не грѣшитъ, потому что поступать такъ не запрещено тому, кто согласенъ выполнить условіе, ибо въ первомъ случаѣ поступокъ запрещенъ всѣмъ, во второмъ—только уклоняющимся отъ наказанія. Въ первомъ случаѣ угрожающая часть закона обязываетъ не виновнаго, но судью, который долженъ требовать для него наказанія; во второмъ случаѣ самъ долженствующій понести наказаніе обязанъ его требовать, но онъ не можетъ ему подчиниться, если оно влечетъ за собой лишеніе жизни или столь же тяжело. Въ какомъ смыслѣ законъ долженъ пониматься, зависитъ отъ обладающаго верховной властью. Слѣдовательно тамъ гдѣ возникаетъ сомнѣніе въ смыслѣ закона, мы увѣрены, что не нарушающіе его не грѣшатъ и что нарушеніе его можетъ быть грѣхомъ, такъ какъ всякій законъ можетъ быть разъясненъ впослѣдствіи. Потому что если ты совершишь поступокъ, сомнѣваясь, будетъ ли онъ грѣхомъ или нѣтъ, между тѣмъ какъ ты могъ отъ него воздержаться, ты обошелъ законъ, а потому, въ силу раздѣла XXVIII главы III, ты совершилъ преступленіе противъ естественнаго закона. Слѣдовательно это различіе между активнымъ и пассивнымъ повиновеніемъ не доказываетъ, что понесенными по людскому усмотрѣнію наказаніями можно было бы искупить то, что есть преступленіе противъ закона естественнаго, который есть законъ Бога, или что не грѣшатъ тѣ, кто грѣшитъ во вредъ себѣ.

Религія.

ГЛАВА XV.

О естественномъ Царствѣ Божіемъ.

I. Въ предшествующемъ изложеніи на основаніи разума и свидѣтельствъ Священнаго Писанія было указано, что естественное состояніе, т. е. состояніе абсолютной свободы, при которой нѣтъ ни правящихъ ни управляемыхъ, есть состояніе анархіи и вражды; что предписанія, при посредствѣ которыхъ можно избѣгнуть подобнаго состоянія суть естественные законы; что государство не можетъ существовать безъ верховной власти; что обладающимъ верховной властью нужно повиноваться безпрекословно, т. е. во всемъ, что не запрещено велѣніями Бога. Для полнаго познанія гражданскаго установленія не достаетъ только одного: чтобы мы знали, что́ такое законы или велѣнія Бога. Иначе дѣйствительно нельзя узнать, противорѣчитъ ли законамъ Бога то, что намъ приказываетъ гражданская власть, или нѣтъ. Изъ этого незнанія съ необходимостью слѣдуетъ, что мы или оказываемся мятежниками противъ божественнаго величія въ силу чрезмѣрнаго повиновенія государству или же, боясь согрѣшить передъ Богомъ, впадаемъ въ мятежъ противъ государства. Для того чтобы избѣжать обѣихъ опасностей необходимо познаніе божественныхъ законовъ, а такъ какъ незнаніе законовъ зависитъ отъ незнанія царства, установившаго ихъ, то въ послѣдующемъ будетъ говориться о Царствіи Божіемъ.

II. Воспойте Господу новую пѣснь, восклицайте Господу, вся земля, говоритъ Псалмопѣвецъ Пс. 97.1,4. И снова говоритъ Псалмопѣвецъ: Господь царствуетъ, да радуется земля Пс. 96.1; слѣдовательно, хотятъ или не хотятъ этого люди, Богъ есть царь всей земли, и по этой причинѣ Его нельзя свергнуть съ престола, если бы даже и нашлись такіе, которые бы отвергали Его существованіе или провидѣніе. Хотя Богъ и правитъ въ силу Своего всемогущества всѣми людьми такимъ образомъ, что никто не можетъ сдѣлать ничего, чего бы Онъ не захотѣлъ, однако это не значитъ править въ точномъ и истинномъ значеніи этого слова. Править говорятъ о томъ,

кто управляетъ не посредствомъ дѣйствій, но словами, т. е. приказаніями и угрозами. Потому въ Царствѣ Божіемъ подданными являются не бездушныя и лишенныя разума тѣла, хотя бы и подчиняющіяся божественному могуществу, потому что они не понимаютъ приказаній и угрозъ Бога, и не безбожники, такъ какъ они вѣрятъ, что Бога нѣтъ, и не тѣ, кто, вѣря въ Бога, не вѣрятъ, что Онъ управляетъ этимъ низкимъ міромъ, потому что хотя они и управляютъ могуществомъ Божіимъ, но они не признаютъ никакихъ Его приказаній и не боятся Его угрозъ. Поэтому подданными Царства Божія должны считаться только тѣ, кто признаетъ, что Онъ—правитель всего міра, что Онъ даетъ приказанія людямъ и что Онъ устанавливаетъ наказанія для ослушниковъ. Остальныхъ мы должны называть не подданными, но врагами Божіими.

III. Правящимъ черезъ заповѣди называется только тотъ, кто ясно объявляетъ управляемымъ свои заповѣди, ибо заповѣди правящихъ—законы для управляемыхъ; законами же считается только то, что было обнародовано во всеобщее свѣдѣніе, дабы уничтожить такимъ образомъ возможность оправданія незнаніемъ, такъ какъ люди объявляютъ свои законы на словахъ, т. е. громко и не могутъ инымъ способомъ выражать свою волю. Законы же Бога объявляются троякимъ способомъ: во-первыхъ, молчаливыми велѣніями праваго разума; во-вторыхъ, непосредственнымъ откровеніемъ, которое предполагается нисходящимъ либо черезъ сверхъ-естественный голосъ, либо черезъ видѣніе, либо черезъ сонъ, либо черезъ внушеніе или божественное вдохновеніе; въ-третьихъ, законы Бога объявляются словами какого-нибудь человѣка, котораго Господь послалъ къ остальнымъ, указавъ истинными чудесами на него какъ на достойнаго довѣрія. Тотъ, чьимъ голосомъ пользуется Господь для возвѣщенія Своей воли другимъ, называется пророкомъ. Эти три способа могутъ быть названы троякимъ голосомъ Божіимъ, а именно гласомъ разумнымъ, гласомъ чувственнымъ и гласомъ пророческимъ. Имъ соотвѣтствуютъ три способа, которыми, какъ говорятъ, мы слышимъ Господа: правильное разсужденіе, чувство и вѣра. Чувственный гласъ Господа доступенъ немногимъ и Господь го-

воритъ черезъ откровеніе только наединѣ съ людьми и съ разными изъ нихъ о разномъ; никакіе законы Царства Божія не были объявлены такимъ образомъ ни одному народу.

IV. Въ соотвѣтствіи съ различіемъ между разумнымъ и пророческимъ гласомъ Господа, Ему приписывается двоякое Царство: естественное, въ которомъ Онъ правитъ путемъ велѣній праваго разума, которое распространяется вообще на всѣхъ признающихъ божественное могущество и которое въ силу разумной природы обще для всѣхъ, и царство пророческое, въ которомъ Онъ правитъ уже съ помощью гласа пророческаго; это—царство избранное, потому что Онъ даетъ положительные законы не всѣмъ, но лишь избранному народу и отдѣльнымъ опредѣленнымъ людямъ, выбраннымъ Имъ.

V. Въ естественномъ Царствѣ право Господа править и наказывать нарушителей Его закона основывается только на Его непреодолимомъ могуществѣ; ибо всякое право надъ другими основано либо на природѣ, либо на соглашеніи. Какимъ образомъ право управленія происходитъ изъ соглашенія, показано въ главѣ VI. То же право вытекаетъ изъ природы тѣмъ самымъ, что оно не отнято у природы. Такъ какъ по природѣ право на все принадлежало всѣмъ, то каждому принадлежало современное самой природѣ право всѣми править; кромѣ взаимнаго страха не было другой причины, почему оно было уничтожено, потому что, какъ было показано въ раздѣлѣ III главы II, отъ этого права, разумѣется, нужно было по указанію разума отказаться ради сохраненія человѣческаго рода, ибо равенство людей по силѣ и по естественному могуществу необходимо сопровождается войной, съ войной же соединена опасность для человѣческаго рода. Если же кто-нибудь настолько превосходилъ бы остальныхъ своимъ могуществомъ, что они не могли бы ему сопротивляться даже соединивъ свои силы противъ него, у него не было бы никакого основанія отказываться отъ даннаго ему природой права. Слѣдовательно тогда оставалось бы въ силѣ право господства надъ всѣми остальными благодаря превосходству въ могуществѣ, которое привело бы къ сохраненію и ихъ и его. Слѣдовательно право господства тѣхъ, чьему могуществу нельзя сопротивляться и, слѣдовательно, право всемогущаго Бога вытекаетъ

изъ самаго могущества. И сколько бы разъ Господь ни наказывалъ грѣшниковъ или даже убивалъ ихъ, хотя бы Онъ наказывалъ ихъ не потому, что они согрѣшили, нельзя говорить, что Онъ не могъ бы справедливо поразить или даже убить того же самаго человѣка, хотя бы тотъ и не грѣшилъ. И изъ того, что при наказаніи воля Божія можетъ считаться съ совершеннымъ раньше грѣхомъ, не слѣдуетъ, что право поражать или убивать зависитъ не отъ божественнаго могущества, а отъ человѣческаго прегрѣшенія.

VI. Вопросъ, ставшій знаменитымъ благодаря спорамъ древнихъ: какъ изъ добра получается зло и изъ зла—добро совпадаетъ съ нашимъ: по какому праву Господь отпускаетъ людямъ добро и зло. Своей трудностью этотъ вопросъ поколебалъ вѣру не только у простого народа, но даже у философовъ и, что еще больше,—у святыхъ. Какъ благъ, говоритъ Давидъ, Господь ко Израилю, къ чистымъ сердцемъ! мои же ноги едва не оступились, едва не поскользнулись стопы мои. Пс. 73.1,2. И какъ жестоко укорялъ Бога Іовъ за то, что его постигли такія несчастія, въ то время какъ онъ былъ такъ праведенъ. Это затрудненіе въ случаѣ съ Іовомъ разрѣшитъ Самъ Богъ Своимъ живымъ словомъ и Онъ подтвердилъ Свое право не грѣхами Іова, а Своимъ могуществомъ. Іовъ и его друзья спорили между собой, при чемъ они считали его виновнымъ, потому что его постигло наказаніе, онъ же опровергалъ это обвиненіе ссылкой на свою невинность. Когда же Господь выслушалъ и ихъ и его, Онъ отвергъ объясненіе его друзей, сказавъ, что наказаніе постигло Іова не за неправедность или за чей либо грѣхъ, но ради объясненія Его собственнаго могущества. Гдѣ ты былъ, когда я полагалъ основанія земли и т. д. Іова 38.4. О друзьяхъ же Іова сказано: горитъ гнѣвъ Мой на тебя и на двухъ друзей твоихъ, за то, что вы говорили о Мнѣ не такъ вѣрно, какъ рабъ Мой Іовъ. Іова 42.7. Согласуется съ этимъ рѣшеніемъ и то, что сказалъ нашъ Спаситель въ случаѣ со слѣпорожденнымъ, когда на вопросъ учениковъ, согрѣшилъ ли самъ слѣпорожденный или родители его, Онъ отвѣтилъ: ни онъ, ни родители его, но это для того, чтобы на немъ явились дѣла Божіи. Іоан. 9.3. Хотя и сказано: смерть вошла въ міръ черезъ грѣхъ, Римл. 5.12,

однако отсюда не слѣдуетъ, что Господь не могъ по своему праву сдѣлать людей подверженными болѣзнямъ и смерти если бы они никогда не грѣшили, потому что Онъ и остальныхъ животныхъ создалъ смертными и болѣзненными, хотя они и не могутъ грѣшить.

VII. Если Господь имѣетъ право управлять людьми въ силу Своего всемогущества, очевидно, что обязательство повиноваться Ему ложится на людей въ силу ихъ легковѣсности [1]) (imbecillitas), потому что обязательство происходящее изъ соглашенія, о которомъ сказано въ главѣ II, не можетъ имѣть мѣста здѣсь, гдѣ право повелѣвать возникаетъ по природѣ, безъ всякаго вмѣшательства соглашенія. Есть два вида естественнаго обязательства: одинъ, гдѣ свобода уничтожается тѣлесными препятствіями; мы говоримъ, что небо, земля и всѣ твари подчиняются этому обязательству въ силу общихъ законовъ своего созданія; другой видъ—гдѣ свобода уничтожается страхомъ и надеждой; слабѣйшій, отчаявшійся въ возможности сопротивленія сильнѣйшему, не можетъ не подчиниться этому обязательству. Изъ второго рода этихъ обязательствъ, т. е. изъ страха или сознанія собственной легковѣсности (передъ божественнымъ величіемъ) рождается то, благодаря чему мы обязываемся повиноваться Богу въ естественномъ Его Царствѣ; иначе говоря, не нужно переть противъ рожна, когда разумъ подсказываетъ всѣ признаки могущества и провидѣніе Божіе.

VIII. Такъ какъ Слово Божіе въ силу самой природы правящаго предполагается ничѣмъ инымъ, какъ правымъ разумомъ, тогда какъ законы земныхъ царей могутъ быть познаваемы только изъ ихъ словъ, то очевидно, что законы Бога

[1]) Если это покажется кому нибудь рѣзкимъ, я спрошу его, если онъ согласится удовлетвориться молчаливыми соображеніями, кто изъ двухъ всемогущихъ, если бы ихъ было два, обязанъ повиноваться другому. Я думаю, что нужно согласиться, что ни одинъ изъ нихъ не обязанъ передъ другимъ. Если это правильно, правильно также и то, что я установилъ, а именно, что люди потому подчинены Богу, что они не всемогущи. И нашъ Спаситель, увѣщевая Павла (который въ то время былъ врагомъ церкви) не переть противу рожна, требовалъ отъ него, какъ кажется, повиновенія на томъ основаніи, что у Павла не было достаточно силъ для сопротивленія.

въ силу самой природы правящаго суть единственные естественные законы и именно тѣ, которые мы перечислили въ главѣ II и III и вывели изъ велѣній разума; это—снисходительность, равенство, справедливость и милосердіе, а также остальныя духовныя добродѣтели, содѣйствующія миру и относящіяся къ обязанностямъ людей другъ передъ другомъ, а также тѣ, которыя помимо нихъ продиктовалъ правый разумъ относительно почтенія и богопочитанія. Нечего повторять еще разъ, что это за естественные законы или духовныя добродѣтели, но слѣдуетъ разсмотрѣть что такое почтеніе и какое богопочитаніе, т. е. какіе священные законы диктуетъ тотъ же естественный разумъ.

IX. Почтеніе въ собственномъ смыслѣ слова есть ничто иное, какъ представленіе о чужомъ могуществѣ, соединенномъ съ благостью. И почитать кого-нибудь есть то же, что цѣнить въ высокой степени. Поэтому почтеніе пребываетъ не въ почитаемомъ, а въ почитающемъ. За почтеніемъ же, которое является представленіемъ, съ необходимостью слѣдуютъ три чувства: любовь, относящаяся къ благости, надежда и страхъ, относящіеся къ могуществу. Изъ этихъ чувствъ вытекаютъ внѣшнія дѣйствія, которыя обыкновенно умилостивляютъ властвующихъ и дѣлаютъ ихъ благосклонными; дѣйствія эти суть послѣдствія самаго почтенія, а потому и его естественныя выраженія. Но названіе почтенія переносится также и на эти внѣшнія выраженія почтенія и въ этомъ смыслѣ мы говоримъ о почитаніи того, по отношенію къ кому мы ясно чувствуемъ, что свидѣтельствуемъ словами или дѣйствіями о его власти; тогда почтеніе есть то же, что и почитаніе. Почитаніе же есть внѣшнее дѣйствіе, знакъ внутренняго почтенія. И мы говоримъ объ оказаніи почитанія тѣмъ, чьего расположенія мы добиваемся, когда они разгнѣваны или когда мы стараемся сдѣлать ихъ милостивыми къ себѣ.

X. Всѣ знаки душевныхъ движеній состоятъ либо изъ словъ, либо изъ дѣйствій; поэтому всякое почитаніе состоитъ либо изъ словъ, либо изъ дѣйствій. И тѣ и другія раздѣляются на три вида, первый изъ которыхъ хвала или восхваленіе благости, второй восхваленіе проявленнаго могущества, что значитъ славословіе, megalnosis, третій—восхваленіе успѣха

или будущаго, пока еще безмятежнаго могущества, что называется makarismos. Каждый видъ почитанія можетъ выражаться не только словами, но и дѣйствіями. Хвалятъ словами, прославляютъ тогда, когда это выражается въ формѣ утвержденій или догматическихъ, т. е. путемъ перечисленія свойствъ, или съ помощью именъ; тогда можно сказать, что хвалятъ и прославляютъ выразительно и категорически, напримѣръ, когда говорятъ, что тотъ, кого хвалятъ—щедрый, сильный, мудрый. Хвалятъ дѣйствіями, когда хвала выражается путемъ выводовъ или гипотезъ; такъ выраженіе благодарности предполагаетъ благость, повиновеніе—могущество, восхваленіе—успѣхъ.

XI. Желая прославлять кого-нибудь словами или дѣйствіями, мы выбираемъ такія, которыя у всѣхъ обозначаютъ почитаніе; среди свойствъ таковы названія общихъ добродѣтелей и могущества, которыя не могутъ быть обращены въ дурную сторону, напримѣръ благой, красивый, сильный, справедливый; среди дѣйствій—благодаренія, повиновеніе, мольбы и другія дѣйствія того же рода, которыя всегда предполагаютъ признаніе могущества и добродѣтели. Остальныя выраженія у однихъ обозначаютъ почтеніе, а у другихъ либо оскорбленіе, либо что-нибудь безразличное; таковы, среди свойствъ, названія такихъ, которыя вслѣдствіе различія во мнѣніяхъ причисляются то къ добродѣтелямъ, то къ порокамъ, то къ честнымъ, то къ безчестнымъ поступкамъ, какъ напримѣръ то, что кто-нибудь убьетъ недруга, бѣжитъ, что онъ философъ, ораторъ и тому подобныя, которыя у однихъ считаются почетными, а у другихъ вызываютъ презрѣніе; среди дѣйствій—тѣ, которыя зависятъ отъ мѣстныхъ обычаевъ или отъ предписанія гражданскихъ законовъ, напримѣръ, привѣтствуя, обнажать голову, снимать обувь, наклонять тѣло, просить кого-нибудь стоя, простираясь ницъ или склонивъ колѣни, формулы церемоній и тому подобное. Почитаніе, которое у всѣхъ и всегда является почетнымъ, можетъ быть названо естественнымъ, другое же, измѣняющееся въ связи съ мѣстомъ и правами—произвольнымъ.

XII. Далѣе, почитаніе можетъ быть установленнымъ, подразумѣваются по приказанію того, кого чтутъ и можетъ быть

добровольнымъ, т. е. такимъ, какое захочется чтущему; если оно установлено, производимыя дѣйствія выражаютъ почитаніе не какъ таковыя, но какъ установленныя; они непосредственно выражаютъ повиновеніе, а повиновеніе доказываетъ могущество, такъ какъ установленное почитаніе состоитъ въ повиновеніи; добровольное же является почитаніемъ въ силу одной природы дѣйствій; если они означаютъ у зрителей почтеніе—это почитаніе, а иначе это—оскорбленіе. Кромѣ того почитаніе можетъ быть публичнымъ или частнымъ; публичное же не можетъ быть добровольнымъ по усмотрѣнію отдѣльныхъ почитателей, но можетъ имъ быть по усмотрѣнію государства. Такъ какъ то, что дѣлается добровольно, дѣлается по усмотрѣнію дѣлающаго, то названное почитаніе не было бы единымъ, но превратилось бы во столько отдѣльныхъ почитаній, сколько и почитателей, если бы только усмотрѣніе всѣхъ не объединялось желаніемъ одного. Частное же почитаніе можетъ быть добровольнымъ, если они отправляется тайно, такъ какъ будучи отправляемо явно, оно сдерживается либо закономъ, либо застѣнчивостью, что противорѣчитъ природѣ добровольнаго.

XIII. Для того чтобы узнать прелесть и цѣль почитанія другими, нужно разсмотрѣть причину, по которой люди радуются почитанію. Нужно усвоить то, что мы уже доказали раньше, а именно что радость состоитъ въ созерцаніи людьми своей добродѣтели, силы, знанія, красоты, друзей, богатства или иного могущества, или того, что они считаютъ за свое могущество, что она есть ничто иное какъ слава, т. е. восторгъ души, думающей, что ее почитаютъ, т. е. любятъ и боятся, иначе говоря, думающей, что она имѣетъ подъ рукой людскія услуги и помощь. А такъ какъ люди вѣрятъ въ могущество того, кого они видятъ почитаемымъ, т. е. принимаемымъ за могущественнаго другими, отсюда слѣдуетъ, что почетъ увеличивается благодаря почитанію и что благодаря признанію могущества пріобрѣтается могущество дѣйствительное. Слѣдовательно цѣль того, кто приказываетъ или позволяетъ почитать себя состоитъ въ томъ, что такимъ образомъ при помощи любви или страха онъ создаетъ себѣ какъ можно больше повинующихся.

XIV. Чтобы узнать, какое богопочитаніе предписываетъ естественный разумъ, мы начнемъ съ опредѣленія свойствъ Бога; во-первыхъ, очевидно, что Ему нужно приписывать существованіе, потому что не можетъ быть никакого намѣренія почитать того, въ чье существованіе мы не вѣримъ. Слѣдовательно философы, утверждавшіе, что Богъ есть самый міръ или душа міра (т. е. часть его), говорили о Богѣ недостойнымъ образомъ, потому что они не приписываютъ Ему что либо, но совершенно отрицаютъ Его существованіе, ибо подъ словомъ Богъ подразумѣвается причина міра; говорящіе же: міръ есть Богъ—говорятъ, что у міра нѣтъ причины, т. е. что Бога нѣтъ. Подобнымъ образомъ и утверждающіе, что міръ не сотворенъ, а вѣченъ, отрицаютъ, что у міра есть причина, потому что не можетъ быть причины у вѣчнаго, т. е. они отрицаютъ Бога. Такъ же недостойно думаютъ о Богѣ и приписывающіе Ему покой и отнимающіе у него правленіе міромъ и человѣческимъ родомъ, ибо хотя они и утверждаютъ, что Онъ всемогущъ, но если Онъ не заботится о здѣшнемъ прахѣ, то имѣетъ примѣненіе избитая истина: что выше насъ, то—ничто для насъ, и такъ какъ у нихъ нѣтъ причины, почему бы имъ любить Его или бояться, то по отношенію къ нимъ Онъ какъ будто не существуетъ. Кромѣ того, такъ какъ въ числѣ Его свойствъ есть величіе и могущество, то обозначающіе что либо конечное или предѣльное очень мало обнаруживаютъ чтущую душу, потому что это недостойное почитаніе Бога—приписывать Ему меньше могущества или величія, чѣмъ это возможно. Представлять конечное,—это меньшее изъ того, что мы можемъ. Конечному легче всего что-нибудь придавать и чаще всего можно что нибудь приписывать. Поэтому Богу нельзя приписывать лица, потому что всякое лицо конечно, и нельзя говорить, что Онъ можетъ быть постигнутъ или понятъ какой нибудь нашей духовной способностью. И хотя слово безконечность обозначаетъ представленіе души, однако за нимъ не слѣдуетъ для насъ представленіе о какомъ нибудь безконечномъ, предметѣ, потому что когда мы говоримъ о безконечномъ мы обозначаемъ этимъ не что либо въ предметѣ нашего разсужденія, но лишь безсиліе нашего духа, какъ если бы мы сказали, что не знаемъ гдѣ и когда этотъ предметъ кончается. Поэтому не будетъ почтительнымъ отзывомъ о Богѣ утвержденіе, что Его идея заключена въ нашей душѣ, потому что идея есть наше представленіе, а нѣтъ другихъ представленій, кромѣ представленій конечнаго; не будетъ также почтительнымъ утвержденіе, что Онъ имѣетъ части или что Онъ что либо цѣлое, потому что все это свойства конечныхъ предметовъ, ни что Онъ пребываетъ въ какомъ-нибудь мѣстѣ, потому что быть въ опредѣленномъ мѣстѣ можетъ только тотъ кто со всѣхъ сторонъ имѣетъ границы и предѣлы величины, ни что Онъ движется или пребываетъ въ покоѣ, ни что существуетъ много боговъ, потому что нѣтъ многихъ безконечностей. Далѣе, среди свойствъ благости недостойны Бога тѣ, которыя обозначаютъ скорбь (если только не понимать ее не какъ чувство, а, съ помощью метоніміи, какъ его послѣдствіе), таковы раскаяніе, гнѣвъ, милосердіе, скупость, какъ желаніе, надежда, благоволеніе или та любовь, которая называется желаніемъ, потому что это признаки нужды; ибо нельзя понять, чтобы кто-нибудь жалѣлъ, надѣялся или хотѣлъ, кромѣ того, кому жалко и кто испытываетъ нужду, или обладаетъ страдательными способностями, потому что страданіе служитъ признакомъ ограниченности могущества и зависимости отъ другого. Слѣдовательно когда мы приписываемъ Богу волю, не нужно ее понимать наподобіе нашей, которой приписывается разумное желаніе, потому что если бы Господь чего-нибудь хотѣлъ, это значило бы, что Ему чего-нибудь не достаетъ; утверждать это—оскорбительно; нужно предполагать нѣчто схожее, чего мы однако не можемъ представить. Подобнымъ же образомъ, когда мы приписываемъ Ему зрѣніе и остальныя чувства, наше знаніе и пониманіе, которыя въ насъ ничто иное какъ волненіе, возбужденное внѣшними предметами, дѣйствующими на духовныя способности; не нужно думать, что съ Богомъ происходитъ что либо подобное, потому что все это есть знакъ власти зависящей отъ другого, чего не можетъ быть со Всеблагимъ. Поэтому тотъ, кто не хочетъ приписывать Богу другихъ именъ, кромѣ подсказываемыхъ ему умомъ, долженъ пользоваться или отрицательными, какъ то безконечный, вѣчный, непознаваемый, или превосходными какъ лучшій, величайшій, сильнѣйшій, высочайшій, или неопредѣ-

ленными, какъ добрый, справедливый, сильный, творецъ, царь и подобныя имъ, пользуясь ими въ томъ смыслѣ, что мы хотимъ выразить не то, чѣмъ Онъ является (что значило бы ограничивать Его предѣлами нашей фантазіи), но выразить, на сколько это возможно, наше собственное восхищеніе и повиновеніе, какъ это свойтвенно униженной душѣ почитающаго. потому что разумъ подсказываетъ единственное слово, обозначающее природу Бога: существующій или просто утвержденіе, что Онъ есть, и одно—для обозначенія Его отношенія къ намъ,—а именно Богъ, въ которомъ сочетаются и царь, и господинъ, и отецъ.

XV. Относительно внѣшнихъ дѣйствій, которыми нужно чтить Господа (подобно тому какъ и относительно Его свойствъ) общее велѣніе разума приказываетъ, чтобы они служили бы знаками душевнаго настроенія почитающаго; сюда относятся, во-первыхъ, мольбы. Создающій священные лики изъ золота или изъ мрамора не создаетъ боговъ; ихъ создаетъ молящійся, потому что мольбы—знаки надежды; надежда же есть признаніе божественнаго величія и благости.

Во-вторыхъ, сюда относятся благодаренія, которыя служатъ признакомъ того же настроенія, только мольбы предшествуютъ благодѣянію, а благодаренія слѣдуютъ за нимъ.

Въ-третьихъ—дары, т. е. приношенія и пожертвованія, которыя поэтому являются благодареніемъ.

Въ-четвертыхъ, почитаніе высказывается отказомъ клятся именемъ другого Бога, потому что клятва есть призваніе человѣкомъ на самого себя, если только онъ согрѣшитъ, гнѣва того, кто можетъ и знать, провинился ли онъ или нѣтъ, и наказать его, какъ обладающій силой, а это возможно только для одного Бога; поэтому если и будетъ какой-нибудь человѣкъ, передъ которымъ его подвластные не смогутъ скрывать своихъ проступковъ и противиться его власти, достаточно давать ему обѣщаніе не клянясь; потому что онъ сможетъ преслѣдовать и за нарушеніе обѣщанія, слѣдовательно клятвы давать ему незачѣмъ.

Въ-пятыхъ—обдуманными выраженіями о Богѣ, потому что это признакъ страха, а страхъ—признаніе могущества. Изъ этого велѣнія слѣдуетъ, что не нужно пользоваться именемъ Божіимъ безъ нужды или напрасно, потому что и то и другое будетъ необдуманнымъ. Не нужно клясться тамъ, гдѣ это не необходимо, потому что это напрасно. Бываетъ же это необходимымъ только между государствами—для избѣжанія или устраненія борьбы силой, необходимо возникающей тамъ, гдѣ обѣщаніямъ не вѣрятъ, или въ государствѣ—для большей увѣренности судей. Точно также не нужно спорить о божественной природѣ, потому что предполагается, что въ естественномъ Царствѣ Божіемъ все рѣшается съ помощью одного только разума, т. е. изъ основаній естественныхъ наукъ. Ихъ однако недостаточно для познанія нами природы Божіей, потому что мы не можемъ даже прослѣдить достаточно природу нашего тѣла или свойствъ какого-нибудь созданія. Слѣдовательно изъ этихъ споровъ ничего не выйдетъ, потому что мы будемъ напрасно подводить божественное величіе подъ мѣрку нашихъ представленій. Слѣдуетъ также (это касается права въ Царствѣ Божіемъ), что недостойно и неумѣстно утвержденіе, что то или иное несовмѣстимо съ божественнымъ правосудіемъ, ибо и люди считаютъ оскорбленіемъ, если ихъ дѣти оспариваютъ ихъ права или измѣряютъ справедливость иначе, чѣмъ ихъ приказаніями.

Въ-шестыхъ, во всемъ, что требуется для просьбъ, благодареній, жертвоприношеній, нужно прибѣгать къ лучшему въ своемъ родѣ и обозначающему почитаніе, въ особенности молитва должна быть не внезапной, легкомысленной или плебейской, но красивой и хорошо составленной, потому что хотя и глупо со стороны язычниковъ, что они чтили Господа подъ видомъ изображеній, однако не лишено разумнаго основанія, что они въ священнослуженіи пользовались пѣніемъ и музыкой. Точно такъ же жертвы должны быть красивыми и дары великолѣпными и они должны обозначать или подчиненіе и благодарность, или напоминать о полученныхъ благодѣяніяхъ, все это происходитъ изъ желанія почитанія.

Въ-седьмыхъ, нужно почитать Бога не только втайнѣ, но и открыто, публично, передъ людьми, потому что почитаніе, какъ сказано выше, въ раздѣлѣ XIII, нравится тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе оно вызываетъ почитанія въ другихъ. Слѣдовательно оно погибаетъ, если другіе его не видятъ, а это въ по-

читаніи желаннѣе всего. Наконецъ нужно изо всѣхъ силъ стараться соблюдать естественные законы, потому что малое уваженіе ко власти Господа превосходитъ всѣ остальныя хулы, и наоборотъ, повиновеніе желательнѣй всѣхъ приношеній. Главнѣйшіе же изъ естественныхъ законовъ о почитаніи Бога предписаны разумомъ отдѣльнымъ людямъ. Поэтому тотъ же естественный разумъ приказываетъ всѣмъ государствамъ, каждое изъ которыхъ есть единое лицо, установить единство публичнаго богопочитанія, потому что дѣйствія, совершаемыя отдѣльными людьми согласно ихъ частному разуму, не суть дѣйствія государства, а слѣдовательно и не государственное богопочитаніе, что́ же дѣлаетъ государство, то предполагается совершающимся по приказанію того или тѣхъ, кто обладаетъ верховнаго властью и одновременно съ тѣмъ—съ согласія всѣхъ гражданъ, т. е. однообразно.

XVI. Перечисленные въ предыдущемъ раздѣлѣ естественные законы о богопочитаніи предписываютъ высказывать только естественные знаки почитанія. Нужно принять во вниманіе, что есть два рода знаковъ: одни—естественные, другіе—установленные, явно или молчаливо, соглашеніями. Такъ какъ во всякомъ языкѣ употребленіе именъ или названій происходитъ на основаніи установленія, то оно можетъ установленіемъ и измѣниться, потому что то, что зависитъ и пріобрѣтаетъ силу отъ человѣческаго желанія, можетъ быть измѣнено или уничтожено такимъ же согласнымъ желаніемъ. Слѣдовательно тѣ имена, которыя людское соглашеніе приписываетъ Богу, въ силу такого же соглашенія могутъ перестать Ему приписываться, то же, что можетъ происходить по людскому установленію, должно быть установлено государствомъ. Слѣдовательно государство (т. е. обладающіе властью всего государства) по праву устанавливаютъ какія имена или названія выражаютъ почитаніе Бога и какія его не выражаютъ, т. е. какія ученія о природѣ и дѣяніяхъ Бога должны быть публично исповѣдуемы или излагаемы. Дѣйствія же имѣютъ значеніе не въ силу людского соглашенія, но въ зависимости отъ ихъ природы, потому что дѣйствія суть обозначенія собственныхъ своихъ причинъ и каждое изъ нихъ есть знакъ отношенія къ тому, по отношенію къ кому оно дѣлается, въ особенности тѣ изъ нихъ,

которыми показывается наша тѣлесная грязь и которыя стыдно дѣлать передъ тѣми, кого мы чтимъ. Другія дѣйствія всегда являются знаками почтенія, напримѣръ приближаться и обращаться съ рѣчью почтительно и вѣжливо, уступать дорогу или какое-нибудь благо. Здѣсь государство ничего измѣнить не въ силахъ. Но есть безконечное число другихъ дѣйствій, которыя безразличны въ смыслѣ выраженія почитанія или оскорбленія; именно они могутъ быть установлены государствомъ въ качествѣ знаковъ почитанія и, будучи установленными, выражать его на дѣлѣ. Отсюда можно понять, что государству нужно повиноваться во всемъ, что оно прикажетъ считать знакомъ богопочитанія, т. е. установитъ въ качествѣ культа, если только это дѣйствіе можетъ быть по своей природѣ знакомъ почитанія, потому что будетъ знакомъ почитанія то, что по приказанію государства выдается за таковой.

XVII. Мы уже сказали каковы какъ священные, такъ и свѣтскіе законы Бога тамъ, гдѣ Онъ правитъ только по природѣ. Такъ какъ нѣтъ никого, кто не могъ бы ошибиться въ разсужденіи и бываетъ, что о многихъ дѣйствіяхъ люди обладаютъ несогласимыми мнѣніями, то нужно отыскать далѣе, кого Богъ захотѣлъ сдѣлать истолкователемъ праваго разума, т. е. своихъ законовъ. Мы уже доказали, что соотвѣтствуетъ разуму, на основаніи сказаннаго раньше объ установленіи государства, чтобы сужденіе о всѣхъ гражданскихъ законахъ, т. е. о законахъ относительно правосудія и поведенія людей другъ передъ другомъ, принадлежало бы государству; сужденіе же есть ничто иное какъ истолкованіе законовъ; слѣдовательно истолкователемъ гражданскихъ законовъ вездѣ является государство, т. е. обладающій въ немъ верховной властью. Говоря о священныхъ законахъ, нужно принять во вниманіе то, что мы доказали выше, въ раздѣлѣ XIII главы V, что отдѣльные граждане перенесли на того или тѣхъ, кто обладаетъ верховной властью въ государствѣ столько правъ, сколько они могли перенести. Однако они могли перенести право рѣшать о способѣ богопочитанія, слѣдовательно они его и перенесли. Что они могли перенести это право слѣдуетъ изъ того, что до установленія государства каждый долженъ былъ съ помощью своего частнаго разума отыскивать способъ богопо-

читанія, а каждый можетъ подчинить свой частный разумъ разуму всего государства. Кромѣ того, если бы отдѣльные люди слѣдовали бы собственному разумѣнію въ богопочитаніи, при такомъ различіи почитателей получилось бы, что одинъ считалъ почитаніе другого непозволительнымъ или даже нечестивымъ и никому не казалось бы, что другой почитаетъ Бога; слѣдовательно это не было бы почитаніемъ, развѣ только оно совпадало бы совершенно съ разумомъ, потому что природа почитанія состоитъ въ томъ, что оно является знакомъ внутренняго почтенія; знакъ же есть ничто иное какъ средство дать знать другимъ; слѣдовательно знакомъ почтенія является только то, что кажется такимъ для другихъ. Далѣе, истиннымъ знакомъ почтенія будетъ тотъ, который станетъ имъ съ согласія людей и слѣдовательно выражаетъ почтеніе потому, что онъ съ согласія людей, т. е. по приказанію того, сударства, становится знакомъ почтенія; слѣдовательно не будетъ противорѣчить волѣ Божіей, объявленной однимъ разумомъ, обращеніе къ тѣмъ самымъ знакамъ почитанія, которые установитъ государство. Слѣдовательно граждане могутъ перенести на того или на тѣхъ, кто обладаетъ верховной властью въ государствѣ право рѣшать о способѣ богопочитанія, и они даже должны это сдѣлать, потому что иначе всѣ нелѣпыя мнѣнія о природѣ Бога и всѣ смѣшныя церемоніи, которыя существуютъ у нѣкоторыхъ народовъ, будутъ одновременно наблюдаться въ одномъ и томъ же государствѣ, откуда будетъ вытекать, что вѣрованія каждаго станутъ оскорблять Бога остальныхъ. И поэтому ни о комъ нельзя будетъ по праву сказать, что онъ почитаетъ Бога, потому что никто не почитаетъ, т. е. не оказываетъ внѣшняго почитанія, если только и другимъ онъ не кажется чтущимъ. Поэтому можно заключить, что тамъ, гдѣ Богъ правитъ въ силу одной только природы, толкованіе естественныхъ законовъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ, зависитъ отъ государственной власти, т. е. отъ того человѣка или собранія, которые облечены верховной властью въ государствѣ и что бы Господь ни приказалъ, Онъ приказываетъ ихъ голосомъ. И обратно, то, что они приказываютъ и о способѣ богопочитанія и о свѣтскихъ дѣлахъ, — приказываетъ Господь.

XVIII. И наоборотъ, можно спросить, не слѣдуетъ ли повиноваться государству, когда оно прямо повелѣваетъ оскорбить Бога или запрещаетъ почитать Его? Отвѣчаю, не слѣдуетъ и не нужно повиноваться, потому что нанесеніе оскорбленія или отказъ почитать Бога никто не сможетъ счесть за видъ почитанія, и никто изъ признающихъ, что Богъ царствуетъ, не имѣлъ до установленія государства права отказывать Ему въ должныхъ почестяхъ, а потому онъ и не могъ перенести на государство право отдавать подобныя приказанія. Дальше, если спросятъ, слѣдуетъ ли повиноваться государству, приказывающему сказать или совершить что либо, что не направлено прямо на оскорбленіе Бога, но изъ чего путемъ разсужденія можно будетъ вывести оскорбительныя послѣдствія, напримѣръ, если отдается приказаніе чтить Бога подъ видомъ идола въ присутствіи тѣхъ, кто считаетъ это почитаніемъ? Отвѣчаю: конечно слѣдуетъ исполнить требуемое [1]). Дѣйствительно, почитаніе устанавливается въ знакъ выраженія почтенія; почитать же такимъ образомъ есть знакъ почтенія и имъ проповѣдуется почтеніе къ Богу у тѣхъ, у кого это принимается за знакъ почтенія. Или если намъ будетъ приказано приписать Богу имя, относительно котораго мы не понимаемъ, что́ оно обозначаетъ или какъ оно стоитъ въ связи съ име-

[1]) Мы сказали въ раздѣлѣ XIV этой главы, что приписывающіе предѣлъ Богу поступаютъ противъ естественнаго закона о богопочитаніи. Чтущіе Бога подъ видомъ изображенія уже ставятъ Ему предѣлы; слѣдовательно они дѣлаютъ то, чего не должно дѣлать, и это мѣсто кажется противорѣчащимъ тому, что было установлено въ предыдущемъ. Нужно, во-первыхъ, знать, что ставятъ предѣлы Богу не тѣ, кто, подчиняясь принужденію власти, такъ чтутъ Его, но принуждающіе; ибо чтущіе безъ принужденія чтутъ правильно, но здѣсь они становятся или падаютъ на томъ мѣстѣ, на которомъ имъ приказано становиться или падать. Во-вторыхъ, я говорю, что это нужно дѣлать не всегда и не вездѣ, но только въ предположеніи, что кромѣ велѣнія человѣческаго разума нѣтъ никакихъ другихъ правилъ богопочитанія, ибо тогда воля государства замѣняетъ разумъ. Но въ Царствѣ Божіемъ, основанномъ на соглашеніи, древнемъ или новомъ, гдѣ идолопоклонство ясно запрещено, къ нему нельзя прибѣгать даже если бы государство приказывало выражать почитаніе такимъ образомъ. Если считающій, что есть какое то противорѣчіе между этимъ раздѣломъ и четырнадцатымъ, разсудитъ объ этомъ, онъ перестанетъ видѣть здѣсь противорѣчіе.

немъ Божіимъ? и это тоже нужно исполнить, такъ какъ все это мы дѣлаемъ ради почтенія и не принимаемъ нашихъ дѣйствій за что либо иное, и если только эти дѣйствія принимаются за знаки почтенія, они ими дѣйствительно являются, и потому если мы откажемся ихъ совершать, мы откажемся распространять почтеніе къ Богу. То же самое слѣдуетъ думать о всѣхъ свойствахъ и дѣйствіяхъ въ совершенно разумномъ почитаніи Бога, которыя только могутъ быть предметомъ споровъ и обсужденій. Хотя иногда приказанія этого рода могутъ расходиться съ правымъ разумомъ, а потому быть грѣхами для приказывающихъ ихъ совершать, они не могутъ противорѣчить правому разуму и быть грѣхами для подданныхъ, для которыхъ въ спорныхъ вопросахъ правымъ разумомъ является то, что приказано правымъ разумомъ государства. Наконецъ, если тотъ человѣкъ или совѣтъ, которому поручена верховная власть въ государствѣ, прикажетъ почитать себя, какъ обладающаго тѣми свойствами и дѣйствіями, ради которыхъ нужно почитать Бога, можно спросить, слѣдуетъ ли ему повиноваться? Есть то, что можно равно прилагать и къ Богу и къ людямъ, и людей можно хвалить и славословить, есть много дѣйствій, которыми можно почитать и Бога и людей. Но нужно обращать вниманіе на значеніе названныхъ свойствъ и дѣйствій. Хотя бы цари и приказывали, нужно воздерживаться отъ приписыванія имъ тѣхъ свойствъ, которыя выражаютъ наше признаніе за ними такой власти, что они не обладаютъ безграничной властью и тому подобное; то же нужно записять болѣе отъ Бога, или что они безсмертны, или что они соблюдать и по отношенію къ дѣйствіямъ означающимъ такія же мысли, напримѣръ, просить отсутствующаго, просить то, что можетъ дать только одинъ Богъ, напримѣръ дождь или хорошую погоду, приносить имъ то, что можетъ принимать только одинъ Богъ, напримѣръ, жертвы, или наконецъ высказывать наивысшее почитаніе, напримѣръ совершать жертвоприношенія. Все это ведетъ къ тому, что Богъ предполагается неправящимъ, что противорѣчитъ установленному нами въ началѣ положенію. Однако колѣнопреклоненіе, паданіе ницъ или какое-нибудь иное тѣлодвиженіе можетъ считаться дозволеннымъ и въ гражданскомъ почитаніи, потому что они могутъ обозначать при-

знаніе только гражданской власти, ибо богопочитаніе отличается отъ гражданскаго почитанія не движеніемъ, положеніемъ, цѣлью или тѣлодвиженіемъ, но выраженіемъ мнѣнія о томъ, кого чтутъ; напримѣръ, если мы простираемся передъ кѣмъ нибудь съ намѣреніемъ объявить этимъ знакомъ, что мы считаемъ его Богомъ, это будетъ богопочитаніемъ, если же мы дѣлаемъ то же въ знакъ признанія гражданской власти—это гражданское почитаніе. Богопочитаніе не отличается отъ гражданскаго почитанія никакими дѣйствіями, которыя не обнимались бы названіями latreia и dyleia; первое изъ нихъ обозначаетъ обязанность рабовъ, второе—ихъ жребій и оба они суть названія дѣйствій одного и того же порядка.

XIX. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что тамъ, гдѣ Господь правитъ на основаніи одного только естественнаго разума, подданные грѣшатъ, во-первыхъ, нарушая тѣ нравственные законы, которые были объяснены въ главахъ II и III; во-вторыхъ, нарушая законы или велѣнія государства въ дѣлахъ, относящихся къ области правосудія; въ-третьихъ, если они чтутъ Бога ненадлежащими именами; въ-четвертыхъ, не исповѣдуя передъ людьми словомъ и дѣломъ, что есть Единый, Всеблагой Богъ, Величайшій, Всеблагой. Царь всего міра и всего мірского, Царь верховный, т. е. если они не чтутъ Господа. Этотъ четвертый грѣхъ, на основаніи того, что было сказано въ раздѣлѣ II предыдущей главы, является въ естественномъ Царствѣ Божіемъ преступленіемъ оскорбленія Божественнаго величія, потому что это отрицаніе Божественнаго могущества или безвѣріе. Какъ впадаютъ въ этотъ грѣхъ, станетъ понятно изъ предположенія, что какой-нибудь человѣкъ есть верховный царь, правящій во время своего отсутствія черезъ намѣстника; передъ нимъ согрѣшатъ всѣ, кто не повинуется намѣстнику во всемъ, что онъ только ни прикажетъ, за исключеніемъ того, что онъ начнетъ приписывать себѣ царское достоинство; согрѣшатъ и тѣ, кто такъ безраздѣльно повинуется царю, что не исполняютъ его намѣренія передать царство другому; они называются оскорбителями величества.

ГЛАВА XVI.

О ветхозавѣтномъ Царствѣ Божіемъ.

I. Этотъ человѣческій родъ устроенъ такъ, что въ силу сознанія собственной легковѣсности и восхищенія передъ естественными событіями многіе вѣрятъ, что невидимымъ Творцомъ видимаго міра является Богъ и Его боятся тѣ, кто чувствуетъ, что они не могутъ сами защитить себя въ достаточной степени. Однако правильному Его почитанію мѣшаетъ несовершенство ума и неуравновѣшенность чувствъ. Страхъ передъ невидимымъ, не опирающійся на правый разумъ, есть суевѣріе. Итакъ человѣку безъ особой помощи со стороны Бога почти невозможно избѣгнуть двойной опасности: безвѣрія и суевѣрія; одно вытекаетъ изъ страха, не считающагося съ правымъ разумомъ, другое — изъ представленія о разумѣ, не знающемъ страха. Поэтому большую часть людей увлекаетъ идолопоклонство и почти всѣ народы чтутъ Бога въ лицѣ идоловъ и изображеній конечныхъ вещей, а также почитаютъ призраковъ или видѣнія, называемые изъ страха демонами. Но божественному величію было благоугодно (какъ мы читаемъ въ Священной Исторіи) избрать изъ всего человѣческаго рода одного Авраама, напомнить ему сверхъестественнымъ образомъ о себѣ и вступить съ нимъ и его женой въ знаменитѣйшее соглашеніе, которое называется соглашеніе, договоръ и завѣтъ древній, чтобы черезъ него привести людей къ правильному пониманію Себя. Это соглашеніе является потому началомъ истинной религіи, послѣ потопа оно первое научило, что Богъ есть единый Творецъ вселенной и что началось «Царство Божіе на основаніи соглашенія». Іосифъ Флавій. Зап. Іуд. В. Кн. I. Гл. 7.

II. Въ началѣ міра Богъ властвовалъ надъ Адамомъ и Евой не только естественнымъ образомъ, но и на основаніи соглашенія, потому что казалось, что Онъ не хотѣлъ, чтобы Ему высказывалось другое повиновеніе, кромѣ требуемаго естественнымъ разумомъ иначе, какъ въ силу соглашенія, т. е. съ согласія самихъ людей. Но такъ какъ это соглашеніе тотчасъ же стало недѣйствительнымъ и не было никогда впослѣдствіи возобновлено, нельзя выводить изъ него происхожденіе того Царства Божія, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь. Однако попутно слѣдуетъ замѣтить, что на основаніи приказанія не ѣсть плодовъ съ древа познанія добра и зла (было ли при этомъ запрещено разсужденіе о добрѣ и злѣ или вкушеніе плодовъ какого-нибудь дерева) Богъ требовалъ безпрекословнаго повиновенія своимъ приказаніямъ, не допуская разсужденія, является ли его приказаніе добромъ или зломъ, такъ какъ плодъ дерева, если бы на лицо не было бы запрещенія, не имѣлъ бы въ своей природѣ ничего такого, что могло бы сдѣлать его вкушеніе морально злымъ, т. е. грѣховнымъ.

III. Соглашеніе же между Богомъ и Авраамомъ было заключено въ слѣдующемъ видѣ: поставлю завѣтъ Мой между мною и тобой и между сѣменемъ твоимъ послѣ тебя въ родъ ихъ, какъ завѣтъ вѣчный въ томъ, что Я буду Богомъ твоимъ и сѣмени твоего послѣ тебя, и дамъ тебѣ и сѣмени твоему послѣ тебя землю, по которой ты странствуешь, всю землю Ханаанскую во владѣніе вѣчное. Быт. 17. 7,8. Для того же, чтобы Авраамъ и сѣмя его могли сохранить память объ этомъ договорѣ, необходимо было установить знакъ. Поэтому къ соглашенію было прибавлено обрѣзаніе, но только какъ знакъ: вотъ завѣтъ, который вы должны соблюдать между Мной и между вами. Быт. 17. 10. Слѣдовательно, соглашеніе состояло въ томъ, что Авраамъ признавалъ Господа Богомъ своимъ и сѣмени своего, т. е. подчинялся Его власти, а Господь даваль ему наслѣдованіе въ землѣ, на которой онъ жилъ и тогда, но какъ пришлецъ, и Авраамъ въ качествѣ внѣшняго знака этого соглашенія долженъ былъ озаботиться обрѣзать себя и свое мужское сѣмя.

IV. Такъ какъ Авраамъ и до этого состоянія призна

валъ Бога творцомъ міра и царемъ (и никогда не сомнѣвался ни въ его существованіи, ни въ провидѣніи), то спрашивается, не было ли излишнимъ желаніе Бога пріобрѣсти цѣной и на основаніи договора должное Ему по природѣ повиновеніе путемъ обѣщанія Аврааму царствованія надъ землей Ханаанской, желаніе, чтобы тотъ признавалъ его своимъ Богомъ, въ то время, какъ по естественному праву Онъ уже былъ Имъ и раньше? Итакъ словами: и буду Богомъ тебѣ и сѣмени твоему послѣ тебя, подразумѣвается, что это соглашеніе съ Авраамомъ не содержало въ себѣ одно только признаніе власти и господства, которыми Господь располагаетъ надъ людьми по природѣ, т. е. признаніе Господа неопредѣленнымъ образомъ, какъ это требуется естественнымъ разумомъ, но изъ него слѣдовало, что Авраамъ опредѣленно признаетъ Того, Кто сказалъ ему: пойди изъ земли твоей. Быт. 12, 1, возведи очи твои. Быт. 13. 14., кто явился ему, Быт. 18. 1,2. подъ видомъ трехъ странниковъ и. Быт. 15. 1. въ видѣніи и, Быт. 15. 13 во снѣ, чему нужно вѣрить. Въ какомъ видѣ являлся Господь Аврааму и какимъ гласомъ Онъ разговаривалъ съ нимъ, не объясняется; однако ясно, что Авраамъ повѣрилъ, что этотъ голосъ былъ гласомъ Божіемъ и истиннымъ откровеніемъ и что онъ хотѣлъ, чтобы его подвластные почитали говорившаго съ нимъ какъ Бога, творца міра; и вѣра его была основана не на томъ, что онъ вѣрилъ въ существованіе Бога или въ исполненіе Имъ своихъ обѣщаній, какъ вѣрятъ всѣ, но на томъ, что онъ безъ сомнѣнія считалъ говорившаго и дававшаго обѣщанія Богомъ. И Богъ обозначалъ для Авраама не просто Бога, но Бога, являвшагося ему, и такимъ образомъ то почитаніе, которымъ былъ обязанъ Богу Авраамъ, было почитаніемъ не разума, но религіи и вѣры, и открылъ ему это почитаніе не разумъ, но самъ Господь, сверхъестественнымъ образомъ.

V. Мы не читаемъ, однако, никакихъ законовъ свѣтскихъ или священныхъ, тогда же или позднѣе установленныхъ Богомъ для Авраама или Авраамомъ для своей семьи (за исключеніемъ велѣнія объ обрѣзаніи, содержавшагося въ самомъ соглашеніи). Откуда очевидно, что для Авраама не было установлено другихъ законовъ или почитанія, кромѣ естественныхъ законовъ, разумнаго культа и обрѣзанія.

VI. По отношенію къ своимъ подвластнымъ Авраамъ былъ истолкователемъ всѣхъ законовъ, какъ священныхъ такъ и свѣтскихъ, и не только естественнымъ образомъ, пока онъ обращался только къ естественнымъ законамъ, но и на основаніи самой формулировки соглашенія, въ которомъ повиновеніе обѣщалось не только за Авраама, но и за сѣмя его, что было бы безполезнымъ, если бы сыновья Авраама не были бы обязаны повиноваться его велѣніямъ. И какъ можно понять то, что говоритъ Господь: всѣ народы земли благословятся въ немъ, потому что я избралъ его для того, чтобы онъ заповѣдалъ своимъ дѣтямъ и дому своему послѣ себя, ходить путемъ Господнимъ творя правду, Быт. 18. 18, 19, если не предположить, что сыновья и домъ Авраама были обязаны повиноваться этимъ велѣніямъ?

VII. Отсюда слѣдуетъ, что подданные Авраама не могли согрѣшить, повинуясь ему, лишь бы Авраамъ не приказывалъ имъ отрицать существованіе или провидѣніе Божіе или дѣлать что-либо явно противорѣчащее почтенію къ Богу. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ они могли слышать слово Божіе только изъ устъ его одного, какъ истолкователя всѣхъ законовъ и словъ Божіихъ, потому что только одинъ Авраамъ могъ научить, кто былъ его Богомъ и какъ Его нужно почитать. Послѣ смерти Авраама подданные Исаака и Іакова на томъ же основаніи повиновались имъ безъ грѣха во всемъ, какъ долго они признавали своимъ Богомъ и царемъ Бога Авраама, потому что Богу они подчинились раньше, чѣмъ Аврааму, но Аврааму раньше, чѣмъ Богу Авраама и далѣе, раньше Богу Авраама, чѣмъ Исааку. Поэтому для подданныхъ Авраама единственнымъ видомъ оскорбленія Божественнаго величія было отрицаніе Бога, но для ихъ потомковъ оскорбленіемъ величія было также отрицаніе Бога Авраама, т. е. иное почитаніе Бога, чѣмъ это было установлено Авраамомъ, въ особенности чтить Его подъ видомъ сотворенныхъ ихъ руками изображеній [1]), какъэто дѣлали остальные народы, назы-

[1]) Смотри раздѣлъ XIV главы XV, гдѣ мы показали, что подобное почитаніе неразумно. Но если оно отправляется по приказанію государства, въ которомъ истинное слово Божіе не извѣстно и не принято, то, какъ мы показали въ раздѣлѣ XVIII главы XV, такое почитаніе разумно.

вавшіеся по этой причинѣ идолопоклонниками. До этого времени подданные могли достаточно легко знать изъ велѣній своихъ государей, что они должны были дѣлать и чего избѣгать.

VIII. Какъ мы уже указали въ началѣ, соглашеніе, заключенное на основаніи свидѣтельствъ Священнаго писанія, было возобновлено Быт. 26. 3, 4. съ Исаакомъ и Быт. 28. 14 — съ Іаковомъ, при чемъ Богъ называлъ себя не просто Богомъ, бытіе котораго подтверждаетъ природа, но отчетливо — Богомъ Авраама, Исаака и Іакова и, наконецъ, когда это же соглашеніе будетъ возобновлено при посредствѣ Моисея со всѣмъ народомъ Израильскимъ, Онъ скажетъ, Исх. 3. 6: Я — Богъ отца твоего, Богъ Авраама, Богъ Исаака и Богъ Іакова. Дальше, когда этотъ народъ остановился въ пустынѣ близъ горы Синай, не только не расположенный подчиняться человѣку, но, благодаря свѣжему воспоминанію о египетской неволѣ, настроенный самымъ враждебнымъ образомъ по отношенію къ подобному человѣву, всѣми было предложено возобновить это древнее соглашеніе: если вы теперь послушаетесь голоса Моего и будете соблюдать завѣтъ Мой (а именно соглашеніе съ Авраамомъ, Исаакомъ и Іаковомъ), то будете Моимъ удѣломъ изъ всѣхъ народовъ, ибо Моя вся земля; вы будете у Меня царствомъ священниковъ и народомъ святымъ. Исх. 19. 5, 6. И отвѣтилъ на это весь народъ: все, что сказалъ Господь, исполнимъ, Исх. 19. 8.

IX. Въ этомъ договорѣ нужно обратить вниманіе между прочимъ на названіе Царства, не встрѣчавшееся раньше. Хотя и естественно и въ силу соглашенія съ Авраамомъ, Богъ былъ царемъ его потомковъ и они были обязаны Ему естественнымъ повиновеніемъ и религіознымъ почитаніемъ въ такомъ видѣ, какъ установилъ его Авраамъ, какъ Его подданные и какъ подданные ихъ естественныхъ вождей, Авраама, Исаака и Іакова; сами же они не слыхали никакого Слова Божія, кромѣ этого естественнаго голоса праваго разума и

Впрочемъ тамъ, гдѣ Господь правитъ на основаніи соглашенія, въ которомъ ясно оговорено чтобы Его не чтили подобнымъ образомъ, какъ это было по соглашеніи съ Авраамомъ, будетъ ли это почитаніе производиться въ приказанію государства или безъ него, это будетъ нехорошо.

между ними и Богомъ не было заключено никакого соглашенія, развѣ постольку, поскольку ихъ воля заключалась въ волѣ Авраама, ихъ родоначальника. Но въ силу договора, заключеннаго на горѣ Синай съ согласія каждаго въ отдѣльности, было установлено по отношенію къ нимъ Царство Божіе. Съ этого времени и начинается это столь знаменитое въ Священномъ Писаніи и въ писаніяхъ богословъ Царство Божіе, и сюда относится то, что Господь сказалъ Самуилу, когда Израиль требовалъ себѣ царя: не тебя они отвергли, но отвергли Меня, чтобы Я не царствовалъ надъ ними, 1 Цар. 8. 7. и то, что Самуилъ сказалъ Израилю: вы сказали: нѣтъ, пускай царь царствуетъ надъ нами, тогда какъ Господь Богъ вашъ царь нашъ. 1 Цар. 12. 12. и что говоритъ Іеремія: Я заключу съ домомъ Израиля и съ домомъ Іуды новый завѣтъ. Іер. 31. 31. и даже ученіе Іуды Галилеянина, о которомъ упоминается у Іосифа Флавія Зап. Іуд. Кн. 18. гл. 2. въ слѣдующихъ словахъ: первымъ авторомъ ученія мудрости, слѣдующихъ четвертому пути, былъ Іуда Галилеянинъ. Эти ученія во всѣмъ остальномъ согласны съ ученіями фарисеевъ, кромѣ того, что его послѣдователи постоянно пылаютъ любовью къ свободѣ, вѣря, что нужно имѣть Господиномъ и Владыкой одного Бога и имъ легче перенести вмѣсти со своими родными и единомышленниками изысканнѣйшія наказанія, чѣмъ назвать господиномъ кого-либо изъ смертныхъ.

X. Установивъ такимъ образомъ право на царство на основаніи соглашенія, мы должны разсмотрѣть въ ближайшемъ, какіе законы установилъ въ немъ Богъ. Какъ всѣмъ, конечно, извѣстно, эти законы, десять заповѣдей и другіе, процессуальные и богослужебные, заключены въ писаніи отъ 20 главы Исхода до конца Пятикнижія и смерти Моисея. Среди законовъ, переданныхъ всѣмъ черезъ Моисея, одни обязываютъ естественнымъ образомъ, какъ исходящіе отъ Господа, какъ отъ Бога, почитаемаго въ силу природныхъ требованій; эти законы пріобрѣли силу еще раньше Авраама; другіе обязываютъ въ силу соглашенія, заключеннаго съ Авраамомъ, какъ данные Господомъ, поскольку Онъ является Богомъ Авраама; они имѣли силу до времени Моисея, благодаря этому раннему соглашенію; третьи обязываютъ только

на основаніи того соглашенія, которое было заключено со всѣмъ народомъ, какъ данные Богомъ въ качествѣ особаго царя Израиля. Къ первому роду законовъ относятся всѣ заповѣди скрижалей, касающіяся нравовъ, это — почитай родителей, не убій, не прелюбодѣйствуй, не укради. не лжесвидѣтельствуй, не завидуй, такъ все это — естественные законы; кромѣ того, сюда же относится и заповѣдь не пріемли имени Божьяго всуе, такъ какъ она является частью естественнаго богопочитанія, какъ это было показано въ раздѣлѣ XV предшествующей главы; точно также сюда относится и вторая, о непоклоненіи кумирамъ, сотвореннымъ собственными руками, и эта заповѣдь относится къ естественной религіи, какъ это было показано въ томъ же раздѣлѣ. Ко второму роду относится первая заповѣдь скрижалей о непочитаніи иныхъ боговъ; въ ней заключается сущность соглашенія съ Авраамомъ, въ силу котораго Богъ требуетъ признанія, что Онъ будетъ Богомъ Авраама и жены его, точно также сюда относится и заповѣдь о соблюденіи субботы. Почитаніе седьмого дня установлено въ память шести дней творенія, что слѣдуетъ изъ словъ: знаменіе между Мной и сыновями Израилевыми, на вѣки; ибо въ шесть дней сотворилъ Господь небо и землю, а въ день седьмой же почилъ. Исх. 31. 17. Къ третьему роду относятся законы государственнаго устройства, суда и богослуженія, касающіеся однихъ только іудеевъ. Законы перваго и второго рода, записанные на каменныхъ скрижаляхъ, десять заповѣдей, хранились въ самомъ ковчегѣ. Остальные, записанные въ книгу всего закона, были положены рядомъ съ ковчегомъ. Втор; 31. 26; ихъ можно было измѣнить, сохраняя вѣрность клятвѣ Авраамовой; законовъ первыхъ двухъ родовъ измѣнить было нельзя.

XI. Всѣ законы Бога суть Его слова, но не наоборотъ; не всякое слово Бога есть законъ. Я Господь Богъ твой, который вывелъ тебя изъ земли Египетской—слово Божіе, но не законъ. И не все, что объявляется словомъ Божіемъ, что записывается и возвѣщается вмѣстѣ съ нимъ, дѣлается тоже словомъ Божіимъ. Ибо «такъ говоритъ Господь» не есть голосъ Господа, но голосъ глашатая или пророка. Словомъ Божіимъ будетъ все то и только то, что истинный пророкъ провозгласитъ,

какъ сказанное Богомъ. Писанія же пророковъ, заключающія какъ то, что говоритъ Господь, такъ и то, что говорятъ пророки, называется словомъ Божіимъ потому, что оно тамъ содержится. Однако, такъ какъ словомъ Божіимъ будетъ все то и только то, что будетъ выдавать за таковое истинный пророкъ, нельзя узнать, что́ является словомъ Божіимъ, пока мы не узнаемъ, какой пророкъ истинный: нельзя вѣрить слову Божьему, пока мы не повѣримъ пророку. Израильскій народъ вѣрилъ Моисею ради двухъ обстоятельствъ: чудесъ и вѣры; какія бы великія и очевидныя чудеса не совершилъ онъ позже, они не повѣрили бы ему, не повѣрили бы необходимости исхода, если бы онъ въ Египтѣ призывалъ ихъ чтить иного Бога, а не Бога Авраама, Исаака и Іакова, отцовъ ихъ, потому что это противорѣчило бы соглашенію, заключенному ими съ Богомъ. Подобнымъ же образомъ Господь предложилъ всѣмъ Іудеямъ обращать вниманіе на эти два признака, а именно: на сверхъестественное предсказаніе будущаго, которое уже есть чудо и на вѣрность Богу Авраама, освободившему ихъ изъ Египта, какъ на знаки истиннаго пророка. Если же одного изъ этихъ признаковъ нѣтъ налицо, этотъ человѣкъ не истинный пророкъ и не нужно считать словомъ Божіимъ то, что онъ выдаетъ за таковое. Если ему недостаетъ вѣрности Богу, онъ отвергается слѣдующими словами: если возстанетъ среди тебя пророкъ или сновидецъ и представитъ тебѣ знаменіе или чудо, и сбудется то знаменіе или чудо и онъ скажетъ притомъ: пойдемъ вслѣдъ иныхъ боговъ, которыхъ ты не знаешь, то не слушай словъ пророка того или сновидца, ибо искушаетъ васъ Господь Богъ вашъ, дабы убѣдиться, любите ли вы Господа Бога вашего всѣмъ сердцемъ вашимъ и всею душою вашею. Господу Богу вашему, послѣдуйте и Его бойтесь, заповѣди Его соблюдайте, и голосъ Его слушайте, и Ему служите, и къ Нему прилѣпляйтесь. А пророка того или сновидца должно предать смерти. Втор. 13. 1, 2, 3, 4, 5. Если же ему недостаетъ предсказанія событій, о немъ говорятъ слѣдующія слова: если скажешь въ сердцѣ твоемъ: какъ узнаемъ слово, которое не Господь говорилъ? Если пророкъ скажетъ именемъ Господа, и не сбудется и не исполнится слово его, не Господь говорилъ его; но говорилъ пророкъ по дер-

зости своей. Втор. 18. 21, 22. Что было слово Божіе, объявлявшееся таковымъ истиннымъ пророкомъ, что у Іудеевъ были истинные пророки, вѣрившіе въ Бога, чьи предсказанія соотвѣтствовали событіямъ, это лежитъ уже внѣ спора. Но значеніе почитанія чужихъ боговъ и рѣшеніе вопроса, соотвѣтствуетъ ли предсказаніямъ событіе, которое выдается за соотвѣтствующее или нѣтъ, можетъ допускать большія разногласія, въ особенности по отношенію къ тѣмъ предсказаніямъ, которыя обозначаютъ событія темно и загадочно, а таковы предсказанія почти всѣхъ пророковъ, предвидѣвшихъ событія не лицомъ къ лицу, какъ Моисей, но гаданіемъ славу Господню видѣвшихъ. Чис. 12. 8. Объ этихъ предсказаніяхъ нельзя судить иначе, какъ на основаніи естественнаго разума, и это сужденіе зависитъ отъ истолкованія пророчества и соотвѣтствія его съ событіями.

XII. Въ качествѣ писаннаго слова Божія Іудеи имѣли книгу всего закона, называвшуюся Пятикнижіемъ. И до плѣненія, какъ это можно вывести изъ Священной Исторіи, она оставалась единственнымъ источникомъ слова Божьяго, ибо эта книга была передана Моисеемъ священникамъ, была положена и хранилась рядомъ съ ковчегомъ завѣта, описывалась царями, Втор. 3, 26, и, по истеченіи долгаго времени, какъ свидѣтельствуетъ царь Іосія, была признаваема словомъ Божіимъ. 4 Цар. 23. 3. Не ясно, когда были впервые включены въ канонъ другія книги ветхаго завѣта. Что же касается до пророковъ, Исаіи и остальныхъ, то ихъ писанія, на основаніи выше приведеннаго закона, Втор. 18. 21, 22, по которому Израильтянамъ приказывалось считать за пророковъ только тѣхъ, чьимъ предсказаніемъ соотвѣтствовали событія, не могли тотчасъ по написаніи считаться пророческими, потому что они предсказывали то, что случилось во время плѣненія или послѣ него. Отсюда часто бывало, что Іудеи за предсказаніе событій считали пророческими писаніями т. е. словомъ Божіимъ писанія тѣхъ, кого они убивали, когда тѣ начинали пророчествовать.

XIII. Послѣ того какъ мы узнали, каковы были ветхіе законы, установленные соглашеніемъ и каковы были божественныя слова, преподанныя въ началѣ Царства Божія, намъ нужно

разсмотрѣть чьи писанія послѣ явленія пророковъ должны быть принимаемы за слово Божіе, т. е. разсудить, соотвѣтствовали ли событія предсказаніямъ и кому принадлежала власть истолкованія уже принятыхъ законовъ и писаннаго слова Божія; это нужно прослѣдить въ соотвѣтствіи съ отдѣльными періодами и измѣненіями, происходившими въ израильскомъ государствѣ.

Очевидно, что при жизни Моисея вся эта власть принадлежала ему, ибо если бы онъ не былъ истолкователемъ законовъ и слова Божьяго, слѣдовало бы, что это право принадлежало бы или каждому въ отдѣльности, или собранію большинства, иначе синагогѣ, или первосвященнику, или пророкамъ. Что это бремя, во-первыхъ, меньше всего лежало на частныхъ лицахъ или на составленномъ изъ нихъ собраніи, ясно изъ того, что имъ не только не было позволено, но даже запрещено подъ страхомъ тягчайшихъ наказаній служить Богу иначе чѣмъ при посредствѣ Моисея. Ибо написано: священники и народъ да не порываются восходить къ Богу, дабы Господь не поразилъ ихъ. Моисей сошелъ къ народу и пересказалъ ему. Исх. 19. 24, 25. Далѣе, что ни отдѣльные люди, ни собраніе ихъ не должно было утверждать, что Господь говоритъ черезъ нихъ и что они, слѣдовательно, имѣютъ право толковать слово Божіе, было очевидно и ясно объявлено по случаю возстанія Корея, Даѳана, Авирона и 250 ихъ близкихъ, ибо во время возстанія они объявляли, что Господь говоритъ черезъ нихъ не меньше, чѣмъ черезъ Моисея: довольствуйтесь тѣмъ, что всѣ въ собраніи святы и что Господь посреди нихъ; почему возвышаетесь вы надъ собраніемъ Господнимъ. Чис. 16. 3; что Господь рѣшилъ объ этомъ спорѣ видно изъ того, что провалились Корей, Даѳанъ и Авиронъ въ преисподнюю и вышелъ огонь отъ Господа и пожралъ двѣсти пятьдесятъ человѣкъ Чис. 16. 33 и 35.

Что, во-вторыхъ, эта власть не принадлежала первосвященнику Аарону очевидно изъ схожаго спора его и его сестры Маріи съ Моисеемъ. Вопросъ былъ въ томъ, говоритъ ли Господь только черезъ Моисея или же и черезъ нихъ, т. е. одинъ ли Моисей или и они тоже являются истолкователями слова Божьяго. Они говорили: одному ли Моисею говорилъ Господь?

Чис. 12. 2. Господь же укорялъ ихъ и установилъ различіе между Моисеемъ и другими пророками, говоря: если бываетъ у васъ пророкъ Господень, то Я откроюсь ему въ видѣніи, говорю съ нимъ во снѣ, но не такъ съ рабомъ Моимъ Моисеемъ, онъ вѣренъ во всемъ дому Моемъ; устами къ устамъ говорю Я съ нимъ и онъ видитъ Господа наяву, а не въ гаданіяхъ; какъ вы не убоялись говорить противъ раба Моего Моисея. Чис. 12. 6, 7, 8. Наконецъ, что толкованіе слова Божія не принадлежало при жизни Моисея никакому другому пророку, слѣдуетъ изъ того, что мы уже привели о превосходствѣ его надъ всѣми другими пророками, на томъ естественномъ основаніи, по которому именно ему принадлежала власть передавать и объявлять велѣнія Господа: тогда не было иного слова Божія кромѣ возвѣщеннаго черезъ Моисея, а также потому, что въ это время не было никакихъ другихъ пророковъ говорившихъ къ народу, кромѣ 70 старцевъ, пророчествовавшихъ духомъ Моисея. Іисусъ Навинъ, тогда слуга, а послѣ преемникъ Моисея, считалъ даже и это происходящимъ не по праву, пока онъ не зналъ, что это происходитъ съ согласія Моисея; это очевидно изъ самаго текста Священнаго писанія: Господь снизошелъ въ облакѣ и говорилъ съ Моисеемъ; и взялъ отъ духа, бывшаго на немъ и далъ семидесяти мужамъ старѣйшинамъ. Чис. 11. 25. Послѣ этого, когда было объявлено, чтобы они пророчествовали, сказалъ Іисусъ Моисею: господинъ, запрети имъ. Моисей же отвѣтилъ ему: что ты ревнуешь ко мнѣ. Слѣдовательно, такъ какъ Моисей былъ единственнымъ глашатаемъ слова Божія и такъ какъ бремя толкованія лежало ни на частныхъ лицахъ, ни на синагогѣ, ни на первосвященникѣ, ни на другихъ пророкахъ, остается, что единственнымъ истолкователемъ слова Божія былъ Моисей, обладавшій также верховной властью въ гражданскихъ дѣлахъ. Споръ же Корея и остальныхъ заговорщиковъ съ Моисеемъ и Ааpономъ и Аарона съ сестрой противъ Моисея былъ возбужденъ не ради спасенія души, но ради удовлетворенія честолюбія и властвованія надъ народомъ.

XIV. Во времена Іисуса Навина истолкованіе закона Божія принадлежало Елеазару, первосвященнику и абсолютному царю подъ властью Господа. Это слѣдуетъ, во-первыхъ, изъ самаго

соглашенія, въ которомъ государство Израильское называлось первосвященническимъ царствомъ или, какъ говорится 1 Петр. 2, 9, царственнымъ священствомъ, чего не могло бы быть сказано, если не считать, что въ силу народнаго установленія и соглашенія царская власть принадлежала первосвященнику. Предыдущее этого не опровергаетъ, потому что не Ааронъ, а Моисей обладалъ царскою властью подъ властью Господа, и неизбѣжно, что тамъ, гдѣ одинъ человѣкъ устанавливаетъ форму будущаго государства, во время своей жизни (установитъ онъ монархію, аристократію или демократію) онъ одинъ удерживаетъ въ своихъ рукахъ установленное имъ государство и располагаетъ въ настоящемъ всею той властью, которая должна быть передана въ будущемъ другимъ. Что первосвященникъ Елеазаръ обладалъ не только первосвященничествомъ, но и верховной властью, явно выражено въ самомъ призваніи Іосіи къ управленію дѣлами, потому что написано такъ: возьми Іисуса, сына Навина, человѣка, въ которомъ есть духъ и возложи на него руку твою, и поставь его передъ Елеазаромъ священникомъ и собраніемъ всего народа и дай ему наставленіе передъ глазами ихъ; и дай ему отъ славы твоей, да послушаетъ его народъ Израильскій; и будетъ онъ обращаться къ Елезару священнику и спрашивать его о рѣшеніи передъ Господомъ; и онъ и всѣ сыновья Израильскіе съ нимъ и все собраніе пускай выходятъ и входятъ по слову Елеазара. Чис. 27. 18, 19, 20, 21, гдѣ спрашивать передъ Господомъ, т. е. толковать слово Божіе и повелѣвать всѣми отъ имени Господа относится къ Елеазару, а выходить и входить по слову его, т. е. повиноваться ему—къ Іисусу и всему народу. Нужно также отмѣтить, что это выраженіе: часть твоей славы, явно обозначаетъ, что Іисусъ не обладалъ властью равной власти Моисея. Кромѣ того, также очевидно, что во времена Іисуса верховная гражданская власть и власть толковать слово Божіе были обѣ сосредоточены въ одномъ лицѣ.

XV. Послѣ смерти Іисуса вплоть до царя Саула слѣдуютъ времена судей, въ теченіе которыхъ очевидно, что право царской власти, установленной Богомъ, оставалось у первосвященника. Слѣдовательно царство существовало въ силу первосвященническаго соглашенія, т. е. существовало царство

Божіе при посредствѣ первосвященника и оно должно было оставаться такимъ, пока его форма не была измѣнена самимъ народомъ съ согласія Господа, что произошло не раньше, чѣмъ Господь, внявъ ихъ просьбамъ, согласился дать народу царя и сказалъ Самуилу: послушай голоса народа во всемъ, что они говорятъ тебѣ, потому что не тебя они отвергли, но отвергли Меня, дабы Я не царствовалъ надъ ними. 1 Цар. 8. 7. Итакъ, согласно божественному установленію условленная гражданская по праву принадлежала первосвященнику. На дѣлѣ же эта власть принадлежала пророкамъ, которымъ (необыкновенно возбужденнымъ Богомъ) чтущіе пророчества Израильтяне (народъ жаждущій пророковъ) подчинялись ради суда и защиты. Основаніемъ этому подчиненію служило то, что хотя съ установленіемъ первосвященническаго Царства Божія и были установлены наказанія и судьи, разбиравшіе дѣла, однако право налагать наказанія зависѣло отъ частнаго усмотрѣнія. И разрозненной толпѣ и частнымъ лицамъ принадлежало право наказывать или не наказывать, въ зависимости отъ ихъ частныхъ интересовъ. Поэтому и Моисей никого не предалъ смерти своей властью, но когда нужно было кого-нибудь, одного или многихъ, казнить, онъ возбуждалъ противъ него или противъ нихъ толпу, пользуясь божественной властью, говоря: такъ говоритъ Господь. И это соотвѣтствовало природѣ особеннаго Царства Божія, потому что тамъ, гдѣ дѣйствительно царитъ Господь, закону повинуются изъ-за страха не передъ людьми, но передъ Богомъ, и если бы люди дѣйствительно были бы такими, какими они должны быть, это былъ бы наилучшій видъ государства. Но для управленія людьми, какіе они есть на дѣлѣ, необходима власть принужденія (подъ которой я понимаю и право и силу). И поэтому уже въ началѣ Господь предписалъ черезъ Моисея законы будущимъ царямъ. Втор. 17. 18, и Моисей въ своихъ послѣднихъ словахъ народу предсказалъ: я знаю, что по смерти моей вы развратитесь и уклонитесь отъ пути, который я завѣщалъ вамъ. Втор. 31. 29. Когда же, въ соотвѣтствіи съ этимъ предсказаніемъ возросло другое поколѣніе, которое не знало ни Господа, ни дѣлъ, которыя Онъ сотворилъ ради Израиля. И сыновья Израиля творили злое предъ очами Господа и служили Ваалам. Суд. 2. 10, 11,

т. е. отрицали правленіе Бога, иначе говоря первосвященника, черезъ котораго правитъ Господь и когда они были побѣждены врагами и попали въ рабство, они ожидали объявленія Божьей воли уже не отъ первосвященника, а отъ пророковъ. Слѣдовательно пророки на дѣлѣ судили Израиль, по праву же они должны были повиноваться первосвященнику. Слѣдовательно хотя послѣ смерти Моисея и Іисуса первосвященническое царство было лишено силъ, оно не было лишено правъ. Что тому же первосвященнику принадлежало истолкованіе слова Божія очевидно изъ того, что послѣ освященія престола и ковчега завѣта Господь не говорилъ больше съ горы Синай, но только въ престолѣ завѣта съ возвышенія между херувимами въ святая святыхъ, куда никому, кромѣ первосвященника, нельзя было входить. Слѣдовательно если мы обратимъ вниманіе на право царства, мы увидимъ, что и верховная гражданская власть и власть истолковывать слово Божіе принадлежала одновременно первосвященнику, но если обратить вниманіе на дѣйствительность, то мы увидимъ, что обѣ онѣ принадлежали пророкамъ, судившимъ евреевъ, ибо, какъ судьи, они обладали гражданской властью, какъ пророки—толкованіемъ слова Божія; и такъ продолжалось все время, пока обѣ эти власти были нераздѣльны.

XVI. Несомнѣнно, что послѣ избранія царей гражданская власть стала принадлежать имъ, такъ какъ царствованіе Божіе при посредствѣ первосвященника прекратилось по просьбѣ израильтянъ и съ согласія Господа, что отмѣчаетъ также и бл. Іеронимъ, разсуждая о книгахъ Самуила: Самуилъ доказываетъ, что со смертью Илія и убійствомъ Саула старый законъ уничтоженъ. Далѣе, (и на Садокѣ и на Давидѣ засвидѣтельствовано таинство новаго первосвященства и новой власти) право, согласно которому управляли цари, было основано на согласіи самого народа. Первосвященникъ могъ по праву совершить только то, что приказывалъ Господь, а царь располагалъ тѣмъ правомъ, которое каждый имѣлъ надъ самимъ собой, потому что израильтяне уступили ему право судить всѣхъ и за всѣхъ объявлять войну, а въ этихъ двухъ положеніяхъ содержится все право, которое только человѣкъ можетъ перенести на человѣка; будетъ судить насъ, пойдетъ

впереди насъ и вести войны наши. 1 Цар. 8. 20. Слѣдовательно судъ принадлежалъ царямъ. Судить же значитъ ничто иное, какъ путемъ толкованія прилагать законы къ поступкамъ; слѣдовательно царямъ принадлежало и толкованіе законовъ, а такъ какъ до плѣненія кромѣ закона Моисеева не было извѣстно никакого иного писаннаго слова Божія, то значитъ царямъ принадлежала также власть истолковывать слово Божіе. И далѣе, такъ какъ слово Божіе должно было считаться закономъ, то хотя бы и было иное писанное слово Божіе, кромѣ закона Моисеева, и его истолкованіе должно было бы принадлежать имъ же, такъ какъ толкованіе законовъ принадлежало царямъ. Когда было снова найдено затерянное долго Пятикнижіе (въ которомъ содержался законъ Моисеевъ), священники вопрошали Господа объ этой книгѣ, но не по собственной власти, а по приказанію Іосіи и не непосредственно, а черезъ Олдаму пророчицу. Отсюда слѣдуетъ, что власть признавать книги за слово Божіе не принадлежала священникамъ. Однако не слѣдуетъ, что эта власть принадлежала пророчицѣ, потому что объ истинности пророковъ судили не они сами, а другіе. Къ чему же дѣйствительно Господь установилъ передъ всѣмъ народомъ отличительные признаки, на основаніи которыхъ народъ могъ отличать истинныхъ пророковъ отъ ложныхъ, а именно предсказаніе событій и согласіе съ установленной Моисеемъ религіей, если бы народу не позволялось обращаться къ этимъ признакамъ? Слѣдовательно власть признавать книги за слово Божіе принадлежала царямъ и потому найденная книга закона была одобрена и признана властью царя Іосіи, какъ слѣдуетъ изъ 4 Цар. 23. 1, 2, 3, гдѣ разсказывается, что онъ созвалъ чины царства: старцевъ, священниковъ, пророковъ и весь народъ и передъ ними прочелъ книгу и возобновилъ слова этого договора, т. е. сдѣлалъ такъ, что этотъ договоръ былъ признанъ договоромъ Моисея, т. е. словомъ Божіимъ и снова принятъ и подтвержденъ Израильтянами. Слѣдовательно во времена царей вся гражданская власть, и власть отличать слово Божіе отъ людскихъ словъ, и власть, истолковывать слово Божіе принадлежала имъ. Пророки обладали не властью, но правомъ провозвѣстниковъ или предсказателей, причемъ

слушатели судили и наказывали учителей, очевидно не вслушиваясь въ ихъ слова, изъ чего ясно, что цари не были обязаны слѣдовать всему, что они говорили и совершали именемъ Бога. И хотя Іосія, добрый царь іудейскій и былъ убитъ за то, что онъ не послушался велѣнія Божьяго изъ устъ Нехао, царя египетскаго, т. е. за то, что онъ отвергъ добрый совѣтъ, исходившій, какъ ему показалось, отъ врага, однако никто не скажетъ, что Іосія на основаніи какихъ-нибудь божественныхъ или человѣческихъ законовъ былъ обязанъ повѣрить фараону Нехао, царю египетскому, что его устами говоритъ Богъ, что бы тотъ ни говорилъ. Если же кто-нибудь возразитъ, что благодаря недостатку знаній цари рѣдко бывали способны истолковывать старинныя книги, въ которыхъ содержалось слово Божіе и что несправедливо, чтобы оно зависѣло отъ ихъ власти, онъ могъ бы возражать то же самое и противъ первосвященниковъ и всѣхъ остальныхъ смертныхъ, потому что и они могутъ заблуждаться; если же кажется, что первосвященники по природѣ и благодаря обученію образованы лучше другихъ людей, то вѣдь и цари достаточно пригодны на то, чтобы поставить вмѣсто себя такихъ истолкователей. И хотя такимъ образомъ сами цари и не толкуютъ слово Божіе, однако толкованіе зависитъ отъ ихъ власти и кто лишаетъ царей этой власти потому, что они не могутъ произвести самой работы, поступаетъ такъ же, какъ если бы онъ сталъ утверждать, что власть преподавать геометрію не должна зависѣть отъ царей, если только они сами не геометры. Мы читаемъ, что цари молились за народъ, благословляли его, освящали храмы, назначали первосвященниковъ, удаляли ихъ съ этой должности и поставляли другихъ. Они не получили только права совершать богослуженіе, потому что оно было наслѣдствомъ Аарона и сыновей его. Слѣдовательно очевидно, что какъ при жизни, такъ и все время отъ воцаренія Саула до вавилонскаго плѣненія первосвященничество было не властью, а служеніемъ.

XVII. Послѣ возвращенія изъ вавилонскаго рабства, возобновленія и подписанія договора было возстановлено то же первосвященническое царство, которое существовало отъ смерти Іисуса до начала власти царей; вѣдь не сказано точно,

что іуден передали право власти Ездрѣ (по указаніямъ котораго возвратившіеся іуден устроили свое царство) или кому нибудь другому, кромѣ самого Господа. Кажется, что это преобразованіе было ничѣмъ какъ обѣтами и голыми обѣщаніями отдѣльныхъ людей соблюдать то, что было написано въ книгѣ закона. Однако же (не благодаря намѣренію народа) въ силу того соглашенія, которое они тогда возобновили (потому что это было то же соглашеніе, что и при горѣ Синаѣ), это государство было первосвященническимъ царствомъ, т. е. гражданская и духовная верховная власть была объединена въ рукахъ первосвященника. Впослѣдствіе же, благодаря честолюбію споривших о первосвященствѣ и нашествію чужеземныхъ государей, она была, вплоть до времени Спасителя Нашего Іисуса Христа, настолько ослаблена, что изъ исторіи того времени нельзя узнать, у кого находилась эта власть, однако ясно, что въ это время власть толковать слово Божіе не была отдѣлена отъ верховной гражданской власти.

XVIII. Изъ этого легко узнать, что̀ Іуден должны были дѣлать въ согласіи съ велѣніями своихъ государей въ теченіе всего этого времени отъ Авраама до Христа. Подобно тому какъ во всецѣло человѣческихъ царствахъ подчиненной власти должно повиноваться во всемъ, что не содержитъ оскорбленія величества, такъ и въ Божіемъ Царствѣ Аврааму, Исааку, Іакову, Моисею, первосвященнику, царю, каждому въ его время, нужно было повиноваться во всемъ, если только его велѣнія не являлись оскорбленіемъ божественнаго величія. Оскорбленіемъ же божественнаго величія являлось, во-первыхъ, отрицаніе божественнаго провидѣнія, потому что это значило отрицать, что Господь является царемъ по природѣ; далѣе идолопоклонничество, т. е. почитаніе боговъ, не другихъ (потому что Богъ—одинъ), но чужихъ, т. е. почитаніе хотя и того же Бога, но подъ иными именами, съ иными свойствами и иными обрядами, чѣмъ это было установлено Авраамомъ и Моисеемъ, потому что это значило бы отрицать, что Богъ Авраама является ихъ царемъ въ силу соглашенія заключеннаго съ Авраамомъ и съ ними самими. Въ остальныхъ вопросахъ имъ нужно было повиноваться во всемъ и если бы даже царь или первосвященникъ, обладавшій верховной властью, приказалъ бы что-нибудь противозаконное, грѣхъ падалъ бы на верховнаго властителя, а не на подданнаго, обязанность котораго не оспаривать, а исполнять велѣнія власти.

ГЛАВА XVII.

О новозавѣтномъ Царствѣ Божіемъ.

I. Въ Ветхомъ Завѣтѣ существуетъ много ясныхъ пророчествъ отчасти о царскомъ достоинствѣ, отчасти о мученіяхъ и страстяхъ Іисуса Христа, Нашего Спасителя, который долженъ былъ возстановить Царство Божіе путемъ новаго соглашенія. О царскомъ достоинствѣ, среди другихъ, отмѣчу слѣдующія: благословляя Авраама, Господь обѣщалъ ему сына Исаака и прибавилъ: цари народовъ произойдутъ отъ нея (Сарры). Быт. 17.16; Іаковъ, благословляя сына своего Іуду, сказалъ: не отойдетъ скипетръ отъ Іуды. Быт. 49.10; Господь сказалъ Моисею: Я воздвигну имъ пророка изъ среды братьевъ ихъ подобнаго тебѣ и вложу слова Мои въ уста его и онъ будетъ говорить имъ все, что Я прикажу ему, а кто нибудь не послушаетъ того, что скажетъ этотъ пророкъ во имя Мое, съ того Я взыщу. Втор. 18.18,19. Исаія говоритъ: дастъ вамъ знакъ: дѣва во чревѣ пріиметъ, и родитъ сына и нарекутъ ему имя Эммануилъ. Ис. 7.14; онъ же: родится младенецъ, сынъ данъ намъ; владычество на раменахъ его и назовутъ его чудный, совѣтникъ, Богъ крѣпкій, властелинъ, отецъ вѣчности, князь мира. Ис. 9.5; далѣе: возрастетъ отпрыскъ отъ корня Іессеева и вѣтвь прорастетъ отъ корня его; и духъ Господа почіетъ на немъ, духъ премудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія; исполнится страха Божія; и онъ не будетъ судить по видѣнію, ни осуждать за слова; но будетъ праведно судить смиренныхъ и праведностью обличитъ смиренныхъ земли; онъ поразитъ землю словомъ устъ своихъ и духомъ устъ своихъ убьетъ нечестиваго. Ис. 11. 1, 2, 3, 4. Кромѣ того 51, 52, 53, 54, 56, 60, 61, 62 главы того же Исаіи не содержатъ почти ничего другого кромѣ описанія пришествія и будущихъ дѣяній Христа. Іеремія говоритъ: вотъ наступаютъ дни, говоритъ Господь, Я заключу новый завѣтъ Іер. 31.31; Варухъ: это—Богъ Нашъ и т. д. Вар. 3.36; послѣ того Онъ явился на землю и обращался между людьми. Вар. 3.38,: Іезекіиль: — поставлю надъ ними пастыря, который будетъ пасти ихъ. И Я, Господь, буду ихъ Богомъ и мой рабъ Давидъ будетъ княземъ среди нихъ, Іез. 34, 23, 24; Данінлъ:—я видѣлъ ночью во снѣ, что Сынъ Человѣческій шелъ по облакамъ и дошелъ до Ветхаго днями и подведенъ былъ къ Нему; и дана Ему власть, и слава, и царство, чтобы всѣ народы, племена и языки, служили Ему, Его господство будетъ господствомъ вѣчнымъ. Дан. 7.13,14; Аггей:— вскорѣ Я потрясу еще разъ небо и землю, море и сушу; и потрясу всѣ народы и придетъ желаемый всѣми народами. Агг. 2, 6, 7; Захарія при видѣніи Іисуса первосвященника: я привожу раба моего: Отрасль. Зах. 3.8, и далѣе: вотъ мужъ по имени Отрасль, Зах. 6.12, и далѣе; ликуй отъ радости дочь Сіона, торжествуй, дочь Іерусалима; вотъ прійдетъ твой Царь, праведный и спасающій. Зах. 9.9. Іудеи, возбужденные этими и другими предсказаніями, ожидали Христа, царя ниспосланнаго Богомъ, который искупитъ ихъ и будетъ повелѣвать всѣми народами. Даже по отношенію ко всей римской имперіи было высказано пророчество, (которое императоръ Веспасіанъ даже истолковывалъ ошибочно въ пользу своихъ преемниковъ): изъ Іудеи прійдетъ тотъ, кто овладѣетъ міромъ.

II. Предсказанія о смиреніи и страстяхъ Христа между прочимъ слѣдующія: Онъ взялъ на себя наши немощи и понесъ наши болѣзни, а мы думали, что Онъ былъ поражаемъ, наказуемъ и уничиженъ, Ис. 53. 4, и еще: Онъ истязуемъ былъ, но страдалъ добровольно и не открывалъ устъ Своихъ; его ведутъ на закланіе какъ агнца и Онъ безгласенъ, какъ овца, передъ стригущимъ его и не раскрываетъ устъ Своихъ, Ис .53. 7, и далѣе: онъ отторгнутъ отъ земли живыхъ и казнь его—за грѣхи Моего народа, Ис. 53, 8, и потому Я дамъ Ему часть между великими и онъ раздѣлитъ награду съ могущественными, потому что онъ предалъ свою душу на смерть, потому что его считали злодѣемъ, потому что онъ несъ грѣхи

многихъ и вступался за грѣшниковъ. Ис. 53. 12; также Захарія: твой царь идетъ къ тебѣ, праведный и спасающій, кроткій, сидящій на ослицѣ, и на жеребенкѣ ослицы. Зах. 9.9.

III. Въ царствованіе Цезаря Тиберія началъ пророчествовать Спаситель Нашъ, Іисусъ Галилеянинъ, сынъ (какъ думали) Іосифа; Онъ возвѣщалъ народу Іудейскому, что ожидаемое имъ царство Божіе приблизилось, что Онъ—царь, т. е. тотъ жданный Христосъ, толковалъ законы, избралъ двѣнадцать апостоловъ соотвѣтственно числу вождей колѣнъ Израиля и 70 старцевъ (на подобіе Моисея) для служенія, училъ Самъ и черезъ нихъ пути къ спасенію, совершалъ замѣчательныя знаменія и исполнялъ все, что предсказали пророки о грядущемъ Христѣ. Евангелисты показываютъ и всѣ христіане вѣрятъ, что затѣмъ Его возненавидѣли фарисеи (ложное ученіе и показную святость которыхъ Онъ осыпалъ упреками) и, благодаря имъ, народъ, что Его обвинили въ стремленіи къ царской власти и распяли на крестѣ; описаніе его генеалогіи, рожденія, жизни, ученія, смерти и воскресенія и сравненіе совершеннаго Имъ съ предсказаніями показываетъ, что Онъ былъ истинный Христосъ и царь, обѣщанный Богомъ, ниспосланный Богомъ Отцомъ для возобновленія соглашенія между Богомъ и людьми.

IV. Изъ того, что Христосъ былъ посланъ Богомъ Отцомъ для заключенія союза между Нимъ и людьми, очевидно, что хотя Христосъ и былъ равенъ Своему Отцу по природѣ, однако Онъ обладалъ меньшими правами царствованія и потому Его ниспосланіе было не Царствомъ въ собственномъ смыслѣ слова, но его замѣной, какъ ею было и правленіе Моисея, потому что Царство было не Его, но Отца, что отмѣтилъ и Самъ Христосъ, крестившійся какъ подданный, и признавшій это, когда Онъ училъ молиться: Отче Нашъ, да пріидетъ Царствіе Твое, и когда Онъ сказалъ: не буду пить отъ плода винограднаго, до того дня, когда я буду пить съ вами новое вино въ царствіи Отца Моего, Мѳ. 26. 29, и когда ап. Павелъ сказалъ: какъ въ Адамѣ всѣ умираютъ, такъ во Христѣ всѣ оживутъ, каждый въ своемъ порядкѣ: первенецъ Христосъ, потомъ Христовы, въ пришествіе Его. А затѣмъ конецъ, когда Онъ предастъ царство Богу и Отцу. 1 Кор. 15. 22, 23, 24. Однако

оно и не называется царствомъ Христа, потому что мать сыновей Зеведеевыхъ просила Его: повели моимъ сыновьямъ сидѣть одному справа, а другому слѣва отъ Тебя во царствіи Твоемъ, Мѳ. 20. 21, и разбойникъ просилъ Его на крестѣ: помяни меня, Господи, когда пріидешь во Царствіе Твое. Лук. 23, 42, и ап. Павелъ говоритъ: ибо вы знайте, что никакой блудникъ, нечестивецъ или любостяжатель, который есть идолослужитель, не имѣетъ наслѣдія въ царствѣ Христа и Бога, Эф. 5. 5, а также въ другомъ мѣстѣ: заклинаю тебя передъ Богомъ и Господомъ нашимъ Іисусомъ Христомъ, который будетъ судить живыхъ и мертвыхъ, въ явленіе Его и Царствіе Его, 2 Тим. 4. 1, и Господь избавитъ меня отъ всякаго злого дѣла и сохранитъ для Своего небеснаго царства, 2 Тим. 4. 18, и не нужно удивляться, что это Царство принадлежитъ какъ Одному, такъ и Другому; Отецъ и Сынъ—одинъ и тотъ же Богъ и новое соглашеніе о Царствѣ Божіемъ заключено не во имя Отца, но во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, какъ единаго Бога.

V. Но Царство Божіе, для возстановленія котораго Христосъ былъ посланъ Богомъ Отцомъ, начнется не раньше, чѣмъ со второго Его пришествія, а именно со дня суда, когда Онъ пріидетъ во славѣ своей окруженный ангелами, потому что апостоламъ обѣщано, что въ Царствіи Божіимъ они будутъ судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ; когда Сынъ Человѣческій, по воскресеніи, возсядетъ на престолѣ славы Своей, вы также возсядете на двѣнадцати престолахъ, судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ, Мѳ. 19. 28, что можетъ произойти только въ день суда; слѣдовательно Христосъ еще не приходилъ въ силѣ Своей. И время, въ которое Христосъ долженъ прійти на землю нужно называть не Царствомъ, но возрожденіемъ т. е. обновленіемъ или возстановленіемъ Царства Божія и призваніемъ тѣхъ, кто будетъ допущенъ въ будущее царство. И гдѣ говорится: когда пріидетъ Сынъ Человѣческій во славѣ Своей и всѣ святые ангелы съ Нимъ, тогда сядетъ на престолѣ славы Своей, и соберутся передъ Нимъ всѣ народы; и отдѣлитъ однихъ отъ другихъ, какъ пастырь отдѣляетъ овецъ отъ козловъ, Мѳ. 25. 31, 32, съ очевидностью слѣдуетъ, что не будетъ никакого отдѣленія по мѣсту между подданными Бога и ихъ

врагами, но что они будутъ жить вмѣстѣ до грядущаго пришествія Христа, что подтверждается также сравненіемъ небеснаго царства съ пшеницей, къ которой примѣшаны плевелы и съ неводомъ, содержащимъ всѣ породы рыбъ. А толпу подданныхъ и враговъ, живущихъ вмѣстѣ и смѣшанныхъ между собой нельзя назвать царствомъ въ собственномъ значеніи слова. Кромѣ того, вопросъ апостоловъ, спрашивавшихъ Нашего Спасителя, готоваго вознестись на небо, будетъ ли возстановлено царство израильское, ясно показываетъ, что во время вознесенія Христова они не вѣрили, что Его царство уже наступило. Далѣе слова Христа: царство Мое не отъ міра сего; не буду пить отъ плода винограднаго до того дня, когда буду пить съ вами новое вино въ Царствіи Отца Моего; Господь послалъ Сына Своего въ этотъ міръ не для суда, но чтобы міръ спасся черезъ Него; если кто не послушаетъ словъ Моихъ и не убережется, Я не буду судить его; Я пришелъ не судить міръ, но спасти его; люди, кто поставилъ Меня судьей надъ вами и наконецъ самое названіе небеснаго царства свидѣтельствуетъ о томъ же. То же слѣдуетъ и изъ словъ пророка Іереміи, говорящаго о Царствѣ Божіемъ Новаго Завѣта: и уже не будутъ учить другъ — друга, братъ — брата, и говорить: познайте Господа, потому что, говоритъ Господь, они будутъ знать Меня всѣ, начиная съ самого маленькаго и кончая самымъ большимъ. Іер. 31. 34, что нельзя признать относящимся къ царству этого міра. Слѣдовательно то Царство Божіе, ради установленія котораго Христосъ сошелъ въ этотъ міръ, о которомъ провозвѣстили пророки, о которомъ мы молимся словами: да пріидетъ царствіе Твое (чтобы подданные были отдѣлены по мѣсту отъ враговъ, чтобы судъ и величіе были такими, какъ это предсказано), начнется съ того времени, когда Господь отдѣлитъ овецъ отъ козлищъ, когда апостолы будутъ судить двѣнадцать колѣнъ Израилевыхъ, когда Христосъ пріидетъ въ величіи и славѣ, когда наконецъ всѣ познаютъ Бога, такъ что Его не нужно будетъ болѣе проповѣдовать, т. е. во второе пришествіе Христа или въ день послѣдняго суда. Если бы Царство Божіе уже было бы возстановлено, нельзя было бы привести никакихъ основаній зачѣмъ бы Христу приходить снова, по совершеніи дѣла, ради котораго Онъ былъ посланъ или зачѣмъ намъ молиться: да пріидетъ Царствіе Твое.

VI. Хотя царство Божіе, которое Христосъ долженъ былъ установить путемъ всеобщаго союза, является небеснымъ, не нужно вслѣдствіе этого думать, что вѣрующіе въ Христа и вступающіе въ это соглашеніе будутъ царствовать на землѣ, какъ если бы они сохранили вѣрность и повиновеніе, обѣщанное ими при заключеніи соглашенія. Царство небесное и отеческія обѣщанія были бы излишними, если бы насъ не нужно было вести въ это царство. Вести же можетъ только тотъ, кто управляетъ на пути. Моисей, установившій первосвященническую власть, самъ правилъ народомъ и велъ его все время блужданій въ пустынѣ вплоть до вступленія въ землю обѣтованную, хотя онъ и не былъ первосвященникомъ. На этомъ основаніи и Нашему Спасителю (который въ этомъ отношеніи является, по волѣ Божіей, подобнымъ Моисею), какъ посланному Отцомъ и этой жизни принадлежитъ управленіе будущими гражданами небеснаго царства такимъ образомъ, чтобы они могли войти въ него, хотя бы это Царство было и не Его собственнымъ, но Отца. Но власть, съ помощью которой Христосъ управляетъ вѣрными Ему въ этой жизни, собственно не царская и не верховная власть, но пастырское бремя или право поученія, т. е. Господь Отецъ не далъ Ему власти судить о твоемъ и моемъ наравнѣ съ земными царями, ни власти принуждать страхомъ наказанія, ни власть устанавливать законы, но лишь власть указывать міру и учить его путямъ спасенія, т. е. власть проповѣдывать и объяснять, что нужно дѣлать тѣмъ, кому надлежитъ войти въ царствіе небесное. А что Христу не дано Отцомъ власти судить въ вопросахъ о моемъ и твоемъ, т. е. во всѣхъ вопросахъ права среди невѣрующихъ, достаточно ясно показываютъ приведенныя выше слова Христа: люди, кто Меня поставилъ судьей надъ вами? То же подтверждаетъ и разумъ: такъ какъ Христосъ дѣйствительно былъ посланъ для заключенія союза между Богомъ и людьми, а никто не обязывается повиноваться до заключенія имъ соглашенія, то слѣдуетъ, что никто не былъ бы обязанъ повиноваться Его рѣшеніямъ, если бы Онъ судилъ о правѣ. А что Христу не было поручено уста-

новленіе права въ этомъ мірѣ, ни между вѣрными, ни между невѣрными слѣдуетъ изъ того, что это право безспорно принадлежитъ государямъ, пока они не лишены Богомъ ихъ власти, но этой власти они лишаются не раньше дня суда, какъ слѣдуетъ изъ словъ ап. Павла, говорящаго объ этомъ днѣ: послѣ этого настанетъ конецъ, когда Онъ передастъ царство Богу и Отцу и уничтожитъ всякую власть, всякое господство и могущество. 1 Кор. 15. 24. Во-вторыхъ, то же говорятъ слова Нашего Спасителя, упрекавшаго Іакова и Іоанна, когда они говорили: хочешь, скажи чтобы огонь сошелъ съ неба и истребилъ ихъ (самаритянъ, не хотѣвшихъ оказать гостепріимства Господу на пути въ Іерусалимъ) и говорившаго: Сынъ Человѣческій пришелъ не губить души, но спасать ихъ, и слѣдующія Его слова: вотъ посылаю васъ какъ овецъ среди волковъ. Отряхните прахъ отъ ногъ вашихъ, и подобныя имъ, а также слова: Господь послалъ Сына Своего въ этотъ міръ не судить его, но чтобы міръ спасся черезъ Него и если кто не послушаетъ словъ Моихъ и не убережется, Я не буду судить его, Я пришелъ не судить міръ, но спасти его, показываютъ, что Ему не была дана власть осуждать и наказывать кого бы то ни было. Однако читается: Отецъ не судитъ никого, но весь судъ переданъ Сыну, но такъ какъ это можетъ и должно пониматься какъ относящееся къ будущему суду, то оно не опровергаетъ предыдущаго. Наконецъ, что Онъ не былъ посланъ для установленія новыхъ законовъ и слѣдовательно не былъ по цѣлямъ и по задачамъ законодателемъ, какъ не былъ имъ и Моисей, но лишь носителемъ и возвѣстителемъ законовъ Отца (Ибо Господь, а не Моисей и не Христосъ былъ Царемъ въ силу соглашенія) слѣдуетъ изъ Его словъ: я пришелъ не замѣнить (законы, данные ранѣе Богомъ черезъ Моисея, которые мы сейчасъ толкуемъ), но восполнить и: кто замѣнитъ малѣйшее изъ этихъ повелѣній и научитъ этому другихъ, тотъ малѣйшимъ назовется въ Царствіи Божіемъ. Слѣдовательно Христу была дана надъ міромъ власть не царская и не императорская, но только увѣщевательная и учительская, что Онъ Самъ отмѣтилъ, назвавъ апостоловъ не охотниками, но рыбаками людей и сравнивая Царство Божіе съ горчичнымъ зерномъ и съ зародышемъ, скрытымъ въ зернѣ.

VII. Господь обѣщалъ, во-первыхъ, Аврааму—многочисленное потомство, обладаніе землей Ханаанской и благословленіе народовъ въ сѣмени его, съ тѣмъ, чтобы и самъ Авраамъ и потомство его служили бы Господу; далѣе Онъ обѣщалъ потомству Авраама царство священническое, свободнѣйшее правленіе, при которомъ они не подчинялись бы никакой земной власти съ тѣмъ, чтобы они служили Богу Авраама съ обрядами, которымъ ихъ научилъ Моисей; далѣе имъ и всѣмъ народамъ Онъ обѣщалъ царство небесное и вѣчное съ тѣмъ условіемъ, чтобы они служили Богу Авраама тѣми обрядами, которымъ ихъ научилъ Христосъ. Въ новомъ т. е. христіанскомъ соглашеніи люди обѣщаютъ, служить Богу Авраама такъ, какъ научилъ Христосъ, а Богъ обѣщаетъ отпустить имъ грѣхи и ввести въ царство небесное. Мы сказали выше, въ раздѣлѣ пятомъ, о томъ, какимъ будетъ царство небесное; его обычно называютъ то царствомъ небеснымъ, то царствомъ славы, то царствомъ жизни вѣчной. Обѣщаніе людей служить Богу содержитъ два требованія: повиновеніе Богу (которое и есть служеніе) и вѣра въ Іисуса, т. е. вѣра, что Іисусъ и есть Спаситель, обѣщанный Богомъ. Это единственное основаніе, по которому Его ученію нужно слѣдовать скорѣй, чѣмъ всякому другому. Вмѣсто повиновенія въ Священномъ Писаніи очень часто упоминается раскаяніе, потому что Христосъ вездѣ учитъ, что Богъ считаетъ намѣреніе за дѣйствіе, раскаяніе же есть вѣрный признакъ повинующейся души. Понявъ это, мы совершенно ясно увидимъ изъ различныхъ мѣстъ Священнаго Писанія, что условіями христіанскаго договора являются именно тѣ, о которыхъ мы уже сказали, т. е. со стороны Бога дарованіе людямъ отпущенія грѣховъ и вѣчной жизни, со стороны людей—раскаяніе и вѣра въ Іисуса Христа. Первое изъ этихъ мѣстъ: приблизилось царство Божіе. Покайтесь, и вѣруйте въ Евангеліе, Мар. 1. 15, содержитъ все соглашеніе. Подобнымъ же образомъ и это: такъ написано, и такъ надлежало пострадать Христу и воскреснуть изъ мертвыхъ въ третій день; и во Его имя быть проповѣдану покаянію и прощеніе грѣховъ во всѣхъ народахъ, начиная съ Іерусалима, Лук. 24. 46, 47; и это: покайтесь и обратитесь, чтобы загладились грѣхи ваши, Дѣян. 3. 19; иногда же

часть этого соглашенія излагается ясно, часть подразумѣвается, какъ напримѣръ здѣсь: вѣрующій въ Сына получитъ жизнь вѣчную, но невѣрующій въ Сына не увидитъ жизни, но гнѣвъ Божій пребываетъ на немъ, Іоан. 3. 36, гдѣ упоминается о вѣрѣ и умалчивается о раскаяніи; и въ предсказаніи Христа: покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное, Мѳ. 4. 17, гдѣ упоминается о раскаяніи, а вѣра подразумѣвается. Но части новаго договора самымъ яснымъ и точнымъ образомъ изложены въ томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкій богачъ, желающій царствія Божія, спрашиваетъ у Нашего Спасителя: учитель благой! что долженъ я сдѣлать, чтобы получить жизнь вѣчную? Лук. 18. 18. Христосъ указываетъ сначала лишь одну часть платы, соблюденіе заповѣдей или повиновеніе, и когда тотъ отвѣчаетъ, что онъ ее исполнилъ, прибавляетъ другую, говоря: не достаетъ еще одного: продай все имѣніе твое и раздай нищимъ, и будешь имѣть сокровище на небесахъ; и приходи, слѣдуй за Мною, Лук. 18. 22; она состоитъ въ вѣрѣ. Итакъ тотъ ушелъ опечаленный, недостаточно вѣря въ Христа и небесныя сокровища. Это же соглашеніе содержится въ слѣдующихъ словахъ: кто будетъ вѣровать и крестится, спасенъ будетъ, а кто не будетъ вѣровать, осужденъ будетъ, Мар. 16. 16, гдѣ вѣра указана, а раскаяніе подразумѣвается у крестящагося; и въ слѣдующихъ: кто не родится отъ воды и Духа, не можетъ войти въ Царствіе Божіе, Іоан. 3. 5, гдѣ возрожденіе водою значитъ то же, что и возрожденіе, т. е. обращеніе ко Христу. Изъ того же, что въ двухъ только что приведенныхъ мѣстахъ, а также и въ другихъ, требуется крещеніе, слѣдуетъ заключить, что въ новомъ завѣтѣ крещеніе есть то же, что въ ветхомъ было обрѣзаніе. Слѣдовательно какъ обрѣзаніе относилось не къ сущности, а только къ напоминанію ветхаго Завѣта, какъ обрядъ и внѣшній его знакъ (что было опущено во время странствованія въ пустынѣ), подобнымъ же образомъ и крещеніе относится не къ сущности вновь заключеннаго союза, но есть его напоминаніе и внѣшній знакъ и можетъ быть опущено соблюдающими его на дѣлѣ, лишь бы это было дозволено; раскаяніе же и вѣра, которыя относятся къ сущности соглашенія, требуются всегда.

VIII. Внѣ этой жизни въ Царствѣ Божіемъ не будетъ

никакихъ законовъ, потому что законамъ нѣтъ мѣста, гдѣ нѣтъ грѣха и потому еще, что законы даны намъ Богомъ для того, чтобы направлять насъ къ небу, а не на небѣ. Теперь мы установимъ, какіе законы Христосъ (не самъ установилъ, потому что Онъ не хотѣлъ, какъ было сказано выше, въ раздѣлѣ VI, приписывать Себѣ законодательную власть, но) излагалъ какъ законы Отца. Мы имѣемъ въ писаніи мѣсто, гдѣ Онъ всѣ законы, данные Богомъ до того времени сводитъ къ двумъ: возлюби Господа Бога Твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, всей душою твоею и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ. Это первая и наибольшая заповѣдь. И вторая подобная ей: возлюби ближняго твоего какъ самого себя. Весь законъ и пророки—въ этихъ двухъ заповѣдяхъ. Мѳ. 22, 37, 38, 39, 40. Первый изъ нихъ данъ раньше тѣми же словами Моисею Втор. 6. 5. Второй же данъ даже раньше Моисея, потому что это—естественный законъ, возникающій вмѣстѣ съ самой разумной природой. Оба они вмѣстѣ составляютъ сущность всѣхъ законовъ, потому что всѣ законы, устанавливающіе естественное богопочитаніе, содержатся въ этихъ словахъ: возлюби Господа и всѣ законы, устанавливающіе богопочитаніе, долженное на основаніи ветхаго завѣта—въ этихъ словахъ: возлюби Господа Бога Твоего, т. е. Бога, какъ особеннаго царя Авраама и сѣмени его, и всѣ естественные и гражданскіе законы—въ словахъ: возлюби ближняго твоего какъ самого себя, ибо возлюбившій Бога и ближняго склоненъ повиноваться божественнымъ и людскимъ законамъ. Господь же не требуетъ ничего, кромѣ намѣренія повиноваться законамъ. Мы имѣемъ и другое мѣсто, гдѣ Христосъ толкуетъ законы, а именно 5, 6 и 7 главы Евангелія отъ Матѳія цѣликомъ. Всѣ эти законы содержатся или въ десяти заповѣдяхъ, или въ естественномъ законѣ или слѣдуютъ изъ вѣры Авраамовой, какъ содержится въ ней запрещеніе разводиться съ женой; законъ же: будутъ два во плоть едину передалъ не Христосъ, не Моисей, но Авраамъ, первый предсказалъ сотвореніе міра. Слѣдовательно законы, которые Христосъ кратко излагалъ въ одномъ мѣстѣ и объяснялъ въ другомъ,—тѣ же самые, передъ которыми обязаны всѣ смертные, признающіе Бога Авраама. Мы читаемъ, что Христосъ не требуетъ соблюденія никакихъ

законовъ кромѣ этихъ и соблюденія таинствъ крещенія и причащенія.

IX. Что же слѣдовательно нужно сказать о заповѣдяхъ такого рода: покайтесь, креститесь, исполняйте велѣнія, вѣрьте Евангелію, пріидите ко Мнѣ, продай все, что имѣешь, дай нищимъ, слѣдуй за мной и подобныхъ имъ? нужно сказать, что это не законы, а призывы вѣрить, какъ и призывъ Исаіи Ис. 55. 1. И если званные не прійдутъ, они грѣшатъ не противъ какого-нибудь закона, но противъ благоразумія; и наказанію подвергается не невѣрность, но основные грѣхи. Поэтому ап. Іоаннъ и говоритъ о невѣрующемъ: гнѣвъ Божій пребудетъ на немъ, но не говоритъ: снизойдетъ на него. Не вѣрящій уже осужденъ, потому что онъ не вѣритъ; не говорится будетъ осужденъ, но уже осужденъ. Далѣе нельзя достаточно хорошо понять, что отпущеніе грѣховъ есть благословеніе вѣры, если не понять и обратнаго, что осужденіе грѣховъ есть проклятіе невѣрія.

X. Изъ того, что Нашъ Спаситель не предписалъ подданнымъ государей и гражданамъ государствъ никакихъ распредѣлительныхъ законовъ, т. е. не далъ никакихъ правилъ, изъ которыхъ гражданинъ могъ бы знать и различать, что принадлежитъ собственно ему и что является чужимъ и изъ того, что Онъ не указалъ, съ помощью какихъ формулъ, словъ и обрядовъ слѣдуетъ передавать, захватывать вещь и владѣть ею, чтобы она считалась принадлежащей по праву пріобрѣвшему, завладѣвшему и владѣющему вещью, изъ всего этого съ необходимостью слѣдуетъ, что не только невѣрные, среди которыхъ Самъ Христосъ отказался быть судьей и распредѣлителемъ, но и у христіанъ отдѣльные граждане должны получать эти правила отъ государства, т. е. отъ того человѣка или собранія, которому принадлежитъ верховная власть въ государствѣ. Итакъ изъ заповѣдей: не убій, не прелюбодѣйствуй, не укради, чти родителей слѣдуетъ, что граждане и подданные должны повиноваться своимъ государямъ и верховнымъ властителямъ во всѣхъ вопросахъ относительно моего, твоего, его, чужого. И даже заповѣдь не убій запрещаетъ не всякое убійство, ибо Тотъ же, Кто сказалъ не убій, говоритъ: смертью да умретъ тотъ, кто будетъ работать въ

субботу. Исх. 35. 2, и даже не всякое убійство безъ выслушанія дѣла, ибо сказано: пускай каждый изъ васъ убьетъ своего брата, своего друга и своего ближняго, Исх. 32. 27, и такъ были убиты двадцать три тысячи человѣкъ, и не всякое убійство невиновнаго, ибо Іефѳай далъ обѣтъ: кто бы ни вышелъ изъ дверей дома моего навстрѣчу мнѣ, когда я вернусь послѣ мира съ Аммонитянами, тотъ будетъ принадлежать Господу и я принесу его въ жертву. Суд. 11, 30, 31, и этотъ обѣтъ былъ принятъ Господомъ. Что же запрещается? Только убійство того, кого убивать не въ правѣ, т. е. никто не долженъ убивать, если это не стало его правомъ. Итакъ законъ Христа приказываетъ въ вопросѣ объ убійствѣ и, далѣе, въ вопросѣ о всякомъ оскорбленіи и установленіи наказаній повиноваться одному только государству. Подобнымъ же образомъ заповѣдью не прелюбодѣйствуй запрещается не всякое соединеніе, но только соединеніе съ чужой женой, рѣшеніе же вопроса, кто является чужой, принадлежитъ государству и должно опредѣляться правилами, которыя предпишетъ государство; поэтому данной заповѣдью мужу и женѣ приказывается соблюдать вѣрность, которую они взаимно обѣщали другъ другу, слѣдуя предписаніямъ государства. Равнымъ образомъ заповѣдью не укради запрещается не всякій захватъ или тайное унесеніе вещи или что нибудь иное въ этомъ родѣ; гражданамъ приказывается лишь одно: не нападать и не обкрадывать того, на кого нападать и кого обкрадывать запрещаетъ государство, и вообще объ убійствѣ, прелюбодѣяніи или кражѣ можно говорить только тогда, когда эти поступки нарушаютъ гражданскіе законы. Далѣе, такъ какъ Христосъ предписалъ почитать родителей, но не предписалъ какими дѣйствіями и словами, какимъ повиновеніемъ нужно оказывать имъ почтеніе, то подразумѣвается, что во внутреннихъ отношеніяхъ они встрѣчаютъ почтеніе, какъ владыки и господа, по волѣ каждаго изъ нихъ, но публично—не больше, чѣмъ это позволитъ государство, дарующее каждому его дало почестей (какъ и всего остального). Но такъ какъ природа справедливости состоитъ въ томъ, что каждому воздается то, что *его*, очевидно, что государству, хотя бы и христіанскому, надлежитъ опредѣлить, что такое справедливость и что—несправедливость или

прегрѣшеніе противъ справедливости. Надлежащее же государству считается надлежащимъ обладающему или обладающимъ верховной властью въ государствѣ.

XI. Далѣе, такъ какъ Нашъ Спаситель не указалъ гражданамъ никакихъ законовъ объ управленіи государствомъ, кромѣ естественныхъ, т. е. кромѣ приказанія гражданскаго повиновенія, никто изъ гражданъ не можетъ частнымъ образомъ опредѣлять, кто является другомъ общества и кто—врагомъ, когда настало время для войны, для заключенія договора, мира, какіе граждане, какая и чья власть, какія ученія, правы, рѣчи, какія соединенія и какихъ людей благопріятствуютъ или угрожаютъ благу государства. Слѣдовательно эти вопросы и всѣ подобные имъ должны, когда понадобится, разрѣшаться государствомъ, т. е. повелителями.

XII. Кромѣ всего этого необходимо, отчасти для жизни, отчасти для хорошей жизни: возводить укрѣпленія, дома, храмы; умѣло приводить въ движеніе, переносить, убирать тяжести; переплывать безопасно моря; строить машины для всевозможныхъ житейскихъ надобностей; знать движеніе звѣздъ, времена бурь, основанія перемѣны погоды, слѣдовательно природу вещей; быть искуснымъ въ законахъ естественныхъ и гражданскихъ и во всѣхъ знаніяхъ, охватываемыхъ названіемъ философіи. Познаніе всего этого (такъ-какъ оно не передано Христомъ) достигается разсужденіемъ, т. е. выведеніемъ продуманныхъ послѣдствій изъ принятыхъ посылокъ. Но людскія разсужденія бываютъ иногда правильными, а иногда ошибочными и потому выводы изъ нихъ, принимаемые за истину, бываютъ тогда истиной, а иногда заблужденіемъ. Иногда философскія заблужденія являются даже общественнымъ вредомъ и бываютъ причиной большихъ мятежей и буйствъ. Слѣдовательно необходимо, чтобы каждый разъ, какъ изъ этихъ разсужденій возникаютъ разногласія, угрожающія общественному миру и общему благу, былъ бы кто нибудь, рѣшающій, дѣйствительно ли правильно или нѣтъ утверждаемое въ разсужденіи, дабы разногласія такимъ образомъ прекращались. Но въ этомъ отношеніи Христосъ не далъ никакихъ правилъ, потому что Онъ приходилъ въ этотъ міръ не для того, чтобы учить логикѣ. Слѣдователъно судьями подобныхъ разногласій

остались тѣ же, кого Господь по природѣ поставилъ судьями раньше, а именно тѣ, кто для того назначенъ въ отдѣльномъ государствѣ его верховнымъ властителемъ. Далѣе, если разногласіе о точномъ и собственномъ значеніи словъ и названій, т. е. объ опредѣленіи находящагося въ общемъ пользованіи, возникнетъ такимъ образомъ, что для мира государства или для распредѣленія права будетъ необходимо, чтобы это значеніе было опредѣлено, опредѣленіе будетъ принадлежать государству, ибо люди устанавливаютъ подобныя опредѣленія путемъ разсужденія и на основаніи наблюденія обстоятельствъ, для обозначенія которыхъ въ различныя времена и при различныхъ условіяхъ прилагались эти названія. Рѣшеніе же вопроса, правильно ли велось разсужденіе, принадлежитъ государству. Напримѣръ, если женщина родитъ ребенка необычайнаго вида, а законъ запрещаетъ убійство человѣка, рождается вопросъ, человѣкъ ли этотъ новорожденный. Значитъ спрашивается, что такое человѣкъ. Никто не сомнѣвается, что этотъ вопросъ разрѣшитъ государство, ничуть не принимая при этомъ во вниманіе опредѣленіе Аристотеля, что человѣкъ есть разумное животное. Итакъ это (т. е. право, политика и естественная наука) принадлежитъ тѣмъ, о комъ Христосъ сказалъ, что къ Его подвигу не относится давать имъ заповѣди и учить чему-нибудь другому кромѣ одного повиновенія Его законамъ; во всѣхъ разногласіяхъ объ этихъ предметахъ граждане должны повиноваться законамъ и рѣшеніямъ своего государства. Нужно хорошо помнить, что тотъ же Христосъ, какъ Богъ, по праву могъ не только учить, но также и приказывать все, что бы Онъ ни захотѣлъ.

XIII. Величайшей заботой Нашего Спасителя было научить пути и всѣмъ средствамъ къ достиженію спасенія и жизни вѣчной. Одно изъ средствъ къ спасенію—праведность, гражданское повиновеніе и соблюденіе всѣхъ естественныхъ законовъ. Имъ можно учить двумя способами: во-первыхъ, съ помощью естественнаго разума, какъ теоремамъ, выводя право и естественные законы изъ основанія человѣческаго соглашенія; ученія, переданныя такимъ образомъ, подлежатъ разсмотрѣнію гражданскихъ властей, во-вторыхъ—Божественной властью, какъ законамъ, показывая, что такова воля

Божія; учить такимъ образомъ позволено Одному тому, кому всверхъестественнымъ образомъ извѣстна воля Божія, т. е. Христу. Во-вторыхъ, заботой Христа было даровать раскаявшимся отпущеніе грѣховъ, потому что это было необходимо для спасенія уже согрѣшившихъ и не могло быть сдѣлано никѣмъ другимъ, кромѣ Него, ибо отпущеніе грѣховъ слѣдуетъ за раскаяніемъ не естественнымъ образомъ (какъ должное), но зависитъ (какъ милость) отъ сверхъестественнымъ образомъ открытой воли Божіей. Въ-третьихъ, заботой Христа было научить всѣмъ тѣмъ велѣніемъ Господа относительно богопочитанія или догматовъ вѣры, которыя можно было узнать не съ помощью естественнаго разума, но только путемъ откровенія: напримѣръ, что Онъ—Христосъ, что Его Царствіе—не земное, но небесное, что за этой жизнью существуютъ награды и наказанія, что душа безсмертна, что молитвъ будетъ столько-то и такія-то и тому подобнымъ.

XIV. Изъ сказаннаго въ непосредственно предшествующихъ раздѣлахъ не трудно вывести различіе между областью духовнаго и свѣтскаго, потому что духовнымъ называлось то, что основано на власти и подвигѣ Христа и что не могло бы быть познано, если бы Онъ тому не научилъ, все остальное относится къ свѣтскому; отсюда слѣдуетъ, что опредѣленіе и установленіе служитъ о правомъ и неправомъ, разрѣшеніе всѣхъ споровъ о средствахъ достиженія мира и общественнаго спокойствія, разсмотрѣніе ученій и книгъ о всякомъ знаніи, основанномъ на разумѣ, подлежитъ свѣтскому праву. Зависящее же только отъ словъ Христа о власти и являющееся тайной вѣры подлежитъ сужденію одного духовнаго права. Опредѣленіе же того, что является духовнымъ и что свѣтскимъ, является дѣломъ разума и относится къ свѣтскому праву, такъ какъ Нашъ Спаситель не установилъ этого различія. И хотя ап. Павелъ во многихъ мѣстахъ и отличаетъ духовное отъ свѣтскаго и называетъ духовнымъ то, что есть душа, а именно мудрость, проповѣдь знанія, вѣру, власть исцѣлять больныхъ, даръ творить чудеса, даръ пророчествъ, власть изгонять духовъ, знаніе языковъ, толкованіе ихъ Римл. 8. 5; 1 Кор. 12. 8, 9. т. е. не возвѣщенное сверхъестественнымъ образомъ Духомъ Святымъ и то, чего не поймётъ животный человѣкъ, но только

познавшій слова Христа, 2 Кор. 2. 14, 15, 16, и хотя онъ называетъ имущество плотскимъ, Римл. 15. 27, и людей плотскими, 1 Кор. 3. 1, 2, 3, однако онъ не опредѣляетъ и не даетъ намъ правилъ, на основаніи которыхъ мы могли бы знать, что происходитъ отъ естественнаго разума и что—отъ сверхъестественнаго внушенія.

XV. Такъ какъ, слѣдовательно, ясно, что Нашъ Спаситель поручилъ или вѣрнѣе не лишилъ государей и обладающихъ верховной властью въ отдѣльныхъ государствахъ власти судить и разрѣшать всѣ споры о свѣтскихъ дѣлахъ, то нужно далѣе посмотрѣть, кому Онъ поручилъ подобную власть въ дѣлахъ духовныхъ. Такъ какъ этого нельзя узнать иначе какъ изъ слова Божія и преданій церкви, нужно, во первыхъ, изслѣдовать, что такое слово Божіе, что значитъ толковать его, что такое церковь, ея воля и велѣніе. Опуская придававшееся иногда въ Священномъ Писаніи слову Божію значеніе Сына Божьяго, мы принимаемъ его въ троякомъ значеніи: во-первыхъ, въ его собственномъ смыслѣ, какъ то, что сказалъ Господь; такъ словомъ Божіимъ будетъ то, что Господь говорилъ Аврааму и патріархамъ, Моисею и пророкамъ или то, что Нашъ Спаситель говорилъ своимъ ученикамъ и нѣкоторымъ другимъ людямъ; во-вторыхъ—какъ то, что было сказано людьми по приказанію или по внушенію Святого Духа; въ этомъ смыслѣ мы признаемъ Священное Писаніе словомъ Божіимъ; въ-третьихъ, въ томъ значеніи, въ которомъ оно чаще всего встрѣчается въ новомъ завѣтѣ, слово Божіе обозначаетъ евангельское ученіе или слово о Богѣ или слово о Царствѣ Божіемъ черезъ Христа, напримѣръ тамъ, гдѣ говорится, что Христосъ предсказалъ Евангеліе Царства. Мѳ. 7. 21, гдѣ говорится, что апостолы проповѣдывали слово Божіе, Дѣян. 13. 46, гдѣ слово Божіе называется словомъ жизни, Дѣян. 5. 20, словомъ Евангелія, Дѣян. 15. 7, словомъ вѣры, Римл. 10. 8, словомъ истины, т. е. (прибѣгаемъ къ толкованію) Евангеліемъ спасенія, Еф. 1. 13 и гдѣ оно называется словомъ апостольскимъ, потому что ап. Павелъ говоритъ: кто не послушаетъ слова нашего, 2 Θесс. 3. 14. Эти мѣста нельзя понимать иначе, какъ относящимися къ евангельскому ученію. Подобнымъ же образомъ говорится, что слово Божіе распространяется, растетъ

и множится, Дѣян. 12. 24 и 13. 49, что трудно понимать, какъ относящееся къ словамъ Господа или апостоловъ, но легко, какъ относящееся къ ученію. И въ этомъ третьемъ значеніи словомъ Божіемъ будетъ все ученіе о христіанской вѣрѣ, которое преподается съ кафедры и излагается въ богословскихъ книгахъ.

XVI. Все Священное Писаніе, которое мы признаемъ внушеннымъ Богомъ, есть слово Божіе во второмъ значеніи и безчисленныя мѣста его—слово Божіе въ первомъ значеніи. И такъ какъ, большая часть его содержитъ или предсказаніе или предъизображеніе небеснаго царствія до воплощенія Христа, или въ евангелизаціи и объясненіе его послѣ воплощенія, то въ третьемъ значеніи, гдѣ слово Божіе значитъ слово о Богѣ, т. е. Евангеліе, Священное Писаніе есть слово Божіе, а потому—списокъ и правило всего евангельскаго ученія. Но такъ какъ въ этомъ Писаніи мы читаемъ многое, содержащее въ себѣ политику, исторію, нравственное ученіе, физику и иное, что совершенно не относится къ таинству вѣры, то хотя эти мѣста и содержатъ истинное ученіе и являются его канономъ, однако они не могутъ быть канономъ таинства христіанской вѣры.

XVII. И такъ какъ канономъ слова Божьяго является не слово и буква христіанскаго ученія, но его истинное и неподдѣльное значеніе, то поэтому духъ можетъ управляться Писаніемъ только тогда, когда оно понято. Слѣдовательно Писаніе нужно толковать для того, чтобы оно стало канономъ. Отсюда слѣдуетъ одно изъ двухъ: или что истолкованное слово есть слово Божіе, или что канонъ христіанской вѣры не есть слово Божіе. Послѣднее утвержденіе съ необходимостью является ложнымъ, потому что правило ученія, для познанія котораго мало человѣческаго разума, и нужно божественное откровеніе, не можетъ не быть божественнымъ, ибо признавая кого-нибудь и не зная, истинно или нѣтъ какое-нибудь ученіе, мы не можемъ принимать его рѣшеніе о томъ же ученіи за правило. Слѣдовательно истинно первое предположеніе, что слово истолкователя Священнаго Писанія есть слово Божіе.

XVIII. Не будетъ истолкователемъ, сужденіе котораго

облекается такимъ почетомъ, что оно принимается за слово Божіе, тотъ, кто переводитъ Писаніе съ еврейскаго и греческаго языка на латинскій для своихъ латинскихъ слушателей на галльскій—для галльскихъ и на остальные домашнимъ образомъ, потому что не это значитъ толковать. Потому что хотя природа рѣчи и состоитъ повсюду въ томъ, что среди знаковъ, которыми мы стараемся передать другимъ наши представленія, она заслуживаетъ перваго мѣста, однако, одинъ не можетъ выполнить этого подвига безъ помощи многихъ приближенныхъ, потому что живой голосъ имѣетъ много истолкователей: время, мѣсто, видъ говорящаго, его движенія, намѣренія и наконецъ его самого, объясняющаго свое намѣреніе другими словами, когда это понадобится. Вызвать же въ писаніяхъ отошедшихъ вѣковъ эти желанныя вспомогательныя средства толкованія не удается обыденному уму, ни вообще уму недостаточно опытному и начитанному въ древнихъ писаніяхъ. Слѣдовательно для истолкованія Писанія недостаточно изощренности въ разговорномъ языкѣ. И не всякій пишущій комментаріи на Писаніе есть канонический его истолкователь, потому что люди могутъ заблуждаться и даже приспособлять его къ удовлетворенію собственнаго честолюбія или отдавать его въ рабство своимъ предразсудкамъ, даже когда оно имъ противорѣчитъ, откуда слѣдуетъ, что за слово Божіе будетъ приниматься тогда ошибочное толкованіе. Далѣе, если бы этого и не могло случиться, постоянно бываетъ, что комментаторы разногласятъ между собой, такъ что съ теченіемъ времени ихъ комментаріи будутъ обрастать безъ конца объясненіями, объясненія—изложеніями, изложенія—новыми комментаріями, такъ что такимъ образомъ канонъ христіанскаго ученія или правило, въ соотвѣтствіи съ которымъ должны разрѣшаться религіозные споры, не сможетъ быть заключенъ въ какомъ-нибудь писанномъ истолкованіи. Значитъ остается, чтобы каноническимъ истолкователемъ былъ тотъ, у кого есть законная власть разрѣшать на судѣ споры, возникающіе о Словѣ Божіемъ, и чьей власти вслѣдствіе этого нужно было бы повиноваться не меньше чѣмъ Тому, Кто первый поставилъ намъ самое Писаніе въ качествѣ канона вѣры; нужно, чтобы онъ былъ одновременно и истолкователемъ Писанія и верховнымъ судьей всѣхъ ученій.

XIX. Понятіе церкви первоначально означаетъ то же, что и латинская contio или собраніе гражданъ, подобно тому какъ клирикъ называется также и contionatus, т. е. принадлежащій къ собранію. Въ этомъ смыслѣ читаемъ въ Дѣяніяхъ апостольскихъ о собраніи и сборищѣ, Дѣян, 19.32, 40; первое было созвано ради совѣщанія, второе образовалось изъ стеченія народа, привлеченнаго шумомъ. Впрочемъ, подъ христіанской церковью въ Священномъ Писаніи подразумѣвается то всякое собраніе, то сами христіане, даже не собранные вмѣстѣ на дѣлѣ, но предполагаемые сошедшимися на собраніе и сообщающимися съ собравшимися; напримѣръ слова: повѣдай церкви, Мѳ. 18. 17, предполагаютъ церковь собравшуюся потому что иначе повѣдать что-нибудь церкви невозможно. Но терзалъ церковь, Дѣян. 8. 3, относится къ несобравшейся. Иногда церковь говорится о крещеныхъ или обладающихъ христіанской вѣрой, будутъ ли они христіанами дѣйствительно, въ душѣ, или только притворно; тогда же, когда мы читаемъ что-либо сказанное или написанное церкви или сказанное, предписанное, совершенное церковью, это относится только къ избраннымъ, какъ тамъ, гдѣ говорится: церковь свята и непорочна, Еф. 5. 27. Но избранные, пока они борются, стараясь спастись, еще не церковь въ собственномъ смыслѣ, ибо они не знаютъ, достигнутъ ли спасенія, но они— церковь грядущая и станутъ ею въ тотъ день, когда, отдѣленные отъ грѣшниковъ, они будутъ торжествовать. Наоборотъ церковь иногда говорится вмѣсто всѣхъ христіанъ сразу, какъ тамъ, гдѣ Христосъ называется главой церкви и главой тѣла церкви, Еф. 5. 23, Кол. 1. 18, иногда—вмѣсто части ея, какъ церковь Эфесская, церковь сущая въ дому семъ, семь церквей и т. д. Наконецъ Церковь говорится о собраніи соединившихся на дѣлѣ и, наоборотъ, безъ собранія, она обозначаетъ иногда собравшихся для разсужденія и суда, въ какомъ смыслѣ она называется также совѣтъ и синодъ, иногда она обозначаетъ сошедшихся чтить Господа въ домъ молитвы; въ этомъ значеніи 1 Кор. 14. 4, 5, 23, 28.

XX. Церковь, которой приписываются личныя и принадлежащія ей права и дѣйствія, о которой нужно думать, что о ней сказано: повѣдай церкви, кто не повинуется Церкви, и

всѣ остальныя словесныя формулы этого рода, опредѣляется такъ, что подъ этимъ словомъ нужно понимать множество людей, заключившихъ при посредствѣ Іисуса Христа Новый Завѣтъ съ Господомъ (т. е. людей, принявшихъ таинство крещенія), которые по праву могутъ быть кѣмъ-нибудь созваны въ одно мѣсто, гдѣ, по созваніи, должны лично или черезъ другихъ, присутствовать всѣ, ибо если множество людей не можетъ, когда это нужно, собраться въ одно цѣлое, оно не можетъ называться лицомъ, потому что церковь не можетъ ни говорить, ни постановлять, ни слушать иначе, какъ единое цѣлое. Что говорится отдѣльными людьми, даетъ почти столько же рѣшеній сколько головъ и за каждымъ изъ нихъ стоитъ голова одного человѣка; это—не голосъ церкви. Далѣе, если образуется собраніе, но недозволенное, оно считается ничтожнымъ, и, слѣдовательно, никто изъ присутвовавшихъ на сборищѣ не связанъ постановленіями остальныхъ, въ особенности если онъ съ ними не согласенъ и, слѣдовательно, такая церковь не можетъ ничего постановить, ибо о постановленіи собранія говорится только тогда, когда каждый обязанъ повиноваться постановленіямъ, принятымъ большинствомъ. Слѣдовательно къ опредѣленію церкви (которой мы приписываемъ нѣчто личное) нужно прибавить, что она можетъ не только собираться, но и дѣлать это по праву, потому что если и есть кто-нибудь, кто по праву можетъ созывать остальныхъ, но созванные могутъ по праву не прійти (что можетъ случиться среди людей неподчиненныхъ другъ другу), такая церковь—не единое лицо, потому что на основаніи того же права, по которому созванные въ извѣстное время образуютъ въ извѣстномъ мѣстѣ одну церковь, собравшіеся въ другомъ, установленномъ ими мѣстѣ, образуютъ другую, и тогда какое угодно число одинаковоовѣрующихъ будетъ церковью и, слѣдовательно, будетъ столько церквей, сколько различныхъ мнѣній, т. е. одно и то же количество людей будетъ одновременно и одной и многими церквями. Итакъ церковь не можетъ быть единой, если только въ ней нѣтъ опредѣленной и извѣстной т. е. законной власти, которая обязывала бы отдѣльныхъ вѣрующихъ присутствовать на собраніи лично или черезъ другихъ. Итакъ церковь становится единой и способной обла-

дать личными функціями въ силу единства законной власти, могущей созвать синодъ и собраніе вѣрныхъ, а не въ силу сходства въ ученіи; иначе она есть множество и множественность лицъ, какъ и остальные согласные съ какими-нибудь отдѣльными мнѣніями.

XXI. Къ уже сказанному въ качествѣ необходимаго дополненія присоединяется, что христіанское государство и церковь есть одно и то же, совершенно одна и та же вещь, называемая двумя именами изъ-за двухъ ея основаній, ибо матерія государства и церкви одна и та же—тѣ же христіане и форма, состоящая въ законной власти созывать ихъ—точно такая же, потому что очевидно, что отдѣльные граждане обязаны являться туда, куда ихъ созываетъ государство. То же, что называется государствомъ посколько оно состоитъ изъ людей, именуется церковью, посколько оно состоитъ изъ христіанъ.

XXII. Съ этимъ же согласуется и то, что, такъ какъ христіанскихъ государствъ много, они не образуютъ всѣ вмѣстѣ единую церковь, надѣленную свойствами личности. Однако они могутъ стать съ общаго согласія единой церковью, но не иначе какъ ставъ также и единымъ государствомъ. Дѣйствительно, церковь не можетъ собираться иначе, какъ въ извѣстное время и въ установленномъ мѣстѣ. Но участники, мѣсто и время собранія подлежатъ гражданскому праву и никакой гражданинъ или иностранецъ не можетъ по праву вступить на какое-нибудь мѣсто иначе, какъ съ позволенія государства, господствующаго надъ этимъ мѣстомъ. Тѣ же, кто не можетъ сдѣлать чего-либо по праву иначе, какъ съ позволенія государства, дѣйствуютъ въ силу государственной власти, когда дѣлаютъ это по праву. Конечно, вселенская церковь есть единое мистическое тѣло, глава котораго есть Христосъ, но въ томъ же смыслѣ, въ которомъ всѣ признающіе Бога правителемъ міра образуютъ одновременно единое царство и единое государство, не являющееся, однако, ни единымъ лицомъ, ни обладателемъ единыхъ сужденій или дѣйствій. Когда же говорится, что Христосъ есть глава тѣла церкви, то съ очевидностью слѣдуетъ, что это сказано апостоломъ объ избранныхъ которые во время пребыванія въ

этомъ мірѣ пользуются властью церкви, образующейся на дѣлѣ не раньше, чѣмъ они будутъ отдѣлены отъ грѣшниковъ и дѣйствительно соберутся вмѣстѣ въ день суда. Римская церковь нѣкогда была огромной, но она не переступала границъ имперіи; слѣдовательно она не была всемірной, развѣ только въ томъ смыслѣ, въ которомъ было сказано о римскомъ государствѣ: orbem jam totum Romanus victor habebat, когда онъ не имѣлъ и двадцатой его части. Послѣ того какъ гражданская власть была раздроблена на части, отдѣльныя вышедшія оттуда государства стали столькими же церквями, и власть, которую имѣла надъ ними римская церковь, стала зависѣть отъ ихъ собственной власти. такъ какъ, по изгнаніи императоровъ. они согласились имѣть докторовъ римскаго права.

XXIII. Канониками могутъ быть названы тѣ, кто несетъ въ церкви общественную обязанность. Одна обязанность у служителей, другая у правителей. Обязанностью служителей было готовить столы, заботиться о свѣтскихъ благахъ церкви и распредѣлять части (потому что въ то время, когда была уничтожена частная собственность, питались общественной) между отдѣльными членами церкви. Повелители же назывались по степенямъ одни апостолами, другіе епископами, третьи пресвитерами, т. е. старшими по возрасту или старцами, потому что именемъ пресвитера обозначался не возрастъ, а должность. Такъ Тимоѳей былъ пресвитеромъ, хотя онъ и былъ юношей, но такъ какъ очень многіе изъ старцевъ призывались къ священно-служенію, то названіе возраста было принято для обозначенія обязанности. Тѣ же священнослужители въ зависимости отъ различія занимаемыхъ ими должностей назывались одни апостолами, другіе пророками, евангелистами, пастырями или учителями. Обязанности апостоловъ были всеобъемлющими; пророческія—только предлагать собственныя откровенія цер-кви; евангельскія — проповѣдывать или быть провозвѣстникомъ Евангелія у невѣрныхъ; пастырскія—учить, укрѣплятьи управлять душами уже увѣровавшихъ.

XXIV. Въ избраніи каноннковъ нужно обратить вниманіе на два обстоятельства: избраніе лицъ и посвященіе или

установленіе, называемое также ординаціей. Первыхъ двѣнадцать апостоловъ избралъ и поставилъ Самъ Христосъ. Послѣ вознесенія Христа Матѳій былъ избранъ на мѣсто предателя Іуды, причемъ церковь (состоявшая тогда приблизительно изъ ста двадцати человѣкъ) избрала двоихъ: избрали двоихъ: Іосифа, названнаго Варсавой, прозваннаго праведнымъ и Матѳія, но Господь жребіемъ одобрилъ только одного Матѳія. Этихъ двѣнадцать апостоловъ ап. Павелъ называетъ великими и первыми апостолами, а также апостолами обрѣзанія. Потомъ къ ихъ числу были прибавлены два другіе апостола, Павелъ и Варавва, хотя и поставленные учителями и пророками Антіохійской церкви (бывшей особой церковью) черезъ возложеніе рукъ, но избранные по приказанію Духа Святого. Что оба они были апостолами слѣдуетъ изъ Дѣян. 14. 14. Что они приняли апостольство, будучи избраны по велѣнію Святого Духа пророками и учителями Антіохійской церкви для служенія Богу, показываетъ самъ ап. Павелъ, ради отличія называющій себя апостоломъ, избраннымъ ради благовѣстія Божія, Римл. 1. 1. Но если спросить далѣе, чей властью произошло, что велѣніемъ Святого Духа было признано то, что эти пророки и учителя назвали исходящимъ отъ Святого Духа, нужно отвѣтить: властью Антіохійской церкви, потому что пророки и учителя до допущенія къ служенію должны были быть испытаны церковно, ибо ап. Іоаннъ говоритъ: не всякому духу вѣрьте, но испытывайте духовъ отъ Бога ли они, потому что много лжепророковъ появилось въ мірѣ. 1 Іоан. 4. 1. Какой церковью, если не той, къ которой было написано это посланіе? Подобнымъ же образомъ ап. Павелъ упрекаетъ церковь Галаты за то, что она іудаизировалась: если ты, іудей, живешь по-языčески, а не по-іудейски, зачѣмъ ты заставляешь язычниковъ быть какъ іудеи? Гал. 2. 14; хотя они дѣлали это подъ вліяніемъ ап. Петра, потому что сказавъ этими словами, если ты, іудей, живешь по-языčески, что ап. Петръ самъ себѣ противорѣчитъ, немного спустя онъ спрашиваетъ ихъ: я хочу узнать отъвасъ только одно: получили ли вы Духа черезъ дѣла закона или черезъ наставленіе въ вѣрѣ. Гал. 3. 2. Откуда слѣдуетъ, что онъ упрекаетъ Галатовъ въ іудействѣ, хотя ап. Петръ и принудилъ ихъ іудаизироваться. Слѣдовательно,

такъ какъ опредѣленіе за какими учителями послѣдуетъ церковь принадлежало не Петру и вообще не людямъ, то и избраніе антіохійской церкви опиралось не на авторитетъ ея учителей и пророковъ. Такъ какъ Духъ Святой избралъ Себѣ апостолами Павла и Варавву черезъ возложеніе рукъ избранныхъ учителей, то очевидно, что въ каждой церкви посвященіе и возложеніе рукъ на верховныхъ учителей принадлежало учителямъ той же церкви. Епископовъ же, которые назывались иногда пресвитерами, хотя и не всѣ епископы—пресвитирами, поставляли иногда апостолы (ибо Павелъ и Варавва, учившіе въ Дервіи, Листрѣ и Иконіи, поставляли тамъ пресвитеровъ для отдѣльныхъ церквей. Дѣян. 14. 23), иногда также и другіе епископы, потому что Титъ былъ оставленъ ап. Павломъ на Критѣ, чтобы онъ поставлялъ по городамъ пресвитеровъ, Тит. 1. 5; и Тимоѳею сказано: не пренебрегай даромъ, который есть въ тебѣ, который данъ тебѣ пророчествомъ и возложеніемъ рукъ къ собранію пресвитеровъ. 1 Тим. 4. 14. Ему же были преподаны правила избранія пресвитеровъ, потому что ихъ нельзя понимать иначе, какъ относя къ поставленію уже избранныхъ церковью, ибо никто не могъ поставить учителя для церкви безъ ея позволенія. Вѣдь подвигомъ самихъ апостоловъ было не повелѣвать, а учить, и хотя лица, предложенные апостолами или пресвитерами и не отвергались изъ уваженія къ предлагающимъ, однако они считались избранными властью церкви, потому что безъ церкви они не могли быть избранными. Подобнымъ же образомъ священнослужители, именовавшіеся діаконами, поставлялись апостолами, однако избирались они церковью, ибо, когда нужно было избрать и поставить семь діаконовъ, ихъ избрали не апостолы, но собраніе вѣрныхъ избрало Стефана и другихъ и привело ихъ къ апостоламъ, которые, помолившись, возложили на нихъ руки, Дѣян. 6. 5. 6. Итакъ изъ обычаевъ апостольской церкви слѣдуетъ, что постановленіе или посвященіе, совершаемое черезъ молитву и возложеніе рукъ, по отношенію ко всѣмъ священнослужителямъ принадлежало апостоламъ и учителямъ, избраніе же подлежащихъ поставленію—принадлежало церкви.

XXV. О власти разрѣшать и связывать, т. е. отпускать и не отпускать грѣхи не можетъ возникать сомнѣнія, что она

дана Христомъ грядущимъ пастырямъ въ такомъ же видѣ, какъ и наличнымъ тогда апостоламъ. Апостоламъ же была дана вся та власть отпускать грѣхи, которой обладалъ Самъ Христосъ: какъ Отецъ послалъ Меня, такъ и Я посылаю васъ, Іоан. 20. 21, и Онъ прибавилъ: кому вы отпустите грѣхи, тѣмъ отпустится, и на комъ удержите, на томъ удержатся. Іоан. 20. 23. Но вызываетъ сомнѣніе, что̀ значитъ разрѣшать и связывать, или отпускать и удерживать грѣхи, потому что прежде всего кажется, что удержаніе грѣховъ за крестившимся во отпущеніе грѣховъ и искренно покаявшимся противорѣчитъ самому союзу Новаго Завѣта и потому не можетъ быть совершаемо ни Христомъ, ни, тѣмъ болѣе, пастырями. Отпущеніе же грѣховъ не покаявшемуся кажется противорѣчащимъ волѣ Бога Отца, пославшаго Христа для обращенія міра и приведенія людей къ повиновенію. Далѣе, если предоставить отдѣльнымъ пастырямъ разрѣшать и удерживать такимъ образомъ грѣхи, то будетъ уничтоженъ всякій страхъ передъ государями и гражданскими властями, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всякое гражданское правленіе, потому что Христосъ сказалъ и это подсказываетъ и сама природа: не бойтесь убивающихъ тѣлесно и не могущихъ убить душу; бойтесь скорѣй того, кто и душу и тѣло можетъ погубить въ гееннѣ огненной. Мѳ. 10. 28. Нѣтъ человѣка настолько лишеннаго разсудка, чтобы онъ не предпочелъ скорѣе повиноваться могущимъ отпускать и не отпускать грѣхи, чѣмъ самымъ могущественнымъ царямъ. Съ другой стороны нельзя думать, что отпущеніе грѣховъ есть ничто иное, какъ избавленіе отъ церковныхъ наказаній, потому что какое бы зло представляло отлученіе отъ церкви, кромѣ слѣдующаго изъ него вѣчнаго осужденія, или какое добро—принятіе въ церковь, если бы и внѣ ея было бы возможно спасеніе? Слѣдовательно нужно считать, что пастыри могутъ дѣйствительно и безповоротно отпускать грѣхи, но только покаявшимся въ нихъ и не могутъ отпускать непокаявшимся. Пока же люди думаютъ, что покаяться значитъ ничто иное какъ то, что каждый осудитъ свои поступки и измѣнитъ намѣренія, которыя ему самому кажутся грѣхами и виной, возникаетъ мнѣніе, что покаяніе можетъ наступить до исповѣди грѣховъ

передъ людьми, и что оно есть не слѣдствіе, но причина исповѣди; и отсюда утвержденіе, что грѣхи кающихся уже отпущены имъ при крещеніи, а грѣхи непокаявшихся совсѣмъ не могутъ быть имъ отпущены, стоитъ въ противорѣчіи съ Писаніемъ и словами Христа: кому отпустите, отпустится имъ. Слѣдовательно для разрѣшенія этого затрудненія нужно узнать, есть ли истинное познаніе грѣха уже самое раскаяніе, потому что знающій, что онъ согрѣшилъ, знаетъ, что онъ заблуждался; желаніе же заблуждаться невозможно; поэтому знающій, что онъ согрѣшилъ, не хочетъ повторенія поступка; это и есть раскаяніе. Далѣе, тамъ, гдѣ можетъ возникнуть сомнѣніе, представляетъ ли данный поступокъ грѣхъ или нѣтъ, нужно принять во вниманіе, что раскаяніе не предшествуетъ исповѣди во грѣхахъ, но слѣдуетъ за ней, потому что раскаиваться можно только въ сознанныхъ уже грѣхахъ. Слѣдовательно кающійся долженъ знать свой поступокъ и знать, что онъ есть грѣхъ, т. е. что онъ противорѣчитъ закону. Слѣдовательно, если кто-нибудь думаетъ, что совершенное имъ противорѣчитъ закону, невозможно чтобы онъ въ этомъ не покаялся. Слѣдовательно до раскаянія необходимо сравнить поступокъ съ закономъ. Однако сравнивать поступокъ съ закономъ при отсутствіи истолкователя закона напрасно, потому что правиломъ дѣйствій являются не слова закона, а намѣренія законодателя. Но истолкователь закона конечно человѣкъ или люди; поэтому никто не можетъ быть судьей своего поступка и рѣшить грѣшенъ онъ или нѣтъ. Поэтому поступокъ, о которомъ возникаетъ сомнѣніе, грѣшенъ онъ или нѣтъ, нужно изложить передъ человѣкомъ или людьми. Сдѣлать это—значитъ исповѣдаться. Уже когда истолкователь закона рѣшитъ, что данный поступокъ есть грѣхъ, и если грѣшникъ примирится съ этимъ рѣшеніемъ и внутренно постановитъ больше такъ не поступать, это будетъ раскаяніемъ. Такимъ образомъ, или совсѣмъ нѣтъ истиннаго раскаянія, или оно не предшествуетъ, но слѣдуетъ за исповѣдью. Послѣ этого объясненія не трудно понять, какова эта власть разрѣшать и связывать. Въ отпущеніи есть двѣ части: одно—сужденіе или осужденіе, въ силу котораго поступокъ признается грѣхомъ; другая (когда осужденный примирится съ рѣшеніемъ и повинуется ему, т. е. раскается)—отпущеніе

или (если онъ не раскается) неотпущеніе грѣха; первая изъ нихъ, т. е. сужденіе есть ли на лицо грѣхъ, принадлежитъ истолкователю закона, т. е. верховному судьѣ; вторая—отпущеніе или неотпущеніе грѣховъ—пастырю, и это и есть та власть отпускать и связывать, о которой идетъ споръ. Что таково было подлинное мнѣніе Нашего Спасителя при установленіи этой власти, слѣдуетъ изъ Мѳ. 18. 15, 16, 17, 18. Обращаясь къ ученикамъ Онъ сказалъ: если твой братъ согрѣшилъ противъ тебѣ, пойди и скажи это ему наединѣ (нужно сейчасъ же замѣтить, что слова если согрѣшилъ противъ тебя значатъ то же, что и если онъ поступилъ съ тобой несправедливо, и поэтому Христосъ говоритъ о томъ, что относится къ гражданскому суду) и прибавилъ: если не поступаетъ (т. е. если онъ будетъ отрицать поступокъ или, признавая его, будетъ отрицать его несправедливость) скажи церкви. Зачѣмъ церкви, какъ не для того, чтобы оно сама судила грѣхъ это или нѣтъ ? Если же онъ не послушаетъ и церкви, да будетъ тебѣ какъ язычникъ и мытарь; т. е. если онъ не примирится съ рѣшеніемъ церкви, но будетъ утверждать, что признанное ею грѣхомъ—не грѣхъ, т. е. если онъ не покается (ибо ясно, что никто не раскаивается въ поступкѣ, который онъ не признаетъ грѣхомъ) не говорится: скажи апостоламъ, потому что мы знаемъ, что окончательное сужденіе въ вопросѣ есть грѣхъ или нѣтъ Христосъ оставилъ не за ними, но за церковью, но говорится: да будетъ онъ тебѣ какъ язычникъ или мытарь; т. е. какъ находящійся внѣ церкви, какъ некрещеный, т. е. какъ тотъ, кому не отпущены грѣхи, потому что всѣ христіане крещены во отпущеніе грѣховъ. Такъ какъ, однако, можно было бы спросить, кто имѣетъ власть лишать непокаявшихся благодати крещенія. Самъ Христосъ показалъ, что тѣ, кому Онъ далъ власть крестить кающихся во отпущеніе грѣховъ и обращать язычниковъ въ христіанство обладаютъ также властью не отпускать грѣховъ признаннымъ церковью нераскаявшимися и обращать ихъ изъ христіанъ въ язычниковъ, и поэтому Онъ тотчасъ прибавилъ: истинно говорю вамъ, что все, что вы свяжете на землѣ, будетъ связано и на небѣ. Откуда можно понять, что власть разрѣшать и связывать, т. е. отпускать и не отпускать грѣхи называется княжеской властью и не отличается отъ данной въ другомъ мѣстѣ словами: идите и научите всѣ народы, крестя ихъ во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, Мѳ.28.19. И какъ пастыри не могутъ отказать въ крещеніи тому, кого церковь признала достойнымъ, точно такъ же они не могутъ не отпустить грѣховъ того, кого церковь признала достойнымъ очищенія или отпустить грѣхи тому, кого церковь объявила оскорбителемъ Бога. Итакъ, сужденіе о каждомъ грѣхѣ принадлежитъ церкви, а пастырямъ—только изгнаніе изъ нея осужденныхъ или принятіе въ нее. Такъ ап. Павелъ говоритъ коринѳской церкви: не внутреннихъ ли вы судите? всѣмъ же, однако, объявилъ, что прелюбодѣевъ нужно извергать изъ церкви. Я же, отсутствуя тѣломъ, присутствую съ вами духомъ. 1 Кор. 5. 13, 14, 3.

XXVI. Осужденіе грѣховъ называется церковнымъ отлученіемъ, а ап. Павелъ называлъ его передачей сатанѣ. Слово отлученіе, значащее то же,что и изгнаніе изъ церкви, кажется взято изъ законодательства Моисеева, въ которомъ приказывалось держать признанныхъ первосвященникомъ прокаженными внѣ стана, пока они не будутъ возвращены обратно, послѣ признанія ихъ первосвященникомъ и очищенія нѣкоторыми обрядами (въ числѣ которыхъ было омовеніе тѣла). Лев. 13. 46. Съ теченіемъ времени у іудеевъ стало обычаемъ переходящихъ изъ язычества въ іудейство принимать, какъ нечистыхъ, только послѣ омовенія и изгонять изъ церкви несогласныхъ съ ея ученіемъ. Въ подраженіе этому обряду переходящіе въ христіанство (были ли они раньше іудеями или язычниками) принимаются въ церковь только послѣ крещенія и несогласные съ церковью лишаются общенія съ ней. Передачей же сатанѣ это называется потому, что всѣ находящіеся внѣ церкви образуютъ царство Сатаны. Цѣль этого ученія состояла въ томъ, чтобы лишенные на время церковной милости и духовныхъ благъ путемъ униженія обращались къ спасенію. Свѣтскія послѣдствія отлученія состояли въ томъ, что отлученному не только запрещалось участіе въ собраніяхъ или богослуженіяхъ и молитвахъ, но что и отдѣльные христіане избѣгали его, какъ опаснаго заразнаго и какъ худшаго чѣмъ язычникъ, ибо апостолъ позволилъ смѣшивать его съ язычниками, а съ ними онъ запретилъ вкушать вмѣстѣ.

1 Кор. 5. 9, 11. Такъ какъ таковы послѣдствія отлученія, то очевидно, во-первыхъ, что нельзя отлучить христіанское государство, потому что христіанское государство, какъ показано выше, въ раздѣлѣ XXI, есть христіанская церковь и обладаетъ тѣмъ же протяженіемъ. Церковь же отлучить нельзя, потому что или она должна отлучить себя сама, что невозможно, или будетъ отлучена другой церковью, вселенской или частной. Но такъ какъ вселенская церковь не есть лицо (какъ показано въ раздѣлѣ XXII), она не можетъ дѣйствовать и дѣлать что-либо, а потому не можетъ и отлучать. Частная же церковь, отлучая другую церковь, ничего этимъ не достигаетъ и не можетъ достигнуть, потому что отлученія отъ церкви не можетъ быть тамъ, гдѣ нѣтъ собранія всей церкви и если какая-нибудь церковь, напримѣръ іерусалимская, отлучила бы другую, напримѣръ римскую, она отлучила бы ее не больше чѣмъ самое себя, ибо, лишая другую общенія съ собой, она и себя лишаетъ общенія съ тою. Во-вторыхъ, очевидно, что никто не можетъ отлучить сразу всѣхъ гражданъ какого-нибудь независимаго государства или запретить имъ посѣщеніе храмовъ и публичное богопочитаніе, потому что они не могутъ быть отлучены тою церковью, которую они сами составляютъ, ибо, если бы они это сдѣлали, они перестали бы быть не только церковью, но и государствомъ и уничтожили бы его по своему желанію, а это не значитъ ни быть отлученнымъ, ни подвергнуться запрету. Если же они будутъ отлучены другой церковью, они должны считаться по отношенію къ ней язычниками. Но по ученію Христа никакая христіанская церковь не можетъ запретить язычникамъ собираться вмѣстѣ и сообщаться между собой, какъ этимъ государствамъ будетъ угодно, въ особенности же, если они собираются для почитанія Христа, хотя бы они дѣлали это особенными обрядами и способами; слѣдовательно тѣ, кто долженъ считаться за язычниковъ, не будутъ отлучены. Въ третьихъ, нельзя отлучить государя, обладателя верховной власти въ государствѣ, потому что, по ученію Христа, ни одинъ подданный, ни многіе, собранные вмѣстѣ, не могутъ запретить своему государю, хотя бы и язычнику, входъ въ общественныя или частныя помѣщенія или

присутствіе на какомъ угодно собраніи, или запретить ему дѣлать то, что онъ захочетъ сдѣлать въ силу своей власти. Ибо во всякомъ государствѣ является преступленіемъ оскорбленія величества, если какой-нибудь отдѣльный гражданинъ, или сколько угодно гражданъ сообща потребуютъ себѣ долю власти надъ всѣмъ государствомъ; требующій же власти надъ верховнымъ властителемъ государства, требуетъ власти надъ самимъ государствомъ. Кромѣ того государь, если онъ христіанинъ, опирается на то, что государство, воля котораго содержится въ его волѣ, есть то же самое, что мы называемъ церковью; слѣдовательно, церковь не отлучаетъ никого иначе, чѣмъ властью государства. Но государь не можетъ отлучить самого себя, слѣдовательно онъ не можетъ быть отлученъ своими подданными. Однако можетъ случиться, что собраніе возставшихъ или измѣнившихъ гражданъ объявитъ государя отлученнымъ отъ церкви, но это будетъ объявлено не по праву. Еще на меньшемъ основаніи государь можетъ быть отлученъ государемъ, потому что это было бы не отлученіемъ, но скорѣй скрытымъ объявленіемъ войны, такъ какъ нѣтъ единой церкви, состоящей изъ гражданъ двухъ независимыхъ государствъ, благодаря отсутствію (какъ сказано выше, въ раздѣлѣ XXII) законной власти созывать ихъ въ одно собраніе и такъ какъ принадлежащіе къ одной церкви не обязаны повиноваться другой и, слѣдовательно, ихъ нельзя отлучать за неповиновеніе. Если же кто-нибудь скажетъ, что государи, какъ члены вселенской церкви, могутъ быть отлучены ея властью, нужно возразить, что это не можетъ имѣть мѣста, потому что вселенская церковь (какъ сказано въ раздѣлѣ XXII) не есть единое лицо, о которомъ можно было бы сказать, что она сдѣлаетъ, объявитъ, постановитъ, отлучитъ, отпуститъ грѣхи и совершитъ подобныя, свойственныя лицу дѣйствія и потому что она не имѣетъ на землѣ никакого правителя, по приказанію котораго она могла бы собираться и обсуждать дѣла. Ибо быть правителемъ вселенской церкви и быть въ состояніи созывать ее, есть то же самое, что быть правителемъ и господиномъ всѣхъ христіанъ вселенной, что не дано никому кромѣ одного только Бога.

XXVII. Выше, въ раздѣлѣ XVIII, показано, что власть

истолковывать Священное Писаніе состоитъ не въ томъ, что истолкователь можетъ излагать или объяснять другимъ, письменно или на словахъ, вынесенное имъ изъ его ученія мнѣніе, но въ томъ, что другіе не обладаютъ правомъ поступать и учить въ разрѣзъ съ его истолкованіемъ; такимъ образомъ толкованіе, о которомъ мы говоримъ, есть то же, что и власть опредѣленія во всѣхъ спорахъ, подлежащихъ рѣшенію на основаніи Священнаго Писанія. Теперь нужно показать, что эта власть принадлежитъ отдѣльнымъ церквамъ и зависитъ отъ власти того или тѣхъ, кто обладаетъ верховной властью, если только они христіане, потому что если бы она не зависѣла отъ гражданской власти, она должна была бы зависѣть отъ усмотрѣнія или отдѣльныхъ гражданъ, или внѣшней власти. Зависимость ея отъ усмотрѣнія отдѣльныхъ гражданъ устраняется, между прочимъ, послѣдовавшими бы отсюда неудобствами и опасностями. Главное изъ этихъ неудобствъ то, что тогда исчезло бы не только всякое гражданское повиновеніе (въ разрѣзъ съ завѣтомъ Христа), но исчезло бы и всякое общество и миръ между людьми (въ разрѣзъ съ естественными законами), потому что если бы отдѣльные граждане толковали, каждый для себя, Священное Писаніе, т. е. если бы каждый сдѣлалъ себя судьей того, что нравится и что не нравится Богу, они могли бы повиноваться государямъ только рѣшивъ, соотвѣтствуютъ ли Писанію ихъ велѣнія или нѣтъ И тогда они или не повиновались бы имъ, или повиновались на основаніи собственнаго сужденія, т. е. повиновались бы себѣ, а не государству. Слѣдовательно гражданское повиновеніе тогда уничтожается. Далѣе, такъ какъ каждый слѣдовалъ бы собственному своему велѣнію, необходимо бы произошло, что возникающіе отсюда споры были бы безчисленны и неразрѣшимы; отсюда между людьми (которые по своей природѣ всякое несогласіе съ собой считаютъ оскорбленіемъ) родится сначала ненависть, потомъ ссора и война и такимъ образомъ исчезнетъ всякое общество и миръ. Кромѣ того у насъ есть примѣръ того соблюденія, что Господь желалъ по отношенію къ книгѣ Ветхаго Завѣта; Онъ хотѣлъ, чтобы написанное тамъ принималось публично и было бы канономъ божественнаго ученія, но чтобы споры, возникшіе изъ пониманія

его, разрѣшались не отдѣльными гражданами, но одними первосвященниками. Далѣе, завѣтомъ Нашего Спасителя является, чтобы въ случаѣ возникновенія между отдѣльными вѣрующими недоразумѣній, они слушались бы церкви. Поэтому разрѣшеніе споровъ является дѣломъ церкви, слѣдовательно, истолкованіе Священнаго Писанія принадлежитъ церкви, а не отдѣльнымъ вѣрующимъ. Для того, чтобы знать, что власть истолковывать слово Божіе, т. е. разрѣшать всѣ вопросы о Богѣ и о религіи, не принадлежитъ какому-нибудь чужеземцу, мы должны, во-первыхъ, взвѣсить, какое вліяніе эта власть можетъ оказывать на умы гражданъ и ихъ гражданское поведеніе, потому что никому не можетъ быть неизвѣстнымъ, что по естественной необходимости произвольныя дѣйствія людей находятся въ зависимости отъ раздѣляемыхъ этими людьми мнѣній о добрѣ и злѣ, наградахъ и наказаніяхъ; откуда слѣдуетъ, что люди необходимо хотятъ повиноваться тѣмъ, относительно кого они вѣрятъ, что усмотрѣніе ихъ можетъ принести вѣрующимъ счастіе или сдѣлать ихъ несчастнѣйшими. Отъ тѣхъ, отъ чьего усмотрѣнія зависитъ опредѣлять какія ученія и дѣйствія необходимо ведутъ къ спасенію, люди ожидаютъ вѣчнаго счастья или гибели; слѣдовательно за ними люди слѣдуютъ во всемъ. Если же это такъ, то очевидно, что граждане, вѣрующіе въ обязанность подчиненія чужеземной власти по отношенію къ ученіямъ, необходимымъ для спасенія, не образуютъ государства, но являются подданными этого чужеземца. Слѣдовательно, если какой-нибудь государь письменно уступитъ эту власть кому-нибудь другому, предполагая, однако, что онъ сохраняетъ за собой гражданскую власть, такая запись будетъ недѣйствительной, и онъ не переноситъ ею ничего изъ того, что необходимо для сохраненія за нимъ и хорошаго отправленія принадлежащей ему власти. Ибо, согласно раздѣлу XIV главы II, никто не можетъ быть названъ перенесшимъ право, если онъ надлежащимъ образомъ не выразилъ намѣреніе перенести его; тотъ же, кто откровенно высказалъ намѣреніе сохранить власть за собой, не могъ дать надлежащаго знака о намѣреніи перенести на другого средства, необходимыя для поддержанія власти; слѣдовательно подобная запись будетъ при-

знакомъ не намѣренія, но незнанія договаривающихся. Во-вторыхъ, нужно принять во вниманіе всю нелѣпость предположенія, что государство или его верховный властитель можетъ поручить врагу властвовать надъ совѣстью гражданъ, потому что, какъ показано выше, въ раздѣлѣ VI главы V, лица, не образующія одного государства, находятся во враждебномъ другъ къ другу состояніи. Наличности этого состоянія не препятствуетъ то, что они не всегда сражаются (ибо и враги заключаютъ перемирія): для враждебнаго настроенія между государствами достаточно, чтобы между ними существовало недовѣріе, чтобы государства, царства и имперіи, обезопасивъ свои границы крѣпостями, приняли по отношенію другъ къ другу состояніе и видъ гладіаторовъ и хотя и не сражались, но выглядѣли бы врагами. Наконецъ, въ высшей степени несправедливо требовать то, что по самой природѣ требованія признается составляющимъ чужое право. Я буду истолкователемъ Священнаго Писанія для тебя, гражданина другого государства, но на какомъ основаніи? на основаніи какихъ соглашеній между мною и тобой? Въ силу божественной власти? Власти, откуда узнанной? Изъ Священнаго Писанія? Вотъ книга, читай. Чтеніе будетъ безплоднымъ, если я не истолкую ее и для себя; слѣдовательно такое истолкованіе основано на моемъ правѣ и на правѣ отдѣльныхъ гражданъ, взятыхъ по одиночкѣ; но мы оба отрицаемъ это право. Слѣдовательно остается, чтобы въ каждой христіанской церкви, т. е. въ каждомъ христіанскомъ государствѣ истолкованіе Священнаго Писанія, т. е. право разрѣшать всѣ споры зависѣло и проистекало бы отъ власти того человѣка или собранія, которому принадлежитъ верховная власть въ государствѣ.

XXVIII. Существуетъ два рода разногласій: одинъ по отношенію къ духовнымъ вопросамъ, т. е. по отношенію къ вопросамъ вѣры, истина которыхъ не можетъ быть постигнута естественнымъ разумомъ; таковы вопросы о природѣ и подвигѣ Христа; о будущихъ наградахъ и наказаніяхъ; о воскресеніи тѣлъ; о природѣ и обязанности ангеловъ; о молитвахъ; о внѣшнемъ богопочитаніи и подобные имъ; другой—по отношенію къ вопросамъ изъ области человѣческихъ знаній, истина

которыхъ выводится естественнымъ разумомъ съ помощью силлогизмовъ изъ человѣческихъ соглашеній и опредѣленій (т. е. изъ принятыхъ обычаемъ и общимъ соглашеніемъ значеній отдѣльныхъ словъ); таковы всѣ вопросы права и философіи. Напримѣръ, когда въ правѣ спрашивается, есть ли на лицо обѣщаніе и соглашеніе или нѣтъ, это есть ничто иное, какъ спросить, дѣйствительно ли такія-то слова, произнесенныя такимъ-то образомъ, называются по общему обычаю и соглашенію гражданъ обѣщаніемъ или соглашеніемъ; если эти слова называются такъ, истина достигнута, иначе ея нѣтъ. Слѣдовательно эта истина зависитъ отъ соглашенія и согласія людей. Подобнымъ же образомъ, когда въ философіи спрашивается, можетъ ли одно и то же быть цѣлымъ, пребывая одновременно во многихъ мѣстахъ, разрѣшеніе вопроса зависитъ отъ познанія общеупотребительнаго смысла значенія слова *цѣлое*; если люди, говоря о томъ, что цѣлое находится гдѣ-нибудь, по общему соглашенію обозначаютъ этимъ, что согласно ихъ пониманію ничто отъ этой вещи не находится въ другомъ мѣстѣ, то утвержденіе, что одно и то же можетъ пребывать одновременно во многихъ мѣстахъ, будетъ ложнымъ; слѣдовательно эта истина зависитъ отъ людского соглашенія и на томъ же основаніи рѣшаются всѣ остальные вопросы права и философіи. И кто думаетъ, что противъ этого общаго соглашенія людей о наименованіи вещей можно что-нибудь постановить на основаніи темныхъ мѣстъ Писанія, тотъ думаетъ, что можно уничтожить и обращеніе къ рѣчи и вмѣстѣ съ нимъ и все человѣческое общество, потому что продавшій все поле, скажетъ, что *все* содержится въ одномъ кускѣ дерна, и удержитъ остальное, какъ непроданное; уничтожится и самый разумъ, который есть ничто иное, какъ постиженіе истины, получающейся вслѣдствіе подобнаго соглашенія. Слѣдовательно не необходимо, чтобы государство рѣшало вопросы этого рода путемъ истолкованія Священнаго Писанія; потому что эти вопросы не относятся къ слову Божьему, когда слово Божіе понимается въ смыслѣ слова о Богѣ, т. е. въ смыслѣ евангельскаго ученія, и обладающій верховной властью не обязанъ при сужденіяхъ этого рода обращаться къ церковнымъ учителямъ. Для

разрѣшенія вопросовъ вѣры, т. е. вопросовъ о Богѣ, превосходящихъ человѣческое пониманіе, нужно божественное благословеніе (чтобы мы не могли ошибиться, по крайней мѣрѣ, въ необходимомъ), черезъ возложеніе рукъ происходящее отъ Самого Христа. Ибо противорѣчитъ справедливости возможность оказаться безъ помощи, безъ которой мы можемъ ошибиться въ томъ, что необходимо для спасенія, когда ради этого спасенія мы обращаемся къ сверхъестественному ученію, которое нельзя понять иначе, безъ помощи свыше. Эту непогрѣшимость Нашъ Спаситель обѣщалъ (во всемъ, что необходимо для спасенія) вплоть до дня суда апостоламъ; т. е. апостоламъ и пастырямъ, которые будутъ посвящаться преемственно апостолами черезъ возложеніе рукъ. Слѣдовательно верховный властитель государства, если онъ христіанинъ, обязанъ истолковывать Священное Писаніе при посредствѣ правильно поставленныхъ священнослужителей, когда вопросъ возникаетъ о таинствѣ вѣры. Такимъ образомъ въ христіанскихъ государствахъ сужденіе о дѣлахъ и духовныхъ и свѣтскихъ принадлежитъ гражданской власти, и тотъ человѣкъ или то собраніе, которое обладаетъ верховной властью, есть глава и государства и церкви, ибо церковь и христіанское государство — одно и то же.

ГЛАВА XVIII.

О томъ, что необходимо для доступа въ Царство Божіе.

I. Всегда признавалось, что всякая власть въ свѣтскихъ дѣлахъ исходитъ отъ того, кому принадлежитъ верховная власть, будетъ ли это одинъ человѣкъ или одно собраніе; точно также изъ непосредственно предшествующаго очевидно, что въ духовныхъ дѣлахъ эта власть зависитъ отъ церкви и что, кромѣ того, всякое христіанское государство есть церковь, надѣленная властью этого рода. Откуда соображающій какъ угодно туго можетъ заключить, что въ христіанскомъ государствѣ (т. е. въ такомъ, въ которомъ верховная власть принадлежитъ христіанскому государю или собранію) въ рукахъ Христа соединена вся власть, какъ свѣтская, такъ и духовная и что, слѣдовательно, этому государству нужно повиноваться во всемъ. И напротивъ, такъ какъ Богу надлежитъ повиноваться больше, чѣмъ людямъ, возникаетъ затрудненіе, на основаніи какого соглашенія можно оказывать это повиновеніе государству, если оно прикажетъ дѣлать что-либо запрещенное Христомъ. Причина затрудненія состоитъ въ томъ, что такъ какъ Господь не говоритъ больше съ нами устами Христа и пророковъ, но словами Священнаго Писанія, которыя различно воспринимаются разными людьми, то хотя они всѣ и знаютъ, что́ приказываютъ цари и соборная церковь, они не знаютъ, противорѣчитъ или нѣтъ велѣніямъ Бога то что тѣ приказываютъ и переходя подъ страхомъ смерти вѣчной и земной отъ покорности однимъ къ покорности другой, они, уподобляясь плывущимъ между Сциллой и Харибдой, часто попадаютъ къ обѣимъ. Тѣ же, кто правильно различаетъ необходимое и не необходимое къ спасенію, не могутъ имѣть

сомнѣній этого рода. Дѣйствительно, если велѣнія государя или государства таковы, что имъ можно повиноваться безъ опасности для вѣчнаго спасенія, будетъ незаконнымъ не повиноваться имъ и здѣсь имѣетъ мѣсто заповѣдь апостола: рабы, во всемъ повинуйтесь господамъ вашимъ по плоти, служа имъ не только на ихъ глазахъ, какъ человѣко-угодники, но въ простотѣ сердца, Кол. 3. 22 и велѣніе Христа: книжники и фарисеи сидятъ на мѣстѣ Моисея; исполняйте и дѣлайте все, что они вамъ прикажутъ исполнять, Мѳ. 23. 2, 3. Напротивъ, если они прикажутъ сдѣлать то что карается вѣчной смертью, было бы неблагоразумно не предпочесть умереть смертью тѣлесной, чѣмъ, повинуясь, умереть смертью вѣчной. Здѣсь имѣетъ мѣсто то, что говоритъ Христосъ: не бойтесь отнимающихъ жизнь у тѣла и не могущихъ погубить душу. Мѳ. 10. 28. Поэтому необходимо разсмотрѣть то, что ведетъ ко спасенію.

II. Все необходимое для достиженія спасенія заключается въ двухъ добродѣтеляхъ: вѣрѣ и повиновеніи: если бы послѣдняя изъ нихъ могла бы быть совершенной, ее одной было бы достаточно чтобы избѣжать осужденія; но такъ какъ мы всѣ по Адаму соучастники въ возстаніи противъ Бога и, кромѣ того, сами грѣшимъ дѣйствіемъ, повиновенія недостаточно для отпущенія грѣховъ, которое, вмѣстѣ съ допущеніемъ въ небесное царство, является наградой за вѣру. Для спасенія ничего кромѣ этого не требуется. Царство Божіе закрыто только для грѣшниковъ, т. е. для тѣхъ, кто не оказываетъ Богу должнаго повиновенія и открывается даже для нихъ, если они вѣрятъ въ необходимыя положенія христіанской вѣры. Если же мы будемъ знать, въ чемъ состоитъ повиновеніе и въ чемъ необходимыя положенія христіанской вѣры, сразу станетъ очевидно, что́ мы должны дѣлать по приказанію государства и государя и отъ чего мы должны воздержаться.

III. Повиновеніе здѣсь обозначаетъ не поступокъ, но волю и желаніе, съ которымъ мы обѣщаемъ въ будущемъ повиноваться насколько сможемъ. Въ этомъ значеніи слово повиновеніе однозначуще съ раскаяніемъ, потому что добродѣтельность раскаянія состоитъ не въ скорби, сопровождающей воспоминаніе о грѣхѣ, но въ обращеніи на истинный путь и рѣшеніи больше не грѣшить, безъ чего эта скорбь является

скорбью не покаянія, но отчаянія, такъ какъ любящіе Бога, не могутъ не хотѣть повиноваться божественному закону и любящіе ближняго не могутъ не хотѣть повиноваться закону нравственному, состоящему, какъ сказано выше, въ главѣ III, въ запрещеніи гордости, неблагодарности, оскорбленія, безчеловѣчности, немилосердія, обидъ и подобныхъ оскорбленій. Итакъ слову повиновеніе равнозначна также любовь или милость, а также справедливость (т. е. постоянное желаніе воздавать каждому то, что—его). Очевидно, что для спасенія уже достаточно вѣры и раскаянія; первое слѣдуетъ изъ самого договора крещенія, потому что на вопросъ обращенныхъ имъ въ день сошествія Святого Духа: что намъ дѣлать, Петръ отвѣчалъ: покайтесь и да крестится каждый изъ васъ во имя Іисуса Христа для прощенія грѣховъ, и получите даръ Святого Духа. Дѣян. 2. 38. Слѣдовательно для принятія крещенія, т. е. для достиженія Царства Божія не нужно ничего какъ только покаяться и увѣровать въ Іисуса. Въ соглашеніяхъ же заключаемыхъ во время крещенія обѣщается Царство Небесное. То же слѣдуетъ изъ словъ Христа, отвѣчавшаго на вопросъ богача, какими поступками достигнетъ онъ жизни вѣчной: исполняй заповѣди, не прелюбодѣйствуй, не убивай, что относится къ повиновенію; продай все, что имѣешь, иди за Мной, что относится къ вѣрѣ. Лук. 18. 20. Мр. 10. 21, и изъ того, что говорится: праведникъ (не кто угодно, но лишь праведникъ) живетъ вѣрой, а праведность есть то же расположеніе воли, что повиновеніе и раскаяніе, и изъ словъ ап. Марка, 1.15: покайтесь и увѣруйте въ Евангеліе, такъ какъ исполнилось время и приближается Царствіе Божіе; слѣдовательно нѣтъ нужды въ другихъ добродѣтеляхъ кромѣ раскаянія и вѣры. Итакъ повиновеніе, являющееся необходимымъ условіемъ для достиженія спасенія, есть ничто иное какъ воля и стремленіе повиноваться, т. е. поступать согласно съ законами Бога, т. е. согласно съ нравственными законами, которые одинаковы для всѣхъ, съ гражданскими законами, т. е. съ велѣніями повелителей въ свѣтскихъ дѣлахъ и съ церковными законами — въ дѣлахъ духовныхъ; эти два рода законовъ различны въ различныхъ государствахъ и узнаются или изъ обнародованія, или изъ публичныхъ рѣшеній.

IV. Для того чтобы знать, что такое христіанская вѣра, нужно опредѣлить вѣру вообще и установить ея отличіе отъ остальныхъ душевныхъ движеній, съ которыми ее обыкновенно смѣшиваютъ. Объектомъ вѣры, взятой вообще, иначе говоря того, во что вѣрятъ, всегда является предложеніе (т. е. утвердительное или отрицательное положеніе), относительно котораго мы утверждаемъ, что оно является истиннымъ. Но такъ какъ съ предложеніями соглашаются по различнымъ основаніямъ, то согласіе этого рода приходится называть отличнымъ именемъ. Иногда мы соглашаемся съ предложеніями, которыхъ мы въ душѣ не принимаемъ; это дѣлается иногда на время, пока мы, разсмотрѣвъ вытекающія отсюда слѣдствія, не провѣрили ихъ истинности; это называется предполагать; когда же это дѣлается безусловно, напримѣръ изъ-за страха передъ законами, это называется воспользоваться или удовольствоваться внѣшнимъ выраженіемъ; это дѣлается иногда по причинѣ добровольной уступчивости, что дѣлаютъ люди вѣжливые по отношенію къ тѣмъ, кого они уважаютъ, а по отношенію къ другимъ — ради сохраненія мира; это называется просто уступить. Въ предложеніяхъ, которыя мы считаемъ истинными, мы часто уступаемъ по другимъ соображеніямъ. Они зависятъ либо отъ самого предложенія, либо отъ лица предлагающаго. Зависятъ отъ самого предложенія, возстановленнаго въ памяти для обозначенія какихъ предметовъ принимаются по общему смыслу слова, въ которыхъ заключается предложеніе; если это происходитъ такимъ образомъ, даваемое нами согласіе называется знаніемъ.

Если же мы не можемъ согласиться, что̀ въ точности нужно понимать подъ этими словами, но кажется, что можно принять или то, или иное, тогда говорятъ о предположеніи. Напримѣръ если предполагается, что два и три—пять, то вспомнивъ порядокъ именъ числительныхъ, установленный по общему соглашенію говорящихъ на этомъ языкѣ (на основаніи соглашенія, необходимаго для каждаго человѣческаго общества) такимъ образомъ, чтобы пятерка была числомъ содержащимъ столько же единицъ, сколько изъ двойкѣ и тройкѣ взятыхъ вмѣстѣ, каждый признаетъ истиннымъ положеніе, что 2 и 3 взятые вмѣстѣ есть 5; такое соглашеніе называется знаніемъ.

Знать подобную истину значитъ ничто иное, какъ признавать, что она установлена нами самими. Какъ, по нашему желанію и на основаніи законовъ языка, число называется двойка, тройка, пятерка, такъ по нашему желанію дѣлается истиннымъ предложеніе, что двойка и тройка взятыя вмѣстѣ образуютъ пятерку. Подобнымъ же образомъ, если мы вспомнимъ, что̀ называется кражей и что̀—нарушеніемъ правъ, но съ помощью однихъ только словъ, мы будемъ знать, истинно или нѣтъ предложеніе, что кража есть нарушеніе правъ. Истина есть то же, что и правильное предложеніе; правильнымъ же будетъ то предложеніе, послѣдующее утвержденіе котораго, называемое логиками сказуемымъ, содержится во всемъ его объемѣ въ предшествующемъ утвержденіи, называемомъ подлежащимъ; знать истину значитъ то же самое, что понимать, что она создана нами самими, однимъ употребленіемъ словъ. И не безъ основанія Платонъ нѣкогда сказалъ, что знаніе есть память. Однако иногда случается, что слова, имѣвшія вначалѣ извѣстное опредѣленное значеніе, настолько отклоняются, благодаря обычному ихъ употребленію, отъ собственнаго ихъ значенія въ сторону изощренности или даже измѣненія, что дѣлается очень трудно вызвать въ памяти тѣ представленія, къ которымъ они относятся и до нихъ нельзя дойти иначе съ помощью строгаго сужденія и величайшей внимательности. Случается даже, что многія слова не имѣютъ никакого собственнаго или опредѣленнаго и одинаковаго вездѣ значенія и понимаются не въ силу ихъ собственнаго значенія, но въ силу другихъ, одновременно сопутствующихъ имъ знаковъ. Въ третьихъ, иногда встрѣчаются названія вещей, которыхъ нельзя представить. Слѣдовательно нѣтъ никакихъ представленій о вещахъ, которымъ бы соотвѣтствовали эти названія; поэтому мы напрасно будемъ искать въ этихъ названіяхъ истину предложеній, которыя они составляютъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда мы добиваемся истиннаго смысла какого-нибудь предложенія, разсматривая значеніе отдѣльныхъ словъ съ надеждой найти его, мы считаемъ иногда предложеніе истиннымъ и иногда ложнымъ. И то и другое въ отдѣльности называется предполагать и вѣрить, а оба вмѣстѣ—сомнѣваться. Когда же основаніе, по которому мы соглашаемся съ какимъ-нибудь

предложеніемъ вытекаетъ изъ самого предложенія, но зависитъ отъ личности высказывающаго его, котораго мы считаемъ настолько опытнымъ, чтобы избѣжать ошибокъ и мы не видимъ причинъ почему бы онъ могъ ошибиться, тогда наше согласіе называется вѣрой, такъ какъ оно проистекаетъ не отъ нашего знанія, а отъ довѣрія къ чужому. И говорится что мы вѣримъ тѣмъ или въ тѣхъ, довѣряя кому мы вѣримъ въ ихъ сужденія. Изъ сказаннаго выясняется разница, во первыхъ, между вѣрой и исповѣданіемъ: первая всегда соединяется съ внутреннимъ согласіемъ, а второе не всегда; первая есть внутреннее убѣжденіе души, а второе—внѣшнее повиновеніе. Далѣе выясняется разница между вѣрой и мнѣніемъ; оно опирается на нашъ разумъ, а вѣра—на признаніе чужого. И наконецъ разница между вѣрой и знаніемъ; послѣднему свойственно медленно допускать расчлененное и не измѣняющееся предложеніе, первой—постигать его цѣликомъ. Къ знанію ведетъ объясненіе словъ, въ которыхъ содержится то, что нужно отыскать; слѣдовательно къ знанію дорога одна—черезъ опредѣленія. Опредѣленія же вредятъ вѣрѣ, ибо то, во что предлагается вѣрить какъ въ превышающее человѣческія понятія, никогда не становится болѣе очевиднымъ отъ объясненія, но наоборотъ, становится темнѣе и болѣе труднымъ для вѣры. Съ человѣкомъ, пытающимся доказать мистеріи вѣры на основаніи естественнаго закона, происходитъ то же, что съ больнымъ, пытающимся разжевать, прежде чѣмъ пропустить въ желудокъ, цѣлебныя, но горькія пилюли; изъ этого происходитъ то, что онъ ихъ выплевываетъ, между тѣмъ принятыя инымъ способомъ онѣ бы его исцѣлили.

V. Итакъ мы видѣли что́ значитъ вѣрить. Что же значитъ вѣрить въ Христа? иначе, какое предложеніе является объектомъ вѣры въ Христа? Потому что когда мы говоримъ: вѣра въ Христа, мы обозначаемъ только кому, а не въ кого мы вѣримъ. Вѣрить въ Христа значитъ ничто иное какъ вѣрить, что Іисусъ есть Спаситель и именно Тотъ, Который, согласно пророчеству Моисея и пророковъ Израильскихъ, долженъ былъ прійти въ этотъ міръ для установленія Царства Божія. Это достаточно ясно слѣдуетъ изъ словъ Самого Христа Марѳѣ: Я воскресеніе и жизнь; вѣрующій въ Меня будетъ

жить и послѣ смерти. Живущій и вѣрующій въ Меня не умретъ вовѣки. Вѣришь ли ты этому? Она отвѣтила Ему: да, Господи; я вѣрю, что Ты—Христосъ, Сынъ Божій, который долженъ былъ прійти въ міръ, Іоан. 11. 25, 26, 27, изъ которыхъ мы видимъ, что вѣра въ Него объяснена такъ: потому, что Ты—Христосъ. Слѣдовательно вѣрить въ Христа значитъ ничто иное какъ вѣрить Самому Іисусу, когда Онъ говоритъ, что Онъ—Христосъ.

VI. Для желающихъ спастись вѣрой и повиновеніемъ необходимы и та и другое; выше, въ раздѣлѣ III, показано въ чемъ состоитъ повиновеніе и кому нужно повиноваться. Теперь нужно установить, что требуетъ Символъ Вѣры. Я утверждаю, что для спасенія христіанина не требуется, какъ необходимое, никакое иное исповѣданіе вѣры, кромѣ слѣдующаго [1]): Іисусъ есть Спаситель, Христосъ. Нужно различать,

[1]) Хотя это утвержденіе, которое, какъ я предвижу, можетъ не понравиться многимъ теологамъ, и достаточно подкрѣплено слѣдующими за ними разсужденіями, однако я рѣшилъ, что болѣе подробное его объясненіе увеличитъ цѣнность моего труда. Слѣдовательно, во-первыхъ, когда я говорю, что для спасенія необходимо одно только исповѣданіе: Іисусъ есть Спаситель, я не говорю, что для спасенія необходима одна только вѣра, но требую также и законности или повиновенія, должнаго законамъ Божіимъ, т. е. намѣренія жить праведно. Во-вторыхъ, я не отрицаю, что исповѣданіе многихъ другихъ членовъ символа вѣры тоже необходимо для спасенія, если это исповѣданіе предписывается церковью, но такъ какъ вѣра бываетъ внутренней, а исповѣданіе—внѣшнимъ, то я говорю, что одно составляетъ часть собственно вѣры, а другое—повиновенія и такимъ образомъ, что одного этого члена достаточно для внутренней вѣры, но не для исповѣданія христіанства. Наконецъ, хотя я и сказалъ, что одного подлиннаго и внутренняго раскаянія въ грѣхахъ достаточно, по справедливости, для спасенія, однако не нужно считать это мнѣніе парадоксомъ, потому что мы понимаемъ, что въ этомъ раскаяніи содержится праведность, повиновеніе и намѣреніе слѣдовать всѣмъ добродѣтелямъ; тѣмъ менѣе нужно удивляться моимъ словамъ будто вѣра въ одинъ членъ достаточна для спасенія, что въ немъ содержатся всѣ остальные. Ибо эти слова: Іисусъ есть Спаситель означаютъ: Іисусъ есть Тотъ, Что пришествіе въ міръ для возстановленія Его царства Господь обѣщалъ черезъ пророковъ, т. е. что Іисусъ есть Сынъ Господа, Творца неба и земли, рожденный отъ дѣвы, умершій за грѣхи увѣровавшихъ въ Него, Спаситель, т. е. Царь, который воскреснетъ (потому что иначе Онъ не сможетъ царствовать) для суда надъ

какъ было указано выше, въ раздѣлѣ IV, между вѣрой и исповѣданіемъ. Исповѣданіе можетъ быть необходимымъ для многихъ догматовъ (если это приказываютъ), потому что оно есть часть должнаго повиновенія законамъ, но мы ищемъ здѣсь не повиновеніе, необходимое для спасенія, а вѣру. Мое утвержденіе доказывается, во-первыхъ, намѣреніемъ евангелистовъ, состоявшемъ въ томъ, чтобы путемъ описанія жизни Нашего Спасителя установить этотъ одинъ членъ. Мы будемъ знать изъ обращенія къ самой Священной Исторіи, что стремленіе и намѣреніе евангелистовъ было именно такимъ. Ап. Матѳій, начиная съ Его родословной, показываетъ въ I главѣ, что Іисусъ былъ изъ рода Давидова и родился отъ дѣвы, во II—что маги поклонялись Ему, какъ царю Іудейскому, и что по той же причинѣ Иродъ искалъ Его убить, въ III и IV главахъ—что Его царствованіе было предсказано и Іоанномъ крестителемъ и Имъ Самимъ, въ V, VI и VII—что Онъ училъ законамъ не какъ книжники, но какъ имѣющій власть, въ VIII и IX главахъ—что Онъ чудесно исцѣлялъ больныхъ, въ главѣ X—что Онъ разослалъ апостоловъ во всѣ части Іудеи проповѣдовать, какъ провозвѣстники Его царства, о Царствіи Его, въ XI главѣ—что Онъ отвѣчалъ посланцамъ Іоанна, спрашивавшимъ Христосъ Онъ или нѣтъ, чтобы они разсказали о видѣнныхъ ими чудесахъ, которыя могли быть сотворены только Христомъ, въ главахъ XII и слѣдующихъ

міромъ и оцѣнки его дѣлъ, потому что иначе Онъ не сможетъ быть царемъ; что воскреснутъ также и люди, потому что безъ этого они не смогутъ явиться на судъ. Слѣдовательно въ одномъ этомъ членѣ содержится весь апостольскій символъ вѣры, который я рѣшился такъ сократить потому, что изъ-за одного этого члена, безъ остальныхъ, которые выводятся изъ него какъ послѣдствія, и Христосъ и апостолы допустили многихъ въ царствіе Божіе, напримѣръ разбойника на крестѣ, евнуха, крещеннаго Филиппомъ, двѣ тысячи человѣкъ, сразу присоединенныхъ ап. Петромъ къ церкви. Если же кому-нибудь не нравится, что я считаю всѣхъ не признающихъ внутренно какого-нибудь члена требуемаго церковью, но однако не противорѣчащихъ ему, а (когда имъ приказываютъ) уступающихъ, не осужденными навѣки, я не знаю, что я могу для нихъ сдѣлать, потому что слѣдующія далѣе самыя очевидныя свидѣтельства Священнаго Писанія мѣшаютъ мнѣ измѣнить мое мнѣніе.

до XXI, что Онъ доказалъ и объявилъ доказательствами, притчами и знаменіями фарисеямъ и книжникамъ о Своемъ царствѣ, въ главѣ XXI, что Его привѣтствовали какъ царя при входѣ въ Іерусалимъ, въ главахъ XXI, XXII, XXIII, XXIV и XXV, что Онъ подтвердилъ въ спорѣ съ фарисеями, что Онъ есть обѣщанный Христосъ; предупредилъ о лжехристахъ; въ притчахъ показалъ, какимъ будетъ Его царство, въ главахъ XXVI и XXVII, что Онъ былъ схваченъ и обвиненъ въ томъ, что называлъ себя царемъ іудейскимъ и что надъ крестомъ было написано: се есть царь іудейскій, наконецъ, въ главѣ XXVIII, что послѣ воскресенія Онъ сказалъ апостоламъ: Мнѣ дана вся власть надъ небомъ и землей. Все это для того, чтобы мы повѣрили, что Іисусъ былъ обѣщаннымъ Спасителемъ. Таково было стремленіе ап. Матѳія когда онъ писалъ Евангеліе, а оно было такимъ же и у остальныхъ евангелистовъ, что высказалъ ап. Іоаннъ въ концѣ своего Евангелія словами: все это написано для того, чтобы вы вѣрили, что Іисусъ есть Сынъ Божій, Іоан. 20. 31.

VII. Во-вторыхъ, это же доказывается апостольскими предсказаніями, потому что апостолы были провозвѣстниками царства и Христосъ послалъ ихъ предсказывать ничто иное какъ царство Божіе. Лук. 9. 2; Дѣян. 15. 4. Изъ предъявленнаго къ нимъ обвиненія: они привлекли Іасона и нѣкоторыхъ братьевъ къ городскимъ начальникамъ, крича: эти всесвѣтные возмутители пришли и сюда; Іасонъ принялъ ихъ у себя, они всѣ поступаютъ противъ велѣній Кесаря, почитая другого царемъ—Іисуса, Дѣян. 17. 6, 7, видно, что́ они дѣлали послѣ вознесенія Христа. Далѣе изъ слѣдующихъ словъ: открывали (подразумѣвается на основаніи Ветхаго Завѣта) и доказывали, что Христу слѣдовало пострадать и воскреснуть изъ мертвыхъ и это и есть тотъ Іисусъ Христосъ, о которомъ я говорю, Дѣян. 17. 3, видно, что́ было предметомъ апостольскихъ совѣщаній.

VIII. Въ третьихъ, это доказывается тѣми мѣстами, въ которыхъ говорится о легкости требуемаго Христомъ для спасенія, потому что не было бы ничего сложнѣй христіанской религіи, если бы для спасенія необходимо требовалась внутренняя душевная увѣренность въ истинности всѣхъ отдѣль-

ныхъ предложеній о христіанской вѣрѣ, вокругъ которыхъ теперь или идетъ споръ, или которыя различно опредѣляются различными церквями. Какъ могло бы быть иначе истиннымъ: иго Мое благо и бремя Мое легко есть, Мѳ. 11. 30; дѣти, которые вѣрятъ въ Меня, Мѳ. 18. 6, и безуміемъ проповѣди было угодно Господу спасти вѣрующихъ, 1 Кор. 1. 21, или какимъ образомъ былъ бы подготовленъ къ спасенію разбойникъ на крестѣ, исповѣданіе вѣры котораго содержалось въ слѣдующихъ словахъ: помяни мя Господи, егда пріидеши во Царствіи Твоемъ? Или откуда самъ ап. Павелъ могъ такъ быстро сдѣлаться изъ врага церкви учителемъ христіанъ?

IX. Далѣе это слѣдуетъ изъ того, что этотъ членъ является основаніемъ вѣры и самъ не опирается ни на какое другое основаніе: если кто-нибудь вамъ скажетъ: Христосъ — здѣсь или тамъ, не вѣрьте, потому что явятся лжехристы и лжепророки и сотворятъ великія знаменія. Мѳ. 24. 23, 24. Откуда слѣдуетъ, что ради вѣры въ этотъ членъ нужно отрицать вѣру въ знаменія и чудеса. Если кто-нибудь возвѣститъ другое евангеліе кромѣ того, которое мы вамъ возвѣстили, будемъ ли это мы сами или ангелъ съ неба, анаѳема ему. Гал. 1. 8. Слѣдовательно, ради этого члена нужно отказаться вѣрить самимъ апостоламъ и ангеламъ (думаю слѣдовательно и церкви), если бы они стали учить противному. Возлюбленные, не вѣрьте всякому духу, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они и т. д. 1 Іоан. 4. 1. Слѣдовательно этотъ членъ есть мѣра духа, въ соотвѣтствіи съ которой вліяніе учителей либо признается, либо отвергается, потому что нельзя отрицать, что всѣ, являющіеся теперь христіанами, научились отъ учителей, что былъ Іисусъ, совершившій все то, благодаря чему Его признаютъ Христомъ; однако отсюда не слѣдуетъ, что въ этомъ членѣ христіане вѣрятъ учителямъ или церкви; они вѣрятъ Самому Іисусу, потому что этотъ членъ существовалъ раньше христіанской церкви, хотя всѣ остальные явились послѣ нея, и церковь основана на немъ, а не онъ—на власти церкви. Мѳ. 16. 16, 18. Кромѣ того этотъ членъ, что Іисусъ есть Спаситель, Христосъ, является въ такой степени основнымъ, что ап. Павелъ говоритъ объ остальныхъ, какъ основанныхъ на немъ. Никто не можетъ положить другого основанія, кромѣ

положеннаго, которое есть Іисусъ Христосъ. Если кто-нибудь построитъ на этомъ основаніи изъ золота, серебра, драгоцѣнныхъ камней, дерева, сѣна, соломы, работа каждаго станетъ явной, ибо день покажетъ, потому что въ огнѣ открывается и огонь испытаетъ дѣло каждаго. Если работа построившаго на основаніи останется, онъ будетъ награжденъ, а у кого дѣло сгоритъ, тотъ потерпитъ уронъ, но самъ спасется. 1 Кор. 3. 11, 12, 13, 14, 15. Откуда слѣдуетъ, что основаніемъ нужно считать этотъ членъ: Іисусъ есть Спаситель, Христосъ. Потому что надъ личностью Христа не воздвигаются золото, серебро, солома, тростникъ, которыя обозначаютъ ученія. И ложныя ученія можно выстроить на этомъ основаніи такъ, что проповѣдующіе ихъ не встрѣтятъ осужденія.

X. Что этотъ членъ является единственно необходимымъ для поддержанія внутренней вѣры, можетъ быть наконецъ доказано самымъ очевиднымъ образомъ изъ многихъ мѣстъ Священнаго Писанія, кто бы ихъ не толковалъ. Внимайте Писаніямъ, потому что черезъ нихъ вы вѣрите въ жизнь вѣчную и они свидѣтельствуютъ вамъ о Мнѣ. Іоан. 5. 39. Однако Христосъ подразумѣваетъ здѣсь только Священное Писаніе Ветхаго Завѣта, потому что Новый Завѣтъ тогда еще не былъ написанъ, а въ Ветхомъ Завѣтѣ о Христѣ не было сказано ничего кромѣ того, что пріидетъ вѣчный Царь, который родится въ такомъ-то мѣстѣ, отъ такихъ-то родителей, будетъ учить тому-то, совершитъ то-то и по какимъ дѣламъ и знаменіямъ Его можно будетъ узнать. Все это свидѣтельствуетъ объ одномъ: что Іисусъ, тамъ родившійся, такъ учившій и это совершившій, есть Христосъ. Слѣдовательно для достиженія вѣчной жизни не требовалось иной вѣры кромѣ какъ въ этотъ членъ. Всякій живущій и вѣрящій въ Меня не умретъ во вѣки. Іоан. 11. 25. Вѣрить же въ Іисуса (какъ это объясняется вездѣ) есть то же, что вѣрить: Іисусъ есть Христосъ. Слѣдовательно вѣрящій этому не умретъ во вѣки и слѣдовательно одинъ только этотъ членъ необходимъ для спасенія. Это написано чтобы вы повѣрили, что Іисусъ есть Христосъ, Сынъ Божій и чтобы вѣря въ это вы получили бы жизнь во имя Его. Іоан. 20. 31. А если вѣрящій этому получитъ вѣчную жизнь, то онъ не имѣетъ нужды вѣрить

еще иначе. Всякій духъ, исповѣдующій Іисуса Христа, пришедшаго во плоти—отъ Бога; 1 Іоан. 4. 2, и вѣрящій, что Іисусъ—Христосъ и рожденъ Богомъ, 1 Іоан. 5. 1 и кто побѣждаетъ міръ, если не тотъ, кто вѣритъ, что Іисусъ—Сынъ Божій, 1 Іоан. 5. 5. Слѣдовательно если не нужно вѣрить ни во что кромѣ того, что Онъ отъ Бога, что Онъ рожденъ Богомъ чтобы побѣдить міръ, одного этого члена: Іисусъ есть Христосъ, достаточно для спасенія. Вотъ вода, что́ мнѣ мѣшаетъ креститься? И Филиппъ сказалъ: если ты вѣришь всѣмъ своимъ сердцемъ, можно. И евнухъ, отвѣчая, сказалъ: вѣрую, что Іисусъ Христосъ есть Сынъ Божій. Дѣян. 8. 36, 37. Слѣдовательно вѣры въ этотъ членъ всѣмъ сердцемъ, т. е. внутренней вѣрой, достаточно для крещенія, достаточно для спасенія. Кромѣ этихъ мѣстъ Священнаго Писанія есть безчисленное количество другихъ, ясно и очевидно подтверждающихъ то же самое. Далѣе всюду, гдѣ мы читаемъ, что Нашъ Спаситель похвалилъ чью-нибудь вѣру, или сказалъ: вѣра твоя спасла тебя, или излѣчилъ кого-нибудь за его вѣру, тамъ не требовалось вѣрить, прямо или посредственно, ни во что другое кромѣ того, что Іисусъ есть Христосъ.

XI. Однако, такъ какъ никто не можетъ вѣрить, что Іисусъ есть Христосъ, если онъ не знаетъ, что подъ Христомъ нужно подразумѣвать того Царя, который былъ обѣщанъ Господомъ черезъ Моисея и пророковъ, какъ Царь и Спаситель міра, т. е. если онъ не вѣритъ Моисею и пророкамъ, а имъ онъ не можетъ вѣрить, если не вѣритъ, что Господь и существуетъ и управляетъ міромъ, то по необходимости эта вѣра въ Бога и въ Ветхій Завѣтъ содержится и въ Новомъ Завѣтѣ. Слѣдовательно какъ въ естественномъ Царствѣ Божіемъ единственнымъ видомъ оскорбленія божественнаго величія было безбожіе и отрицаніе божественнаго Провидѣнія, а въ царствѣ ветхозавѣтнаго соглашенія также и идолопоклонство, такъ въ новозавѣтномъ Царствѣ прибавляется еще отступничество или отказъ отъ однажды принятаго члена, что Іисусъ есть Христосъ. Остальнымъ ученіямъ, если только они будутъ установлены законной церковью, противорѣчить неблагоразумно, потому что это грѣхъ неповиновенія, а повиновеніе необходимо для спасенія. Однако, какъ подробно показано въ непосредственно предшествующихъ раздѣлахъ, не необходимо вѣрить этимъ ученіямъ внутренней вѣрой.

XII. Вѣра и повиновеніе имѣютъ различное значеніе въ достиженіи христіанскаго спасенія; первая содѣйствуетъ его возможности или способности, вторая—дѣйствію. И та и другая оправдываются каждая своимъ образомъ. Христосъ отпускаетъ грѣхи не всѣмъ, но только раскаивающимся или повинующимся, т. е. праведнымъ (не говорю невиннымъ, но праведнымъ; праведность же есть желаніе повиноваться законамъ и можетъ явиться у согрѣшившаго; желаніе же повиноваться, повиновеніе—у Христа). Не всякій, но только праведникъ живетъ вѣрой. Повиновеніе оправдываетъ, такъ какъ оно дѣлаетъ праведнымъ, точно такъ же, какъ умѣренность дѣлаетъ умѣреннымъ, мудрость—мудрымъ, чистота—чистымъ, и оно необходимо приводитъ человѣка въ такое состояніе, что онъ оказывается достойнымъ милости. И обратно, Христосъ обѣщаетъ отпущеніе грѣховъ не всѣмъ праведнымъ, но только однимъ вѣрящимъ, что Онъ—Христосъ. Поэтому вѣра оправдываетъ въ томъ смыслѣ, въ которомъ говорятъ оправдываетъ о судьѣ разрѣшающемъ; рѣшеніе его дѣлаетъ столь же свободнымъ, какъ и дѣйствіе. И въ такомъ пониманіи оправданія (ибо слово это двусмысленно) оправдываетъ одна вѣра, а въ ней—одно повиновеніе; спасаютъ же не одна праведность и не одна вѣра, но обѣ вмѣстѣ.

XIII. Изъ сказаннаго до сихъ поръ легко вывести въ чемъ состоятъ обязанности гражданъ-христіанъ по отношенію къ обладающему верховной властью. Повелители, какъ долго они выставляютъ себя христіанами, не могутъ приказывать своимъ подданнымъ отречься отъ Христа или оскорбить его, ибо приказавъ это они покажутъ себя не христіанами. Такъ какъ и на основаніи естественнаго разума и словами Священнаго Писанія было доказано, что граждане должны повиноваться государямъ и верховнымъ правителямъ государства во всемъ, за исключеніемъ того, что противорѣчитъ велѣніямъ Бога, и такъ какъ было доказано, что въ христіанскомъ государствѣ велѣніями Бога по отношенію ко всему свѣтскому (т. е. къ тому, что должно разсматриваться человѣческой мыслью) являются законы и постановленія государства, исхо-

дящіе отъ тѣхъ, кому государствомъ дана власть издавать законы и рѣшать дѣла, по отношенію же ко всему духовному (т. е. тому, что должно опредѣляться Священнымъ Писаніемъ) эти велѣнія суть законы и постановленія государства, т. е. Церкви (ибо христіанское государство и церковь есть одно и то же, какъ это доказано въ раздѣлѣ XX предыдущей главы), исходящіе отъ призванныхъ къ служенію пастырей, которые получаютъ отъ государства власть устанавливать эти отношенія, то съ очевидностью слѣдуетъ, что въ христіанскомъ государствѣ верховнымъ властителямъ нужно повиноваться во всѣхъ дѣлахъ какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ; это не вызываетъ разногласій. Слѣдуетъ также, что гражданинъ-христіанинъ долженъ оказывать и нехристіанскимъ повелителямъ во всѣхъ свѣтскихъ дѣлахъ такое же повиновеніе; въ духовныхъ же дѣлахъ, т. е. въ томъ, что касается способа богопочитанія, нужно слѣдовать какой-нибудь христіанской церкви, такъ какъ христіанская вѣра предполагаетъ, что въ сверхъ—естественныхъ вопросахъ Господь говоритъ только черезъ христіанскихъ истолкователей Священнаго Писанія. Спрашивается, нужно ли сопротивляться государямъ, тамъ, гдѣ имъ нельзя повиноваться? Сопротивленіе было бы совершенно неправильнымъ, потому что оно противорѣчитъ гражданскому соглашенію. Какъ же, спрашивается, дѣйствовать. Итти ко Христу мученическимъ путемъ. Если же кому-нибудь это покажется сказаннымъ слишкомъ рѣзко, совершенно ясно, что онъ не вѣритъ всѣмъ сердцемъ въ то, что Іисусъ есть Христосъ, Сынъ Бога Живаго (потому что тогда онъ захотѣлъ бы погибнуть и быть со Христомъ), но что онъ хочетъ, прикрываясь христіанской вѣрой, избѣжать повиновенія государству, которое было установлено соглашеніемъ.

XIV. Каждый сильно удивится если онъ узнаетъ, что за исключеніемъ одного условія: Іисусъ есть Христосъ, которое необходимо для спасенія внутренной вѣрой, всѣ остальныя относятся къ такому повиновенію, которое можетъ оказывать всякій, даже если онъ внутренно и не вѣритъ (напримѣръ если хочетъ показать, что вѣритъ и наружно прибѣгаетъ къ выраженію вѣры каждый разъ, когда это нужно) въ то, что преподается церковью; откуда происходитъ то, что теперь много

догматовъ, о которыхъ говорятъ, что они настолько необходимы для внутренной вѣры, что невѣрящій въ нихъ не сможетъ войти въ царствіе небесное. Но онъ будетъ удивляться меньше, если замѣтитъ, что во многихъ случаяхъ разногласія споръ идетъ о земномъ царствѣ, въ другихъ—о жалобахъ, въ третьихъ—о прославленіи ума. Вопросъ о церковныхъ имуществахъ есть вопросъ о правѣ власти; зная же, что̀ такое церковь, мы будемъ знать, что это право принадлежитъ тому же, кому принадлежитъ власть надъ христіанами. Ибо если какое-нибудь христіанское государство есть та церковь, повиновенію которой Самъ Христосъ училъ каждаго христіанина, подчиненнаго этому государству, каждый гражданинъ обязанъ повиноваться своему государству, т. е. тому или тѣмъ, кто обладаетъ въ немъ верховной властью, не только въ свѣтскихъ, но и въ духовныхъ дѣлахъ. Если же какое-нибудь христіанское государство не будетъ такой церковью, тогда есть какая-нибудь болѣе обширная церковь, которой нужно повиноваться; и, слѣдовательно, всѣ христіане должны повиноваться ей, какъ повиновались бы они Христу, если бы Онъ пришелъ на землю. Она же будетъ повелѣвать либо при посредствѣ монарха, либо при посредствѣ какого-нибудь собранія. Слѣдовательно вопросъ этотъ есть вопросъ о правѣ власти. Это же право затрагиваетъ и вопросъ о непогрѣшимости; если кто-нибудь дѣйствительно внутренно считается всѣмъ человѣческимъ родомъ за немогущаго согрѣшить, онъ можетъ быть увѣренъ во власти надъ всѣмъ человѣческимъ родомъ какъ въ свѣтскихъ, такъ и въ духовныхъ дѣлахъ, развѣ только, что онъ самъ не захочетъ ея, потому что если онъ скажетъ, что ему нужно повиноваться въ духовныхъ дѣлахъ, тѣмъ самымъ, что онъ считается за немогущаго ошибаться, ему предоставляется право на подобную власть. Туда же относится преимущественная власть толковать Священное Писаніе, потому что тотъ, кто можетъ разрѣшать споры, могущіе возникать изъ различныхъ истолкованій Писанія, можетъ разрѣшать и всѣ простые споры; власть же могущаго дѣлать это распространяется на всѣхъ признающихъ Писаніе Словомъ Божіимъ. Туда же относится споръ о власти отпускать и удерживать грѣхи или о власти церковнаго отлученія, потому что всякій, заботящійся о себѣ,

будетъ, не разсуждая, повиноваться во всемъ тому, въ чьей волѣ лежитъ, какъ онъ вѣритъ, спасти или осудить его. Туда же относится власть учреждать общества, потому что они зависятъ отъ того, благодаря кому они существуютъ, и онъ имѣетъ, даже во враждебныхъ государствахъ, столько же подданныхъ, сколько и монархи. Туда же относится вопросъ о судѣ, въ вопросѣ о законности брака, потому что кому принадлежитъ вынесеніе рѣшенія въ этомъ вопросѣ, тому также принадлежитъ разрѣшеніе вопросовъ о наслѣдствѣ и преемствѣ всѣхъ имуществъ и правъ, не только относительно частныхъ лицъ. но даже относительно верховныхъ государей. Туда же конечно относится вопросъ о безбрачіи духовенства, потому что холостой меньше другихъ связанъ съ остальнымъ государствомъ. И такъ какъ къ этой невыгодѣ нельзя относиться пренебрежительно, то государи необходимо должны или отказаться отъ священства (которое служитъ большимъ препятствіемъ къ гражданскому повиновенію) или не имѣть наслѣдственнаго царства. Туда же относится также и канонизація святыхъ, которую язычники называли апоѳеозомъ, потому что могущій привлекать подобной наградой чужихъ подданныхъ, можетъ заставить желающихъ подобной славы отважиться сдѣлать все, что ему будетъ угодно, ибо что кромѣ славы въ потомствѣ искали Деціи и другіе римляне, обрекавшіе себя смерти, а также тысячи другихъ, подвергавшихъ себя невѣроятнымъ опасностямъ? Споры о чистилищѣ и отпущеніи грѣховъ относятся къ тому же вопросу. Вопросы о свободѣ сужденія, объ оправданіи, о видѣ принятіи тѣла Христова въ таинствѣ причащенія относятся къ философіи. Есть еще вопросы объ обрядахъ не введенныхъ, но оставшихся въ церкви недостаточно очищенной отъ язычества, но не стоитъ ихъ перечислять. Всѣ знаютъ, что природа людей такова, что не соглашаясь между собой въ вопросахъ, гдѣ дѣло идетъ о могуществѣ, выгодѣ или превосходствѣ ума, одни начинаютъ убѣждать и проклинать другихъ. Поэтому неудивительно, что почти всѣ догматы, послѣ того какъ люди разгорячились, споря о нихъ, объявляются тѣми или другими изъ спорящихъ *необходимыми* для достиженія царства Божія, причемъ несогласные не только осыпаются оскорбительными именами, что

является правильнымъ послѣ того, какъ церковь вынесла свое мнѣніе о спорѣ, но обвиняются въ невѣріи; послѣднее—ложно, какъ я уже доказалъ выше многими безспорнѣйшими мѣстами Писанія; прибавлю здѣсь къ нимъ еще слово ап. Павла: кто ѣстъ не уничижай того, кто не ѣстъ, и кто не ѣстъ, не осуждай того, кто ѣстъ; кто различаетъ дни, для Господа различаетъ, и кто не различаетъ дней, для Господа. Каждый изъ насъ за себя дастъ отчетъ Богу. Римл. 14. 3, 6, 12.